Государственное бюджетное научное учреждение
при Правительстве Республики Марий Эл
«Марийский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории им. В.М. Васильева»

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В РЕСПУБЛИКЕ МАРИЙ ЭЛ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Республики Марий Эл и 90-летию МарНИИЯЛИ

(г. Йошкар-Ола, 30 сентября – 1 октября 2020 г.)

Йошкар-Ола
2023

УДК 001 (082)
ББК 72.4 (2 Рос. Мар)
Г 94

Печатается по решению Ученого совета
Марийского научно-исследовательского института
языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

Редакционная коллегия:
Е.П. Кузьмин, Л.Я. Григорьева (ответственный редактор),
М.В. Пенькова

Составитель:
кандидат филологических наук М.В. Пенькова

Рецензент:
кандидат исторических наук, доцент А.Г. Ошаев

Г 94 **Гуманитарные науки в Республике Марий Эл: итоги и перспективы:** материалы Межрегиональной научно-практической конференции (г. Йошкар-Ола, 30 сентября – 1 октября 2020 г.) / сост. М.В. Пенькова, отв. ред. Л.Я. Григорьева; МарНИИЯЛИ. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2023. – 360 с.

ISBN 978-5-94950-121-4

Знак информационной продукции 12+

В сборник включены материалы Межрегиональной научно-практической конференции «Гуманитарные науки в Марий Эл: итоги и перспективы», посвященной 100-летию Республики Марий Эл и 90-летию Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (МарНИИЯЛИ). В издании представлены научные статьи по проблемам языкознания, фольклористики и литературоведения, исторических и общественных наук.

Книга адресована ученым, преподавателям вузов, работникам учреждений образования и культуры, аспирантам и студентам, а также всем, кто интересуется вопросами развития современных гуманитарных наук.

УДК 001 (082)
ББК 72.4 (2 Рос. Мар)

ISBN 978-5-94950-121-4

© Коллектив авторов, 2023
© МарНИИЯЛИ, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Ипакова М.Т. Парные наречия времени в марийском языке... 6

Понарядов В.В. Общие тенденции развития вокализма языков Волго-Камского языкового союза и хронология этапов их лингвистической конвергенции 17

Ракин А.Н. Лексика лугового ландшафта в коми-пермяцком языке 21

Сергеев О.А. П.С. Паллас – исследователь и собиратель материалов по марийскому языку: к 250-летию «физических» экспедиций Императорской академии наук 29

Хусаинова А.Я. Фонетические особенности татарских переселенческих говоров 39

Эрцикова Г.А. «Марийско-русский фразеологический словарь» как новый тип лексикографического издания 43

ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Александрова Х.Г., Бояринова Г.Н. М. Рыбаковын «Ачамын йӧратыме мурыжо» ойлымашыжым школышто лончылымаш 52

Бояринова Г.Н. В. Дмитриев-Озин баснылаштыже кайыкшлакын образышт 59

Ганиева А.Ф. Функционально-эстетическое значение пейзажа в татарской национальной литературе 67

Глухова Н.Н. Функциональный стиль марийского фольклора 73

Зайцева Т.И., Максимова О.М. Национальный образ мира в малой прозе Никулая Самсонова 83

Зайцева Т.И., Максимова О.М. К вопросу становления жанра удмуртской авторской сказки 92

Закирзянов А.М. Герои современных пьес-сказок (сравнительный анализ пьес В. Ушакова «Лесная девушка» и Р. Сагди «Красавица Аппаксылу») 98

Котельникова Н.Е. Пространственные координаты в русской фольклорной прозе о кладах 104

Миннуллина Ф.Х. Современная литературная интерпретация образа Домового и Чёрта (на примере пьес З. Хакима и М. Гилязова) 115

Надыршина Л.Р. Мифологические и фольклорные сюжеты в татарских романтических поэмах начала XX века..... 121
Насибуллина Н.Ш., Валиева И.Х. Жанровое своеобразие сказок Роберта Миннуллина 126
Охотникова А.Г., Бояринова Г.Н. С. Чавайнын «Элнет» романыштыже интерьерын сылнымут функцийже 135
Пенькова М.В. Изучение устного народного творчества в МарНИИЯЛИ 141
Рябчикова К.С., Бояринова Г.Н. Макс Майнын сар темылан возымо лирикыже..... 157
Сафиуллина Р.Ф. Поэма Г. Кандалыя «Кыйссаи Ибрахим Адхам» в тюрко-татарском фольклоре и поэзии..... 164
Четкарева А.В., Бояринова Г.Н. В. Ивановын «Тӱтан» романыштыже серыш йӧн..... 174

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

АРХЕОЛОГИЯ

Акилбаев А.В. Краткие итоги изучения могильника «Кузинские хутора» в 2020 году..... 180
Никитина Т.Б. Мониторинг объектов археологического наследия Республики Марий Эл (2019–2021 гг.) 184
Шалахов Е.Г. Историко-культурное наследие Волго-Ветлужского междуречья: судьба опорных памятников археологии бронзового века (к 20-летию со дня открытия Юринского могильника)..... 194

ИСТОРИЯ

Акшиков А.Г. Земский деятель Валериан Илариевич Образцов 200
Ерошкин Ю.В. Культурно-исторический метод как способ исследования проведения политики военного коммунизма на территории Марийского края..... 208
Кильдюшкина И.Г. Трансформации отношений собственности в СССР / России в конце 1980-х – начале 1990-х гг..... 216
Кленов А.М. Исследователь государственности марийского народа..... 226
Маслихин А.В. Становление и развитие государственности марийского этноса..... 233

Мацук А.М. Состояние системы среднего специального образования в Коми АССР в конце 1950-х гг. (в контексте реформы образования Н.С. Хрущева)..... 243
Свечников С.К. Взаимодействие и сотрудничество Марийского республиканского краеведческого музея и Марийского научно-исследовательского института в 1930–1980-е годы..... 251
Усманов В.М. Актуальные задачи и проблемы изучения татарских эпиграфических памятников..... 261
Федорова К.И. Особенности государственной власти Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)..... 268

ЭТНОЛОГИЯ

Лаптева И.В. Мордовская культура в трудах финно-угроведа А. Хямяляйнена..... 276
Молотова Т.Л. История отдела этнологии..... 281
Мушкина Н.В. Яков Эшпай – собиратель и исследователь марийской народной песни..... 296
Семенова Т.И. Особенности чувашских рекрутских песен..... 310

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Зеленеева Г.С. Ценностные ориентации и этническая идентичность у населения Республики Марий Эл в современных условиях глобализации (по материалам этносоциологических исследований)..... 322
Иксанова Л.Г. Удовлетворение языковых прав и этнокультурных потребностей обучающихся в Национальной президентской школе-интернате для одаренных детей (исторический аспект)..... 331
Орлова О.В. Социологическое измерение межнациональных и межконфессиональных отношений..... 342
Шкалина Г.Е. Этиологические нарративы народов уральской языковой семьи..... 347

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

PHILOLOGICAL SCIENCES

LANGUAGE STUDIES

УДК 811.511.151

М.Т. Ипакова,
кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Марийского научно-исследовательского института
языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

M.T. Ipakova,
Candidate of Philological Sciences,
Leading Researcher,
Mari Research Institute of Language,
Literature and History named after V.M. Vasilyev

ПАРНЫЕ НАРЕЧИЯ ВРЕМЕНИ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

CORRELATIVE ADVERBS OF TIME IN THE MARI LANGUAGE

Аннотация. Статья посвящена изучению парных наречий временной семантики в марийском языке. Парные наречия с темпоральным значением в марийском языке состоят из двух компонентов, образованных на основе антонимических отношений; разных по значению лексем; повтора одних и тех же, одинаковых по значению, слов. Способ образования наречий путем парного употребления корней и основ является одним из основных и продуктивных средств пополнения состава наречий в марийском литературном языке. Результаты работы могут быть использованы при составлении современной грамматики марийского языка.

Ключевые слова: наречия времени, парные слова, грамматика, антонимичный, синонимичный, морфологические особенности.

Abstract. The article is devoted to the study of Mari correlative adverbs of temporal semantics. Correlative adverbs with temporal meaning in the Mari language consist of two components formed on the basis of: antonymic relations of lexemes having different meanings; repetition of the words of the same meaning. The way of forming adverbs by correlative use of roots and stems is one of the main and productive means of replenishment of adverbs in the Mari literary language. The results of the article can be used to compile Modern Mari Grammar.

Keywords: adverbs of time, correlative words, grammar, antonymic, synonymous, morphological features.

Парные слова в качестве своеобразных языковых универсалий встречаются во многих языках мира. Предметом нашего исследования являются парные наречия с темпоральной семантикой в марийском языке. В настоящее время обращение к анализу указанных наречий считается актуальным, что объясняется в первую очередь недостаточной изученностью этой группы наречий в современном марийском языке. В исследуемом языке нами выявлено более 40 единиц парных наречий. Результаты работы могут быть использованы при составлении современной грамматики марийского языка.

Основу исследования составили положения, получившие отражение в работах финно-угроведа К.Е. Майтинской [22], марийских языковедов Г.Г. Кармазина [14], Г.И. Лаврентьева [17] и З.В. Учаева [27].

В финно-угорском языкознании имеются отдельные исследования, в которых освещаются те или иные аспекты парных слов. По мнению К.Е. Майтинской, парными называются такие сложные слова, которые образованы из сочетаний однородных по синтаксическим функциям членов предложения. Для парных наименований характерна спаянность компонентов. Исследователь отмечает, что структурные типы удвоений (повторений) в современных финно-угорских языках весьма разнообразны. Хотя

общие схемы большинства моделей, вероятно, уже существовали и в языке-основе, детальные закономерности по использованию звуковых соотношений, суффиксации и т.д. вырабатывались и получали более или менее постоянное формальное выражение лишь в отдельных языках или группах близкородственных языков [22, с. 134].

В марийском языкознании понятие «парные слова» впервые применено Г.Г. Кармазиным. По его мнению, копулятивные сочетания образуются следующим образом: «два самостоятельных слова, обозначающие два понятия, складывающиеся из данных двух понятий» [14, с. 42]. Далее он отмечает самостоятельность компонентов и собирательность значений парных слов: «парные слова выражают единое понятие, по составу они представляют соединение двух ясно обнаруживаемых слов (каждое слово сохраняет первоначальное ударение); поэтому двойные слова при письме и печатании целесообразно связывать посредством дефиса…» [там же, с. 42]. Другой марийский исследователь Г.И. Лаврентьев парные слова называет сложносоставными словами [17, с. 160–163]. З.В. Учаев распределяет их на четыре группы: 1) антонимичные; 2) синонимичные; 3) наречия, образованные путем повтора; 4) парные наречия, образованные из двух разных по значению компонентов [27, с. 128]. Таким образом, марийские лингвисты отмечают образование парных слов на основе антонимических, синонимических отношений, путем повтора одних и тех же, а также разных по значению компонентов.

Рассмотрим парные наречия с темпоральным значением. По взаимоотношению компонентов они классифицируются нами следующим образом:

1. Парные наречия, компоненты которых являются противоположными (антонимичными) по значению словами: *йӱдвошт-кечыгут* ‘всю ночь, весь день’; *йӱд-кече*, *кече-йӱд* ‘день и ночь; постоянно, беспрерывно’; *кечын-йӱдын*, *кечыге-йӱдге* ‘и днем и ночью’; *йӱдшӧ-кечыже* ‘день и ночь; постоянно, круглые сутки’; *эрже-касше*, *эрат-касат* ‘и утром и вечером, по утрам и вечерам’, *эр-кас*, *эр-кастене*, *эрден(е)-кастен(е)* ‘утром и вечером, по утрам и вечерам’, *диал. эрын-водын* ‘и утром и вечером, по

утрам и вечерам, постоянно, всегда, беспрерывно', ср.: *Мый гын ом чыте.* ***Йӱдвошт-кечыгут*** *ик мутымат ок пелеште. От пале, тудо мом шона, мом йӧрата… Ой, уке, ом керт…* [2, 149] 'А я не терплю. **Днём и ночью** ни слова не скажет. Не знаешь, о чём он думает, что он любит… Ой, нет, не могу…'; *Фронтышто* ***йӱд-кече*** [9, с. 8] '**День и ночь** на фронте'; *Шоналталын,* ***кечын-йӱдын****, тыйым шарналтен коштам* [6, с. 156] '**И днём и ночью**, раздумывая, хожу, вспоминаю о тебе'; ***Кечыге-йӱдге*** *кугу тӱньыкла гыч эскыде шем шикш тӱрген лектеш* [30, с. 4] '**И днём и ночью** из больших труб беспрестанно выходит чёрный дым'; *Мый тыйым* ***йӱдшӧ-кечыже*** *вученам... а тый, кок арня лиеш, тӱсетымат шыч ончыкто* [1, с. 122] 'Я тебя **и день и ночь** ждал… а ты, вот уже две недели, даже не показываешься'.

2. Парные наречия, компоненты которых имеют разные значения: *таче-эрла* 'не сегодня-завтра, в ближайшие дни, очень скоро, на днях', *эрла-кумышто*, *эрла-весэрла* 'завтра-послезавтра; завтра или послезавтра; на днях, в ближайшее время', *шумат-рушарнян* 'в субботу, воскресенье', ср.: *Тудын чонжо йӱлен, нелын-йӧсын чучын:* ***таче-эрла*** *армийыш лектын кайышаш, а йӧратыме Настяже тудын деч йӱкшен* [32, с. 33] 'Душа его болела, тяжело было: **не сегодня-завтра** должны призвать в армию, а его любимая Настя охладела к нему'; *Йӱштӧ шыже кече. Мланде кылмен,* ***таче-эрла*** *лум вочшаш* [19, с. 100] 'Холодный осенний день. Земля промерзла, **не сегодня-завтра** должен выпасть снег'; *Кажныже пала: (бригадысе ответственный) эрла-кумышто олыкыш шудо солаш лекмыла, вара вигак уржа-сорла тӱҥалеш, могай да мыняр машина, жнейка, шорвондо, сава кӱлеш – огыт пале мо?* [24, с. 7] 'Каждый знает: (ответственный бригады) **завтра-послезавтра** надо выйти на сенокос, потом сразу начнется жатва, какие и сколько машин, жнейки, грабли, косы надо – разве не знают'; *Аверьян чӱчӱ* ***шумат-рушарнян*** *Йываным, вийвал рвезым, пеленже шупшкеден* [16, с. 76] 'Дядя Аверьян в **субботу**, **воскресенье** таскал за собой Ивана, парня в расцвете сил'.

3. Парные наречия, образованные путём повтора одного и того же слова, ср.: *кашын-кашын*, *ашын-ашын*, *жапын-жапын*, *пагытын-пагытын* 'время от времени, временами';

кастен(е)-кастен(е) ‘по вечерам’; *эрден(е)-эрден(е)* ‘по утрам’, *кечын-кечын* ‘с каждым днём, изо дня в день’, *ийын-ийын* ‘с каждым годом, каждый год, год от года’, *курым-курым* ‘веками, в течение веков, вечно, всегда, во веки веков’, *коклан-коклан* ‘изредка, иногда, порой, временами’, *кутлан-кутлан*, *гутлан-гутлан* ‘временами, иногда’, *теве-теве* ‘вот-вот, в самое ближайшее время’, ср.: *Шыже ден теле ӱчашымашке шуыныт гынат,* ***кашын-кашын*** *шолдыра йӱр почка, я шинчам йымыктарыше ош лум мамыкла велеш да тыманмеш шулен йыма* [26, с. 9] ‘Хотя осень с зимой вступили в спор, **временами** хлещет дождь, то ослепляющий белый снег падает как пух и сразу же тает’; *...ондак Паяр уремыште пий-влак помыжалтыч,* ***ашын-ашын*** *оптен нальыч, а вара муро ден гармонь йӱк-йӱаным темдале* [3, с. 136] ‘…сначала на улице Паяр собаки проснулись, **время от времени** лаяли, а потом этот шум оглушила песня под гармонь’; (*Гусев*) ***Жапын-жапын*** *кошар оҥылашыжым шола кидше дене ниялткала, нугыдо шем шинчапунжат верын-верын ошемаш тӱҥалын* [26, с. 53] ‘(Гусев) **Время от времени** левой рукой поглаживает свой подбородок, его густые чёрные брови местами тоже начали седеть’; ***Пагытын-пагытын*** *йӱр йӱреш* (Ип.) ‘**Временами** идёт дождь’; *– Ой-ой-ой, рвезе* ***кечын-кечын*** *пужла, – Матвеев йорий вурсышын коеш* [33, с. 137] ‘– Ой-ой-ой, **изо дня в день** парень портится, – Матвеев ругает специально для виду’; *Сылнештше илыш* ***ийын-ийын****, – Тидлан могай еҥ кӧранен?* [10, с. 67] ‘**С каждым годом** пусть будет прекраснее жизнь, – Кто завидовал этому?’.

Итак, парные наречия с темпоральным значением в марийском языке состоят из двух компонентов, образованных на основе: 1) антонимических отношений; 2) разных по значению лексем; 3) повтора одних и тех же, одинаковых по значению, слов. Парных наречий времени с синонимичными компонентами в марийском языке нами не обнаружено.

Что касается морфологических особенностей, то компоненты парных слов образуются только из слов, принадлежащих к одной части речи, исключение составляют наречия *курым-курымеш*, *курым-курымлан, курым-курымешлан* ‘вечно, вовеки, вовеки

веков, в веках; навечно, навек, навсегда’. Большинство парных сочетаний представляют собой наречия, соотносительные с различными формами падежей: 1) имена существительные в именительном падеже, ср.: *йӳд-кече*, *кече-йӳд* ‘день и ночь; постоянно, беспрерывно’; 2) имена существительные в родительном падеже, ср.: *кечын-йӳдын* ‘и днем и ночью’, *кечын-кечын* ‘с каждым днем, изо дня в день’, *диал. эрын-водын* ‘и утром и вечером, по утрам и вечерам, постоянно, всегда, беспрерывно’; 3) имена существительные в совместном падеже, ср.: *кечыге-йӳдге* ‘и днём и ночью’.

Парное наречие с темпоральным значением *теве-теве* ‘вот-вот, в самое ближайшее время’ образовано путем повтора частицы *теве* ‘вот’. Аналогично образовано наречие *вот-вот* ‘вот-вот, в самом скором времени, сейчас’.

В сочетаниях парных наречий *курым-курымеш*, *курым-курымлан, курым-курымешлан* ‘вечно, вовеки, вовеки веков, в веках; навечно, навек, навсегда’ компонент *курым**еш*** образован от имени существительного *курым* с помощью форманта обстоятельственного падежа ***-еш***, а *курым**лан**, курымеш**лан*** – при помощи показателя дательного падежа ***-лан***.

Парные наречия времени образованы также из сочетаний имен существительных: 1) с послелогами *вошт*, *кут* (*гут*), *дене (тене)*, ср.: *йӳд**вошт**-кечы**гут*** ‘всю ночь, весь день’, *эр-кас**тене***, *эр**ден**-кас**тен***, *эр**дене**-кас**тене*** ‘утром и вечером, по утрам и вечерам’; 2) с частицами *-ше* (*-шӧ*), *-же*, *-ат*, ср.: *йӳд**шӧ**-кечы**же*** ‘день и ночь; постоянно, круглые сутки’; *эр**же**-кас**ше***, *эр**ат**-ка**сат*** ‘и утром, и вечером, по утрам и вечерам’.

Необходимо отметить, что парные наречия с темпоральным значением используются для выражения длительности, продолжительности и непрерывности действия, а также указывают на определенное время, неоднократность действий с указанием на повторяемость и на соотнесенность времени действия с настоящим моментом. Среди них наблюдается следующая тенденция:

1. Парные слова, в которых компоненты являются противоположными (антонимичными) по значению словами, указывают

на длительность, продолжительность и непрерывность действия, например: *йӱдвошт-кечыгут* ‘всю ночь, весь день’; *йӱд-кече*, *кече-йӱд* ‘день и ночь; постоянно, беспрерывно’; *кечын-йӱдын*, *кечыге-йӱдге* ‘и днём и ночью’; *йӱдшӧ-кечыже* ‘день и ночь; постоянно, круглые сутки’, *кеҥежет-телет* ‘и зимой и летом’, *шыжет-шошет* ‘и осенью и весной’, *кеҥежше-телыже*, *теле-кеҥеж*, *телат-кеҥежат, телыге-кеҥежге* ‘зимой и летом; круглый год’, ср.: *Ешым шужен колымаш деч аралаш манын, суртоза чодыраште, тегыт лукмаште,* ***йӱд-кече*** *ыштен* ‘Чтобы спасти семью от голода, хозяин **день и ночь** работал в лесу, добывал деготь’ [20, с. 5]; *Паша дечын она лӱд, Тыршена чот* ***кече-йӱд*** [28, с. 77] ‘Мы работы не боимся, трудимся **и день и ночь**’.

2. Парные слова, компоненты которых имеют разные значения, указывают на неопределенное время: *таче-эрла* ‘не сегодня-завтра, в ближайшие дни, очень скоро, на днях’, *эрла-кумышто*, *эрла-весэрла* ‘завтра-послезавтра; завтра или послезавтра; на днях, в ближайшее время’, а также на определенное время: *шумат-рушарнян* ‘в субботу, воскресенье; в субботу и воскресенье’, *шыжым-шошым* ‘осенью и весной’, ср.: *Футболыш* ***шумат-рушарнян*** *коштына* ‘На футбол ходим **в субботу и воскресенье**’; *(Ямет) Олаште кечын куэн-ӱштын ямдылыме кӱвар ӱмбач гына коштын. Тыште* ***шыжым-шошым*** *лавырам нӧштылеш, телым гын лум пургыжым келеш* [23, с. 123] ‘(Ямет) в городе ходил только по очищенным подмосткам. А здесь он **осенью и весной** грязь месит, а зимой ходит по сугробам’.

3. Парные слова, компоненты которых повторяются, указывают на длительность, продолжительность и непрерывность действия; неоднократность действий с указанием на повторяемость, а также на соотнесенность времени действия с настоящим моментом. Наречия *кечын-кечын* ‘с каждым днём, изо дня в день’, *ийын-ийын* ‘с каждым годом, каждый год, год от года’, *курым-курым* ‘веками, в течение веков, вечно, всегда, во веки веков’ указывают на длительность, продолжительность и непрерывность действия, ср.: ***Кечын-кечын*** *ончык каяш веле* [13, с. 27] ‘**Изо дня**

в день идти только вперед’; *Сылнештше илыш* ***ийын-ийын****, – Тидлан могай ең кӧранен?* [10, с. 67] ‘Пусть жизнь становится краше **с каждым годом**, – Кто завидовал этому?’; ***Курым-курым*** *дене илен толмо илыш деч коранǧаш* [7, с. 183] ‘Отказаться от жизни, которой жил **веками**’.

Наречия *кашын-кашын, ашын-ашын, жапын-жапын, пагытын-пагытын* ‘время от времени, временами’, *коклан-коклан* ‘изредка, иногда, порой, временами’, *кутлан-кутлан*, *гутлан-гутлан* ‘временами, иногда’, *эрден(е)-эрден(е)* ‘по утрам’, *кастен(е)-кастен(е)* ‘по вечерам’ указывают на неоднократность действий с указанием на повторяемость, ср.: *Ме роман мучко Пӧтыр дене* ***ашын-ашын*** *кум гана вашлийына* [4, с. 73] ‘В романе с Петром мы встречаемся **время от времени** три раза’; (*Сусыр ең*) *Капше тул гай ырен. Ала-мом шкевуя вудыматылеш, рушла ойла,* ***коклан-коклан*** *йӧсын кычкырал колта* [8, с. 30] ‘(Раненый) Тело горячее, как огонь. Про себя что-то бормочет, говорит по-русски, **изредка** тяжело вскрикивает’; ***Пагытын-пагытын*** *кече ончалеш* (*Ип*.) ‘**Временами** выглядывает солнышко’; ***Эрден-эрден*** *университет садыште пушеҥге-шамыч чинчым чиен шогалыт* [5, с. 52] ‘**По утрам** в университетском саду деревья засыпаются блестками’.

Наречия *теве-теве* ‘вот-вот, в самое ближайшее время’, *вот-вот* ‘вот-вот, в самом скором времени; сейчас’ указывают на соотнесенность времени действия с настоящим моментом, ср.: *–* ***Теве-теве*** *волгыдемеш, – ойла мужедше кува. – Теве рашеме, Микывырет уэш толын лекте* [15, с. 13] ‘**Вот-вот** начнёт светать, – говорит гадалка. – Вот выяснилось, Никифор снова появился’; *Качырий кува: мом шогылтат, ӱдырем?* ***Вот-вот*** *толын шушаш улыт. Вашлияш ямдылалт* [11, с. 29] ‘Женщина Качырий: чего стоишь, доченька? **Вот-вот** должны приехать. Готовься встретить’; *Тыйын ӱмбалнетак* ***вот-вот*** *ала-мо пудештеш* [12, с. 7] ‘Над тобой же и что-нибудь **вот-вот** взорвется’.

Среди парных наречий, обозначающих временные отношения, имеются многозначные наречия, которые носят пространственное значение, например: *кашын-кашын*, *коклан-коклан* ‘кое-где, местами’, *кутлан-кутлан* ‘местами, в некоторых местах’,

ср.: ***Кашын-кашын*** *шуйнен кодшо мланде шемын койылда* [18, с. 84] ‘**Местами** виднеется черная земля’; ***Коклан-коклан*** *гына шем вудакан сурт оралте коеда* [31, с. 107] ‘Только **местами** тускло виднеются нечеткие дворовые постройки’; *Кӱвар ӱмбалне тӱрлӧ куго кагаз – кадыр-гудыр кореш-влак,* ***кутлан-кутлан*** *тӱрлӧ чия дене ыштыме пале-влак койыт* [21, с. 57] ‘На полу разные большие бумаги, на них извилистые линии, **местами** виднеются обозначения, нанесенные краской’. Вышеназванные парные наречия образованы от имён существительных с помощью суффиксов **-н** (**-ын**), ср.: *кашын-кашын* < *каш* ‘пласт; борозда’ + ***-ын***; *коклан-коклан* < *кокла* ‘промежуток; интервал’ + ***-ын***; *кутлан-кутлан* < *кутла* ‘окрестность, местность’ (< *кут* ‘длина, протяжение’ + *-ла*) + ***-н***. Наречия, совмещающие пространственное значение с временным, характерны для финно-угорских языков. Например, в коми [25, с. 259] и в удмуртском [29, с. 54–55] языках многие наречия места также могут употребляться во временном значении.

В заключение следует отметить, что способ образования наречий путём парного употребления корней и основ является одним из основных и продуктивных средств пополнения состава наречий в марийском языке, как и в большинстве финно-угорских языках. Составными компонентами таких сочетаний могут быть основы имен существительных и самих наречий. Компоненты парного слова структурно спаяны и не допускают каких-либо вставок между собой. В отличие от простого наречия парное наречие состоит из двух слов, которые чаще всего имеют собственное значение, но в парном сочетании они образуют слово с новым значением. При этом критерий семантического единства этого нового слова является основным, поскольку парные слова характеризуются спаянностью своего значения. Существует определенная семантическая закономерность в образовании парных слов, состав их компонентов ограничен смысловыми рамками. Они должны быть либо антонимами, либо обозначать понятия, относящиеся к одному или однородному классу предметов, явлений, действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арбан Н.М.* Янлык Пасет [Чёрный волк] // Пьеса-влак [Пьесы]. – Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1977. – 244 с.

2. *Артамонов Ю.М.* Шӱдыр ер: ойлымаш-влак [Звездное озеро: рассказы]. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1972. – 156 с.

3. *Асаев А.А.* Ошвичыжат, йӱксыжат: роман [Лебеди бельские]. – Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1971. – 416 с.

4. *Асылбаев А.А.* Марий литература нерген статья-влак [О марийской литературе. Сборник литературно-критических статей]. – Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1957. – 168 с.

5. *Беленков Я.С.* Явылын эргыже. Повесть [Сын Явыла. Повесть] // Ончыко. – 1996. – № 12. – С. 5–62.

6. *Бик А.И.* Шӱм саска: почеламут, муро, поэма [Плоды сердца: стихи, песни, поэма]. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1974. – 184 с.

7. *Бубеннов М.С.* Ош куэ. Роман. Икымше книга [Белая берёза. Роман. Первая книга]. – Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1953. – 383 с.

8. *Васин К.К.* Муро апшат. Повесть-влак [Кузнец песен. Повести]. – Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1974. – 208 с.

9. *Вишневский С.А.* Шӱмем ӱжеш. Поэма, почеламут ден новелла-шамыч [Сердце зовет. Поэма, стихи и очерки]. – Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1946. – 87 с.

10. *Вишневский С.А., Чойн М.Н., Иванов В.М.* Мемнан мурына. Поэма ден почеламут-шамыч [Наши песни. Поэмы и стихи]. – Йошкар-Ола: Маргиз, 1949. – 112 с.

11. *Волков А.А.* Ксения: пьеса. – Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1952. – 72 с.

12. *Галютин Ю.И.* Ит ӧпкеле: почеламут-влак [Не упрекай: стихи]. – Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1969. – 48 с.

13. *Евсеева М.Т.* Илыш савыра: повесть да ойлымаш-влак [Жизнь возвращает: повесть и рассказы]. – Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1968. – 164 с.

14. *Кармазин Г.Г.* Сборник статей по марийскому языку. – Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1936. – 56 с.

15. *Каткова З.Ф.* Йӱлымӧ пӧрт. Ойлымаш-влак [Заколдованный дом. Рассказы]. – Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1972. – 53 с.

16. *Косоротов В.Н.* Тура кугорно. Повесть [Земля предков. Повесть]. – Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1973. – 320 с.

17. *Лаврентьев Г.И.* Состав слова и словообразование в современном марийском языке. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1984. – 191 с.

18. *Лекайн Н.С.* Калинин колхоз: очерк [Колхоз Калинина: очерк]. – Йошкар-Ола: Маробиздат, 1931. – 72 с.

19. *Лекайн Н.С.* Кугезе мланде: роман. Том 1 [Земля предков: роман]. – Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1955. – 344 с.

20. *Лекайн Н.С.* Кӱртньӧ вий: роман [Железная воля: роман]. – Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1971. – 332 с.

21. *Ломберский И.М.* Уло ял дене: ойлымаш ден очерк-влак [Всей деревней: рассказы и очерки]. – М.: Гослитиздат, 1929. – 68 с.

22. *Майтинская К.Е.* Структурные типы удвоений (повторений) в финно-угорских языках // Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология. – М., 1964. – С. 122–136.

23. *Орай Д.Ф.* Йотештше: повесть [Отступник: повесть]. – Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1974. – 130 с.

24. *Рыбаков Н.Ф.* Ачамын йӧратыме мурыжо. Ойлымаш-влак [Любимая песня отца. Рассказы]. – Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1968. – 120 с.

25. Современный коми язык: Фонетика, лексика, морфология / под ред. проф. В.И. Лыткина. Коми филиал АН СССР. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. – 312 с.

26. *Тимофеев А.В.* Шем курныж. Роман [Черный ворон. Роман] // Ончыко. – 1971. – № 5. – С. 3–70.

27. *Учаев З.В.* Марий йылме. II ужаш. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. – 184 с.

28. *Чалай В.Ф.* Мондалтдыме шыже. Почеламут, муро, поэма [Незабываемая осень. Стихи, песни, поэмы]. – Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1975. – 160 с.

29. *Шибанов А.А.* Наречия в удмуртском языке. – Екатеринбург–Ижевск: УрО РАН, 2012. – 192 с.

30. *Шкетан М.* Эреҥер: роман. – Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1933. – 188 с.

31. *Шкетан М.* Ойлымаш ден очерк-влак. 2-шо том [Рассказы и очерки. Т. 2]. – Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1962. – 552 с.

32. *Юксерн. В.С.* Волгалтшаш лишан: ойлымаш-влак [Перед рассветом: рассказы]. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964. – 64 с.

33. *Ялкайн Я.Я.* Ола. Повесть [Город. Повесть]. – М.: Гослитиздат, 1936. – 212 с.

УДК 811.511

В.В. Понарядов,
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Института языка, литературы и истории Коми научного центра
Уральского отделения Российской академии наук

V.V. Ponaryadov,
PhD in Philology, senior researcher of the
Institute of Language, Literature and History,
Komi Science Centre, the Ural Branch of the
Russian Academy of Sciences

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ВОКАЛИЗМА ЯЗЫКОВ ВОЛГО-КАМСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА И ХРОНОЛОГИЯ ЭТАПОВ ИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ*

THE COMMON TENDENCIES OF VOWELS DEVELOPMENT IN THE LANGUAGES OF THE VOLGA-KAMA SPRACHBUND AND THE CHRONOLOGY OF STAGES OF THEIR LINGUISTIC CONVERGENCE

Аннотация. В статье рассматриваются типологически сходные изменения гласных в истории финно-угорских и тюркских языков Волго-Камского региона. Изучение этих изменений позволяет сделать важные выводы об относительной хронологии их контактов и взаимовлияний.

Ключевые слова: Волго-Камский языковой союз, языковые контакты, развитие гласных.

Abstract. The article deals with the typologically similar evolution of vowels in history of the Finno-Ugric and Turkic languages of the Volga-Kama region. Investigation of this evolution allows to draw some important conclusions concerning the relative chronology of their contacts and mutual influences.

Keywords: the Volga-Kama Sprachbund, language contacts, development of vowels.

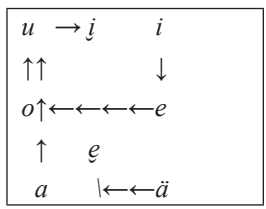
---

* Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0008 «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья».

Волго-Камский языковой союз имеет долгую историю развития, на протяжении которой его состав и взаимоотношения его членов неоднократно менялись. Так, кыпчакские тюркские языки Поволжья – татарский и башкирский – вошли в его состав, несомненно, позже чувашского языка, относящегося к булгарской группе тюркских языков. Коми язык пермской группы финно-угорских языков в настоящее время практически не взаимодействует с другими языками Волго-Камского языкового союза и, таким образом, сейчас уже относится к нему лишь исторически. Поэтому перед исследователями стоит задача изучения конвергентных явлений внутри Волго-Камского языкового союза не только в синхронии, но и в диахронии, что предполагает определение того, какие языки входили в него на каждом историческом этапе и какие из них составляли центральную часть языкового союза, где максимально развивались конвергентные тенденции, а какие – периферийную, затрагиваемую этими тенденциями в меньшей мере.

Изучение общих явлений в развитии фонетических систем различных входящих в Волго-Камский языковой союз языков представляется в этом плане особенно перспективным, так как эти явления часто поддаются довольно точной хронологической датировке, в том числе и абсолютной (благодаря возможности привязки времени фонетических изменений к различным пластам лексических заимствований). Рассмотрим это на примере вокализма, отталкиваясь от его развития в пермских языках, где оно к настоящему времени довольно хорошо изучено [1; 3; 4; 5; 6; 7].

До разделения пермской праязыковой общности на отдельные коми и удмуртский языки должно было завершиться становление позднепрапермской вокалической системы, отличающейся от более древней прафинно-угорской, из которой она развилась, систематическим передвижением гласных ярко выраженного циклического типа, которое (с некоторыми упрощениями) представляет нижеследующая схема:

Все эти развития поддаются достаточно точной хронологической датировке: древнеиранские заимствования, попадавшие в пермский праязык примерно до рубежа нашей эры, охватываются ими в полной мере, и передвижение гласных должно было завершиться до распада пермского праязыка, традиционно датируемого VIII–IX вв. н.э. Таким образом, прапермское передвижение гласных попадает в эти хронологические рамки.

После распада пермского праязыка изменения вокализма в коми диалектах были весьма незначительны, заключаясь в основном в слиянии рефлексов некоторых прапермских фонем. Напротив, удмуртский язык в некоторой степени повторил два важных прапермских систематических сдвига: прапермское **o* (< ф.-у. **e*) в нем еще раз сузилось в *u*, а прапермское **e* (< ф.-у. **i*) еще раз перешло в *o*. Оба изменения произошли до второй половины XVIII в. (об этом свидетельствуют удмуртские письменные памятники этого времени), и, видимо, не ранее XIII–XIV вв., потому что первое из них охватывает ранние русские и татарские заимствования.

Таким образом, на материале пермских языков мы видим, что передвижение гласных происходило в два этапа, первый из которых отличался циклическим характером, а второй был более ограниченным и нециклическим.

Можно предположить, что если в истории других языков Волго-Камского региона обнаруживаются похожие систематические изменения, они происходили не независимо, а в рамках характерных для языкового союза конвергентных явлений и были синхронны с соответствующими сдвигами в вокализме пермских языков.

Наибольшее сходство с пермскими развитиями показывает чувашский язык, вокализм которого по сравнению с пратюркским демонстрирует следующие систематические изменения [2]:

u → ъ		ə ← *i*	*ü*
↑ *ï*		↑	↑
o ↑		↑	*ö*
↑ *ạ*		*ę̄ ę̆*	
a ← ← ← ←		*ä* /	

Можно предположить, что циклическая цепочка сдвигов **u* > ъ; **o* > *u*; **a* > *o*; *ä*, *ę̄* > *a* происходила конвергентно и синхронно с циклическим передвижением гласных в прапермском. Сужения

же гласных *ę́ > *i*; **ö* > *ü*, возможно, также **ą* > *ï*, которые не являются циклическими, скорее связаны с известным татарским и башкирским поздним сужением **e* > *i*; **ö* > *ü*; **o* > *u*, причем специфическое удмуртское сужение **o* > *u*, вполне вероятно, развивалось конвергентно с указанными явлениями в чувашском, татарском и башкирском. При этом татарский и башкирский языки, однако, не обнаруживают никаких следов циклических передвижений, похожих на прапермское и чувашское. Очевидно, это может быть объяснено тем, что данные тюркские языки вошли в состав Волго-Камского языкового союза позже, чем пермские и чувашский, и поэтому происходившие в ранней истории этого союза конвергентные фонетические изменения их не затронули.

Марийский язык обнаруживает те же два типа изменений гласных, что пермские и чувашский языки, а мордовские – только второй тип, близкий татарскому и башкирскому. Поэтому мы можем сделать вывод, что первоначальное ядро Волго-Камского языкового союза составляли прапермский, ранний марийский и ранний чувашский языки: во всех из них присутствуют циклические вокалические изменения, которые мы относим к первому этапу. В дальнейшем, не ранее начала II тысячелетия н.э., к союзу присоединились мордовские языки и кыпчакские тюркские языки Поволжья – татарский и башкирский. Эти языки вместе с чувашским, марийским и удмуртским обнаруживают новое сужение гласных, но коми язык данное явление уже не затронуло, что говорит о свершившейся его географической изоляции и прекращении развития в нем общих с другими языками Волго-Камского языкового союза конвергентных явлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лыткин В.И.* Исторический вокализм пермских языков. – М.: Наука, 1964. – 270 с.

2. *Мудрак О.А.* Исторические соответствия чувашских и тюркских гласных: опыт реконструкции и интерпретации. – М.: [б.и.], 1993. – 185 с.

3. *Понарядов В.В.* Некоторые вопросы истории пермского вокализма // Динамические процессы в системах пермских языков (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; Вып. 68). – Сыктывкар, 2011. – С. 63–70.

4. *Понарядов В.В.* Развитие гласных в пермских языках (Научные доклады / Коми научный центр УрО Российской академии наук; Вып. 519). – Сыктывкар, 2014. – 37 с.

5. *Понарядов В.В.* Историческое развитие коми и удмуртских гласных // Пути развития пермских языков: история и современность (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; Вып. 73). – Сыктывкар, 2014. – С. 52–67.

6. *Itkonen E.* Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen Sprachen // Finnisch-ugrische Forschungen, Bd. XXXI, Heft 3. – Helsinki, 1953. – S. 149–345.

7. *Zhivlov M.* Studies in Uralic vocalism I: A more economical solution for the reconstruction of the Proto-Permic vowel system // Journal of Language Relationship, 2010, 4. – P. 167–176.

УДК 811.511.132’373:6633.2

А.Н. Ракин,
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Института языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН

A.N. Rakin,
doctor of Philology, chief scientist of the
Institute of Language, Literature and History of
Komi Science Centre, Ural Branch of the
Russian Academy of Sciences

ЛЕКСИКА ЛУГОВОГО ЛАНДШАФТА В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ*

VOCABULARY OF THE MEADOW LANDSCAPE IN THE KOMI-PERMIAN LANGUAGE

Аннотация. Работа представляет собой лингвистический анализ обозначений лугового ландшафта коми-пермяцкого языка. Основу данной микросистемы, формирование и развитие которой происходило на всех важнейших этапах эволюции языка, составляют

* Публикация подготовлена в рамках плановой темы НИР ИЯЛИ ФИЦ КНЦ УрО РАН «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья» (рег. № 121042600252-7)

названия исконного происхождения. Иноязычный компонент представлен одним типом заимствований, проникших из русских народных говоров.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, лексика, обозначения лугового ландшафта, исконный фонд, заимствования.

Abstract. The work is a linguistic analysis of the designations of the meadow landscape of the Komi-Permian language. The basis of this Microsystem are the names of native origin, the formation and development of which took place at all the most important stages of the evolution of the studied language. The foreign language component is represented by one type of borrowings that have penetrated from Russian folk dialects.

Keywords: the Komi-Permian language, vocabulary, meadow landscape designations, native fund, borrowings.

Обозначения лугового ландшафта относятся к лексике суши, к изучению которой в пермском языкознании приступили совсем недавно. К настоящему времени по данной теме опубликовано несколько статей, из них коми-пермяцкому языку посвящена лишь одна [8].

Лексика лугового ландшафта коми-пермяцкого языка состоит из 35 лексических единиц, относящихся к 18 объектам номинации. Основным источником фактического материала послужил словарный фонд коми-пермяцкого литературного языка, содержащийся в лексикографических изданиях [1; 2; 9]. Дополнительные данные получены в результате опроса носителей коми-пермяцкого языка по специально созданному для этого вопроснику. Сопоставительные примеры приводятся из словарей коми-зырянского и удмуртского языков [3; 10; 18; 19; 11].

По своему семантическому содержанию обозначения лугового ландшафта являются либо моносемантическими, либо полисемантическими. К полисемантическим относится лишь один пример, который представляет собой многозначное слово, относящееся к нескольким объектам номинации: *луд* – 1) дёрн, 2) лужайка, 3) пастбище, 4) поляна. Все остальные обозначения обладают одним ландшафтным значением, указывающим на один объект номинации: *арай* ‘болотистый луг’, *видз* ‘луг’, *кӧтас видз* ‘заливной луг’ и т.д. Особенностью анализируемой микросистемы ландшафтной лексики является также отсутствие названий с переносным значением.

Исходя из предметно-понятийного содержания коми-пермяцких названий лугового ландшафта, все обозначения данной категории можно распределить по нескольким группам:

1) названия, употребляемые для обозначения различных типов лугового ландшафта: *видз* ‘луг’, *кушин* ‘полянка’, *лудовка* ‘лужайка’ и т.д.;

2) обозначения, отражающие соответствующие рельефные особенности объекта номинации: *ласта видз* ‘равнинный луг’, *нёпа видз* ‘низинный луг’ и т.д.;

3) названия, характеризующие почвенные особенности и специфику растительного покрова, а также выражающие те или иные качественные показатели: *йӧнӧд* ‘низменный, сырой, болотистый луг’, *туруна видз* ‘травянистый луг’, *шыльыт видз* ‘гладкий луг’ и т.д.;

4) названия, обозначающие местонахождение объекта номинации: *ва дорся видз* ‘прибрежный луг’, *ты дор видззез* ‘приозёрные луга’;

5) обозначения, смысловое содержание которых связано с признаками, обусловленными кратковременным состоянием объекта номинации: *вӧтяна видз* ‘затопляемый луг’, *кӧтас видз* ‘заливной луг’ и т.д.;

6) названия, указывающие на хозяйственное предназначение объекта номинации: *кукань пасека* ‘выгон для телят’, *пода йирсянін* ‘пастбище’, *ытшкан видз* ‘сенокосный луг’ и т.д.

В составе лексики лугового ландшафта коми-пермяцкого языка подавляющее большинство номинативных единиц принадлежит исконному фонду. Среди них различаются слова древнего происхождения и позднего образования, возникшие при самостоятельной жизни коми-пермяцкого языка и не имеющие генетических соответствий в родственных языках. Как и в других разрядах ландшафтной лексики, пусть и в незначительных количествах, древний лексический фонд состоит из слов допермского, общепермского и пракоми происхождения. Группа слов допермского периода представлена обозначениями, унаследованными из уральского и финно-пермского праязыков. Названия прафинно-угорского происхождения здесь отсутствуют.

К числу слов, возникших в прауральском языке, просуществовавшем до IV тысячелетия до н.э. [7, с. 409], в составе исследуемой микросистемы коми-пермяцкого языка относится лишь

один пример: кп. *луд* ‘лужайка; поляна; пастбище; дёрн’, кз. *луд* ‘лужайка; пастбище’, удм. *луд* ‘поле’ < общеп. **lud-* ‘выгон; луг’ [5, с. 163] < ур. **lamte* ‘низменность’ [21, с. 235]. Генетические соответствия имеются в финском, эстонском, марийском, ненецком, энецком, селькупском языках.

Существование финно-пермского праязыка приурочивают к периоду с конца III тысячелетия и до середины II тысячелетия до н.э. [7. с. 433]. В системе обозначений лугового ландшафта к данному праязыку также возводят один пример: кп. *турун* ‘трава’, кз. *турун* ‘трава’, удм. *турын* ‘трава’ < общеп. **turin* ‘трава’ [5, с. 287] < ф.-п. **tarna* ‘трава’ [21, с. 792]. Генетические соответствия приводятся из финского и эстонского языков. Предполагают [21, с. 792; 5, с. 287], что эти древние слова, сохранившиеся во всех современных пермских и некоторых прибалтийско-финских языках, являются не исконными словами, а заимствованиями финно-пермской эпохи, имеющими древнеиранский или древнеиндийский источник.

Отдельную группу древних слов составляют названия общепермской эпохи, которые возникли до VII в. н.э. [20, с. 49]:

кп. *видз* ‘луг, покос, пожня’, кз. *видз* ‘луг, покос, пожня’, удм. *возь* ‘луг, покос’ < общеп. * *vзʒ′*- ‘луг’ [5, с. 55];

кп. *ежа* ‘дёрн’, кз. *эжа* ‘дёрн; луг; лужайка’, удм. *ожо* ‘трава, дёрн’ < общеп. * *e̮ža* ‘дёрн; луг’ [5, с. 33].

Особенностью прапермских обозначений лугового ландшафта является то, что они употребляются только в современных пермских языках, а дальнеродственных соответствий не имеют. Номинативные единицы данной группы, как и названия предыдущих эпох, являются немотивированными однословными образованиями.

Ландшафтная лексика пракоми происхождения характеризуется тем, что ее формирование происходило после распада прапермской языковой общности и расхождения предков коми с удмуртами, т.е. в период с IX до XI века н.э. [6, с. 25]. Поэтому этот разряд лексических единиц употребляется в основном в двух северных пермских языках – в коми-зырянском и коми-пермяцком:

кп. *кушин* ‘безлесное место; поляна’, кз. *кушин* ‘поляна’ < прак. **kušin* ‘поляна’. Данное обозначение в обоих коми языках

является производным словом, корневая часть которого восходит к ф.-п. **kušz* ‘голое место’ [21, с. 678];

кп. *ердöт* ‘лужайка’, кз. *эрд* ‘поляна, открытое место’ < прак. * *ẹrd* ‘поляна, открытое место’. Коми-пермяцкий пример является производным словом, имеющим в своем составе продуктивный суффикс *-öт*;

кп. *йöнöд* ‘низменный, сырой, болотистый луг’, кз. *йöнöд* ‘болотистое место, заросшее несъедобной травой, кустарниками и мелкими деревьями’ < прак. *jöned* ‘болотистый луг с осотом’. Если считать производящей основой данных ландшафтных обозначений слово *йöн* ‘осот’, повсеместно употребляющееся в обоих коми языках, их следует признать производными названиями, образованными с помощью суффикса *-öд*;

кп. *туруна видз* ‘травянистый луг’, кз. *туруна видз* ‘травянистый луг’ < прак. **turina- vzʒ'-* ‘травянистый луг’;

кп. *нюрсялöм видз* ‘заболоченный луг’, кз. *нюрсялöм видз* ‘заболоченный луг’ < прак. **n'urs'alem- vzʒ'-* ‘заболоченный луг’;

кп. *шыльыт видз* ‘гладкий луг’, кз. *шыльыд видз* ‘гладкий луг’ < прак. **šůl'it vzʒ'-* ‘гладкий луг’.

По своему происхождению самый поздний слой составляют собственно коми-пермяцкие обозначения лугового ландшафта, возникшие после отделения предков коми-пермяков от коми-зырян. Отличительной особенностью данной категории лексических единиц является то, что они употребляются только в речи носителей современного коми-пермяцкого языка, на территориях проживания других родственных народов, в том числе и коми-зырян, не встречаются.

В составе собственно коми-пермяцких обозначений структурно различаются однословные названия и составные конструкции. Однословные обозначения являются либо непроизводными, либо производными.

Непроизводные слова состоят только из корневой морфемы: *нёп* «низкое место, поросшее травой».

Производные названия кроме корневой части имеют и другие морфологические элементы:

1) слово *куштöв* ‘поляна (в лесу)’ образовано с помощью суффикса *-öв*, который считается в коми-пермяцком языкознании малопродуктивным [4, с. 207]. Данная морфема, соответствующая коми-зырянскому *-ов*, возводится к древнему суффиксу **-ol*,

имеющему генетические соответствия не только в финно-угорских, но и в самодийских языках [13, с. 171];

2) слово *лудовка* ‘лужайка’ образовано с помощью суффикса *-овка* от *луд* ‘лужайка; поляна; пастбище; дёрн’. Этот словообразовательный элемент, не имеющий соответствий в других пермских языках, в научных источниках коми-пермяцкого литературного языка не выделяется и не рассматривается. Современные диалектологи его употребление с деминутивным значением зафиксировали в верхнекамском наречии коми-пермяцкого языка в таких словах, как *зӧровка* ‘зернышко’ (от *зӧр* ‘овес’), *т'эровка* ‘бревнышко’ (от *т'эр* ‘бревно’) [12, с. 173];

3) слово *нёпин* ‘низкое место, поросшее травой’ образовано от *нёп* ‘низкое место, поросшее травой’. Компонент *-ин* появился в результате морфологизации самостоятельного слова *ин* ‘место’ [13, с. 147].

Двучленные названия образованы по трем структурным моделям:

1) существительное + существительное: *кӧтас видз* ‘заливной луг’ (*кӧтас* ‘затопляемое место’, *видз* ‘луг’), *кукань пасека* ‘выгон для телят’ (*кукань* ‘телёнок’, *пасека* ‘пастбище’), *ыб турун* ‘полевые травы’ (*ыб* ‘поле’, *турун* ‘трава’);

2) прилагательное + существительное: *нюра видз* ‘болотистый луг’ (*нюра* ‘болотистый’), *туруна видз* ‘травянистый луг’ (*туруна* ‘травянистый’), *шыльыт видз* ‘гладкий луг’ (*шыльыт* ‘гладкий’);

3) причастие + существительное: *вӧтяна видз* ‘затопляемый луг’ (*вӧтяна* ‘затопляемый’), *нюрсялӧм видз* ‘заболоченный луг’ (*нюрсялӧм* ‘заболоченный’), *ытшкан видз* ‘сенокосный луг’ (*ытшкан* ‘скашиваемый’).

Составными названиями из трех слов являются три примера: *ва дорся видз* ‘прибрежный, приречный луг’ (*ва* ‘вода, река’, *дорся* < *дор* ‘место, прилегающее к чему-либо’, *видз* ‘луг’), *ю дорся видз* ‘речные (прибрежные) покосы’ (*ю* ‘река’, *дорся* < *дор* ‘место, прилегающее к чему-либо’, *видз* ‘луг’), *ты дор видз* ‘приозёрный луг’ (*ты* ‘озеро’, *дор* ‘место, прилегающее к чему-либо’, *видз* ‘луг’).

Неисконная часть лексики лугового ландшафта коми-пермяцкого языка состоит из одного типа заимствований, имеющих русское происхождение:

арай ‘болотистый луг’ < рус., ср. *арай* ‘сырая ложбина, заливаемое в половодье место, на котором растут травы. Сырой заливной луг’ [14, с. 266];

араина ‘болотистый луг’ < рус., ср. *араина* ‘сырая ложбина, заливаемое в половодье место, на котором растут травы. Сырой заливной луг’ [14, с. 266);

кулиг, кулига ‘кулига (небольшая поляна в лесу)’ < рус., ср. *кулига* ‘небольшая лесная поляна’ [15, с. 61];

пасека ‘выгон, пастбище’ < рус., ср. *пасека* ‘небольшой огороженный выгон для скота, принадлежащий частному владельцу’ [16, с. 253];

поскотина ‘поскотина, пастбище’ < рус., ср. *поскотина* ‘пастбище, выгон в поле, лесу, часто огороженные’ [17, с. 168].

Состав рассмотренных выше неисконных ландшафтных обозначений свидетельствует о том, что единственным источником для их заимствования коми-пермяками послужила лексика соседних русских народных говоров.

Завершая лингвистический анализ обозначений лугового ландшафта коми-пермяцкого языка, следует сказать, что данная группа номинативных единиц обладает такими предметно-понятийными, семантическими и структурнословообразовательными признаками, которые позволили рассматривать ее в качестве отдельной микросистемы в составе ландшафтной лексики суши.

Исконная часть лексики лугового ландшафта обладает четырьмя компонентами древнего происхождения (вместо пяти в других отраслях словарного состава).

Верхний слой в диахронической иерархии обозначений лугового ландшафта составляют названия, появившиеся в период самостоятельного существования коми-пермяцкого языка, после его отделения от коми-зырянского. Собственно коми-пермяцкая группа обозначений характеризуется использованием как морфологических, так и синтаксических средств словообразования.

Иноязычный компонент состоит из поздних заимствований, проникших в коми-пермяцкий язык в результате контактирования с носителями соседних русских народных говоров.

СОКРАЩЕНИЯ

кз. – коми-зырянский язык, кп. – коми-пермяцкий язык, общеп. – общепермский язык-основа, прак. – пракоми язык, рус. – русский язык,

удм. – удмуртский язык, ур. – уральский праязык, ф.-п. – финно-пермский праязык.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коми-пермяцко-русский словарь. – М.: Рус. яз., 1985. – 624 с.

2. Коми-пермяцко-русский и русско-коми-пермяцкий словарь. – Кудымкар: Коми-пермяц. кн. изд-во, 1993. – 288 с.

3. Коми-роч кывчукӧр. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. – 816 с.

4. Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология / под ред. и при соавт. проф. В.И. Лыткина. – Кудымкар: Коми-пермяц. кн. изд-во, 1962. – 340 с.

5. *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. – 430 с.

6. *Лыткин В.И.* Историческая грамматика коми языка. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1957. – 136 с.

7. Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). – М.: Наука, 1974. – 484 с.

8. *Ракин А.Н.* Гидроландшафтная лексика в коми-пермяцком языке // Вестник Марийского государственного университета. – Т. 13. – № 2. 2019. – С. 107–122.

9. *Рогов Н.* Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь. – Кудымкар: Коми-Пермяц. кн. изд-во, 2006. – 430 с.

10. Русско-коми словарь. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003. – 1004 с.

11. Русско-удмуртский словарь. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. – 1360 с.

12. *Сажина С.А.* Функционирование языка кировских пермяков в условиях межъязыкового взаимодействия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 3. – Ч. 2. – С. 172–174.

13. *Серебренников Б.А.* Историческая морфология пермских языков. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 392 с.

14. Словарь русских народных говоров. – М.: Наука; Ленинград: Наука, Ленинград. отд-ние, 1965. – Вып. 1. – 306 с.

15. Словарь русских народных говоров. – М.: Наука; Ленинград: Наука, Ленинград. отд-ние, 1980. – Вып. 16. – 376 с.

16. Словарь русских народных говоров. – М.: Наука; Ленинград: Наука, Ленинград. отд-ние, 1990. – Вып. 25. – 352 с.

17. Словарь русских народных говоров. – СПб.: Наука, 1996. – Вып. 30. – 384 с.

18. Системно-тематический русско-удмуртско-коми словарь / под общ. ред. Р.Ш. Насибуллина. – Сыктывкар, 2007. – 154 с.

19. Удмуртско-русский словарь. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2008. – 925 с.

20. *Хайду П.* Уральские языки и народы. – М.: Прогресс, 1985. – 430 с.

21. *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. – Band 1–2. – Budapest: Akademiai Kiado, 1988. – 906 s.

УДК 811.511.151+37.0

О.А. Сергеев,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Марийского научно-исследовательского института
языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

O.A. Sergeev,
Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher,
Mari Research Institute of Language,
Literature and History named after V.M. Vasilyev

П.С. ПАЛЛАС – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И СОБИРАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ ПО МАРИЙСКОМУ ЯЗЫКУ: К 250-ЛЕТИЮ «ФИЗИЧЕСКИХ» ЭКСПЕДИЦИЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

P.S. PALLAS AS A RESEARCHER AND COLLECTOR OF MATERIALS ON THE MARI LANGUAGE: TO THE 250th ANNIVERSARY OF THE «PHYSICAL» EXPEDITIONS OF THE IMPERIAL ACADEMY OF SCIENCES

Аннотация. П.С. Паллас – один из великих ученых-путешественников второй половины XVIII в. Руководил первой Оренбургской экспедицией. Путешествовал в течение шести лет по разным провинциям России. Побывал в Поволжье, собирал лингвистический материал и по марийскому языку. Собранные его ценнейшие материалы характерны луговому наречию. Был главным редактором «Сравнительного словаря всех языков и наречий».

Ключевые слова: лексические единицы, марийский язык, полевые исследования, профессиональные толмачи, словники, сравнительный словарь, финно-угорские народы, фонетические диалектизмы.

Abstract. P.S. Pallas belongs to outstanding scientists-travelers of the 1850-s. He headed the first Orenburg expedition. He had traveled for six years around different Russian provinces and after visiting the Volga region, P.S. Pallas had collected a valuable linguistic material on the Mari language of the meadow dialect. He was the editor-in-chief of the Comparative Dictionary of All Languages and Dialects.

Keywords: lexical units, Mari language, field research, professional interpreters, dictionaries, comparative dictionary, Finno-Ugric peoples, phonetic dialecticisms.

Действительный член Петербургской Императорской Академии наук, профессор натуральной истории П.С. Паллас (1741–1811) является продолжателем дел своих соотечественников Д.Г. Мессершмидта, Г.Ф. Миллера и И.Э. Фишера в собирании лексических материалов по марийскому языку и всестороннем его исследовании. Научная деятельность Д.Г. Мессершмидта, Г.Ф. Миллера, И.Э. Фишера относится к первой половине XVIII столетия, а трудоемкая работа по сбору материалов марийского языка П.С. Палласом связана со второй половиной XVIII в. Именно со второй половины начинается новый этап в разностороннем исследовании марийского языка. В первую очередь он связан с деятельностью Петербургской Академии наук. Так, по поручению императрицы Екатерины II в 1768 г. был подготовлен ряд экспедиций [8, с. 115]. Цель данных экспедиций – комплексное изучение территории Российской империи. Руководителем одной из таких «физических» экспедиций, а именно первой Оренбургской, был назначен адъюнкт Академии наук П.С. Паллас[1].

Путешествуя в течение шести лет (1768–1774) по разным провинциям России (центральный район России, Поволжье, Прикаспие, Средний и Южный Урал), П.С. Паллас показал себя

[1] По инициативе Академии наук было подготовлено пять экспедиций: три «оренбургских» и две «астраханских». Во главе первой Оренбургской экспедиции был назначен П.С. Паллас. Второй Оренбургской экспедицией руководил И.И. Лепёхин. Третья Астраханская группа возглавлялась С.Г. Гмелиным, четвертая «астраханская» – И. Гильденштедтом. Пятой «оренбургской» руководил сначала И.П. Фальк, позже, в связи с его болезнью, руководство поручено И.Г. Георги [13, с. 24].

как «наблюдательный путешественник, зоолог, ботаник, палеонтолог, минеролог, геолог, топограф, медик, этнолог, археолог, филолог, даже знаток сельского хозяйства и технолог» [1, с. 241]. Ценнейший материал этих поездок он изложил в своем пятитомном труде «Путешествие по разным провинциям Российской империи», немецкое издание которого вышло в Санкт-Петербурге в 1771–1776 гг. В переводе на русский язык под обширным названием он издан в 1773–1778 гг.[2]

Следующим фундаментальным исследованием П.С. Палласа является «Flora Rossica…», опубликованный в 1784 г. Материалом для этой книги послужили не только его собственные полевые материалы, но и труды коллег по академической экспедиции: И.И. Лепехина, И.П. Фалька, И.Г. Георги, С.П. Крашенинникова, Г.В. Стеллера, И.Г. Гмелина и других путешественников [13, с. 28]. На русский язык ее перевел помощник П.С. Палласа по первой Оренбургской экспедиции В.Ф. Зуев. В научном мире книга известна под названием «Описание растений Российского государства…» (СПб., 1786, ч. I). В каталог вошли названия отдельных деревьев, плодоносящих кустов и культурных растений. В нем наряду с флористическими лексемами из других языков наличествует лексика флоры марийского языка. Их оказалось восемь, они даны с пометой «***по Черемисски***»: *кужъ*, *ширше* ‘ель’, *воштаръ* ‘клен’, *писли-кичке* ‘ягоды рябины’, *куе*, *коа* ‘береза’, *люлпу* ‘ольха’, *шабке* ‘осина’, *шоло* ‘вязь’[3], ср. совр. мар. *кож, шаршы, ваштар, пызлыгичке, куэ, нӧлпӧ, шопке, шоло*. Столько же единиц было и по мордовскому языку [13, с. 28], а по родственному коми-пермяцкому языку, по данным А.И. Терюкова, – 27, коми-зырянскому – 13 народных названий растений [20, с. 78]. Как видно, в каталог П.С. Палласа главным

[2] Полное название книги таково: «П.С. Палласа, Доктора Медицины, Профессора Натуральной исторіи и члена Россійской Императорской Академіи наукъ, и Санктпетербургскаго Вольнаго Экономическаго Общества, также Римской Императорской Академіи изпытателей естества и Королевскаго Англійскаго ученаго собраня, Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійской имперіи».

[3] Примеры взяты из работы И.Г. Иванова «Марий литератур йылмын тӱҥалтыш ошкылжо» [4, с. 9].

образом попались названия лиственных деревьев. Орфография слов намного лучше, чем у предыдущих авторов. В этом, скорее всего, заслуга переводчика, у которого транскрипция и способы транслитерации немецких графем буквами кириллического алфавита сделаны на достаточно хорошем уровне. Лексические единицы характерны луговому наречию марийского языка. Значения слов, за исключением *ширше* ‘ель’, полностью совпадают с современной нормой. Лексема *ширше* (совр. мар. *шаршы* ‘калина’) неправильно включена в одну словарную статью с лексемой *кужъ* ‘ель’. Она является богатством горного наречия марийского языка. Как явствуют примеры, языковой материал был собран в разных этнотерриториальных районах. Информантами были представители как моркинско-сернурского, волжского говоров, так и йошкар-олинского говора лугового наречия. Как известно, П.С. Паллас дважды проезжал по территории компактного проживания марийцев. В первый раз он мог встречаться с восточными марийцами. Как свидетельствуют материалы, он до мая 1770 г. оставался в Уфе, на близлежащих территориях которой жили представители восточных мари. На обратном пути в Петербург (отправился из Красноярска в январе 1773 г., в Петербург прибыл 30 июля 1774 г.) он ехал по маршруту Томск – Тара – Сарапул – Казань [21]. П.С. Паллас в Казани мог встретиться с марийцами или толмачами, от которых он собирал лингвистический материал. Не исключено и то, что П.С. Паллас выезжал в окрестности Казани и там мог встретиться с марийцами из разных этнотерриториальных регионов.

Паллас П.С. неоценимую помощь оказал в издании «Сравнительных словарей всех языков и наречий» [11; 12]. Ему, как талантливому филологу и «человеку с громким европейским именем» [3, с. 429], было доверено их редактирование. «Сравнительные словари…» были главными научными достижениями второй половины XVIII в. в области филологии. В них под № 63 фигурируют лексические данные марийского языка, они размещены после мордовских (эрзя и мокша) языков. Составление сравнительного словаря получило характер «государственного предприятия». В 1786 г. издан образец собирания слов с переводами. При выборе слов (выбор сделан самой Екатери-

ной II. – *О.С.*) отдано «предпочтение наиболее нужным существительным и прилагательным... отчасти допущены также местоимения, наречия, некоторые глаголы и имена числительные, которых польза для сравнения языков признаётся многими» [3, с. 432–433]. В качестве словарной статьи взято 286 (в иных словниках 287) русских слов, которых надо было перевести на разные языки и диалекты. Образец-словарик был разослан во все административные и епархиальные центры России. Это вызвало на местах интерес к собиранию лексического материала. Таким образом, периферийные языки, до сих пор малоизвестные или вовсе не известные научному миру, стали фигурировать наравне с распространенными в мире языками. Все собранные материалы начали поступать в столицу. Большое количество рукописей поступило также по финно-угорским и самодийским языкам, среди них были даже целые словари. Например, только по марийскому языку было составлено три больших словаря и более 16 словников. Действительно, материалов по марийскому языку оказалось довольно много, свидетельством чего является письмо Екатерины II, написанное осенью 1784 г. немецкому филологу Гримму: «Я вытребовала себе все словари, какие могла отыскать, между прочим финский, *черемисский,* вотяцкий, и этим завалены все мои столы...» [3, с. 430].

В настоящее время эти глоссарии хранятся в архиве Санкт-Петербургского отделения РАН, в Государственных архивах Нижегородской и Кировской областей. Среди них ценнейшим является рукописный словник, написанный чернилой золотого цвета собственноручно императрицей Екатериной II. В памятнике – 54 листа. Каждый лист содержит по одному заглавному слову, которое переведено на «инородные» языки, например, под № 9 даны эстонские параллели, под № 10 – удмуртские, под № 11 – чувашские, под № 12 – марийские и т.д.

Общим для тематических словников является заранее составленный русский реестр, включающий в себя, как уже отметили, 286 или 287 слов. А некоторые глоссарии содержат и «внесписочную» лексику, дополнительно зафиксированную при сборе материала. Имеются и такие словники, где русский реестр представлен не в полном виде. Перевод осуществляли разные

люди, начиная с архиепископа и профессионального переводчика и кончая простыми толмачами. Из переводчиков высшего сословия можно выделить такие личности, как архиепископ Казанский Антоний и коллежский асессор, переводчик Оренбургской губернской канцелярии Мендияр Бекдорин [5, с. 7; 2, с. 120]. В переводе главным образом участвовали русскоязычные толмачи. Информант, неправильно поняв семантику отдельных лексических единиц, ошибочно толковал то или иное слово, например: *чиберь* ‘лето’, ср. *чевер* ‘красивый; красный, румяный’, *тамжымугане* ‘вкус’, ср. *тамже мо ган'е*, *тамже могай* ‘какой вкус?’, *пигане* ‘собака, пес’, ср. *пий ган'е*, *пий гай* ‘как собака’, *шилижъ* ‘спина’, ср. *шылыж* ‘поясница’ [23], *сылна*; *спай*, *цеберъ*; *сай* ‘лето’ [24], ср. *сылне* ‘красивый’, *спай* ***диал***. ‘стройный, аккуратный, приятный, изящный; ***перен***. вежливый, мягкий в обращении, не приемлющий грубости’ [10, с. 277], *чевер* ‘красивый; красный, румяный’, *сай* ‘хороший’; вм. *кеҥеж* ‘лето’, *там* ‘вкус’, *пий* ‘собака’, *туп* ‘спина’. Из рассмотренных лексических единиц, например, сочетания *тамжымугане* ‘вкус’, *пигане* ‘собака, пес’ вошли в двухтомный «Сравнительный словарь всех языков и наречий» П.С. Палласа. Они находятся под номерами 50 и 154.

Отсутствие в марийском языке грамматической категории рода тоже послужило причиной ошибочного перевода личного местоимения 3 л. ед. числа *она*. Эквивалентом данного слова выступает *ватыблакъ*, где *вате* ‘жена, супруга’, *-влак* – показатель мн. числа. А личное местоимение 3 л. мн. числа *они* переведено в форме *нунублакъ*, где *нуно* ‘они’, *-влак* – показатель мн. числа. Оба примера взяты из словника, подготовленного толмачом Н. Овчинниковым [23]. Соответственно, в словаре П.С. Палласа они находятся под номерами 250 и 253.

Лексическими материалами словников в своих научных работах пользовался академик Петербургской Академии наук А.Й. Шёгрен. В настоящее время они входят в фонд Шёгрена.

Общей чертой для всех словников является то, что марийские слова написаны буквами русской графики, которая не была приспособлена к обозначению ряда специфических звуков марийского языка. Касаясь графики, составители словников отме-

тили, что «черемисские» слова «по не имению у них никаких букв написаны российскими буквами» [22, л. 4], или «по не имению у них письмян написаны российским слогом» [23, л. 6].

Рассмотрим на примере одного памятника, какими «российскими буквами» пользовались толмачи при переводе лексических единиц. В словнике, например, «По черемисскому разговору» [25, л. 45–46] встречаются следующие буквы: **а, б, в, г, д, е, ж, з, и, і, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ц, ч, ш, ъ, ы, ь, э, ю, я**; из них 10 гласных, 17 согласных, 2 безгласные; итого – 29 букв. В словнике представлен заднеязычный смычный сонант **нг** (**ŋ**), который обозначается буквой **н** (**n**) или сочетанием букв **нг** (**ng**), ср.: *менге* ‘кол’, *санга* ‘лоб’, *шонго* ‘стар’, *тонгошъ* ‘море’, *кенешъ* ‘лето’, совр. мар. *меҥге*, *саҥга*, *шоҥго*, *теҥыз*, *кеҥеж*. Как и во многих памятниках письменности XVIII в. в рукописи отсутствуют кириллические буквы **ф, ц, щ**. Кроме того, толмачи ввели в марийское письмо буквосочетание **юу**, которое применяется для обозначения специфической лабиальной фонемы *ӱ*. Сочетание букв **îо** (ср. *îого* ‘лень’, совр. мар. *його* ‘ленивый’, а *лень* ‘йогылык’ [25]), по нашим предположениям, толмач применил для обозначения буквы **ё** русского алфавита. При произношении дифтонг **îо** слышится как *ё*. Это и была причиной включения буквосочетания **îо** в графическую систему марийского языка. Почти все буквы заимствованы из кириллической азбуки, лишь одна буква **і** относится к латинице.

В основе большинства тематических словников лежат лексические материалы восточного (6 источников) и северо-западного (5 источников) наречий марийского языка. Памятники письменности, содержащие материалы на луговом и горном наречиях, распределяются следующим образом: 2 рукописи – на луговом, 1 – на горном наречиях. Одна рукопись составлена на переходном (от красноуфимского к кунгурскому) говоре восточного наречия. У одного памятника из-за пестроты его языковых особенностей принадлежность к тому или иному наречию не отмечена (полную историко-лингвистическую и палеографическую интерпретацию словников см.: [9, с. 31–35, 39–40, 43–45, 47–49]).

Паллас П.С., работая над своим сравнительным словарем, пользовался и марийскими словниками. Что касается, например,

родственного мордовского языка, то, по мнению венгерского исследователя Л. Керестеша, П.С. Паллас в сравнительном словаре использовал мордовский материал из рукописного памятника Дамаскина [см. 16, s. 24]. Лексические единицы марийского языка в редактируемом словаре П.С. Палласа во многом совпадают со словником Г.Ф. Миллера. В лексикографическое произведение вошло 285 марийских слов, из них около четырех лексем относятся к заимствованиям из русского языка, ср.: *вочко* ‘бочка’, *поракъ, пракъ* ‘пыль’ (ср. рус. *прах*), *товаръ, тубаръ* ‘топор’, *ружа, ржа* ‘рожь’. Сравнительный словарь, как и словники, построен по тематическому принципу. Для русского заглавного слова эквивалентами выступают лексические единицы из разных говоров марийского языка. Главным образом преобладают фонетические диалектизмы, ср., например: *индеше, денкше* ‘девять’, *юлма, елмъ, зюлма* ‘язык’, *паша, пяша* ‘работа’, *пондашъ, пандакшъ* ‘борода’, *тылзъ, тилзъ* ‘месяц, луна’, *умша, упша, ушма* ‘рот’ и нек. др. Они являются свидетельствами исторического изменения в фонетической системе марийского языка. Словарь П.С. Палласа – это первый труд, где говоры марийского языка даны в сопоставительном плане друг с другом. В научном отношении «Сравнительный словарь всех языков и наречий» ценен еще и тем, что в нем впервые представлена синонимия в области лексики, ср.: *урбезе, ирги* ‘мальчик’ (№ 12), *шурки, чурей, тюсъ* ‘лицо’ (№ 17), *чури, шурьго* ‘лицо’ (№ 26), *чодра, шурга, кожла, козла* ‘лес’ (№ 126), *пу, пушанка* ‘дерево’ (№ 128), *омарта, пундосъ, тангата* ‘пень’ (№ 132), *чекъ, писмянъ* ‘граница’ (№ 167) и др.; совр. мар. *рвезе, эрге; шӱргӧ, чурий, тӱс; чодыра, шӱргӧ, кожла; пу, пушеҥге; омарта, пундыш, тоҥгата; чек, пысман*. Большинство из этих слов ныне являются нормированными и употребляются в активном фонде современного марийского литературного языка. Обогащение лексического состава синонимами – это неоспоримая заслуга П.С. Палласа. Касаясь этой темы, в предисловии своего произведения он пишет: «О финских наречиях присланы из разных стран словари, из коих иные под названием языков Варяжского и Чудского, *я из всех их выбрал все отличия, какие токмо мне встречались* (выделено нами. – *О.С.*). Равным образом на карельском, *черемисском*, вотяцком языках» [20, с. 78]. Подробный лексический анализ словаря дан в работах отечественных и зарубежных

ученых Г.С. Патрушева [7, с. 23–28], Т. Себеока [19, p. 289–345], А. Алхониеми [15, S. 205–237] и К. Кулвера [17, p. 195–203], поэтому мы на этом вопросе не будем останавливаться.

Наиболее ценным для XVIII в. является то, что составители словаря «продолжали характерную для их века лингвистическую традицию собирания слов из многих языков и, кроме того, сохранился архивный материал – собранные для словаря рукописные словники отдельных языков и диалектов, значение которых бесценно для историко-лингвистических исследований и для изучения письменных памятников» [6, с. 61, также см.: 14; 18].

Паллас П.С. был сторонником исследования финно-угорских народов. Шестилетняя экспедиция по Поволжью, Среднему и Южному Уралу, Южной Сибири натолкнула его на мысль, что для исследования этих регионов требуется финноязычный человек. Не случайно он от имени Императорской Петербургской Академии наук обратился к профессору академии Åбо (Финляндия, г. Турку) Г.Х. Портану с просьбой приехать в Россию и принять участие в путешествии по этой стране для изучения финно-угорских народов [20, с. 78]. К сожалению, по разным причинам Г.Х. Портан не смог приехать. Мечта П.С. Палласа осуществилась лишь в первой половине XIX в. благодаря соотечественникам Г.Х. Портана, разносторонним исследователям М.А. Кастрену и А.Й. Шёгрену.

СОКРАЩЕНИЯ

ед. – единственное число, ед. хр. – единица хранения, л. – листок, мар. – марийский язык, мн. – множественное число, оп. – опись, перен. – переносное значение, см. – смотри, совр. – современный, ср. – сравни, ф. – фонд.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев В.* Низовья Волги в описании иностранных и русских путешественников // Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV–XVIII веках / сост. В. Алексеев. – Сталинград: Краевое книгоизд-во, 1936. – С. 3–30.

2. Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. – М.: Наука, 1974. – 341 с.

3. *Грот Я.* Филологические занятия Екатерины II-ой // Русский архив. – 1877. – № 4. – С. 425–442.

4. *Иванов И.Г.* Марий литератур йылмын тӱҥалтыш ошкылжо. – Йошкар-Ола: Марий туныктыш институт, 2002. – 76 с.

5. *Нугманов М.Н.* Русско-татарские рукописные словари XVII–XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1964. – 25 с.

6. Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). – М.: Наука, 1974. – 484 с.

7. *Патрушев Г.С.* Из истории изучения марийского языка // Ученые записки МГПИ. – Т. 16. – Йошкар-Ола, 1958. – С. 3–28.

8. *Пекарский П.П.* Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. – СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесности Акад. наук, 1867. – 184 с.

9. *Сергеев О.А.* Истоки марийской письменности: Историко-лингвистический анализ рукописных памятников марийского языка XVIII–XIX вв. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2002. – 192 с.

10. Словарь марийского языка. VI (Р – С). – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2001. – 368 с.

11. Сравнительные словари всех языков и наречий… Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Ч. 1. – СПб., 1787. – 411 с.

12. Сравнительные словари всех языков и наречий… Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Ч. 2. – СПб., 1789. – 491 с.

13. *Феоктистов А.П.* Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков (ранний период). – М.: Наука, 1976. – 260 с.

14. *Adelung F.* Catherinens der Grossen verdienste um die vergleichende Sprachenkunde. – St. Petersburg, 1815. – 210 s.

15. *Alhoniemi A.* Das tscheremissische Material bei P.S. Pallas // In: Haarmann (ed.): Wissenschaftsgeschichtliche Beiträge zur Erforschung indogermanischer, finnisch-ugrischer und kaukasischer Sprachen bei Pallas. Kommentare zu P.S. Pallas. Bd. 2 /. – Hamburg, 1979. – S. 205–237.

16. *Bartens R.* Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys. – Helsinki: Suomalais-Ugrilaisen Seura, 1999. – 183 s.

17. *Culver Ch.* On some hitherto unidentified Mari items in the «Vocabularia comparativa» of P.S. Pallas // Linguistica Uralica. – 2016. – № 3. – P. 195–203.

18. *Gulya J.* Some 18th Century antecedents of the 19th century linguistics // ALHung. 1965. XV, fas. 1–2. – P. 163–170.

19. *Sebeok T.A.* Eighteenth Century Cheremis: The Evidence from Pallas // American Studies in Uralic Linguistics. Bloomington (UAS 1). – P. 289–345.

20. http://www.kuntskamera.ru/lib: дата обращения 25.05.2015.

21. https://ru.wikipedia.org/wiki/Паллас,_Петер_Симон: дата обращения 26.05.2015.

ИСТОЧНИКИ

Архив Санкт-Петербургского отделения Российской Академии наук

22. Перевод, учиненной в Вятском наместническом правлении, черемисского разговора 286-ти слов, по неимению у них никаких букв написано российскими буквами. – Ф. 94, оп. 2, ед. хр. 109.

23. Список русских слов с переводом на черемисский и вотский (Красноуфимский окр.) и пермякский (Чердынский окр.) за подписью Никиты Овчинникова. – Ф. 94, оп. 2, ед. хр. 113.

24. Список русских слов с переводом на черемисский язык (Казанское наречие и Вятское) за подписью «Тихон Васильев». – Ф. 94, оп. 2, ед. хр. 106.

Государственный архив Кировской области

25. Словник на разных языках. – Ф. 583, оп. 2, ед. хр. 1287.

УДК 811.512.145′282

А.Я. Хусаинова,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник отдела
лексикологии и диалектологии Института языка,
литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан

A.Ya. Khusainova,
PhD in Philology, senior researcher of
Lexicology and Dialectology Department of
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art,
the Republic of Tatarstan Academy of Sciences

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТАТАРСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ГОВОРОВ

PECULIAR FEATURES IN PHONETICS OF THE TATAR MIGRANT DIALECTS

Аннотация. В данной статье рассматривается специфика татарских переселенческих говоров Иркутской области. Исследуются фонетические особенности консонантной системы и выявляются ядерные элементы, проявляющие общность с материнскими говорами.

Ключевые слова: переселенческие говоры, материнские говоры, фонетические диалектизмы, татарский диалектный язык.

Abstract. This article discusses the specifics of Tatar migrant dialects of Irkutsk region in the field of phonetics. The phonetic features of the consonant system are studied and the nuclear elements related to the mother dialects are identified.

Keywords: migration dialects, mother dialects, phonetic dialectisms, Tatar dialect language.

Этногенетические процессы обуславливают возникновение и развитие в ходе формирования татарской диасистемы различных групп переселенческих говоров, одной из таких групп являются татарские говоры Иркутской области. В статье мы рассмотрим некоторые фонетические и лексические особенности данных дочерних говоров, которые были сформированы в процессе освоения земель Иркутской губернии выходцами из регионов Заказанья, Уфимской губернии, Пензенского наместничества и др., что подтверждают исторические и топонимические материалы исследуемого региона [5].

Говор – это разновидность языка, ограниченная территориально, то есть используемая в речи жителей определенной территории [6, с. 36]. Материнским говором называются говоры жителей определенного населенного пункта, откуда переселилась часть его носителей, которая образовала переселенческий говор. Переселенческий говор – это говор, который сформирован переселенцами и находится в окружении другого диалекта, другого языка.

В фонетическом аспекте татарские говоры Иркутской области проявляют общность с фонетическим составом татарского литературного языка. Также есть свои специфические особенности, которые нужно разграничивать с явлением интерференции [2, с. 111]. Все примеры приведены из материалов авторов, собранных во время экспедиции в населенные пункты компактного проживания татар в Иркутской области.

В исследуемых говорах можно отметить следующие звуковые соответствия гласных. Например, вместо литературного ***о*** используется звук ***ы***: *тырмыш* – тормыш ‘жизнь’, *хыдай* – ходай ‘бог’, *кыймак* – коймак ‘блины’. Литературным ***э***/***е*** соответствует

и: *ичмәй* – эчми ‘не пьёт’, *пичән* – печән ‘сено’, *ич* – эч ‘пей’, *биз* – без ‘мы’. В определенных группах слов прослеживается соответствие звуков ***о~у, ө~ү, у~ы***; *күреш* – көрәш ‘борьба’, *төшәм* – түшәм ‘потолок’, *орлыйлар* – урлыйлар ‘крадут’, *бутқа* – ботка ‘каша’, *шылай* – шулай ‘так’, *шыларны* – шуларны ‘тех’ и др.

В области согласных исследуемые говоры близки к литературному. Также можно выделить некоторые особенности. *Җ*-оканье характерно для позиции в начале слова: *җук* – юк ‘нет’, *җәшем* – яшем ‘мой возраст’, *җәшел* – яшел ‘зелёный’, *җаз* – яз ‘весна’, *җегеременче* – егерменче ‘двадцатый’. Но в некоторых населенных пунктах в этой же позиции наблюдается *й*-оканье: *йомга көн* – җомга көн ‘пятница’, *ерлар ерлый* – җырлар җырлый ‘поёт песни’. В большинстве населенных пунктов наблюдается параллельное бытование данных явлений, например: *Җыйылаша идек кичкорын, кем йырлар йырлый, кем китап укый* ‘Собирались вечерами, кто песни пел, кто книги читал’; *Эй йылай идем жәлләп ул бәбкәләрне* ‘Эх, как я плакал, жалея этих гусят’; *Минем җырны җаратмасаң, үзең җырла корчаңгы* ‘Если не любишь мои песни, пой сам, паршивец’.

Богородицкий В.А. отмечает, что звук [ж] татар Приволжья и звук [*ж*] у казахов является дальнейшим развитием древнетюркского звука [*й*] (j) [3, с. 41–42].

Также для данного говора свойственно соответствие согласных [х] – [к]: *катын* – хатын ‘жена’, *вахыт* – вакыт ‘время’, *хәрдәш* – кәрдәш ‘родственник’. Это соответствие наблюдается и в заказанских говорах. Наряду с этими вариантами параллельно бытуют литературные формы: *қатын*/*хатын* ‘жена’, *эрәкмәт*/*рәхмәт* ‘спасибо’ и др. Чередование [к]~[х] в начале слова встречается в чувашском и якутском языках: чув. *хура* от *хара* якут. *хара* – тат. *кара* ‘черный, злой’, *ха:л* – тат. *Кал* ‘оставайся’. В сары-уйгурском языке согласные [х], [к] используются параллельно: *кан* – *хан* ‘хан’ [1, с. 46].

В некоторых словах вместо литературного [д] используется звонкий спирант [з]: *бозай* – бодай ‘пшеница’, *Изел* – Идел ‘Волга’, *казак* – кадак ‘гвоздь’, *казерле* – кадерле ‘дорогой’, *назан* – надан ‘неграмотный’. Данная особенность встречается и в заказанских говорах. Эти чередования звуков [т] – [д] – [з] стоят

в неразрывной связи с общетюркскими чередованиями типа ajaq|| azaq|| adaq ‘нога’ и т.п. Сравните, например: татарский литературный *койрок* ‘хвост’, тувинский *quduruq* ‘хвост’ и др.

В определенных словах согласные [*ч*]/[*с*] в позиции «начало слова» уподобляются последующему согласному [ш]: *шишмә* – чишмә ‘родник’, *шитләвек* – чикләвек ‘орех’, *шишенү* – чишенү ‘раздеваться’, *бачкыч* – баскыч ‘лестница’, *шаршау* – чаршау ‘занавеска’, *шыршы* – чыршы ‘ель’, *шишәмбе* – сишәмбе ‘вторник’ и др.

Довольно часто наблюдается характерная для говоров западного диалекта монофтонгизация дифтонгов *-ай-/-әй, -уй/-үй, -ый* в положении перед переднеязычными согласными *т*, *д*, *с*, *ц*, *н*, *л*: *әтәм* – әйтәм ‘говорю’, *сүли* – сөйли ‘рассказывает’ и др. Например: *Малайым кызым татарча сүләшә* ‘Мои сын и дочь разговаривают на татарском’; *Әнәү без бәләкирәк булганда әкиятләр сүли иде* ‘Мама, когда мы были маленькими, рассказывала сказки’; *Чигәргә үрәтәләр иде безне* ‘Учили нас вышивать’; *Инәй әйтте инде нийә үрәнмндегез дип* ‘Мама говорила уж нам: почему не научились’.

Анализ фонетических и лексических особенностей татарских говоров Иркутской области показывает, что переселенческие говоры рассматриваемого ареала сохранили в себе специфические элементы фонетической и лексической системы материнских говоров.

Сравнительный подход в исследовании особенностей татарских говоров Иркутской области свидетельствует, что процесс формирования данных говоров шёл в условиях взаимовлияния носителей среднего и западного диалектов. С другой стороны, контакты происходили между представителями и западных диалектов, а также и других языков: между татарами и русскими, татарами и бурятами и др. В лексике говоров исследуемого региона находят отражение особенности жизни и культуры татарского народа, система взглядов и идеалов носителей изучаемых переселенческих говоров.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахметьянов Р.А.* Этимологический словарь татарского языка: в 2-х томах. II том. – Казань: Магариф – Вакыт, 2015. – 567 с.

2. *Сагдеева Ф.К., Хусаинова А.Я., Бадртдинова А.А.* Фонетическая интерференция в условиях двуязычия (на примере согласных) // Казанская наука, 2018. – № 4. – С. 110–113.

3. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи / под ред. А.Н. Чудинова. Изд. 3-е. – СПб.: Изд. В.И. Губинского. – 1910. – 676 с.

4. Татар теленең зур диалекталогик сүзлеге / төз.: Ф. С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, З.Р. Садыйкова, Т.Х. Хәйретдинова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. – 839 б.

5. *Хисамов О.Р., Гомәров И.Г.* Иркутск татарлары тарихында Шәйхулла Шафигуллин (фәнни экспедиция һәм архив материаллары нигезендә) // Эхо веков. – 2020. – № 1. – С. 159–169.

6. *Хусаинова А.Я.* Җирле диалект лексикасы // Татар лексикологиясе: өч томда. – Казан: ТӘһСИ. – Т. III. – 392 б.

УДК 811.511.151

Г.А. Эрцикова,
кандидат филологических наук,
заместитель директора-ученый секретарь
Марийского научно-исследовательского института
языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

G.A. Ertsikova,
Candidate of Philological Sciences,
Deputy Director-Scientific Secretary,
Mari Research Institute of Language,
Literature and History named after V.M. Vasilyev

«МАРИЙСКО-РУССКИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ» КАК НОВЫЙ ТИП ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ

‘MARI-RUSSIAN PHRASEOLOGICAL DICTIONARY’ AS A NEW TYPE OF LEXICOGRAPHIC PUBLICATION

Аннотация. В статье дается общая характеристика марийско-русского фразеологического словаря, изданного в 2020 г. в рамках мероприятий, приуроченных к празднованию 100-летия со дня образования Республики Марий Эл. Рассматриваемая

работа издана в двух томах. Уникальность издания состоит в том, что в нем впервые наиболее полно отражены фразеологические единицы обеих литературных норм современного марийского языка, компоненты фразеологизмов снабжены многочисленными лексическими вариантами, дан буквальный перевод устойчивых оборотов на русский язык, рассмотрена стилистическая характеристика фразеологизмов, учтена их многозначность, весь иллюстративный материал переведен на русский язык.

Ключевые слова: словарь, словарная статья, фразеологическая единица, вариант, эквивалент, иллюстрация, перевод, горномарийский литературный язык, лугово-восточный литературный язык, русский язык.

Abstract. The article gives a general description of the Mari-Russian Phraseological Dictionary, published in 2020 as epy part of events held to mark the 100th anniversary of the formation of the Republic of Mari El. This is a two volume dictionary. Its unique feature is in fact that for the first time it fully comprises the phraseological units of both literary norms of the Modern Mari language. Phraseological units are provided with numerous lexical variants, a literal translation of set expressions into Russian is given, the stylistic characteristics of phraseological units are also considered, their multiple meanings are taken into account, and illustrative material is translated into Russian.

Keywords: dictionary, dictionary entry, phraseological unit, variant, equivalent, illustration, translation, the Hill Mari literary language, the Meadow-Eastern literary norm of the Mari language, Russian.

«Марийско-русский фразеологический словарь» подготовлен в рамках мероприятий, приуроченных к празднованию 100-летия со дня образования Республики Марий Эл.

Словарь является двухтомным: Т. 1. А – Ӧ, 534 с.; Т. 2. П – Я, 670 с. [3]. В марийской лексикографии – это первый труд, в котором собрано и истолковано большое количество фразеологических единиц обеих (горномарийской и лугово-восточной) литературных норм современного марийского языка.

Настоящее издание содержит свыше 3000 словарных статей с многочисленными лексическими вариантами компонентов фразеологизма. Вариативность захватывает как отдельные ком-

поненты фразеологического оборота, так и распространяется на все его части, например:

АКРЕТ (амызе, кадем, намызе) ГОДСЕК, Г. **äкрäм (äкрет, ымӹрет) годшен** *разг.* (букв. издревле, издавна). ≅ ИСПОКОН ВЕКОВ (века, веку). Издревле, издавна; с давних, незапамятных времён; очень давно [3, с. 27].

ОМАРТАЛА (пундышла, омарта гай, пундыш гай) ШОГАШ (шинчаш, шинчылташ), Г. **тангатала (тангата гань) шалгаш (шӹнзäш)** *разг., пренебр.* (букв. как пень стоять (сидеть, посиживать). ◊ СТОЯТЬ (сидеть) КАК ПЕНЬ. Ничего не понимая, неподвижно и безучастно [3, с. 508].

Первым и главным источником для составления книги послужил рукописный четырехтомный фразеологический словарь марийского языка кандидата филологических наук Ф.Т. Грачевой, которая практически всю свою научную деятельность посвятила сбору, систематизации и изучению крылатых фраз марийского языка [об этом более подробно см. 4]. Кроме того, широко были привлечены рукописные материалы кандидата филологических наук Э.С. Якимовой, многие годы занимающейся изучением и сбором соматических фразеологизмов [5]. Большой вклад в составление словаря внесли старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ Г.А. Эрцикова (руководитель проекта) и преподаватели Марийского государственного университета кандидаты филологических наук Л.И. Барцева, Н.М. Краснова, Е.М. Андрианова. Переводом иллюстративного материала занимались кандидаты филологических наук М.Н. Кузнецова, Н.М. Краснова, Г.А. Эрцикова (с горномарийского литературного языка), Г.Н. Бояринова, Э.С. Якимова (с лугово-восточного литературного языка).

Специального фразеологического словаря марийского языка не было до 1989 г. В 1989 г. Ф.Т. Грачёва выпустила первый марийский словарь фразеологизмов – «Марий фразеологий мутер» («Фразеологический словарь марийского языка»). Эта книга адресована учащимся старших классов и учителям, а также тем, кто любит марийский язык. Издание включает в себя более 1000 наиболее употребительных луговомарийских и горномарийских словарных разработок [2]. В 2017 г. появилась на свет работа Л.П. Васиковой «Кырык марла-рушла шая сäрäлтӹш

лӹмдер» («Горномарийско-русский фразеологический словарь»). В ней дано более 8000 устойчивых сочетаний и более 1200 единиц пословиц и поговорок с переводом на русский язык [1].

Двухтомный «Марийско-русский фразеологический словарь» от указанных изданий отличается не только своим объёмом, но и содержательной и формальной организацией. В данной работе, кроме толкования значений фразеологизмов, читателю предлагается буквальный перевод устойчивых оборотов на русский язык, что способствует максимальному сохранению текста первоисточника, образного строя оригинала; позволяет наиболее полно воспроизвести иноязычный фразеологизм.

Стилистически окрашенные фразеологизмы в словаре сопровождаются стилистическими пометами. Как известно, основная масса слов в языке стилистически нейтральна, чего нельзя сказать о крылатых выражениях, основное назначение которых – выражение разного рода оценок и отношение говорящего к высказываемому.

Фактический материал показывает, что самый большой стилистический пласт в книге составляет разговорная фразеология. Это свидетельствует о том, что большинство устойчивых сочетаний в марийском языке образовано в живой народной речи. Разговорно-бытовые фразеологизмы обладают ярко выраженной экспрессивностью, имеют образный характер и вносят в речь оттенок непринужденности, простоты, например:

ОДЫРА (орда) ПАШКАР Г. *разг., презр.* (букв. капризный запор двери). Капризный, вздорный человек; скандалист [3, с. 503].

ВУЙ ДЕНЕ ОЙЛАШ (кутыраш, мутланаш) *разг., экспрес.* (букв. с головой говорить). Бредить. Говорить бессвязно и непонятно, находясь в бессознательном состоянии или во сне [3, с. 82].

ЙОЛЕТ ЛОНДЕМЫМ ЫНЖЕ ВОНЧО *разг., груб.* (букв. твои ноги порог пусть не переходят, не перейдут). ≅ ЧТОБ НОГИ ТВОЕЙ НЕ БЫЛО где-л. Не смей больше приходить! [3, с. 201].

В словаре имеет место просторечная фразеология. По сравнению с разговорной она более сниженная. Чаще всего используется для образного выражения недовольства, раздражения, возмущения, неодобрения, пренебрежения, безразличия, например:

ÄРВÄГУДЫМ ТЕМÄШ Г. *прост*. (букв. мякинницу наполнять, наполнить). Наполнять, наполнить желудок; есть что попало, любую пищу, лишь бы наесться [3, с. 41].

ЙОЛЫК-МЕЛӸК ЙÄНГÄН Г. *прост*. (букв. с открытой душой). Откровенный, чистосердечный, прямодушный человек. Душа нараспашку [3, с. 204].

ЙОРГА ПИЙ *прост., бран*. (букв. кокетливый пёс). Блудливый пёс (выражение негодования, злости и т.п. в адрес распутного, похотливого человека) [3, с. 212].

Другой стилистический пласт образует книжная фразеология. От разговорной и просторечной она отличается, прежде всего, сферой употребления – используется преимущественно в нормированной литературной речи, публицистических, научных и художественных произведениях. Кроме того, книжной фразеологии характерна специфическая экспрессивно-стилистическая окраска – торжественность, возвышенность, поэтичность, например:

ВУЙЫМ САВАШ (савалташ) *книжн.* (букв. голову склонять, склонить). 1. ◊ СКЛОНЯТЬ, СКЛОНИТЬ ГОЛОВУ перед кем- или чем-л. Относиться, отнестись с почтением к кому-л.; преклоняться, преклониться перед кем- или чем-л.

2. Почтительно, вежливо кланяться, приветствуя кого-л. [3, с. 115].

ИЛЫШ ДЕНЕ ТÖР ОШКЫЛАШ (каяш), Г. **ӹлӹмäш доно тöр (иктöр) ашкедäш (кеäш)** *книжн.* (букв. с жизнью ровно шагать (идти). Идти в ногу со временем; придерживаться современных взглядов [3, с. 172].

КИДЫМ (кид дене) ШУЯЛТАШ (шуяш), Г. **кидӹм виктäлтäш** *книжн.* (букв. руку (с рукой) протягивать, протянуть). ◊ ПРОТЯГИВАТЬ, ПРОТЯНУТЬ РУКУ ПОМОЩИ кому-л. Помогать, помочь кому-л.; оказывать, оказать содействие, поддержку, ободрять [3, с. 325].

Выделяются также общеупотребительные фразеологизмы, которые находят применение как в книжной, так и в разговорной речи. Такие единицы во всей массе марийских фразеологизмов занимают небольшое место, например:

КИДЫШ ЛОГАЛАШ (верешташ), Г. **кидыш(кӹ) вäрештäш (попазаш)** (букв. в руки попадать, попасть). ◊ ПОПАДАТЬ,

ПОПАСТЬ В РУКИ. 1. Оказываться, оказаться в чьём-л. владении, распоряжении; быть в подчинённом, зависимом от кого-л. положении.

2. Быть пойманным, схваченным [3, с. 326–327].

ОЙЫШ (ойлан) ПУРАШ (букв. в слово (за словом) заходить, зайти). Давать, дать согласие; соглашаться, согласиться на что-л. [3, с. 505].

КЫНЕШ ТОЛЕШ Г. (букв. в толк идёт). Подходит, является приемлемым, соответствует чему-л.; имеет смысл; кстати, уместно [3, с. 410].

Рядом с марийскими фразеологизмами приводятся их русские эквиваленты: знак ◊ (ромб) указывает – марийский и русский фразеологизмы совпадают по своему значению; знак ≅ (приблизительного равенства) показывает – марийский фразеологизм близок русскому по смыслу, но отличается от него по образу. Данные словаря позволяют утверждать, что эквивалентов со знаком приблизительного равенства больше, чем со знаком ромба, например:

А ГЫЧ Я МАРТЕ, Г. **а гӹц я якте** *разг.* (букв. от «а» до «я»). ◊ ОТ А ДО Я. От самого начала до конца; полностью, целиком, ничего не пропуская (читать, прочитать, изучать, изучить и т.п.) [3, с. 17].

КЫШАМ КОДАШ (пышташ), Г. **кишӓм кодаш** *экспрес.* (букв. след оставлять, оставить (накладывать, наложить). 1. ◊ ОСТАВЛЯТЬ, ОСТАВИТЬ СЛЕД (следы). Сделав что-л. значительное, добившись существенных результатов в чём-л., сохранить за собой признание среди кого-л.

2. ≅ НАЛОЖИТЬ ПЕЧАТЬ на кого- или на что-л. Оставлять, оставить заметный след, оказывать, оказать воздействие [3, с. 412].

Большинство марийских фразеологизмов отличаются однозначностью – они всегда имеют одно и то же значение. Но есть фразеологические единицы, которые имеют несколько значений. В рассматриваемой работе многозначность того или иного фразеологического оборота представлена достаточно полно, например:

КОРНЫМ ТАКЫРТАШ к 1, 2, 3, 5 знач., Г. **корным такырташ** (букв. дорогу утаптывать, утоптать). 1. ≅ ДЕРЖАТЬ

ПУТЬ куда-л.; НАПРАВЛЯТЬ, НАПРАВИТЬ ПУТЬ куда-л. Ехать, идти, направляться, направиться куда-л. *Иктаж кум-ныл сукырым котомкаш пышта да Йошкар-Ола* ***корным такырташ*** *кая*. М. Шкетан. Пачаш-пачаш ончат, кагазым возат… Он кладёт в котомку три-четыре буханки и держит путь в Йошкар-Олу. *Ӧлицӓшкӹ лӓктын̈ (Саша) дӓ клуб векӹлӓ* ***корным такыртыш***. Е. Егоркина. Ӹлӓ гӹнь шӹдӹр шӱмӹштет… Вышел на улицу (Саша) и направился в сторону клуба.

2. Проторять, проторить дорогу куда- или к кому-л.; многократно, часто ходить, ездить куда- или к кому-л., посещать кого- или что-л., бывать где- или у кого-л. – *Тылеч вара мыйын «тӧрам» ола* ***корным такырташ*** *тӱӈале. Так яра жапым муэш, вигак Петровнаж дек чыма.* Г. Чемеков. Тыланет пеледышым кондем. – После этого мой «начальник» стал часто ездить в город. Как появится свободное время, сразу же мчится к своей Петровне. – *Ма со сылык мырым веле мыредӓ? – Володя ядеш. – Мам эче ӹштет? Мӓмнӓм (ӹдын̈рвлӓм) ӹнде мондендӓш. Вес солашкы веле* ***корным такыртедӓ***. В. Петухов. Шӹжвӹк йӱмӹ вӹд. – Почему всё время поёте только грустные песни? – спрашивает Володя. – А что ещё делать? Вы теперь нас (девушек) забыли. Только в другой деревне часто бываете.

3. *экспрес*. ≅ ПРОКЛАДЫВАТЬ, ПРОЛОЖИТЬ ДОРОГУ кому- или чему-л. Обеспечивать, обеспечить, создавать, создать благоприятные условия для успеха, достижения цели. *Конденыт мландыш эн кугу пайремым Чолга Гагарин, лӱддымӧ Титов! <…> Советский гражданин сеӈен пӱртӱсым! Сандалыкышке* ***корным такыртен****!* В. Колумб. Илен айдеме тукым ош тӱняште. Смелый Гагарин, бесстрашный Титов устроили на земле (букв. принесли на землю) самый большой праздник! <…> Советский гражданин победил вселенную! Проложил дорогу в космос. *Тенге кок писатель мары прозыштын̈ у жанрвлӓлӓн – «изи» сатирический дон юмористический произведенивлӓлӓн –* ***корным такыртенын̈т***. В. Егоров. Никон Игнатьевын̈ масакшы. Так два писателя проложили дорогу новым жанрам – «маленькой» сатирической и юмористической произведениям – в марийской прозе.

4. *книжн.* ≅ ИДТИ, ПОЙТИ ПО СТОПАМ кого-л., чьим-л. Беря с кого-л. пример, следовать за кем-л. в чём-л.; быть после-

дователем в каком-л. деле. *Кäври ӓтяжӹн* ***корным такырта***. В. Петухов. Äкрäм. Гавриил идёт по стопам отца.

5. *книжн.* Протаптывать, протоптать дорогу; закреплять, закрепить, более прочно, основательно усвоить полученные знания, навыки и т.п. *Институт тыланет <…> эн тӱҥжым – корным – гына ончыктен пуэн, тиде* ***корным*** *йӱдшӧ-кечыже* ***такыртышаш****, шинчымашетым келгемдышаш улат*. В. Косоротов. Тура кугорно. Институт тебе <…> указал самое главное – дорогу, ты должен день и ночь протаптывать эту дорогу, постоянно пополнять свои знания. *Студентвлӓ кечӹнь пӓлӹмӓш* ***корным такыртат***. Студенты каждый день усваивают новые знания [3, с. 359].

Употребление фразеологизмов отражено в иллюстрациях – цитатах из произведений марийской классической и современной художественной литературы, публицистики, устного народного творчества, разговорной речи, взятых из рукописных материалов Ф.Т. Грачевой, Э.С. Якимовой, словарной картотеки МарНИИЯЛИ и Национального корпуса марийского языка, где представлены многочисленные марийские издания в формате PDF на обеих литературных нормах. Все примеры даны с переводом на русский язык.

Рассматриваемый труд предназначен для широкого круга лиц: специалистов-филологов, писателей, журналистов, переводчиков, преподавателей, студентов, учащихся, а также для всех интересующихся марийским языком и марийской культурой.

Таким образом, новый «Марийско-русский фразеологический словарь» в двух томах представляет собой уникальное издание, в котором наиболее полно отражены фразеологические единицы обеих литературных норм современного марийского языка, который показывает национальную специфику родного языка, его самобытность и служит повышению речевой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васикова Л.П.* Кырык марла-рушла шая сӓрӓлтӹш лӹмдер. Горномарийско-русский фразеологический словарь. – Йошкар-Ола, 2017. – 496 с.

2. *Грачева Ф.Т.* Марий фразеологий мутер: Тунемше-влаклан пособий. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. – 328 с.

3. Марийско-русский фразеологический словарь: в 2 томах / авт.-сост.: Е.М. Андрианова, Л.И. Барцева, Ф.Т. Грачева и др.; ред. Л.И. Барцева, Н.М. Краснова, Г.А. Эрцикова и др. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2020. Т. 1: А–Ӧ. – 534 с.; Т. 2: П–Ч. – 670 с.

4. *Эрцикова Г.А.* Ф.Т. Грачева – исследователь марийской фразеологии (к 80-летию со дня рождения) // Финно-угроведение. – Йошкар-Ола, 2014. – № 2. – С. 92 – 94.

5. *Якимова Э.С.* Соматическая фразеология в марийском языке: автореф. дис. канд. филол. наук. – Тарту, 1975. – 26 с.

УДК 821.511.151

Х.Г. Александрова,
магистрант Марийского
государственного университета
Г.Н. Бояринова,
кандидат филологических наук,
доцент Марийского государственного университета

Kh. G. Aleksandrova,
master's student of the Mari State University
G. N. Boyarinova,
PhD in Philology, associate professor
of the Mari State University

М. РЫБАКОВЫН «АЧАМЫН ЙӦРАТЫМЕ МУРЫЖО» ОЙЛЫМАШЫЖЫМ ШКОЛЫШТО ЛОНЧЫЛЫМАШ

M. RYBAKOV'S STORY MY FATHER'S FAVORITE SONG ANALYSIS

Аннотация. Статья посвящена анализу рассказа известного марийского писателя М. Рыбакова «Ачамын йӧратыме мурыжо» («Любимая песня отца»), который изучается в школе. Затрагиваются такие вопросы, как образная система, герой-повествователь, тема, идея, проблематика, художественные особенности. Выделяются такие средства изобразительности, как пейзаж, детали портрета, психологический портрет, ретроспекция, хронотоп, лирическое отступление, символ, песня.

Ключевые слова: М. Рыбаков, рассказ, война, проблематика, герой-повествователь, пейзаж, портрет, ретроспекция, лирическое отступление, песня.

Abstract. The article analyses the story, which is studied at school and is entitled My Father's Favorite Song by M. Rybakov, a famous Mari writer. It deals with such issues as the image system, the hero-narrator, theme, idea, problems, and artistic features. The authors describe the following means of representation: landscape, portrait details, psychological portrait, retrospection, chronotope, lyrical digression, symbol, and song.

Keywords: M. Rybakov, story, war, problematics, hero-narrator, landscape, portrait, retrospection, lyrical digression, song.

Миклай Рыбаковын «Ачамын йӧратыме мурыжо» ойлымашыжым школышто 8-ше классыште тунемыт. Произведенийыште Кугу Ачамланде сар жапысе да сар деч варасе пагыт ончыкталтеш.

Ойлымашын тӱҥ геройжо – Виктор Эманов. Тудак повествователь лиеш. Виктор изинек ача-ава деч посна кушкын. Ачажым пыртак веле шарна. Ачажын лӱмжӧ – Пӧтыр. Тудо ялын уста гармоньчыжо лийын. Кугу Ачамланде сареш йомын. Тудым фашист-влак 1943-шо ий 12 июльышто казнитлен пуштыныт. Аважын лӱмжым ойлымашыште ончыктымо огыл. Тудо, пелашыжын колымо нерген уверым налмеке, чот ойгырен: *«Вуйысо ӱпшӧ веле утларак сурештын да чурийыштыже келге лаке-влак тореш-кутынь утыр палемдалтыныт»* [1, с. 24]. Сар тудым жап деч ончыч шонгемден. Викторын аваже чодыра руышо бригадыш ушнен. Но кок-кум арня гыч кочо увер толын: аваже «чодыра йымалан логалын», колен. Тойымо деч вара Виктор Эманов Овдача кокаж дене илен. Кокажын тудым пукшен-йӱкташ ӱнарже лийын огылат, Шеръялысе йочапӧртыш пуэн. Тушто тулык йоча-влак иленыт. Умбакыже Виктор школышто, ремесленный училищыште тунемын, армийыште служитлен. Армий гыч демобилизоватлалт толмеке, «Прогресс» колхозышто шофёрлан пашам ышта. Тыгак ялысе художественный самодеятельностьын баянистшылан тырша. Виктор 25 ияш. Пӱртӱсым йӧрата: *«Кабин омсам комдык почын, руль ӱмбак кумык лийын, кас кава тӱрыш ончен шинчем. Мый эр ӱжара нӧлталтмым да кас кече шичмым ончаш путырак йӧратем»* [1, с. 4].

Вес тӱҥ герой – Иван Васильевич Кошпаев. Тудо колхоз председатель. Тудын портрет сӱретысе ик детальжым поснак

палемден ончыктымо: *«нугыдо шем шинчапунжым шыдын тарватылеш»* [1, с. 7]. Повествователь тидым тыге умылтара: *«значит, сырен»* [1, с. 7]. Вара тыге каласа: «*Такшым Иван Васильевич уда айдеме огыл. Изишак ура чонан, шыдыжат ситышын уло»* [1, с. 7]. Повествовательын каласкалымыж гыч тиде айдемын биографийжым ужына. Иван Васильевич Шеръялыште шочын, тудо идалык утла ончыч колхозышко толын. Ондак партий райкомышто отдел вуйлатышылан тыршен. Война деч ончыч армийыш каен, тыглай салтак гыч майор марте кушкын. Ныл ий сарыште кредалын. Ятыр гана сусырген. Кызыт ватыж дене коктын веле илат. Эргышт институтым тунем пытарен, Новосибирскыште пашам ышта. Ӱдыржӧ, Роза, Йошкар-Оласе музыкальный училищыште пианисткылан тунемеш. Кумшо курсым пытарен. Ачаже тудын дене кугешна. Пелашыжын лӱмжӧ – Варвара Дмитриевна. Тудо эпизодысо герой. Повествователь тудын нерген тыге каласкала: *«Мыланем первый кече гычак Варвара Дмитриевна ала-молан ыш келше. Шкенжым еҥ ончылно простан кучаш тырша гынат, вигак пале: чонжо дене весым шона»* [1, с. 30]. Тудо ола гыч ялыш илаш куснен да тидым кугу йоҥылышлан шотла.

Тыгак ойлымашыште моло эпизодысо герой-влак улыт. Произведений тӱҥалтыштак Сарамбай Очи дене палыме лийына. Тудо клуб вуйлатыше. Повествователь тудын нерген тыге палемда: *«Беседым да лекцийым веле организоватлаш мастар, а нимогай музыкальный инструмент дене шоктен ок мошто»* [1, с. 3]. Олюк – почтальонко. Тудын нерген Виктормытлан серышым кондымыж гыч пален налына. Такина – повар. Тудо олыкышто шудым ыштыше-влаклан кочкышым шолта. Тыгак Украин мландысе персонаж-влак улыт: Никита Процюк, тудын Марина ӱдыржӧ, Андрей Скиба.

Ойлымашыште действий Марий кундемыште, Шеръял лӱман ялыште, да Украин мландыште, Полесьыште, эрта. Произведенийыште кӱчык жапым авалтыме. Действий сар деч варасе жапым ончыкта – июнь-июль тылзе, шудо ыштыме жап. Тыгак ретроспекций йӧн вашлиялтеш. Повествователь, Виктор Эманов, ондакысе илышышкыже пӧртылеш, ача-аваж нерген каласкала.

Ойлымашыште еш да илыш-йӱла, социальный, эстетике дене кылдалтше йодыш-влак шындалтыт. Еш ден илыш-йӱла проблеме кышкарыште йӧратымаш, ача-ава да йоча коклосе кыл йодыш-влакым тарватыме. Роза ден Виктор коклосе йӧратымашым ончалына. Роза ача-аважлан серышым возымыж годым кажне гана Викторлан саламым ойлаш шӱден. Ӱдыр нерген каласкалымаште герой-повествователь чонжым почеш: *«Роза… Конешне, тудо мыланем келша. Первый гана ужма гычак. Но тидым мый шке кӧргыштем веле кучем. Нигӧланат ойлен омыл. Шканжат шижтараш тӧчен омыл. Койышыж дене тудо икмыняр тӧрсыр гынат, моло шотышто нимогай зиянымат ом му»* [1, с. 11]. Роза Йошкар-Олашке кайымыж годым Викторым станций марте ужаташ йодын. Тудын дене чон почын кутырнеже улмаш. Поездыш шуаш манын, Роза рвезым вашкыктен. Виктор, мурым колыштын, семынже шонымыж дене, корно савыртышыште рульым пӱтырал шуктен огыл, машина кюветышке шунгалтын. Розан санҥаж гыч вӱр йоген, шинчаже петырнен. Виктор Розам машина гыч луктын. Ӱдыр Викторым шӱйжӧ гыч ӧндалын да шыпрак пелештен: *«Нигушкат мый ом кае… Мый тыйым йӧратем, Витя… Тый лӱмынак тыге ыштышыч…»* [1, с. 19]. Ойлымашыште Розан олаш кайымыж нерген возымо огыл, но вара каласыме, кузе тудо ола гыч пӧртылеш. Виктор ден Иван Васильевич Розам вашлияш миеныт. Рвезе куанымыжым ынеж ончыкто, но тыге ойла: *«Молан шӱмем тыге кӱлтка? Эх, кузе шеҥгекыла савырнен ончалнем!.. А тудо, Роза, тидын нерген огешат шиж докан»* [1, с. 25]. *«Тудо мыйым йӧратен кертеш мо? Уке, уке, тиде – так, йоча модыш», – тыге ятыр шонкален рвезе. Но Роза кудалме годым Викторын ӱпшым шыман гына ниялтыш, вара, ӱчым ыштымыла, ӱпшым кормыжталын, эркын кӱрале. Вес кечын Виктор «Эх, Розажым пеленна олыкыш наҥгаяш гын…»* [1, с. 32] манын шона. Нунын коклашке Иван Васильевич пурен гынат, Роза шке шӱмжым колыштын, йӧратымыж нерген ик гана веле огыл ойлен. *«Роза, ик мутым пелештыде, ойырлыш, икмыняр йолтошкалтышым ыштен, уэш мый декем куржын тольо, ончычсо семынак, шӱэм гыч ӧндалын,*

мыйым чот шупшале да кенета, писын савырнен, мӧнгыш-кыжӧ куржо» [1, с. 46–47]. Умбакыже нунын коклаште мо лиеш, пале огыл. Виктор Украин млaндыш кайымыж деч ончыч Роза деке пура, но Роза мален улмаш.

Вес йодыш – ача-ава да икшыве кокласе кыл. Тыште Иван Васильевичын да Варвара Дмитриевнан Роза деке отношений-ыштым ончыктыман. Роза – ача-аван эн изи икшывышт. Нуно тудым ӱяк-мӱяк ашнат. Ола гыч ялыш толешат, пашам огыт ыштыкте. Шудо ыштыме пагытыште тудын ияш-влак чылан олыкышто улыт гын, Роза чодырасе саскам веле кочкын коштеш. Ӱдырыштын пианисткылан тунеммыж дене ачаж ден аваже кугешнат. Роза ӧкымеш тунемеш. Тудо ача-аван мутыштым колыштеш. Иван Васильевич ден Варвара Дмитриевна кокласе кыл нерген ойлымашыште каласен кодымо огыл.

Социальный проблеме кышкарыште сар темым ончалман. Произведенийыште сар пагыт нерген герой-влак шарналтат. Тӱҥ шотышто сар деч варасе илыш ончыкталтеш.

Эше ик проблеме – эстетике. Ойлымашыште муро ончыл верыш лектеш. Тудо калык да тукым-влак кокласе кылым ушен шогышо символ сынан образ. Произведенийын эпиграфшат муро нерген. Шабдар Осыпын почеламутшо гыч кок корным налме:

Муро, муро!.. Тый от лий гын,
Мо ден илыш сӧраса?.. [1, с. 3].

Тӱҥ герой, Виктор Эманов, мурылан шӱман, гармонь да баян дене сайын шокта. Вет тудын ачажат ялын пагалыме гармоньчыжо лийын. Виктор, Розам Йошкар-Олашке машина дене ужатымыж годым, радио дене палыме мурсемым колеш: *«Мо тиде? Кушеч марий муро? Йошкар-Ола радиостанций тыгай жапыште пашам ок ыште. Чын, марий муро сем радиоприёмник гыч шокта»* [1, с. 15–16]. Вара Роза тидын шотышто Всесоюзный радиош серышым колта. Вашмутым налыт. Тиде семым Викторын ачаже возен улмаш. Мутшым украинла верысе тунык-тышо серен. Мурышто палыдыме партизанын геройла кредалмыже да колымыжо нерген ойлалтеш.

Викторын мурым йӧратымыже лирический отступлений-лаште раш коеш: *«Муро, муро! Тудо – калыкын чонжо, сынже, койышыжо, кумылжо… Изи айдеме муро сем дене шепкаште лӱҥгалта, кушкеш, муро денак йол ӱмбаке шогалеш, пиалжымат, ойгыжымат мурылан веле ӱшанен пуа. Неле пашамат, куандарыше каҥашымат муро дене пелыгыч пайла. Садланак, очыни, айдеме тудым ӱмыржӧ мучко эн лишыл йолташ семын пеленже шӱм-чоныштыжо кондыштеш. Кажне калыкын шке мурыжо уло, кажне калыклан шке мурыжо шерге. Мыланемат, моло семынак, шочмо марий муро сем кеч-кунамат кӱлеш, йӧратыме муро дене илашат, пашам ышташат куштылгын чучеш»* [1, с. 16–17].

Произведенийыш серыш йӧным пуртымо. Серышым Украин мланде гыч колтеныт. Тудын гоч ме шуко уверым пален налына: Викторын ачажлан Николаевский села покшелне памятникым шогалтыме; ик тале кредалмаш деч вара тудо сусырген да плены ш логалын; фашист-влак тудым чот орландареныт, партизан-влак шогымо верыш корным ончыкташ йодыныт, но Петро нимат ойлен огыл. Тыге тудым сакен пуштыныт, колымыж деч ончыч Украин мландыште колдымо марий мурым мурен коден. Украин калык Петром монден огыл.

Ойлымашыште пейзаж изирак верым налеш гынат, серызе пӱртӱсым моткоч ойыртемалтшын сӱретлен: *«Кандалге кава тӱр, лыпчык-лапчык пыл ора-влак шушо полан вӱдеш йӱштылшыла чевергат»* [1, с. 5]; *«Кече чодыра шеҥгекат волен йомо, а юж эшеат лӱп-лӱп шокшо. Чодыра вес велне олык ерлаште ӧрт лекшаш гай ужава-влак варгыжыт. Тымык касыште нунын йӱкышт мӱндыркӧ-мӱндыркӧ шокта…»* [1, с. 5]. Тиде пӱртӱс сӱрет гоч ме действий могай пагытыште эртымым пален налына, пӱртӱсын моторлыкшым ужына.

Вес пӱртӱс сӱрет гоч автор Украин мландын сылнылыкшым сӱретлен ончыкта: *«Урем кок могырым ош пӧрт-влак, олмапу, груша, вишня вондо-влак коклаште нуно пырт веле койыт. Кажне пӧрт воктен сад одарланен кушкеш. Олма, груша, абрикос лыҥак шочын. … Мӱндырнак огыл Десна энер сер коеш.*

Сер воктене лаштыра тумо-влак кушкыт. А эше умбалнырак мучашдыме олма сад шарлен возын. Полесье, Марий кундем семынак, чодыралан поян» [1, с. 55]. Ойлымаш пӱртӱс сӱрет денак мучашлалтеш: *«...Кас рӱмбалге мландым леведеш. Ала-куштo, мӱндыр Украин вершӧрлаште, мемнан кундемысе семынак, кас юалге южым шелын, герой-партизан нерген муро йоҥга. Тиде – ачамын йӧратыме мурыжо»* [1, с. 61].

Произведений кугу огыл гынат, Миклай Рыбаков, шуко йӧным кучылтын, шонымашыжым раш почын пуэн кертын. Герой-влак нерген повествовательын каласкалымыж да моло персонаж-влакын ойлымышт гыч пален налына. Портретлан кугу тӱткыш ышталтын огыл. Автор кугурак тӱткышым кӧргӧ тӱнялан ойырен. Произведений мучко муро йошкар шӱртӧ семын кая. Тудо шкешотан символ. Пӱтынь произведений муро йыр пӧрдеш. Муро нерген лирике чакналтыш ойлымашым сылныракым ышташ да шонаш тараташ полша.

Школышто ойлымашым лончылымо годым ме сылнымутын содержанийже дене пашам ыштена, формыж дене палдарена. Тидланже тӱрлӧ йодыш ден паша-влакым темлаш лиеш. Мутлан, тест почеш лудмым тергаш, йодыш-влакым ямдылаш, викториным эртараш. Лончылымо годым тӱшкан пашам ыштыме деч посна индивидуальный пашам темлаш пайдале. Тыгодым ик тунемше проблематике дене палдара, весе образ системе дене пашам ышта, кумшо посна фрагментым лончыла, весышт сылнылык ойыртемым кычалыт, чылажымат пример дене негызлат. Творческий сынан сомылат йочам шуара. Тыге тунемше, мутлан, марий муро нерген презентацийым ышта, докладымат темлаш лиеш. Икманаш, чылажат туныктышын мастарлыкше, лончылен моштымыж гыч шога, чолгалыкше, творческий фантазийже дене кылдалтеш.

ЛИТЕРАТУР

1. *Рыбаков М.* Ачамын йӧратыме мурыжо. – Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий изд-во, 1968. – С. 3–61.

УДК 821.511.151

Г.Н. Бояринова,
кандидат филологических наук, доцент
Марийского государственного
университета

G.N. Boyarinova,
PhD in Philology, associate professor
of the Mari State University

В. ДМИТРИЕВ-ОЗИН БАСНЬЫЛАШТЫЖЕ КАЙЫК-ВЛАКЫН ОБРАЗЫШТ

IMAGES OF BIRDS IN V. DMITRIEV-OZI'S FABLES

Аннотация. Статья посвящена анализу образов птиц в баснях марийского писателя В. Дмитриева-Ози. Затрагиваются такие вопросы, как аллегорический образный мир, герой, тема, идея, проблема.

Ключевые слова: В. Дмитриев-Ози, басня, образы птиц, аллегория, тема, идея, проблема, мораль.

Abstract. The article analyzes the images of birds in the fables written by the Mari writer V. Dmitriev-Ozi. Such questions as the allegorical figurative world, the hero, the theme, the idea, the problem are touched upon in the article.

Keywords: V. Dmitriev-Ozi, fable, images of birds, allegory, theme, idea, problem, morality.

Марий писатель В. Дмитриев-Озин шоймаклаштыже ятыр аллегорий образ кучылталтеш, нунын коклаште кайык-влакат чӱчкыдын койыт. Ончалына суркайык да чодырасе кайык дене кылдалтше басне-влакшым.

Суркайык-влак дене кылдалтше шоймак-влак тӱрлӧ темылан возалтыныт. «Агытан иге» шоймакыште Агытан нерген ойлалтеш. Чыве дене вурседылмекше, Агытан муным пӱкташ шке шинчеш. Кум арням кыртмен шинчымек, Чывиге лектеш: *«шулдыр йымаланже ишыктен стаканым, пурлын йӱлышӧ тамакым,*

ик Чывиге ош тӱняш шочеш…» [1, с. 47]. Шоймакын тӱҥ шонымашыже текст мучаште раш иктешлалт каласалтын:

Йырнык изинек йоча – коеш:
Эн уда пӧръеҥын койышым коеш [1, с. 48].

Чынжымак, илышыште тыге лиеш. Йоча шукылан ачаж-аваж деч тунемеш, вет чылажат еш гыч тӱҥалеш: шуаралтмаш, койыш-шоктыш. Кузе йочам ончен-куштет, тугай тудо кушкеш. Айдеме изинекак стакан ден тамаклан тунемын гын, мутат уке, тудо, кугу лиймекшат, тидым йӧраташ тӱҥалеш.

Мыскылыме, шеҥгеч ойлен коштмым «Комбо ден Сӧсна» шоймакыште ончыктымо. Комбо ден Сӧсна теле гоч ик вӱташте иленыт. Шошо толеш, Комбо уремыш лектеш. Тудо Сӧснан лӱмнержым кертмыж семын шӱктара, тудым игылтеш, мыскыла. Мучашлан тыгай мораль каласалтын:

Кузе тототлышын умшажым петыраш?
Илет гын Комбо дене – иле, но посна,
тыгодым тый шкежат ит лий «сӧсна» [1, с. 3].

Тыгак весым титаклыме, тудын нерген «манеш-манешым» куктыштмо «Куку ден Агытан» шоймакыште раш коеш. Куку ден Агытан икте-весыштым аклен, мурыштым пагален иленыт. Жап эрта, илыш вашталтеш. Кок пошкудо шакшын толашат: Агытан Кукум мыскылен ойла, Кукуат парымеш ынеж код да шкенжын лӱмнержым аралаш пижеш. Тыге нуно коктын вурседылыт, ӱмбакышт вашла лавырам кышкат. Шоймак тыге иктешлалтеш:

Илышым да весым ит титакле:
Шкендым, лӱмнеретым акле [1, с. 15].

Тыште автор еҥым ужшым, манеш-манешым шаркалышым вурса. Кажне шке илышыж дене илышаш, «еҥын илышышкыже нерым шӱшман огыл» манме шонымаш виктаралтеш.

«Агытан-депутат» басньыште действий чодыраште да туштак верланыше ялыште эрта. Кайыше Варашын олмышкыжо кайык-влак Агытаным сайлаш келшат. Тудо иканаштак ок сеҥе. Луй, Варсеҥге, Чыве-влак Агытан верч огыт йӱклӧ, садлан тудо кокымшо турлан Керге дене кодеш. «Кергым «кергалташ» чот тыршаш перна», – шона кекереквуй. Ынде Агытан эр-йӱд, шокшо кече але йӱр лиймым ончыде, эре вашлиймаш-влакым эрта-

ра, Чыве-влак деч йўкыштым йодеш. Сайлалташ манын, Агытан чот тырша: ўедылеш, сӧра, кычкыркала. Депутатыш сайлалтмек, Агытан Чыве-влакшым монда. Автор илышлан келшышын тыге иктешла:

Саде Агытан гай южо депутат:
лие кидыште мандат –
шкенжын «мурыжым» мондат [1, с. 53].

Тыге автор, иктешлен, депутат, вуйлатыше-влакын койышыштым вошты ончыкта.

Кажне еҥын шке ойжо, шонымашыже лийшаш. Еҥ ой дене илыман огыл. Тидым «Шулдыран сӱретче» шоймакыште ужаш лиеш. Агытан шкенжым сӱретлаш тӱҥалеш. Тиде пашам кажне кечын Пунйол эскера, тудо Агытаным «туныкташ» тӱҥалеш:

Пунйол ырла – Агытанет чиям вара,
шӱралын, темдыштеш, опта,
адак шӱра вара… [1, с. 7].

Но пашан лектышыже ок кой. Шуко толашымеке, вынер чиян нелытшым ок чыте, кушкедалтеш. Мораль тыгай:

Шке шонымашыч, колыштат гын еҥын ойжым,
чыташ перна, йолташ, чытамсыр неле ойгым [1, с. 7].

Шукырак еҥын ойжым колышт – нимо деч посна кодат. Автор шке шонымаш дене илаш, тудлан энерташ ӱжеш.

Шкем яжарланен кучымым, чара могыр дене алгаштарымашым «Чыве», «Кӱрка», «“Кӱрмӧ” Кӱрка» шоймаклашт ужына. «Чыве» шоймакыште действий кудывечыште эрта, «Эн мотор суркайык» конкурсым увертарат. Йӱксӧ, Комбо, Лудо, Кӱрка да бройлер Чыве танасат, Агытан-влак жюриште шинчат. Нуно капым, мурымым, чурийым аклат, шке тамгаштым шындылыт да коклаштышт кококлат:

– Йӱксын шӱйжӧ кужурак,
Комбын йӱкшӧ нужнарак,
Лудын нерже пеш лопка,
йолжо кӱчык – тайныштын топка…
Пун Кӱрка – мотор,
да койыш тор! [1, с. 57].

Сеҥышым кастене увертарат. «Кудывечын миссше» бройлер Чыве лиеш.

«Тудо сынже дене ӧрыктарыш:
сцеңыш лектын… чылт чара!» [1, с. 57].

«Кӱрка» шоймакыште Кӱркам чыве-влакым вуйлаташ шогалтат:

Кӱрка пижеш тунамак
«мер йӱлам» шукташ,
у вержым сайынак мушкаш… [1, с. 61].

Тудо чоҥештен кӱзаш тӧча, шулдыржым пеш рӱза. Но мокмыржым шӧрен гынат, нигузе мӧнгеш кӱзен ок керт, пун шулдыржо нӧрен. Тиде аллегорий образ гоч автор шкем шот дене кучаш ӱжеш.

«“Кӱрмӧ” Кӱрка» шоймакыште автор Чывын шала койышыжым шылтален воза. Чыве ондак Агытан воктене коштын, Кӱркам ужеш, туддеке кая, Кӱдырым алгаштарен, Лудымат сымыстарен. Шошым чывигым пӱктен луктеш да алиментым Кӱрка деч кӱреш. Молан манаш гын Кӱркан пашадарже эн кугу, тидын нерген Чывылан Куку ойлен. Автор тачысе саманлан келшыше йодышым ронча. Чынак, сӧраллык, моторлык нерген умылымаш весемын. Кызытсе илышыште айдемын кӧргӧ чонжым шотыш пешыжак огыт нал, илышыште кугу верым окса налеш.

Моктаныме койышым «Икте да…» шоймакыште тӱжваке лукмо, тулойышан ой дене когартыме. Автор иктешлен туныктен ойла: *Ит моктане Чыве гай* [1, с. 127]. Чынак, шке пашаштым утыр кугемден, овартен каласаш тӧчышӧ-влак вашлиялтыт. Нуно шке лӱмыштым, чапыштым утыр нӧлтынешт, шарынешт. А шымлен, тӱткын висен ончалат гын, пашашт тыглай, нимо денат ойыртемалтдыме. Кугу усталык дене авалтше, шотым палыше еҥ шкежым тыматлын куча, тудын тыгай уда койышыжо уке.

Кӧранымаш – пеш уда койыш. Тудын лектышыже шучко лийын кертеш. Шке пашам кыртмен, кӱлеш семын ыштыман, тыге гына кугу сеҥымашыш шуаш лиеш. «Мурызо Агытан», «Лудолудо кашак» шоймаклаште тиде коеш.

«Мурызо Агытаныште» Агытан Кукун тале мурызо улмыжым Луй деч пален налеш да тудын гаяк лиймыже шуын кол-

та. Тудо йўдым маленат ок керт, саде ой «туржеш». Агытан Куку дек тунемаш кая. Но лектыш ок куандаре:

«Лач тугак (шергылтарен кундемым)
Агытан мура, кузе тунемын» [1, с. 62].

«Лудо-лудо кашак» шоймакыште сут сур лудо кашакым ончыктымо. Оза лудо кашакым чашма печан изи пакчаште ашна. Лудо кашак, йол йымалнышт мо кия, чыла пытарат. Тидыжым пече көргыш ончалмаштак ужаш лиеш. Тушто вўданҥше, таптылге коман шем мланде коеш. Тиде шоймакын моральже тыгай:

Тыгакак сылнымут аланыште:
нимом огеш лий уым пелешташ –
тўҥалыт шўвылташ (иланыже!),
пураш, нелаш да падышташ… [1, с. 169].

Автор сылнымут аланыште мо ышталтмым лудо кашак гоч ончыктен.

Чодырасе кайык-влак дене кылдалтше шоймаклаштат тўрлö темым нöлталме. Икте-весылан кöранымашым «Шўшпык ден Пöрткайык» басньыште сайын почын пуымо. Пöрткайык ден Шўшпык ожно лишыл родо лийыныт. Мурен танҥасымаште кажне ийын Шўшпык сеҥен, а Пöрткайык кокымшо верыш лектын. Пöрткайык ончыко лекташ шонен пыштен да Шўшпыкын уке шеҥгечше Шўшпык вате деч Шўшпыкын мом кочмо-йўмыжым ваҥаш тўҥалын. Ваҥен-ваҥен, тудо пален налеш:

Арка саҥгаште снеге пеледмеке,
Йыван пайрем шумешке,
изи маэстро лач пелйўдым…
кум пырче лупсым йўын! [1, с. 5].

Тыге Пöрткайык ондак вич пырчым йўэш, вес йўдымжö – кандашым, пытартыш кечынже эше шукырак. Но логаржым кылмыкта да тылеч вара йўкшат йомеш. Мучашлан тыгай мораль пуалтеш:

Талантын улмыжо – шагал,
тышан гына ит чарне, ит шогал,
эшеже сомылын лийшаш шке школжо:
палаш кўлеш кузежым-можым [1, с. 5].

Тыште автор кеч-могай пашам ышташ шот лийшаш манын ойла. Талант улмо гына шагал, тудым почман, шуарыман.

Вараш кодын талантым аклымаш «Шӱшпык да моло кайык» шоймакыште ончыкталтын. Кожлам шӱлык авалтен: шӱшпык йӧршын мурымым чарнен. Тудын уке лиймекше веле йӱкшым тӱрыс аклаш, талантшым мокташ тӱҥалыныт. Моло кайык пуйто шӱшпык деч мураш тунемын, нуно, мастарын лӱмжӧ деке энертен, пуныштым оварташ тыршат. Тиде шоймак тыгай мораль дене пыта:

Кузе талантым аклена?
Уке лиймекше моктена [1, с. 13].

Чаманаш логалеш, илышыште тыгай чӱчкыдын лиеш. Ала-молан айдемым улмыж годым аклен огыт мошто. Уке лиймекше гына тудын нерген шуко ойлаш, мокташ тӱҥалыт.

Мотор деч моторым кычалмаш «Куку» шоймакыште коеш. Куку изи Кисалан марлан кая, но тудо ок йӧрӧ да сайракым кычалаш пижеш. Вес ийын Куку Тумналан марлан лектеш. Но тудымат коден кая. Тыге тудо Турийын, Шогертенын, шем Курныжын пелашыже лиеш, но пиалым нигӧж денат ок му. Жап эрта, Куку шонгемеш: ӱнарже пыта, илышат нелемеш. Тудо Кисан пыжашыж дек мия да игыжым пӧртылташ йодеш. Тыге Куку, сай деч сайым, мотор деч моторым кычал коштын, шкет кодеш, ниголан йӧрдымӧ лиеш, игыжат тудым аважлан ок шотло. Мучашыште тыгай мораль пуалтеш:

Туге: вуетым йомдарен илет –
ок шотло аважлан игет [1, с. 37].

«Шырчык» шоймакыште ондален кӱкшытыш шуаш тыршымаш ончыкталтеш. Тыште Шырчык шӱшпык семын мурыжым шуйдараш тӧча да тудын гай койнеже. Но:

Шырчык – шырчык: муралта эсогыл…
Пале: шырчык – шӱшпык огыл [1, с. 43].

Тыгайым айдемын койышыштыжат ужаш лиеш. Тудо чын койышыжым шылтен, шкенжым сай могыр велым ончыктынеже. Но тиде шукылан огыл, садак чыла тӱжваке лектеш.

«Корак-редактор», «Шогертен муно» шоймаклаште автор сылнымут аланыште улшо ситыдымашым тӱжваке луктеш. Ко-

рак кожлаште газетым вуйлатен. Тудо пеш чулым улмаш. Статья-влакым тӧрлымыж коклаште «почела мутым» шындылын – почеламутым ыштылын: «Кар-кар!». Тыге кӱсеныш гонорар йоген. Ужава, Куку, Чарланге да моло мурызо-влакат шке мурыштым газетыш печатлаш кондеденыт. Но ала-молан нунын возымышт ок савыкталт, мондалт кодеш. Тыгодым Корак «Кар-кар, ква-ква, чоп-чок, кря-кря» поэмым савыктен луктеш. Тудо «шочмо сылнымутым пойдарыш», «уым каласыш». Ынде Корак шке лӱмем кавашке нӧлтенам манын шона да пун оҥжым овартен коштеш. Арам огыт ойло: талант Коракын – кертеш айдемымат оҥартыл. Тиде шоймакыште тыгай мораль пуалтеш:

Кожлаште шуко кайык йӱк –
кеҥеж эрдене, шошымат:
от ойыро – кӧн мурыжым мурат?
Садлан Корак нимо дечат ок лӱд [1, с. 15–16].

Тыгайжым муро, сылнымут аланыште чӱчкыдын ужаш лиеш. Тыште кугу рольым окса, налме вер модеш. Чыла тиде уло гын, мастарлыкат ок кӱл. Чынак, илышыште южыштын шотыштат, иктаж-мом чаплын возаш тептерыштат ок сите, да нуно еҥыным шолыштыт.

Весе ӱмбак лавырам кышкылтмым «Шогертен» шоймакыште ужына. Шогертен колмо-ужмо увержым чиялтылеш, шойыштеш, тӱрлӧ «манеш-манешым» шаркален коштеш, Вырлянгым, Маска ден Рывыжым, Мераҥым, Пирым, Кукум, Ужавам, Кишкым, Пачемышым, Мӱкшым, Пӱчым, Ушкалым, Енотым да молымат мыскылен ойла. Тиде басньын пӱсӧ умдыж дене автор айдемын ситыдымашыжым, йӧрдымӧ койышыжым пӱшкылын. Басньын тӱҥ шонымашыже мучаште раш иктешлалт каласалтын:

Уремым шерын «шогертен» коштеш,
Ойла тудат, кӧ тудым колыштеш:
«манеш-манешым» куктыштеш [1, с. 49].

«Турий ден Корак» шоймакыште автор тӱрлӧ сылнымут куатан, тӱрлӧ кумылан писательым важмалдыкын сӱретлен. Иктыже, Турий, пӱртӱс пуымо кугу куат дене, уло чон кӧргӧ тул дене виян йӱлен, нойыде, уым кычалын, пашам ышта. Устан возымыжым шке илыш пӱрымашыжлан, эн тӱҥ пашажлан шотла.

Уло шӱм куатшым сылнымутышкыжо шындарыме саскажым калык деке жапыштыже намиен шуктынеже. Но шот дене возен моштыдымо Корак тӧра лийын, Турийын чаплын серымыжым кӱлеш семын ок акле. Адакшым сылнын, шке мотор йӱкшӧ дене возышо Турийым шылтала, туныктен ойла:

– Савыктен ом керт, ом сӧрӧ…
Шунет гын муркавашке,
мый дечем тунем! [1, с. 95].

Шоналтыде ыштыме сайыш ок кондо. «Корак иге» шоймакыште Корак иге, шуко шоныде, пыстыллажым шаралтен, мландыш кӱ гай камвозеш. В. Дмитриев-Ози тиде шоймакыште кайык-корак гоч айдеме илышым ончыкта. Икшыве, кушкын шумеке, кайык семын ава шӱм-помыш гыч чоҥештен кая. Но чоҥештен кайыме деч ончыч тудо шке пенгыдылыкшым шижшаш:

Кушкын шуын, вуйым «теме»,
шулдыретым пенгыдемде:
чоҥештет – туге ласкан…
Да шинчат ок лий лупсан [1, с. 206].

Иктешлымаш тыгай: чылажымат шонен ыштыман, тунам гына илышыште пенгыде ошкылым ышташ лиеш.

«Кӧгӧрчен» шоймакыште Кӧгӧрчен, сай илышым кычалын, ял гыч отыш чоҥешта. Тудын нимогай пашам ыштымыже ок шу, лач сай илышым гына кычал коштеш. А сай илаш манын, кыртмен пашам ыштыман. Тунам гына иктаж-могай сеҥымашыш шуаш лиеш.

Еҥым колыштат гынат, шке вует эре лийшаш. «Тумна» Корак» шоймакыште автор сайлыме годым тӱткырак лияш, шке шонымашыште пенгыдын шогаш, вуй йыр келгынрак шонаш тарата да тыгай мораль дене шоймакым иктешла:

Оҥым кырена: «Тый – мо, мый – кӧ!»
Кӧ – Коракше, Рывыж – кӧ?
Шоно келгынрак, шонет гын,
Еҥым колышт, пале шке шотетым [1, с. 188].

Кернак, сайлымаш деч ончыч кажныже агитаций пашам эртараш толаша. Чӱчкыдынак парняшт денат кӧм сайлаш кӱл-

мым тӱкен ончыктат. Тыге лийшаш огыл. Айдеме шкеже шонен, ойыркален моштышаш.

Иктешлен, тыге палемдаш лиеш: кайык-влакын образыштым кучылтын, автор айдеме илышын тӱрлӧ кончышыжым сӱретла; шукыж годым кызытсе илышлан келшыше сӱретым шочыкта; тудым критике шӱлыш гоч почеш; тӱҥ шонымашым моральыш луктеш; тыгодым посна кайыклан келшыше койышым ончыкта; кайык-герой-влак марий кундемлан келшыше улыт.

ЛИТЕРАТУР

1. *Дмитриев-Ози В.* Локама: шоймак-влак. – Йошкар-Ола: ОАО «МПИК» савыктыш, 2008. – 216 с.

УДК 821.512.145

А.Ф. Ганиева,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан

A.F. Ganieva,
PhD in Philology, senior researcher
of G. Ibragimov Institute of Language, Literature
and Art of the Tatarstan Academy of Sciences

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПЕЙЗАЖА В ТАТАРСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

FUNCTIONAL AND AESTHETIC SIGNIFICANCE OF LANDSCAPE IN TATAR NATIONAL LITERATURE

Аннотация. В литературном произведении пейзаж имеет большое значение. Автор статьи исследует особенности описания природы в татарской прозе. Приводя примеры из творчества таких ведущих национальных писателей, как Г. Ибрагимов, М. Амир,

А. Еники, Ф. Байрамова, отмечает, что пейзаж в истории литературы претерпел функционально-эстетические изменения.

Ключевые слова: татарская литература, проза, пейзаж, герой, образ.

Abstract. In a literary work, the landscape is of great importance. The author examines the features of nature description in Tatar prose. Citing examples from the works of such leading national writers as G. Ibragimov, M. Amir, A. Eniki, and F. Bayramova, the author notes that in the history of literature, the landscape has undergone functional and aesthetic changes.

Keywords: Tatar literature, prose, landscape, hero, image.

В литературе найти произведение, в котором бы отсутствовало описание природы – чрезвычайная редкость. Оно встречается как в небольших стихотворениях, рассказах, так и в больших повестях и романах. В художественном произведении картины природы появляются не случайно и всегда несут значительную смысловую нагрузку, обычно выступая либо в качестве эмоционально насыщенного фона разворачивающихся действий, либо как форма отражения внутреннего мира автора или персонажа [2].

Авторы используют пейзаж как стилистическое средство в целях создания в душе читателя эмоционального ощущения и воспитания эстетического вкуса, и, таким образом, совершенствуют художественный уровень произведения. С. Поварисов считает, что в литературном произведении следует обращать внимание на две особенности пейзажа:

1) отношение писателя к природе;

2) мастерство отражения картин природы в произведении [5, с. 50].

Эсалнек А. определяет несколько функций пейзажа: «Он может выполнять функцию интерьера, места действия, а может быть объектом наблюдения или эмоциональных переживаний персонажей» [7, с. 72]. Д. Загидуллина же указывает на следующие задачи описания картин природы в произведении:

– определение места и времени событий;

– участие в сюжете либо его изменение;

– создание настроения на восприятие произведения и раскрытие психологического состояния героев;

– выражение авторского замысла [3, с. 31].

В татарской литературе среди прозаиков, создавших прекрасные образцы пейзажей и успешно использовавших его как художественное средство, можно назвать Г. Ибрагимова, Ш. Камала, Ф. Амирхана, М. Амира, Г. Баширова, А. Еники, Ф. Хусни, А. Гилязова, М. Магдеева, Ф. Яруллина. Г. Ибрагимов в дореволюционных романтических произведениях пейзажу придает особое значение. В рассказах «Сөю-сәгадәт» («Любовь – счастье»), «Гыйшык корбаннары» («Жертвы любви»), «Диңгездә» («На море»), «Табигать балалары» («Дети природы»), «Карак мулла» («Мулла-воришка»), «Карт ялчы» («Старый батрак»), «Көтүчеләр» («Пастухи») чувства и переживания героев отображаются параллельно с описаниями природы. Например, в рассказе «Диңгездә» богатое использование изобразительных средств служит оживлению картин природы, а обилие сравнений – усилению лиризма. Под воздействием божественной красоты природы у личности крепнет желание жить, жизнь приобретает более глубокий смысл. Это приводит к тому, что в душе героя зарождаются мысли: «В самой безнадежной душе пробуждается страсть к жизни. Хочется жить тысячу, миллион лет. Но не той прежней, жалкой плотской жизнью, а другой, красивой, праведной, великой жизнью» [5, с. 69]. Несмотря на присутствие идеологии прежней жизни, повесть М. Амира «Агыйдел» («Агидель») запоминается читателю прекрасным пейзажным описанием красоты реки Агидель. Внутренняя и внешняя красота одной из главных героинь повести Артыкбике, сливаясь с поэтической красотой реки Агидель, создает единый гармонический мир. Эстетическое значение данной повести важно тем, что в ней автором представлены прекрасные образцы портретной и пейзажной живописи.

В качестве образца использования пейзажа в деле оказания желаемого чувственного воздействия на читателя можно привести рассказ А. Еники «Матурлык» («Красота»). Шакирды медресе, изрядно уставшие на протяжении девяти месяцев

учебы, наконец, ощущая всей душой и телом свежий воздух, свободу, блаженство, слушая голоса жаворонка и кукушки, едут домой на летние каникулы. «Все вокруг ожило, принялось буйно расти: пошла в трубку рожь, густой темно-зеленой порослью поднялась пшеница, а яркая трава на целине успела скрыть сухие прошлогодние стебли, и уже зацвели ранние цветы... Вон по сторонам дороги розовеют первые колокольчики вьюнка... Словом, природа была в самом расцвете нежной юности...» [2, с. 164]. Шакирды по пути останавливаются у своего попутчика и однокашника Бадретдина попить чаю. Изумительно прекрасным картинам природы контрастно противопоставляются убогая бедность, неприглядность этого дома, уродство и внешняя некрасивость матери Бадретдина. И эта неприглядность растворяется и сходит на нет перед духовным величием, перед любовью сына к матери и матери к сыну. И в душе читателя по отношению к хозяевам этого дома остаются только восхищение и прекрасные чувства. «Таким образом, на фоне нищеты, неприглядности и желанного блаженства летней природы, духовной красоты А. Еники в тесных рамках рассказа светлое чувство великого гуманизма смог донести до читателя с художественной мощью, свойственной большим писателям» [6, с. 123].

В татарской литературе к произведениям, где картина родной природы насыщается смысловым содержанием, относится и повесть Г. Баширова «Туган ягым – яшел бишек» («Родная сторона – зеленая моя колыбель»). В ней исторические события, народные обычаи и обряды, богатая различными приключениями жизнь деревенского мальчишки – все описывается неотделимо от природы, на ее фоне. И труд хлебороба отличается тем, что целиком связан с природой, с временами года. Г. Баширов отмечает, что у татарского народа весенний сев, встреча весной ласточек, жаворонков, диких гусей, весенние игрища молодежи, коллективная помощь друг другу, праздник Сабантуй и другие обряды можно проводить только на лоне природы. Катание зимой с горы, обливание водой в засушливое лето деревенской детворы – все эти картины автором описываются в неразрывной связи с красотами природы. Удачно и само название произведения. Зелёная колыбель – не символ родины отдельного человека и не только

татарского народа, оно говорит о том, что природа – «колыбель» всего человечества в целом.

В середине XX в. возникла новая особенность в пейзаже – освещение автором темы природы путем выражения своих экологических взглядов. Вместо традиционного описания природы, которое до этого присутствовало в литературе, часто стали появляться картины умирающей, нуждающейся в помощи человека природы. В произведениях Р. Тухватуллина «Агымсу» («Река»), «Чатта тукталу» («На перепутье»), М. Хабибуллина «Икмәк кадере» («Цена хлеба») стали изображаться залитые нефтью хлебные поля, перемешанный с глиной плодородный чернозем. В романе Г. Баширова «Җидегән чишмә» («Семь родников») показано, как разрушаются прекрасные уголки природы – заливные луга, как пересыхают родники. В повести «Болын» («Луг») Ф. Байрамова так описываются непосредственные ощущения главной героини, увидевшей перепаханный луг, который для неё являлся душевной отрадой, памятником юности: «Но... где же луг? Где урема, что была у луга? Вздрогнув, смотрю в сторону деревни. Деревня на месте. Вон улица, по которой я только что пробежала босиком. Вон, напротив, видно деревню Сарылы. А луг между нашими деревнями, луг, на котором, валяясь, мы росли, где он? Где урема, полная красной земляники, увитая опьяняющей душистой хмелью?! А их там нет, на их месте лишь глыбы развороченной черной земли... Похоже, этот луг недавно перепахали... Навсегда порванные корни трав и цветов, как оголенные нервы, медленно погибали под солнцем. Между глыбами земли стояла то ли дождевая вода, то ли слезы самой земли. Нет ни тропинки, ни дороги, нет ни луга, ни уремы... Все пропахано и закопано» [1, с. 52]. Таким образом, прозаики, выставившие экологические проблемы, через картины загрязненной, погибающей природы предупреждают человека, призывают его к внимательному и ответственному отношению к ней. Если красивый пейзаж доставляет читателю удовольствие, то отравленный воздух, загрязненная вода, затоптанные озимые посевы, наоборот, рождают в душе тревогу за будущее.

Следовательно, в татарской прозе природа выполняет многочисленные функции:

– используемая в качестве фона, воспитывает эстетический вкус, учит видеть прекрасное;

– является важным средством в деле доведения до читателя авторской мысли, в построении сюжета, в композиционной целостности произведения;

– может быть созвучным с чувствами и переживаниями персонажа, или, наоборот, занимать прямо противоположную позицию;

– рассматривается в тесной связи с отношением героя к природе родного края и Родины в целом;

– психологический анализ очеловечивается через антитезу и параллелизм;

– негативные картины природы, которые стали находить отражение в литературе начиная с 1960-х гг., вызывают в душе читателя беспокойство и негодование. Заставляют думать о дне сегодняшнем и о грядущем. Эта новая функция пейзажа имеет и социально-нравственный смысл.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бәйрәмова Ф.* Болын: повестьлар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1986. – 200 б.

2. *Воронин Р.А.* Виды и функции пейзажных описаний в литературе. – Текст : непосредственный // Филология и лингвистика в современном мире : материалы I Междунар. науч. конф. М.: Буки-Веди, 2017. – С. 1–4. – URL: https:// moluch.ru / conf/phil/archive/235/12589/ (дата обращения: 25.09.2020).

2. *Еники А.* Красота // Повести и рассказы / пер. с татар. А. Бадягиной. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1982. – 256 с.

3. *Заһидуллина Д.Ф.* Пейзаж / Д.Ф. Заһидуллина, Ә.М. Закирҗанов, Т.Ш. Гыйләҗев // Татар әдәбияты: Теория. Тарих. – Казан: «Мәгариф» нәшр., 2004. – Б. 31–32.

4. *Ибраһимов Г.* Диңгездә // Әсәрләр: 8 томда. – 1 т.: хикәяләр (1907–1929). Казан: Татар. кит. нәшр., 1974. – Б. 65–82 .

5. *Поварисов С.Ш.* Мәктәптә әдәби әсәрнең телен өйрәнү // Әдәбият укытучысына ярдәмлек. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1978. – 182 б.

6. *Сверигин Р., Хатипов Ф.* Әмирхан Еники // Татар әдәбияты тарихы: 6 томда: 6 т.: 60–90-нчы еллар әдәбияты. – Казан: «Раннур» нәшр., 2001. – Б. 97–123.

7. *Эсалнек А.Я.* Портрет, интерьер, пейзаж // Основы литературоведения. Анализ художественного произведения: Практикум. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 68–74.

УДК 811.511.151

Н.Н. Глухова,
доктор филологических наук,
профессор кафедры иностранных
языков и лингвистики
Центра гуманитарного образования
Поволжского государственного
технологического университета

N.N. Glukhova,
Doctor of Philology, Professor,
Chair of Foreign Languages and Linguistics,
Humanitarian Education Center,
Volga State University of Technology

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ МАРИЙСКОГО ФОЛЬКЛОРА

MARI FOLKLORE FUNCTIONAL STYLE

Аннотация. *Цель исследования* – описать вновь выделяемый функциональный стиль марийского фольклора. *Научная новизна* и *теоретическая значимость* заключаются в выдвижении научной идеи о существовании отдельного функционального стиля в марийском языке и конкретизация его описания. *В результате показаны* системные характеристики выделяемого стиля: его закономерности и стилистические маркеры.

Ключевые слова: стиль, система, системные характеристики, выразительные средства, образные приемы, маркеры стиля.

Abstract. The purpose of the research is to describe the newly identified functional style of Mari folklore. Scientific novelty and theoretical

significance consist in putting forward an objective idea about the existence of a separate functional style in the Mari language and specifying its description. As a result, the system characteristics of the newly identified style have been shown: its regularities and stylistic markers.

Keywords: style, system, system characteristics, expressive means, stylistic devices, style markers.

Актуальность темы объясняется отсутствием системного описания стилистических характеристик фольклорных жанров марийской лингвокультуры в рамках функционального подхода. Выделяется и описывается новый функциональный стиль марийского языка – функциональный стиль марийского фольклора. К задачам работы отнесены: 1) выявить и перечислить маркеры стиля каждого из жанров марийского фольклора (сказки, легенды и мифы, былички, молитвы и заговоры, пословицы и поговорки, загадки, народные приметы, песни), связав их с прагматическими функциями текстов; 2) описать ведущие, дополнительные и мало используемые маркеры стиля в каждом из указанных жанров; 3) определить системные связи и отношения между ведущими, дополнительными и мало используемыми маркерами стиля в каждом из жанров. Результаты исследования получены новым сочетанием комплекса методов и приемов гуманитарных наук (семантический анализ) в рамках теории систем. Теоретической базой данного исследования послужили выводы и результаты работ отечественных ученых по лингвостилистике, общей теории текста и прагмалингвистике, полученные на материале функциональных стилей различных языков, с применением системно-функционального подхода [1; 6; 7; 13; 15]. Прикладная ценность заключается как в решении конкретной задачи определения и описания функционального стиля марийского фольклора, так и в разработке сочетания методов и приемов, применимых для дальнейших исследований фольклорных жанров других лингвокультур.

Эмпирическим материалом послужили 600 заговоров, 500 сказок, 110 молитв, 2118 текстов песен, 7590 пословиц и поговорок, 177 мифов, преданий и легенд из различных источников. В текстах рассматривались стилистические средства фонологи-

ческого, синтаксического, лексического уровней, взятых как отдельно, так и в их сочетании [8; 9; 10; 25].

Теоретическая значимость исследования многопланова и складывается из следующих аспектов. С одной стороны, результаты статьи являются социально актуальными для развития марийского языка на современном этапе, так как выделяют и описывают новый функциональный стиль марийского языка, следовательно, содержат новую обобщенную научную информацию о марийском фольклорном стиле. С другой стороны – выявляются и фиксируются характеристики фольклорных жанров, часть которых исчезает из современного бытования в силу различных социально-экономических причин.

Жанры марийского фольклора не были объектом специального лингвостилистического анализа. Фольклористы обращали внимание на историю публикаций и изучения описываемых жанров, ими определялись межжанровые связи, различия типов текстов, образы, являющиеся сюжетообразующими компонентами текстов, а также некоторые отдельные стилистические черты [1; 11, с. 65–75; 12; 14; 19; 24, с. 173–193]. Однако для составления полного свода функциональных стилей языка важно глубокое и исчерпывающее описание стиля фольклорного наследия.

Некоторые поэтические характеристики ряда жанров марийского фольклора служили объектом анализа [9; 10; 16; 25; 26]. Тем не менее рассмотрение существующей литературы по описываемой проблеме свидетельствует о том, что лингвостилистический аспект текстов марийского фольклора, ведущий к определению системы черт марийского фольклорного стиля, целенаправленно не изучался. Комплексный системный анализ именно лингвистических и стилистических жанровых характеристик дает всестороннее представление о языке и стиле марийского фольклора, основные черты которого явились источником авторских произведений первых представителей марийской интеллигенции в конце XIX – начале XX в.

В настоящей статье фольклорный стиль рассматривается в виде системы, под которой понимается объединение взаимосвязанных и расположенных в соответствующем определенном порядке элементов или частей какого-то целостного образования. Известно, что система характеризуется рядом понятий: *элемент,*

подсистема, структура, связь, иерархичность, целенаправленность, состояние, равновесие, развитие и т.п. [3, с. 62–78; 4, с. 20–37; 17; 21; 22; 23]. В данной статье с целью максимально полного представления характеристик марийского фольклорного стиля тексты фольклорных жанров рассматриваются в зафиксированном в источниках виде. Понятия равновесия, устойчивости и состояния системы в работе не учитываются, так как исследование проводится в синхроническом аспекте.

В рамках статьи отдельный стилистический прием любого уровня отнесен к элементам системы стиля. В исследовании под ним понимаются выразительные средства (фигуры речи) и образные (изобразительные) приемы, которые называются в статье обобщенным синонимом – маркеры стиля.

Известно, что в системе элементы могут быть выделены не сразу, а через подсистемы, то есть более крупные компоненты, чем элементы. Термином *подсистема* отмечается, что данная часть обладает свойствами системы, что и делает ее отличной от обычной группы элементов. Сочетание стилистических приемов каждого уровня текстов в совокупности составляет подсистему образных и выразительных средств каждого жанра. Объединение подсистем представляет собой микросистему стилистических приемов. Интегрируясь далее, микросистемы средств жанров создают систему маркеров стиля марийского фольклора.

Маркеры стиля в изученном материале входят в подсистемы средств фонологического, синтаксического, лексического уровней текстов. С целью более полного описания системы стилистических средств в дальнейшем следует рассмотреть стилистический потенциал морфологических категорий, словообразовательных возможностей лексического уровня и т.п.

Рассмотренные фольклорные тексты показали, что элементы подсистем объединены и структурно соорганизованы. Иерархическая связь между ними более всего проявляется при изучении рифмы и ритма текстов, фонологических стилистических приемов, зависящих от модели словосочетаний и предложений, распространенных в текстах жанров. В дополнение к этому связь между рассматриваемыми уровнями реализуется при помощи различных типов повторов, которые лингвисты условно относят к синтаксическим приемам, чаще называя их лексико-

синтаксическими. Создание стилистических средств лексического уровня обусловливается распределением элементов в схемах словосочетаний и предложений. Данный факт свидетельствует о том, что микросистема маркеров стиля жанра иерархична, так как формируется подсистемами разных, зависимых друг от друга уровней. Благодаря этому качеству на каждом уровне возникают новые свойства системы, которые не могут быть представлены простой суммой свойств элементов. Любой член иерархии получает новые свойства, отсутствующие у него в изолированном состоянии. В изученных жанрах встречаются стилистические приемы – выразительные и образные средства – самых разных уровней. Существуя сами по себе в рамках своего иерархически организованного уровня (фонологический, синтаксический, лексический), они, тем не менее, создают собственную подсистему средств внутри микросистемы жанра, представленного в тексте. Это находит свое проявление в приеме «конвергенция». Суть ее заключается в том, что в одном месте текста встречается максимальное количество иерархически организованных образных и выразительных средств: приемы фонологического уровня служат основой для создания приемов синтаксического уровня, а лексические стилистические средства переплетаются с синтаксическими средствами. Иерархичность демонстрирует структурную упорядоченность подсистемы. В проанализированных текстах жанров – это отношения преимущественно древовидного порядка. Такие иерархии квалифицируются как сильные.

В любое определение системы входит понятие *связь.* Оно обеспечивает появление и сохранение иерархичности структуры и целостных свойств системы. Это понятие дает представление и о строении, и о функционировании элементов системы (маркеров стиля – в данном случае).

Изучение текстов показало, что к часто встречающимся маркерам стиля на фонологическом уровне относятся смежные комбинированные типы аллитерации и ассонанса. Обращает на себя внимание не только частота повторяемости одних и тех же аллитерирующих фонем, но и периодичность их позиций в начале, в середине и в конце слов. Наиболее характерен многократный повтор ударных гласных в разных позициях: внутри фраз и при их завершении. В рассмотренных фольклорных текстах

аллитерация как отдельный стилистический прием не имеет тех свойств, которые характерны авторской поэтической аллитерации, и названа «мерцающей» [9, с. 38–40, 89–92; 10, с. 40–43]. Изучение фольклорных жанров показало преобладание конечной рифмы, именуемой грамматической, или морфологической. Следующей по частотности является корневая рифма. Оба типа относятся к приблизительной рифме. Однако в текстах встречаются и другие комбинации: аллитерационная начальная рифма; аллитерационная начальная, комбинированная с внутренней и конечной аллитерационной рифмой; ассонансная рифма, комбинированная с аллитерацией отдельных согласных. Маркеры стиля на фонологическом уровне не сосредоточены сами по себе, так как они основаны на компонентах синтаксического уровня и оформляют стилистические приемы лексического уровня.

В сказках и песнях, в дополнение к описанным приемам, присоединяется ономатопея. Это фонологическое средство по большей части присуще сказкам о животных, используется для описания животных, действующих в качестве персонажей текстов. Ономатопея встречается и в песнях, передающих переживания лирических героев с применением персонификации и психологического параллелизма.

Ономатопея, рифма, ритм, аллитерация и ассонанс, наряду с инструментовкой и эвфонией текста, составляют организующий прием его метрической организации. Все эти приемы ведут к созданию целостной композиции произведения. Повторы гласных и согласных организуют звуковой строй фольклорного текста и повышают общую экспрессивность высказывания. Аллитерация создает мелодический эффект текста, консолидируя высказывание вместе с ритмом. Рифма и ритм придают упорядоченность тексту и тем самым благоприятствуют процессу запоминания. Идеи и эмоции, содержащиеся в текстах, при их устном произнесении, благодаря ритму, становятся более выразительными. Фонологические приемы в текстах молитв, заговоров, сказок усиливают действие других стилистических приемов, придавая необычную важность мыслям, выделенным с их помощью.

Стилистические приемы синтаксиса фольклорных текстов выбранных жанров также многообразны. Своим появлением они

обязаны изменениям основной схемы предложения. Исследователи стиля классифицируют трансформации на три группы. Систематизация организована либо на редукции, либо на экспансии, либо на изменении порядка следования компонентов исходной модели [5, с. 11–16; 18; 20, с. 14–28]. Анализ текстов показал, что стилистические синтаксические приемы в фольклорных текстах следует отнести к вариантам общепринятых синтаксических схем предложений марийского языка.

Стилистические приемы синтаксического уровня в марийских молитвах, заговорах, сказках, песнях, пословицах и поговорках организованы тремя приемами, определенными для ряда других языков. Самый распространенный способ создания экспрессивности – это удлинение основной модели предложения, хотя в текстах сказок и заговоров распространен и прием редукции.

Экспансия структур словосочетаний и предложений представлена в проанализированных текстах двумя вариантами. Первый тип связан с расширением исходной схемы простым линейным увеличением количества элементов. К нему отнесены различные виды синтаксических повторов, перечисление, осуществляемое с помощью многосоюзия, ведущего к расширению модели, и бессоюзия, не обладающего такой способностью. Второй вариант появляется благодаря дополнению группы главных членов предложения новыми элементами, такими как, например, приложение.

К наиболее распространённым и широко используемым композиционным стилистическим синтаксическим средствам, основанным на расширении базовой модели, были отнесены параллелизм (полный, или баланс, а также частичный); перечисление и градация. Необходимо подчеркнуть большую роль различных типов повтора: лексико-синтаксического, включающего и использование дублетных слов, нюансно-вариативного, анафорического, эпифорического, сквозного, повтора-подхвата (анадиплозиса). К перечисленным приемам следует добавить повторы, организующие «каркас» композиции. Это – антитеза, хиазм; полисиндетон и рамочная конструкция.

Еще одной характерной чертой стиля фольклорных текстов является способность создания стилистических приемов не только в рамках одного предложения: комбинации моделей предложений в пределах сверхфразового единства, между сверхфразовыми

единствами в границах всего текста, в свою очередь, также ведет к появлению вышеперечисленных стилистических приемов. Экспрессивность возникает в результате взаимосвязи сопредельных простых предложений внутри сложного предложения или отдельных простых или сложных предложений в рамках некоторых фрагментов текста. Асиндетон или, наоборот, полисиндетон также помогают возникнуть особой выразительности текста.

К способам создания редукции исходной модели в исследованном материале отнесены многочисленные примеры использования номинативных предложений. Пропуск логически необходимых компонентов проявляется и в широком обороте односоставных предложений: инфинитивных, неполных, эллиптических, безличных. Отсутствие союзных элементов является стилистически существенным в текстах.

Изменение порядка элементов базовой схемы отмечается при эмфатической инверсии сказуемого и дополнения. Однако измененный порядок слов в рассмотренных жанрах включает в себя несколько других видов. К ним относятся: предшествование сказуемого подлежащему; постпозиция определения по отношению к определяемому; препозиция обстоятельственных слов в сочетании с постпозицией подлежащего по отношению к сказуемому; использование прямого дополнения в начале предложения либо в постпозиции по отношению к сказуемому.

Ведущими маркерами стиля на лексическом уровне текстов являются три группы предметных сравнений с учетом семантической структуры, ситуативные (развернутые) сравнения, тавтологические, пояснительные, сквозные эпитеты одноэлементной или многоэлементной структуры. Одинаково частотны со сравнениями и эпитетами различные виды гипербол (простая и развернутая), символическая репрезентация явлений и персонажей. В сказках, молитвах и песнях на периферии стилистических приемов встречаются перифраз, метафора в виде персонификации, антитеза и литота.

Система маркеров фольклорного стиля марийской лингвокультуры характеризуется *сложностью* и *целенаправленностью*. Рассмотренные тексты различных жанров представляют собой комплексные системные образования с четко выраженной целью и прагматической установкой. Цель определяется внешними

и внутренними факторами, характеризующими систему, т.е. при выборе из репертуара использующий текст учитывает и ситуацию общения, и выбор текстов, подходящих для данной ситуации (например, возраст, состав слушателей сказок, тип моления, тип помощи по заговору, тип песен и т.п.).

Учитывая описанные закономерности, система стилистических средств текстов марийских фольклорных жанров относится к классу хорошо организованных систем. В них определены элементы, соотношения между ними, правила объединения в более крупные компоненты и связь с целью системы.

В текстах исследованных жанров самыми распространенными элементами, ведущими маркерами стиля могут считаться экспрессивные средства и приемы. При этом гибкая и устойчивая система маркеров стиля марийского фольклора образуется очень распространенными средствами в сочетании с приемами средней встречаемости и дополняется набором малораспространенных маркеров. Наличие в проанализированных текстах системного сочетания разнообразных стилистических средств в их многовариантной совокупности доказывает факт существования отдельного сформированного функционального стиля – стиля марийского фольклора. Данный стиль характеризуется системностью, высокой художественностью и глубокой поэтичностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акцорин В.А.* Некоторые методологические проблемы изучения марийского фольклора // Проблемы изучения марийского фольклора и искусства. – Йошкар-Ола, 1986. – С. 5–24.

2. *Арнольд И.В.* Стилистика. Современный английский язык. – М.: Флинта, Наука, 2010. – 384 с.

3. *Афанасьев В.Г.* О целостных системах // Вопросы философии. – 1986. – № 6. – С. 62–78.

4. *Берталанфи Л. фон.* История и статус общей теории систем // Системные исследования. – М., 1973. – С. 20–37.

5. *Брандес М.П.* Стилистика текста. – М: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. – 416 с.

6. *Бузакова Р.Н.* Эрзянь келень стилистика: Тонавтнема лезкс. Стилистика эрзянского языка. – Саранск: Морд. кн. изд-вась, 2002. – 144 с.

7. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М.: КомКнига, 2007. – 148 с.

8. *Глухов В.А.* Системы символов песен финно-угров Урало-Поволжья. – М.: Спецкнига, 2012. – 364 с.

9. *Глухова Н.Н.* Структура и стиль текстов марийских заговоров. – Йошкар-Ола, 1996. – 117 с.

10. *Глухова Н.Н.* Информативность и поэтика марийских языческих молитв. – Йошкар-Ола, 1998. – 116 с.

11. *Иванов И.Г.* О языке одного из жанров марийского фольклора // Вопросы марийского языка. – Йошкар-Ола, 1975. – С. 65–75.

12. *Иванов И.С.* Марийская необрядовая лирика: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Йошкар-Ола, 1970. – 19 с.

13. *Игушев Е.А.* Практическая стилистика коми языка: Учеб. пособие по спецкурсу. – Сыктывкар; Пермь: Перм. ун-т, 1986. – 63 с.

14. *Китиков А.Е.* Пословицы и поговорки финно-угорских народов Поволжья и Приуралья: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1992. – 29 с.

15. *Кошевая И.Г.* Стилистика английского языка. – М.: Academia, 2011. – 352 с.

16. *Лебедева Э.Н.* Язык марийских пословиц и поговорок: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Йошкар-Ола, 1995. – 16 с.

17. *Месарович М., Мако Д., Такахара И.* Теория иерархических многоуровневых систем. – М.: Изд-во «Мир», 1973. – 344 с.

18. *Мороховский А.Н., Воробьева О.П., Лихошерст Н.И., Тимошенко З.В.* Стилистика современного английского языка. – Киев: Выща школа, 1991. – 272 с.

19. *Сабитов С.С.* Марийские волшебные сказки: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Таллинн, 1986. – 18 с.

20. *Солганик Г.Я.* Синтаксическая стилистика (Сложное синтаксическое целое). – М.: Флинта, Наука, 2009. – 256 с.

21. *Спицнадель В.Н.* Основы системного анализа. – СПб.: Изд. дом «Бизнес-пресса». – 326 с.

22. *Сурмин Ю.П.* Теория систем и системный анализ. – Киев: МАУП, 2003. – 365 с.

23. *Уемов А.И.* Системный подход и общая теория систем. – М., 1978. – 272 с.

24. *Четкарев К.А.* Советская фольклористика в МАССР // Ученые записки. Вып. 4. Литература, фольклор, искусство. – Йошкар-Ола, 1951. – С. 221–235.

25. *Glukhova N.* Structure and Style in Mari Charms. – Savariae, 1997. – 115 p.

26. *Lebedeva E.* Zur syntaktischen Analyse der marischen Sprichwörter // Proverbium. Yearbook of International Proverb Scholarship. – Burlington, 1999. – № 16. – P. 125–132.

УДК 821.511.131

Т.И. Зайцева,
доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой
удмуртской литературы и литературы народов России
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
О.М. Максимова,
кандидат филологических наук, доцент кафедры
удмуртской литературы и литературы народов России
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

T.I. Zaitseva,
Doctor of Philology, Associate Professor,
the Head of the Department of Udmurt literature and literature
of the peoples of Russia, Udmurt State University
O.M. Maksimova,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Udmurt literature and literature of the peoples of Russia,
Udmurt State University

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ МИРА В МАЛОЙ ПРОЗЕ НИКВЛАДА САМСОНОВА

NATIONAL IMAGE OF THE WORLD IN NIKVLAD SAMSONOV'S SHORT PROSE

Аннотация. Статья посвящена изучению художественного мира рассказов удмуртского прозаика Никвлада Самсонова. Проанализированы особенности создания национального образа мира в его малой прозе, подробно рассмотрена связь мироощущения писателя с фольклором, выражаемая, прежде всего, в авторской идее единства человека и природы.

Ключевые слова: удмуртская проза, художественный мир, национальный образ мира, рассказ, автор.

Abstract. The article is devoted to the study of the artistic world of the stories of the Udmurt novelist Nikvlad Samsonov. The features of

creating the national image of the world in his short prose are analyzed, the connection of the writer's worldview with folklore is considered in detail, which is expressed, first of all, in the author's idea of the unity of a man and nature.

Keywords: Udmurt prose, artistic world, national image of the world, short story, author.

Обзор различных определений понятия «национальный образ мира» проделан в статьях С.В. Шешуновой [12] и А.Д. Хуторянской [11], серьезный анализ употребления этой категории в филологической науке представлен в монографии Т.Е. Смыковской «Национальный образ мира в прозе В.И. Белова» [9]. Обобщая в вводной части своей диссертации разнообразные формулировки и высказывания по проблеме «национальный образ мира», Т.И. Зайцева пишет, что в отечественном литературоведении «как взаимозаменяемые используются понятия и выражения ”картина мира”, ”образ мира”, ”модель мира”, ”художественный мир прозы”, ”картина поэтического мира”, ”мир писателя” и др. Главное же в ”картине мира” или ”образе мира”, представленном литературой того или иного народа, – это связи и взаимоотношения человека и окружающего мира, человека и действительности, как бы эти связи не объяснились, какими бы изобразительными средствами не были выражены» [3, с. 7].

Владимир Яковлевич Самсонов (псевдоним Никвлад Самсонов, 1946–2002) – один из самых ярких и самобытных удмуртских прозаиков второй половины XX в., творчество которого «выросло» на традициях советских писателей-«шестидесятников» (В. Шукшина, В. Распутина, Ч. Айтматова, Г. Красильникова и др.), а также родного фольклора. К сожалению, основные содержательные и структурные элементы художественного мира Никвлада Самсонова до сих пор остаются неизученными. Следует отметить, что без их осмысления нельзя понять ни особенностей национального авторского миропонимания, ни творческую индивидуальность писателя в целом. Известный философ и культуролог Г. Гачев считает, что национальная картина мира большей своей частью находится в области мифопоэтического и подсознательно или интуитивно воссоздается в художественных образах и мотивах [2]. Мифотворческие поиски Самсонова

наиболее отчетливо проявились в рассказах, где видны истоки будущих больших произведений, принесших писателю известность. В особенности это касается популярной повести «Адзон» («Рок»).

В профессиональную литературу Самсонов вошел в 1976 г. со сборником рассказов «Чингыли гуръёс» («Серебристые колокольчики»). Проявившись как писатель малого жанра, он привлек внимание критики сочетанием непосредственности и тонким чувством национального литературного языка, а также энергией мысли. Большая часть прозы Никвлада Самсонова 1970–1990-х гг. – новеллистика, рассказ-миниатюра. Его произведения малой прозы тяготеют к циклизации. Новеллистический принцип организации материала обусловил свободную композицию самсоновских рассказов. Отсюда – естественная смена планов изображения и интонаций, стилистических и временных пластов. Не случайно критик А. Шкляев справедливо отмечает, что сила творчества Никвлада Самсонова заключается в его рассказах [13].

Человек в произведениях Самсонова – «носитель прошлого» и «носитель национального характера» (Д. Лихачев). Многие его произведения родились из желания сказать своим современникам, что каждый человек принадлежит к роду, нации, народу. Об удивительной способности писателя обращаться к конкретному читателю свидетельствуют рассказы, написанные на разных этапах его литературной деятельности и вошедшие в книги «Кызаузыос» («Севериха», 1980), «Капка азяд ньыль кызьпуэд» («У ворот четыре березы», 1987), «Шупудъёс бырдало» («Калина в наледи», 1990) и др. В избранном нами аспекте анализа рассказов Н. Самсонова важно отметить, с одной стороны, интерес писателя к народным ценностям, с другой – многосторонний характер связей его творчества с фольклором. Действительно, стержнем, организующим всю художественную систему этого автора, является органическое взаимодействие литературного творчества с фольклором.

Если младописьменные народы сохраняют «два типа художественного сознания – мифологическое (фольклор) и аналитическое современное (национальная литература)» [5, с. 16], то Никвлад Самсонов, проникая в специфику народного жанра, соединяет жизненную конкретность и фольклорную условность.

Стремясь художественно осмыслить первоосновы человеческого бытия, законы вечной справедливости, Самсонов обращается к образу героя, на котором лежит отпечаток его природной первоосновы. Персонажи самсоновских рассказов словно «просвечиваются» через природную призму, им свойственна постоянно ощущаемая слитность с миром («Макар Семи» – «Макаров Семен», «Небыт мусо киос» – «Мягкие милые руки», «Мертчан чушкон» – «Льняное полотенце» и др.). Почти в каждом рассказе незримо, «за кадром», присутствует народная идея, согласно которой добро непременно одолевает зло. Это вытекает из самой сути миропонимания удмурта, считающего, что на смену любой темной ночи приходит рассвет. При этом высшая инстанция у Самсонова – память как особая форма времени, заключенная в сознание человека. Народно-поэтическое мировидение писателя связано с формой выражения его мышления, особенностью которого является «синкретизм (неразличение, слитность), что достигается благодаря одухотворению (анимации) человеком всего окружающего его мира» [10, с. 270].

Никвлад Самсонов признавался, что импульс к созданию художественного произведения он часто получал из интуитивных прозрений. У него была особенно развита способность видеть обобщенный образ национальной действительности в отдельном человеке, в его поведении, жесте, движении, а также в каждом предмете, дереве, животном, растении. Во всем изображенном ощущаются традиции удмуртской культуры, мифологическая связь с прошлым.

В контексте рассуждений есть смысл обратиться к критике С. Залыгина, высказанной им в адрес «удмуртского рассказа» в 1979 г. в Ижевске на выездном заседании Совета по прозе правления Союза писателей РСФСР. Писатель отметил, что во многих произведениях удмуртских авторов его утомляло «описательность и увлечение количеством фактов, которое выражается в том, что не выбирается один основной или несколько главных факторов, а человек торопится сказать побольше об одном, о другом, о третьем, брать не качеством, а количеством фактов, то есть той же описательностью» [4, с. 146–147]. Никвлад Самсонов упорно осваивал жанры малой прозы. Трудясь над рассказами, переделывая их по несколько раз, писатель выработал важней-

ший компонент стиля – прием типизации, который эффективен в ткани коротких, предельно насыщенных, лаконичных текстов. В сущности, это означало тяготение к условности, символической образности, порождающей в художественном тексте ассоциативный фон, расширяющей его смысл и перспективу, углубляющей значение содержания.

Просматривая датировку произведений Никвлада Самсонова, замечаешь, что творческий поиск постепенно вел писателя к углубленному осмыслению эмоционально-пластических возможностей удмуртского языка, влияющих на жанрообразовательные процессы и жанровые трансформации в малой прозе. Так, в удмуртской малой прозе появляется новая структура – жанр короткого рассказа: «Чукна малпанъёс» («Утренние раздумья»), «Сьолык» («Грех»), «Кызьпуос» («Березки»), «Кисыын нуллоно кадь» («В кармане бы носить»), «Ваньмыз умойлы» («Все к добру») и др. Это своеобразные миниатюры, этюды, зарисовки, небольшие по форме, но емкие и значительные по мысли, сложные интонационно: комическое здесь переплетается с грустным, насмешливое с горьким. Главное – их содержанием являются человеческие чувства, незначительные события, яркие или необычные эпизоды из жизни. Самсоновский короткий рассказ создает впечатление того, что все в мире взаимопроникаемо: человек, окружающая его природа, вещный мир не только взаимосвязаны, но и «взаимоотражаемы». В лирико-философском ключе писатель рассуждает о необратимости времени, о значении прошлого в жизни современного общества, о нарушенной связи природы и человека. К примеру, цитата из рассказа «Кызьпу кенакъёс» («Березки»): «Есть и другие березы. Эти уже не устремляются в недоступные выси. Они живут как бы ссутулившись. У них и ствол, и крона распростерлись по сторонам, вверх не стремятся. <…>. И лишь отойдя на некоторое расстояние, понимаешь: верхушки у них когда-то, еще в пору молодости, кем-то были сломлены или срублены. Поэтому у них весь задор, вся тяга к небесам с молодых лет, а может, с самого детства загублены. Вот они и выглядят всю остальную жизнь такими забитыми. Разве не случается подобное и с людьми, с нашим братом…» [8, с. 81].

В процессе роста литературного мастерства для писателя все более актуальным становится освоение сложных способов

выражения авторской позиции. Ряд произведений построен как поток ощущений, воспоминаний, как поток сознания героев и вместе с тем как поток происходящих в течение дня или очень небольшого отрезка времени событий. Пропагандируя идею связи с народными корнями, он значительно усложняет раскрытие темы взаимосвязи человека с окружающим миром и природой, в рассказе появляется философский контекст, включающий героя, его внутренний мир и нравственные ориентиры в систему мироздания. Наглядным примером отмеченных выше особенностей малой прозы Никвлада Самсонова является рассказ «Буртчин кышет» («Шелковый платок»). Сюжет рассказа предельно свернут – и в развитии действия, и во времени, и в пространстве. Это всего лишь одни сутки, проведенные героем рассказа Василием наедине с собой в отцовском доме и в окрестностях родной деревни Дэндывай. Писатель создает образ деревенской майской ночи, в которой оттеняются самые характерные моменты: тишина и покой; густеющий туман и пение соловьев; дорожка, ведущая к реке через огород; старые тополя. Пейзажная картина сама по себе реальна, имеет конкретный локальный смысл. Однако явления, вещи, детали, обрисованные в жизнеподобных формах, приобретают символику. Весенние силы сельской природы воплощают бесконечность, необъятность жизни. Картины пробуждающейся земли, преломляющиеся в лирических настроениях автора и в восприятии героя, сливаются воедино, одновременно создавая впечатление красоты окружающего мира и полноты жизни, себя творящей. «В эти ночи, наверное, весна с летом в одном объятии сплетаются. Не успела еще темнота на землю спуститься, да и голоса людей, скрип ворот, звуки об ведро доящегося молока еще слышны, и на молочной Акаршурской ферме, что находится на другой стороне деревни, все еще однотонно гудят машины, а в тополиных ветвях уже кто-то, словно пастушьим кнутом, свистнул в воздухе. <…>. И разлилась соловьиная трель, очень похожая на то, будто птицы включились в совещание-собрание» (дословный перевод с удмуртского авторов статьи. – *Прим. Т. Зайцева, О. Максимова*) [7, с. 58].

В рассказе Н. Самсонова использован распространенный в мировой литературе (изобразительном искусстве, кинематографе и т.д.) мотив уходящей вдаль исхоженной тропы. Мотив дороги

связан с важнейшими содержательными понятиями удмуртского художественного сознания. В рассказе, помимо описания реальной дорожки, речь также идет о душевном состоянии героя, его внутреннем пути к самому себе в поисках настоящего, истинного. В пейзаже рассказа особое значение имеет линия горизонта – встреча «края» земли с «краем» неба. С одной стороны, эта картина горизонта обращает читателя к земным заботам и чувствам человека, с другой – включает в произведение «скрытое от глаз» пространство, что наталкивает читателя на раздумья о первоосновах бытия.

В сознании разучившегося ценить радость жизни героя совершается поворот к пониманию бесконечных созидательных возможностей трудового человека на земле. В отличие от других произведений удмуртских авторов внутренний перелом в самсоновском герое происходит не под влиянием другого, более активного человека или определенных общественных сил, а под воздействием пережитого им ощущения гармонии с природой. Пережитое героем чувство своей неотделимости от окружающего мира дает ему сознание внутренней полноты, иное понимание жизненных ценностей. Для писателя очень важно обнажить момент особенного напряжения очнувшейся человеческой души. Пейзажные метафоры Самсонова, отражая внутреннее состояние пробудившегося от суеты героя, символизируют неуловимость совершающихся от соприкосновения с природой в человеческой душе изменений. Изображен внешне незаметный переход приехавшего в отпуск в деревню уставшего от городской суеты героя из одного состояния в другое.

Деревенский огород, дом с угодьями, окружающая деревню природа обретают в рассказе «Шелковый платок» черты мифопоэтического пространства. Здесь время и пространство неотделимы друг от друга; они образуют единый пространственно-временной континиум, мифопоэтический хронотоп (В.Н. Топоров). Миф связан с представлением о вечности. Свежевспаханные борозды, межа и тропинка, придающие огороду перспективу; поля, леса и луга, раскинувшиеся далеко за изгородью; речка, тополя вдоль реки; бездонное ночное небо – все это создает впечатление бесконечности пространства в рассказе. И одновременно эти же предметы, этот же мир формируют ощущение остановившегося

времени. Дом, огород, тополя, другие вещественные реалии окружающего мира предстают как бы застывшими в своем вечном внешнем виде, не подчиняясь течению времени. А с другой стороны – все вещи, все предметы, всё окружение героя восходят к его прошлому, к его детству и молодости. Время юности героя находит свое отражение в этих предметах. Таким образом, возвращение домой, соприкосновение с природой дают герою возможность остановиться, оторваться от потока беспрерывных городских дел, заглянуть в себя. Пойманные мгновения бытия обостряют и одновременно обобщают ощущения героя, осознавшего, что миг и вечность едины, мгновение заключает в себе все, что сохранила и должна сохранить вечность.

Фольклорно-поэтический способ видения действительности роднит самсоновскую прозу с отечественной «деревенской» литературой XX в., с ее общим архетипическим каноном Деревни, мотивом возвращения. «Этой грани архетипа – Деревня как ностальгия – свойственна ретроспективная модель развития, которая особенно явно обозначилась в ”деревенской прозе” 1960–1990-х гг., где одной из главных сюжетных основ стал мотив возвращения в родное село (мысленное, в мечтах или в реальной действительности)» [1, с. 15].

С обострившимся чувством причастности к родному в самсоновских героях происходит живительный «рост души», возрождение ее лучших качеств. Однако в ряде рассказов глубинные связи человека с первозданной природой теряются, герой утрачивает то, что пришло от предков. Щемящей грустью дышит рассказ «На родине в июле», описывающий исчезновение многих примет вечности: «Там, где недавно потух закат, то вдруг ярко засветится что-то, то вновь затянется синей мглой. Говорят, это отворяются и затворяются небесные врата, проливая на людей золотой дождь счастья. Видно, кто-то его заслужил. <…> Хорошо лежать на копенке сена и глядеть в вышину… – забвение, покой. Все здесь изначально родное, ты погружаешься, растворяешься в нем, ты – частица протекающей здесь, обволакивающей тебя жизни» [6, с. 354]. Речь идет о стремлении вернуть современному человеку утерянное «чувство природы». «Но вдруг эту отрадную, блаженную тишину пронзил и разметал рокочущий, оглушительный рев. Конечно, самолет, такой в эту ночь неуместный» [6, с. 354].

В драме вырванных из привычной среды героев Никвлада Самсонова («Лыз наличникъёс» – «Синие наличники», «Окыль» – «Акулина», «Чоръяло атасъёс Чуньышурын» – «Поют петухи в Чуньышуре» и др.) критика нередко усматривала патриархально-консервативную тенденциозность удмуртского писателя. Потребовались годы, чтобы стал понятен смысл самсоновской концепции человека. Наряду с воспеванием беспримерного крестьянского трудолюбия, чистосердечия и бескорыстия в прозе Самсонова настойчиво звучит мотив сохранения голоса природы в самом человеке. Разрыв исторических связей, единства человека и мира природы – реально прочувствованная писателем угроза, выросшая сегодня в глобальную проблему.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Большакова А.Ю.* Нация и менталитет: феномен «деревенской прозы» XX века. – М.: Ком. по телекоммуникациям и средствам массовой информ. Правительства Москвы, 2000. –132 с.

2. *Гачев Г.Д.* Космо-Психо-Логос: национальный образ мира. – М.: Акад. Проект, 2007. – 510 с.

3. *Зайцева Т.И.* Удмуртская проза второй половины XX – начала XXI века: человек и мир, эволюция, особенности художественного воплощения: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Саранск, 2009. – 46 с.

4. *Залыгин С.П.* О путях национальной прозы // Современная удмуртская проза: ст., рецензии, обзоры / сост. Т.А. Полторацкая; науч. ред. А.Г. Шкляев. – Ижевск, 1981. – С. 145–154.

5. *Пахомова М.Ф.* Эпос молодых литератур. – Л.: Наука, Ленинград. отд-ние, 1977. – 106 с.

6. *Самсонов В.Я.* Хороводы. На родине в июле // Самсонов Н. Мой дом выше твоего: повести, рассказы; пер. с удмурт. А. Верещагиной. – Ижевск, 1995. – С. 353–355.

7. *Самсонов Н.* Агбай: веросъёс, повестьёс, роман = [Агбай: рассказы, повести, роман]. – Ижевск: Удмуртия, 1996. – 416 с.

8. *Самсонов Н.* Веросъёс = Рассказы / пер. с удм. Вл. Емельянова, В. Болтышева и А. Верещагиной. – Ижевск: Удмуртия, 2002. – 136 с.

9. *Смыковская Т.Е.* Национальный образ мира в прозе В.И. Белова: монография. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 153 с.

10. *Телегин С.М.* Мифореставрация // Открытый урок по литературе: (планы, конспекты, материалы): пособие для учителей / ред.-сост.: Карпов И.П., Старыгина Н.Н. – 3-е изд. – М., 2001. – С. 267–272.

11. *Хуторянская А.Д.* Параметры художественной картины мира в литературоведении // Картина мира в художественном произведении:

Материалы Междунар. науч. интернет-конфер., 20–30 апр. 2008 г. – Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2008. – С. 3–5.

12. *Шешунова С.В.* Национальный образ мира как категория этнопоэтики русской словесности // Евангельский текст в русской литературе XIX–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. науч. трудов. – Вып. 5. – Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 2008. – С. 5–16.

13. *Шкляев А.Г.* Пичильтык жанрен трос вералоз = [В малом жанре умеет говорить о многом] // Инвожо. – 1996. – № 11/12. – С. 26–27.

УДК 821.511.131

Т.И. Зайцева,
доктор филологических наук, заведующая кафедрой
удмуртской литературы и литературы народов России
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
О.М. Максимова,
кандидат филологических наук, доцент кафедры
удмуртской литературы и литературы народов России
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

T.I. Zaitseva,
Doctor of Philology, Associate Professor,
the Head of the Department of Udmurt literature and literature
of the peoples of Russia, Udmurt State University
O.M. Maksimova,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Udmurt literature and literature of the peoples of Russia,
Udmurt State University

К ВОПРОСУ СТАНОВЛЕНИЯ ЖАНРА УДМУРТСКОЙ АВТОРСКОЙ СКАЗКИ

THE FORMATION OF THE GENRE OF THE UDMURT AUTHOR'S FAIRY TALE

Аннотация. На примере произведений Г.Е. Верещагина рассматриваются особенности формирования жанра авторской сказки в удмуртской литературе. Описываются различия между литератур-

ной и народной сказкой, актуализируется проблема «культурного импорта», поскольку верещагинские сказки одновременно опираются на традиции фольклора, опыт русской и мировой литературы.

Ключевые слова: удмуртская литература, Г.Е. Верещагин, жанр, авторская сказка, традиция.

Abstract. The features of the formation of the genre of the author's fairy tale in Udmurt literature are considered on the example of the works of G.E. Vereshchagin. The article describes the differences between literary and folk tales. Moreover, the problem of so-called 'cultural import' is actualized because Vereshchagin's fairy tales are simultaneously based on folklore traditions, the heritage of Russian and world literature.

Keywords: Udmurt literature, G. E. Vereshchagin, genre, author's fairy tale, tradition.

Сказка – составная часть духовной культуры любого народа. Как особый вид народного эпического творчества она является не только фольклорным жанром, но и живет в литературе на равных правах с другими жанрами. Авторская сказка на всех этапах развития удмуртской литературы была одним из самых интереснейших и плодотворных жанров. Ученые считают, что перспективы развития сказочного жанра в современной литературе многообещающи и имеют под собой реальную основу. Процесс формирования удмуртской авторской сказки интересен тем, что представляет ценный материал для изучения механизмов культурного импорта, позволяет рассмотреть то, какие изменения происходят с импортируемыми идеями, мотивами, формами на национальной почве. Кроме того, в сказке своеобразно реализуются тенденции, господствующие в культурном сознании эпохи.

Есть все основания считать, что в удмуртской литературе начало авторской сказке положил Г.Е. Верещагин (1851–1930). Его сказки оказали большое влияние на развитие в национальной литературе «свободных» жанров, синтезирующих в себе традиционное и новаторское художественное слово, помогли преодолеть определенную замкнутость фольклорной культуры и открыли возможность для широкого перенесения в национальную литературу художественных ценностей русской и мировой литератур.

Верещагинские литературные сказочные тексты соответствуют таким жанровым формам народной сказки, как волшебная и социально-бытовая. «Зарни чорыг» («Золотая рыбка») удмуртского просветителя явилась свободным переводом известной сказки А.С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке». Произведение русского поэта не просто переведено на удмуртский язык, но и подчинено определенным правилам, учитывающим восприятие текста удмуртской читательской средой. В.М. Ванюшев пишет, что «новизна сочинения Г. Верещагина заключалась в отказе от буквализма в переводческой практике, в нем обнаруживается творческий характер изложения сюжета русскоязычного произведения на удмуртском языке» [1, с. 208]. Кроме этого, следует отметить, что в эпоху становления удмуртской литературы жанры существовали не как изолированные друг от друга единицы, но как составляющие общей жанровой системы. Отсюда подчинение переведенной сказки правилам данного контекста.

В связи с обозначенной в названии статьи проблемой особую актуальность приобретает выявление литературных признаков этого произведения, стоящего в ряду первых удмуртских художественных текстов. Г. Верещагин специфицирует жанр, но при этом строго придерживается позиции А.С. Пушкина. Основным показателем литературности сказки Г.Е. Верещагина «Зарни чорыг» является то, что в ее основе лирический тип повествования, тогда как народная сказка представляет собой прозаический рассказ. Ф.К. Ермаков особо подчеркивает то, что «в удмуртском изложении сказка оформлена двухстопным анапестом, самым распространенным размером в национальной поэзии» [2, с. 85].

В качестве регулирующей нормы у Г.Е. Верещагина выступает знание им деревенской жизни удмуртов. Согласно требованию правдоподобия, главными действующими лицами поэмы-сказки «Зарни чорыг» становятся герои, наделенные удмуртскими именами: рыбак Баймет и его жена Пельга (не измененной остается золотая рыбка). Автор стремится воспроизвести правдивые взаимоотношения героев, изобразить их психологию. Все это показатели литературного жанра. Сказочный мир

«Зарни чорыг» обладает сильным просветительским подтекстом, Г.Е. Верещагин стремится соответствовать нравственно-дидактическим устремлениям своего просвещенческого века. Характерно то, что верещагинская сказка подразумевает не просто развлечение читателя, но прежде всего его воспитание.

Реальный и волшебный миры в сказке «Зарни чорыг» сливаются, в обрисовке объединенного мира автор придерживается критического отношения к повседневной реальности. Волшебство, происходящее на берегу моря, во многих отношениях носит реалистический характер. К примеру, прибрежный дом рыбака воспроизведен абсолютно реалистическими красками. Правдоподобность, простоту и задушевность вносит в сказку повествователь, который в мельчайших подробностях описывает внешность и характеры героев, комментирует их поведение и т.д. Все это делается таким образом, как будто он сам является свидетелем происходящего. В произведении Г.Е. Верещагина действуют не обобщенные фольклорные персонажи – старик и старуха, а реальные люди – Баймет и Пельга, с присущими им манерами поведения и чертами характеров. Безусловно, разрыв между сказочным и реальным миром остается, но тематические возможности произведения расширяются. В сказке Г.Е. Верещагина описывается крестьянская жизнь, в которой есть место для труда и досуга, бедности и богатства, корыстолюбия и благочестия. Если в сказке Пушкина предпочтение отдается разоблачению жадности, в произведении Верещагина значительный интерес проявлен к «грубым» реалиям крестьянского быта.

Примечательно и то, что Г.Е. Верещагин обращается к традиции разговорного языка. Будучи ориентированной на разговорную речь, фраза в его тексте строится так, чтобы избежать вычурности, искусственности. Во всем этом также обнаруживаются стилевые установки Просвещения. В эпоху Просвещения преобладала вера в возможность глобального обновления бытия, уверенность во всемогуществе человеческой воли, ее способности управлять судьбой. Этот оптимизм и характерен для сказки Г.Е. Верещагина «Зарни чорыг». Сильный акцент сделан на моральном влиянии героя, действующего во имя разума и доброде-

тели. На первом плане – ясность морального осуждения и непосредственность познания действительности.

Подтверждением вышесказанному служит и другая верещагинская сказка – «Батыр дись» («Богатырская одежда»), написанная по мотивам русской народной сказки «Чудесная рубашка». В книге А.Н. Афанасьева «Русские народные сказки» имеются два варианта этой сказки. Записаны они на территориях, граничащих с Удмуртией – Пермской области и Башкортостана. Удмуртские исследователи предполагают, что Г.Е. Верещагин и сам мог записать один из вариантов этого сюжета. В.М. Ванюшев отмечает, что непосредственным источником поэмы-сказки «Богатырская одежда» является запись сюжета «Солдат и богатырская одежда», которая в качестве развернутого сочинения находится в его рукописях» [1, с. 209].

Относительно сказки «Богатырская одежда» интересно высказывание Р.И. Яшиной. Ученый пишет, что «значительное» место в поэме занимает авторское повествование с элементами описания, поскольку «сказ ведется от имени повествователя-сказочника, похожего на народного сказителя» [4, с. 102]. Также Р.И. Яшина говорит о присутствии в этой сказке элементов былинного эпоса. Особо ценны рассуждения ученого о языке сказки, о том, что «автор поэмы не до конца сумел подчинить свой стих синтаксико-интонационному и логическому строю удмуртской речи» [4, с. 104]. В работе приведены наглядные примеры нарушений словопорядка, правил логико-грамматического построения отдельных синтагм и цельных фраз и делается вывод о том, что поэма Г.Е. Верещагина отражает «живое состояние и характер удмуртского литературного языка в самом начале его формирования» [4, с. 108]. На основе этих наблюдений мы можем говорить о том, что в своей «литературной программе» Г.Е. Верещагин ориентируется на читателя, которого необходимо просветить. И снова мы видим, как Верещагин берет из первоисточника только то, что «нужно», и идет своим путем. Он одновременно преодолевает фольклорную заданность сюжета, композиции, установленные приемы построения образа героя. В отличие от русского солдата, который первую жену меняет на вторую, удмуртский

герой уверен в своих силах и надеется, что жена, допустившая ошибку, непременно осознает свой плохой поступок, исправится. Удмуртских героев ожидает счастливая совместная жизнь. Мечта простого солдата – жить в хоромах – сбывается, поскольку они внутренне изменились. Вымысел в сказке подчинен логике действий героя, доминирует мотив психологической перемены. Разум одерживает победу над эмоциями и страстями.

Элементы эстетики Просвещения отмечает и Т.С. Зыкина: «Г.Е. Верещагин постоянно напоминает читателям факты, которые уже известны нам из сюжета произведения» [3, с. 151]. Уточняющие факты и примеры автор заключает в скобки, хотя «сказ ведется от имени повествователя-сказочника» [4, с. 102].

Сказки-поэмы Г.Е. Верещагина «Зарни чорыг» («Золотая рыбка») и «Батыр дись» («Богатырская одежда»), являясь произведениями, созданными по материалам фольклора и рецепции русской литературы, обретают цельную жанровую форму. Удмуртские литературоведы справедливо считают, что сказки Г.Е. Верещагина являются оригинальными произведениями, заложившими основы удмуртской детской литературы и национальной литературы в целом, они имеют глубинные связи с народной жизнью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ванюшев В.М.* Творческое наследие Г.Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья. – Ижевск, 1995. – 295 с.

2. *Ермаков Ф.К.* Традиции русской литературы и фольклора в творчестве Г.Е. Верещагина // Внутренние и межнациональные связи удмуртской литературы и фольклора / отв. ред. В.М. Ванюшев. – Ижевск, 1978. – С. 83–89.

3. *Зыкина Т.С.* Сюжеты о богатырской одежде в творческом наследии Г.Е. Верещагина // Подходы к изучению текста: материал Междунар. конфер. студ., аспирантов и молодых преподавателей 23–25 апреля 2002 г. – Ижевск, 2003. – С. 144–153.

4. *Яшина Р.И.* О некоторых особенностях языка поэмы-сказки Г.Е. Верещагина «Батыр дись» («Одежда богатыря») // Внутренние и межнациональные связи удмуртской литературы и фольклора / отв. ред. В.М. Ванюшев. – Ижевск, 1978. – С. 100–108.

УДК 821.512.145

А.М. Закирзянов,
доктор филологических наук,
заведующий отделом литературоведения
Института языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова Академии наук
Республики Татарстан

A.M. Zakirzyanov,
doctor of Philology, head of the Literary Studies
Department of G. Ibragimov Institute of Language,
Literature and Art, the Republic
of Tatarstan Academy of Sciences

ГЕРОИ СОВРЕМЕННЫХ ПЬЕС-СКАЗОК (сравнительный анализ пьес В. Ушакова «Лесная девушка» и Р. Сагди «Красавица Аппаксылу»)

HEROES OF CONTEMPORARY FAIRY TALES (Comparative analysis of the play *Forest Girl* by V. Ushakov and R. Sagdi's *Beauty Appaksylu*)

Аннотация. В статье характеризуются герои современных пьес-сказок на примере пьесы удмуртского драматурга В. Ушакова «Лесная девушка» и татарского драматурга Р. Сагди «Красавица Аппаксылу». Актуальность исследования заключается в сравнительном анализе татарской национальной литературы с другими литературами, что способствует раскрытию своеобразия сюжета, героев и художественных средств изображения. Особое внимание уделяется интерпретации поступков главных героев и их психологии в различных ситуациях.

Ключевые слова: драматургия, сравнительный анализ, сюжет, конфликт, герой, мотив.

Abstract. The article characterizes the heroes of contemporary fairy-tale plays based on Forest Girl by the Udmurt playwright V. Ushakov and Beauty Appaksylu by the Tatar playwright R. Sagdi. The comparative analysis of national literatures has become topical as it contributes to the disclosure of the originality of the plot, heroes and artistic means of representation. Particular attention is paid to the interpretation of the main characters' actions and their psychology in various situations.

Keywords: drama, comparative analysis, plot, conflict, hero, motive.

В национальных республиках, в том числе и в Татарстане, уделяется большое внимание развитию драматургии и театра. В современную эпоху глобализации и технического прогресса театр остается важнейшим очагом культуры, способным оказать воздействие на самый широкий круг зрителей [1, с. 109]. Среди пьес, представленных в репертуаре театров, особое место занимают спектакли для подростков, поскольку мысль драматурга, сценическим языком доведенная до зрителя, играет чрезвычайно важную роль в формировании личности [2, с. 197]. В настоящее время в каждом районе Татарстана действуют народные театры, а в ранге государственных насчитываются 13 театров, 10 из них – в Татарстане, два театра – в Башкортостане и один театр – в Оренбурге. В Казани театр им. Г. Кариева носит звание Театра юного зрителя и основу его репертуара составляют спектакли для подростков. Среди пьес, адресованных юным зрителям, есть и пьесы-сказки. В связи с этим цель данной статьи – дать сравнительную оценку героям произведений татарского драматурга Р. Сагди «Прекрасная Аппаксылу» и удмуртского драматурга В. Ушакова «Лесная девушка». Произведение Р. Сагди, написанное в 1999 г., на протяжении 10 лет ставили в театрах, а пьеса В. Ушакова в 2015 г. была удостоена ежегодной литературной премии Правительства Удмуртской Республики.

В пьесе Р. Сагди «Прекрасная Аппаксылу» демонстрируется поучительная история. Влюбленные Танбатыр и Аппаксылу идут в город, а в прекрасную девушку влюбляется коварный Див из джиннов. Див замышляет увести их по ложной дороге, и парень с девушкой сбиваются с пути. Танбатыр хвастается своей силой, унижает и оскорбляет джиннов. Рассердившись на него, Див похищает Аппаксылу. Танбатыр отправляется на поиски любимой. В пьесе возникшее противоречие между Танбатыром и Дивом достигает самой высокой точки накала в эпизоде их поединка. Избавившись от колдовских чар Дива, Аппаксылу вновь превращается в юную девушку, и история заканчивается воссоединением двух влюбленных.

В произведении В. Ушакова «Лесная девушка» живущая в лесу знахарка Мати спасает от смерти молодого парня. Очистившись от негативной энергии магии, парень просыпается со

светлой душой, и ему дают другое имя – Натан. Однако мастер черной магии, министр властелина Ожмег (Туно) находит его и сообщает, что он – Мардан, которого он усыновил, и таким образом частично возвращает ему память. В последующих явлениях идет борьба за душу парня между лесной девушкой и министром властелина. В результате любовь девушки и парня одерживает победу, они добиваются счастья.

События в пьесах тесно связаны между собой, и они разворачиваются в нравственной и философской плоскостях. Поскольку произведения адресованы подростковому возрасту, то на первый план выдвигается именно нравственный пласт. Он основывается на борьбе добра и зла, составляющей главный конфликт произведения: в «Прекрасной Аппаксылу» – схватка Танбатыра с Дивом, а в «Лесной девушке» – противоречие между Мати и Ожмегом (Туно). В удмуртском произведении персонажи подразделяются на две отчетливые группы, сориентированные на добро или зло, а в татарской пьесе представлены герои с неоднозначными качествами. Драматург словно бы утверждает: не существует абсолютно злого по своей сути живого существа, имеется только один путь избавления от плохого в помыслах и действиях – вложить в душу этих существ веру, доброту, любовь и другие возвышенные чувства. Эта особенность подхода к нравственному преображению пронизывает все произведение и приводит в итоге к изменению героев в лучшую сторону.

В качестве характерного отличия между двумя пьесами можно назвать внешнюю причину, приводящую к основному конфликту. В пьесе Р. Сагди она воплощена в образе красавицы Аппаксылу из Биляра, из-за которой вступили в схватку булгарский воин Танбатыр и Див из мира джиннов. В пьесе В. Ушакова причина конфликта – приемный сын министра властелина Ожмега (Туно) Натан (Мардан). Что характерно, Аппаксылу довольно пассивна, ради своего счастья она не совершает никаких особенных действий. Правда, у неё для этого нет никакой возможности, потому что после похищения Див заколдовал её и превратил в старуху.

А вот Натан в «Лесной девушке» раскрывается как весьма поучительный образ. Будучи совсем еще мальчишкой, когда от болезни умерла мать, он осиротел. Голодного беспризорного подростка встречает Ожмег (Туно), заметив на его лбу родимое

пятно, он догадывается, что в будущем из этого парня может получиться сильный и храбрый воин, и усыновляет его. В результате его воспитания Мардан вырастает в смелого парня, чье «*сердце, воля – из стали*». Все дни и ночи он проводит в развлечениях, добивается взаимности в чувствах с девушкой Алиной, которая поет. В то же время Ожмег готовит его для осуществления своей давней цели – убрать властелина руками этого воина. Испытавший на себе разные по характеру влияния Мати и Ожмега парень в смятении переходит из одного психологического состояния в другое: стоит ему взять в руки дудку, как он превращается в Натана и говорит о своем желании остаться в лесу. А когда откладывает дудку, то становится Марданом и гневно выкрикивает: *«Смерть властителя ожидает!»* Мардан, в чьей душе просыпается демон, не верит Мати, пытается силой добиться взаимности. Когда девушка выражает согласие и сама обнажается, в душе парня вспыхивает чувство любви, и он снова превращается в Натана. Мати помогает ему осознать свое состояние: *«Ты – Мардан, но ты и – Натан,* / *Они рядом всегда живут. (...)* / *Жизнь так устроена –* / *Между белым и черным крутиться».*

Таким образом, борьба за душу парня между Ожмегом и Мати обретает силу извечного противостояния добра и зла. Мардан-Натан проходит три разных испытания. Первое – борьба с самим собой. Потерявшийся между прошлым и будущим парень с помощью ножа пытается покончить с собой, однако Мати останавливает его. Второе – Натан на охоте встречает раненого лося. Желая убить его, он заносит свой нож, однако, заметив в глазах лося мольбу о помощи, освобождает его из капкана. Третье – испытание любовью. Парень влюбляется в Мати и открывает для себя совершенно другой неизведанный мир. Испытание продолжается – к нему из города приезжает красавица Алина. Она признается, что скучает по Мардану, любит его, из-за него бросила сцену, больше не поет и решила связать свою судьбу с ним. Однако Натан не принимает ее. К тому времени Мати уже успела заронить семена доброты в душу парня, и Натан, отстаивая справедливость, уходит на борьбу со злобным властелином.

В пьесе «Прекрасная Аппаксылу» Танбатыр хотя и показан как смелый и храбрый воин, но он хвастлив, гордится собой и это обходится ему весьма дорого. При этом умение парня прекрасно

петь – это тоже ценное свойство. Искусство обладает громадной силой воздействия, как бы говорит нам драматург. Его льющиеся из души печальные песни, полные тоски по возлюбленной, трогают сердца всех героев. Чувство милосердия, присущее парню, его желание просить прощения даже у Дива и, конечно же, опора на помощь новых друзей удваивают его силу и уверенность в своей победе.

Представление образа Дива через мафиозника Салыптаптара придает пьесе современные черты. Танбатыр во время поединков три раза побеждал Дива, но злой дух все время выживал. Тогда на помощь парню приходит молодая девушка Демони. Она признается, что любит Салыптаптара и что его расчетливость, поглядывания на других девушек, постоянные недобрые дела и поступки оказываются следствием того, что когда-то он был заколдован. Поэтому девушка горит желанием избавить его от колдовской силы и вернуть к истинной сущности.

В широком плане драматург как бы продолжает свои размышления об источниках зла, о формах противодействия и борьбы с ним. Как представитель живой природы, Див тоже творит свои недобрые деяния лишь под воздействием колдовской негативной энергии, то есть он превратился в злодея лишь под давлением определенных жизненных обстоятельств. Освобожденный от магии колдовства Салыптаптар меняется на глазах, просит, чтобы его простили. Когда уходит колдовская сила Дива, Аппаксылу вновь превращается в молодую девушку. Таким образом, конфликт разрешается в пользу победы добра над злом. Содержание пьесы «Прекрасная Аппаксылу» носит современный характер, а автор обогащает традиционные образы новыми функциями, оттенками и нюансами. Хотя они и даны в аллегорической форме, но мы угадываем в них знакомые типы, встречающиеся в сегодняшней жизни.

В пьесе В. Ушакова герои, противостоящие друг другу в главном конфликте, весьма своеобразны. Как сторонница добра выступает лесная девушка, знахарка Мати. Живя в лесу, она лечит людей и животных. В нагрудном знаке, доставшемся ей в наследство от матери, таится волшебная сила, которая призвана служить только силам добра. Поэтому девушка опирается на поддержку и помощь Богини Солнца, то есть божества домашнего очага. Лесная девушка любит и сумеет завоевать любовь

своего избранника. А источником зла изображен известный колдун, министр властелина Ожмег. Будучи колдуном, он обладает силой черной магии, которой пользуется преимущественно в личных интересах. Главная цель Ожмега – уничтожить злого властелина и занять его место на троне. Для ее достижения он готов использовать любые средства. Оказавшись в лесу в поисках сына, Ожмег не в силах принять перемен, произошедших в нем, превращения его в совершенно другого человека – Натана. Он просит лесную девушку отпустить парня для возвращения к прежней жизни, даже пытается подкупить Мати за деньги. На первый взгляд, в словах Ожмега есть своя правда: «*Предки изрекли: "Без прошлого нет и будущего"».* Однако Мати возражает, говоря, что на чашу весов положена жизнь парня: *«Иначе он бы не вылечился».* Видя, что никакими уговорами ему не склонить парня на свою сторону, Ожмег предпринимает последний шаг: силой магии отнимает у парня разум, в его руки вкладывает родовой меч, а девушку Мати крепко-накрепко связывают. Парень, в душе которого снова проснулся демон, поднимает меч против своего приемного отца Ожмега, но в последний миг его останавливает любимая девушка. Доброта Мати снимает колдовскую пелену с глаз Натана, и он вновь обретает свою истинную человеческую природу и освобождает свою любимую. С помощью Богини Солнца Мати отстаивает справедливость на своей земле. Богиня Солнца силой молнии заставляет убраться под землю Ожмега и его помощника Бакыра. Таким образом силы зла в произведении уничтожаются, а истина одерживает победу.

Сближая между собой эти произведения, на первый план выдвигаем мотив любви. Это естественное чувство присуще всем живым существам. В представлении драматургов, это такая неодолимая сила, которая способна преобразить мир всего живого на земле. Все герои произведений так или иначе подвержены её воздействию. Даже дивам и джиннам, в мифологии и фольклоре зачастую изображаемым как сила, враждебная человеческому роду, оказывается свойственно это чувство.

Таким образом, авторы создали образы неоднозначных, но ярких, интересных и современных героев. Не повторяя друг друга, тем не менее они добиваются довольно полного раскрытия противоречивых сторон бытия. Сердцевину художественного

мышления обоих драматургов составляет вера в силу красоты и любви, опора на силы добра. Поэтому эти пьесы наводят на мысль о том, что счастливое будущее человечества возможно лишь в том случае, если основой жизни оно выберет гармоничное сосуществование с миром природы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Еникеев И.А., Ганиева А.Ф., Миннуллина Ф.Х.* Аспекты эстетической коммуникации в татарских трагедиях XX века // Современные исследования социальных проблем. – Красноярск, 2019. – Том 11. – № 1–2. – С. 109–117.

2. *Надыршина Л.Р.* Жанровые особенности драматургии Ахсана Баянова // Театр тюркского мира: перспективы развития. Материалы Междунар. науч.-практ. конфер., посвящ. Году театра в России. Сост.: А.Р. Салихова, Н.Х. Нургаянова, Д.Р. Фардеева. Науч. ред. Э.М. Галимова. – Казань: ИЯЛИ, 2019. – С. 197–202.

УДК 398

Н.Е. Котельникова,
заместитель главного редактора
научного альманаха «Традиционная культура»,
Государственный Российский Дом народного творчества
имени В.Д. Поленова (Москва)

N.E. Kotelnikova,
Deputy Editor of the scientific almanac ‘Traditional Culture’,
State Russian Folk Arts House named
after V.D. Polenov (Moscow)

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ КООРДИНАТЫ В РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ПРОЗЕ О КЛАДАХ

SPATIAL COORDINATES IN RUSSIAN FOLKLORE PROSE ABOUT HIDDEN TREASURES

Аннотация. В статье были выявлены основные локусы расположения скрытых сокровищ, рассмотрены их особенности, прослежены связи с определенными типами кладов и рассказов о них. Сделан вывод, что, как правило, о происхождении кладов в осво-

енном человеком пространстве (дом, двор, хозяйственные постройки и т.п.) ничего не известно или оно связано с обычными людьми, жившими здесь ранее. Клады, расположенные дальше от человеческого жилья, в народных представлениях чаще связываются с историческими событиями, лицами или народами.

Ключевые слова: клад, мифологические персонажи, локус, разбойники, исторические события.

Abstract. This article considers the main locations of hidden treasures. Their connections with certain types of treasures and folk stories about them are traced. The conclusion is drawn that, as a rule, if the treasure has been hidden within the space, reclaimed by humans, as a house, a farm, household buildings etc., its origin is either unknown or related with common people, who had resided there before. Treasures, hidden far from human residence, get related with historical events, persons or alien ethnic groups.

Keywords: hidden treasures, mythic characters, locus (place), highwaymen, historical events.

Проза о кладах в русском фольклоре представлена несколькими жанрово-стилистическими группами устных рассказов (например, о скрытых сокровищах, которые охраняют сверхъестественные силы, о кладах, которые сами вступают в контакт с человеком, принимая различные облики, и т.д.), для каждой из которых характерна особая образная система и определенный тип клада. Все эти рассказы объединяет единый фонд повествовательных компонентов [9], представляющий собой парадигму элементов мотивов и сюжетов фольклорной прозы о скрытых сокровищах. Пространственные компоненты, входящие в него, играют существенную роль в формировании рассказов различных типов и создании образов конкретных кладов. Они связаны не только с реальными локусами, но и с тем вторым планом, который стоит за ними в традиционных представлениях, поскольку «в архаической модели мира пространство оживотворено, одухотворено и качественно разнородно» [22, с. 340].

Специальное исследование локативных характеристик кладов в русской фольклорной прозе проводится впервые. В основу статьи легли фольклорные материалы конца XIX – начала XXI в.,

отражающие представления о кладах носителей традиционного фольклора. Рассказы современных кладоискателей для исследования не привлекались.

Рассмотрение пространственных координат скрытых сокровищ целесообразно начать с центра освоенного человеком пространства – дома, а затем перейти к более удаленным его элементам и выйти за его границы.

С жилым пространством дома устойчиво связан тип кладов, которые сами являются человеку, принимая различные облики: предмета (например, клубочек), птицы (курица или петух), животного (барашек, козленок) или человека (мужик, старуха, девушка).

Дом может мыслиться как единый локус без указания на конкретные пространственные элементы внутри него, например: «Когда клад долго лежит, то он через какое-то время выходить начнет. Вот так повыходит-повыходит и затихнет. Да, вот в одном доме в 12 часов курица по дому ходила. Походит-походит и опять исчезнет. На следующую ночь снова… А потом пропала. Люди говорят: “Это клад у них выходит, а взять его не сумели”» [15, с. 280].

Но чаще место появления клада описывается более детально: «В одно прекрасное время приходят родители домой, дети жалуются, что с ними барашек играет. “Какой барашек?” – спрашивают. “Да с-под пола”, – отвечают дети» [8, с. 288–289]. Подпол является ритуально и мифологически маркированной частью дома, служит границей между мирами и связывается в традиционных представлениях с покровителями жилища – душами предков [13]. А иномирная природа и связь с людьми, жившими ранее, являются неотъемлемыми чертами образа клада, возможно, поэтому мотив появления сокровищ в виде людей, животных или предметов из подпола наиболее частотен.

Также семиотически значимым компонентом дома является печь [21]. Контакты с кладами в различных обликах, связанных с печью, служат сюжетообразующим мотивом многих фольклорных повествований: например: «А жила одна женщина, сирота, бедная сирота. И вот, она лежит на печке, говорит. А из-под печки выскочил козленочек. Говорит: “Как скокну!” Она не испугалась:

“Ну, скокни”. – “Как выйду!” – “Ну, выйди”. – “Как прыгну!” – “Ну, прыгни”. И он прыгнул. И рассыпалося золото. Вот…» [17, с. 215].

С данными локусами связан и устойчивый сюжет, в основе которого лежит заклятие клада с помощью особой вербальной формулы. Для того, кто прячет сокровище, заклятие является формулой невозможного, но для того, кто хочет обрести клад, – руководством к действию [10, с. 194]. В данном случае это рассказы, основанные на заклятии типа «Чьи руки зароют, те и отроют». Например: «Старик один в подполе клад зарывал, а сноха и видела. Вот он зарывает и говорит: “Чьи руки зароют, те руки и отроют”. На другой день старик и помер. Сноха стащила его мертвого в подпол и давай его руками клад отрывать, да приговаривать: “Чьими руками зароется, теми и отроется! Чьими руками зароется, теми и отроется! Чьими руками зароется, теми и отроется!” Ей клад-то и дался» [18, с. 361].

Специфической особенностью кладов, расположенных в верхней части пространства избы (потолок, матица, печная труба), можно считать отсутствие визуального образа и проявление себя только голосом. Для рассказов о сокровищах такого рода характерно наличие определенного набора персонажей. Сначала в контакт со скрытым сокровищем вступают те, кто живет в доме и, как правило, не знает, что делать, когда сверху раздается голос. Затем в повествование вводится дополнительный персонаж, не характерный для других рассказов о кладах в доме, – предприимчивый прохожий, солдат или странник, который не дает хозяевам объяснений пугающего их явления, а с разной степенью корысти помогает избавиться от него. Например, в одном из сибирских вариантов: «Идет как-то солдат. “Пожалуйста, дайте переночевать”. – “Да видишь, какая каюта у нас, и детей куча”. – “А дом-то какой у вас!” – “Да мы сами в том доме не живем”. – “А почему?” – “Нельзя. Кричит кто-то: “Свалюсь!”. – “Ну, ладно, я пойду в этот дом ночевать”. Спит он, и вдруг кто-то как закричит: “Свалюсь!”. Солдат не выдержал, закричал: “Вались!”. Тут бух! Кринка золота. Солдат наложил золото по карманам и пошел. “До свидания, – говорит, – спасибо. Иди живи, никто теперь тревожить не будет”» [14, с. 138].

Необходимо отметить, что не все локусы дома, которые в традиционных представлениях наделены высоким семиотическим статусом, задействованы в рассказах о кладах, например, почти не упоминается такой важный элемент, как порог.

Клады могут являться человеку не только в доме, но и в различных хозяйственных постройках, в банях, около них и т.д. Например: «…захожу в избу и говорю: “Ты чего нетель свою ищешь, вон она у тебя в хлеву стоит”. Пошли мы в хлев, смотрим, а там уже никого нет. Это клад был. Вот если бы я ее ударила, она бы деньгами рассыпалась» [14, с. 136].

Можно выделить и такой важный и неоднозначный элемент освоенного человеком пространства, как колодец – «объект и локус, совмещающий признаки водного источника и хозяйственной постройки» [3, с. 536]. В колодцы, как и в другие водные источники, люди опускали свои богатства во время войн и других социальных потрясений, прятали награбленное разбойники. Там же могли располагаться и клады других типов, например: «В сельце Слободе существует такое предание о кладе, приуроченное к одному колодезю. Два брата с сестрою заметили клад в колодезе; тот час вместе пошли они добывать его. Сестра уснула возле колодезя в ожидании клада, а братья нарочно не будили сестру, чтоб клад достался им одним – за такую жадность не дался клад никому и навсегда ушел из колодезя» [6, с. 162–163]. Интересен зафиксированный в Костромской области случай, когда клад принимал облик колодца и показывался людям [19, с. 9].

Если говорить о реальных находках, то они часто происходили в домах, в том числе и городских. Также крестьяне часто выпахивали отдельные монеты или различные емкости с деньгами или ценными вещами в огородах и на полях. Повествования о таких случаях обычно носят реалистичный характер.

Особое место в картине мира традиционного человека занимает кладбище, независимо от своего расположения относительно человеческого жилья, поскольку как часть мифологического пространства оно противопоставляется миру живых. Там видят блуждающие огоньки, горящие свечи и т.д., указывающие на клады.

Пространство, удаленное от человеческого жилья, так же как и освоенное человеком, в фольклорной несказочной прозе

наделяется дополнительной мифологической и исторической семантикой, а его элементы занимают важное место в структуре конкретных текстов. «Обычно природный ландшафт трактуется как некий реальный фон, на котором любая, пусть даже самая фантастическая, мистерия приобретает признаки правдоподобности, а само повествование – характер достоверности. А между тем при ближайшем рассмотрении выясняется, что каждая из изображаемых частей пространства, обретая в мифологическом восприятии свою устойчивую символику, предопределяет начало, течение и исход коллизии, равно, как и ее последствия для индивида, социума, и – в конечном итоге – для всего мироздания» [11, с. 5].

В удаленном от человеческого жилья пространстве можно выделить несколько активно задействованных в русской фольклорной прозе о кладах локусов. Это, прежде всего, лес, отдельно стоящие или крупные и приметные деревья, горы, холмы, бугры, большие камни и, наконец, водные источники.

Пространство леса часто служит местом случайной встречи человека с кладом: «Раньше, рассказывают, у нас солдат в округе появлялся. Ходит по лесу, весь ценными штуками увешан, блестит весь. А ровно в полдень пропадает, как сквозь землю проваливается. Вот где он исчез, в том месте клад искать надо» [15, с. 282].

Охотники за сокровищами также отправляются в лес. Там их нередко ждет встреча с охранниками клада, например: «…едва он коснулся щупом плиты, которая покрывала котел с сокровищем, как выскочил оттуда цыган да за ним. Смельчак до того перепугался, что на другой день помер»» [1, с. 720]; «В лес только зашли – и вдруг откуда ни возьмись ветер, начал деревья ломать да их вершинами хвостать. Они бежать из лесу» [4, с. 91].

Лесные клады и/или их охранники могут проявлять активность и предлагать выполнить определенные действия, например: «...идет и видит – из лесу вышла женщина вся в белом. “Не надо ли, – говорит, – мужичок, тебе денег?” – “Коли, – говорит, – не надо, дворину бы переправить, по хозяйству кое-что изладить!” – “Так пойдем, – говорит, – в лес, я тебе денег дам”» [19, с. 7].

Происхождение кладов в лесу нередко связывалось с разбойниками, поскольку они действительно там жили: «Постоянным местом жительства Ивана Фаддеивича был огромный глухой бор Карево, где он умел всегда скрыться от преследования и где впоследствии оказался огромный клад, который многие видали, но взять никому не удалось. Он находится и в сее время тут» [19, с. 37].

Происхождение кладов в лесу могли приписывать и народам, которые находились ранее на данной территории.

И наконец, лес связан с мотивом похода за цветком папоротника с целью дальнейшего обретения сокровищ. Надо сказать, что этот мотив был характерен не для всей территории России, где папоротник чаще связывался с представлениями об удаче, невидимости и умении понимать язык животных, нежели с поисками сокровищ.

Клады нередко оказываются зарытыми под одиноко стоящими или крупными, приметными деревьями. По мнению Н.А. Криничной, в фольклорной прозе имеются в виду деревья, которые когда-то могли быть объектом поклонения [12, с. 111]. Деревья, под которыми расположены клады, сами обретают необычайные свойства: «А не доезжая до Лузы, береза стоит. Там, говорят люди, клад. В логу там церква была, говорят. Береза-то наверху, в аккурат близко. Люди говорят, и летом и зимой листья на березе не опадают. Она вся в листьях стоит, растопырилась»*.

Горы, холмы, курганы также являются обычным местом захоронения сокровищ. Как и леса, различные возвышенности тесно связаны с разбойниками: «…существует будто бы четырехугольная гора, где будто бы скрыты сокровища Ивана Фаддеича» [19, с. 36]; «Я слышала, что на Лохматом кургане, у Зотова и других курганах жили разбойники и один одному знать давали. В Лохматом кургане, говорят, золотой конь, золотые прииски есть. Копали курган много раз – по слухам не нашли ничего, а если и знать, кому и когда копать и как взять – клад абы кому не

---

* Текст хранится в фольклорном архиве кафедры устного народного поэтического творчества филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Кировская область. 1988. Т. 12, № 77.

дается» [24, с. 225]; «Болтают, что изстари жил какой-то народ, Кудеярами прозывался; народ был – злодей, безбожный, с нечистою силою знался… вот те Кудеяры и курганы понасыпали» [20, с. 344].

Горы и холмы с разбойничьими кладами во многих рассказах расположены около рек, поскольку значительное число из вошедших в предания разбойников занимались речным пиратством. В горах, холмах, ярах и т.п. бывают различные пещеры и подземелья. С ними чаще, чем с другими локусами, связываются сюжеты о таких знаменитых разбойниках, как Разин и Кудеяр, которые сами стерегут свои сокровища и несут Божью кару за свои грехи.

Также сокровища на различных возвышенностях приписывают народам, жившим ранее на данной территории, – чуди, панам и т.д. Эти клады могут проявлять себя в виде выходящих на этом месте животных, людей и предметов: «От д. Воротишино (Калоденского прихода) в одной версте, в поле, есть курган, обросший толстыми березами, теперь уже посохшими, тут, по преданию, похоронены “паны”. Старики рассказывают, что в прежнее время рано по утрам видывали на бугре свинью с поросятами, никому не принадлежащую, это видение указывает на то, что тут якобы есть клад, но попыток его достать никто не производил» [5, с. 126]. Возможно, это объясняется тем, что образы этих народов в фольклорной традиции обычно размыты, имеют много мифологических черт и связываются с нечистой силой. Поэтому, например, опасно разрывать холмы, где лежат клады чуди. Эти запреты действуют и в современной реальности: «И вот в Покшеньге (в Пинежском районе) какой-то бульдозерист, говорит, что, мол, разроет. А Пуп-то высотой метров в семь-восемь, холм такой. А в диаметре метров пятьдесят рыли яму. Чудь-то ведь засыпали песком, зарывали и получался холм. А бульдозерист-то и говорит, что, мол, он все-то не будет разрывать, а только сбоку, с краю. Рыл-рыл-рыл, ну, тут много зевак не было. Утром люди пришли: бульдозер работает, а он мертвый лежит на рычагах у бульдозера» [7, с. 77].

По народным представлениям сокровища могли находиться в водных источниках или около них. В реках, ручьях, озерах,

прудах, болотах и т.д. топили колокола, иногда сложив в них другие ценные вещи, чтобы уберечь от неприятеля, завоеватели и разбойники прятали награбленные богатства, люди пытались сохранить свое добро во время войн, революции, коллективизации и т.д.

Волшебные клады, связанные с водой, могут иметь различный вид: человека, например: «В одном месте поехал рыбак рыбачить и видит – выходит из воды старичок и не мокрый, сухой. Говорит рыбаку: “Толкни меня!”» [19, с. 7]; животных или предметов: «На этом озере иногда выплывал сундук с кладом. И соответственно на этом сундуке была надпись, что этот клад вытащит тот, кто соберет двенадцать петухов и вывезет его в запряжке» [2, с. 54–55], но чаще всего – бочки или бочонка, например: «От идём. И взглянули на ету канавку. Как по канавки гонит бочонок! Обручи-то такие хорошие набито. Бочонок, и закубренный. Он по волнам. Откуда волны взялися – знай, и речка-то не тякла, ета канавка! Как гонит, гонить…» [23, с. 286].

Наличие клада делает любое место особенным. Например, люди, случайно оказавшиеся там, как правило, не могут потом найти туда дорогу: «Попасть на эту гриву, где зарыт клад, очень трудно, и вообще редкому выпадает на долю увидеть эту гриву. Но раз кто-либо попадает на гриву, другой раз уже эта самая личность ни за что не найдет туда дороги. Рассказывают, что Храмцов, возвращаясь с гривы, делал зарубки на деревьях, попадавшихся на пути, чтобы легче найти дорогу в следующий раз. Но затем, сколько не старался отыскать путь, ведущий к гриве, он не нашел ни одного дерева, на котором делал метки» [16].

Подводя итог, можно сделать вывод, что все локусы, которые в русской фольклорной несказочной прозе связываются со скрытыми богатствами, обладают определенной мифологической и/или исторической значимостью. Наличие кладов не просто ее подтверждает, но и создает. Специфика локативных компонентов рассказов о кладах формируется под влиянием эволюции мифологических и исторических представлений. Нельзя также не учитывать, что клады прятали и находили в реальной жизни реальные люди. В процессе бытования устной традиции за определенными элементами пространства закрепились определенные

сюжеты. В локусе дома и близко к нему человек помимо бытовых находок чаще сталкивается с кладами, которые предстают перед ним неожиданно в различных обликах. Происхождение их, как правило, неизвестно, а если изредка и указывается, кто спрятал сокровище, то это обычные люди, жившие здесь ранее. В пространстве, удаленном от человеческого жилья, кроме подобных кладов находятся сокровища, которые люди отправляются искать целенаправленно. Эти клады в большинстве случаев связаны с историческими лицами, событиями и народами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристов Н.Я.* Предания о кладах // Записки РГО по отделению этнографии. Т. 1. – СПб., 1867. – С. 709–739.

2. *Беломестнова А.С., Королёва С.Ю., Чуйкина Е.В.* Петух на чудском городище (об орнитоморфных мотивах в русских и коми-пермяцких преданиях о кладах) // Филологические заметки. – 2018. – Т. 2. – № 16. – С. 53–71.

3. *Валенцова А.А., Виноградова Л.Н.* Колодец // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. В 5 т. Т. 2. – М.: Международные отношения, 1999. – С. 536–541.

4. Вятский фольклор. Мифология / сост., вступит. статья и коммент. А.А. Иванова. – Котельнич, 1996. – 218 с.

5. *Герасимов М.К.* Из преданий и поверий Череповецкого уезда // Этнографическое обозрение. – № 4. – 1898. – С. 126–132.

6. *Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник. Ч. 1. – СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1891. – 716 с.

7. *Дранникова Н.В.* Чудь в устной традиции Архангельского Севера. – Архангельск: Поморский университет, 2008. – 148 с.

8. *Зиновьев В.П.* Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1987. – 401 с.

9. *Котельникова Н.Е.* Стабильные повествовательные компоненты в несказочной прозе о кладах // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. XXX. Под ред. А.Н. Розова. – СПб.: Наука, 1999. – С. 215–229.

10. *Котельникова Н.Е.* Формула невозможного в русских фольклорных рассказах о кладах // Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора. – М.: Гос. ин-т искусствознания, 2015. – С. 190–198.

11. *Криничная Н.А.* Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины, поверья Карелии и сопредельных обла-

стей: Исследования. Тексты. Комментарии. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. – 622 с.

12. *Криничная Н.А.* Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры. – Л.: Наука, 1987. – 325 с.

13. *Левкиевская Е.Е.* Подпол // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. В 5 т. Т. 4. – М.: Международные отношения, 2009. – С. 103–106.

14. Мифологическая проза славянского населения Красноярского края: Хрестоматия: в 2 т. Т. 2: Рассказы о духах природы, нечистой силе, кладах, предсказаниях / сост., предисл., примеч., сбор материала и подгот. текста Н.А. Новоселова, С.В. Калинина. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2017. – 244 с.

15. Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / сост. К.Е. Корепова, Н.Б. Храмова, Ю.М. Шеваренкова. – СПб.: Тропа Троянова, 2007. – 496 с.

16. Нижегородские губернские ведомости. – № 16–17. – 1891.

17. По заветам старины. Мифологические сказания, заговоры, поверья, бытовая магия старообрядцев Литвы / изд. подгот. Ю.А. Новиков. – СПб.: Тропа Троянова, 2005. – 296 с.

18. *Садовников Д.Н.* Сказки и предания Самарского края // Записки РГО по отделению этнографии. Т. 12. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1884. – 390 с.

19. *Смирнов В.И.* Клады, паны и разбойники: Этнографические очерки Костромского края. – Кострома: 1-я Гос. (ком.) тип., 1921. – 49 с.

20. Сочинения П.И. Якушкина с портретом автора, его биографией С.В. Максимова и товарищескими о нем воспоминаниями П.Д. Боборыкина, П.И. Вейнберга, И.Ф. Горбунова [и др.]. – СПб.: В. Михневич, 1884. – 709 с.

21. *Топорков А.Л.* Печь // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. В 5 т. Т. 4. – М.: Международные отношения, 2009. – С. 39–44.

22. *Топоров В.Н.* Пространство // Мифы народов мира. Т. 2. – М.: Российская энциклопедия, 1994. – 351 с.

23. Традиционный фольклор Новгородской области / сост. М.Н. Власова, В.И. Жекулина. – СПб.: Алтея, 2001. – 534 с.

24. Фольклор хопёрских казаков: материалы краеведа В.А. Апраксина / ред.-сост. И.Е. Посоха, Н.Е. Котельникова, В.Л. Кляус. – М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2012. – 432 с.

УДК 82.512.145-2

Ф.Х. Миннуллина,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института языка и литературы
им. Г. Ибрагимова Академии наук
Республики Татарстан

F.Kh. Minnullina,
PhD in Philology, senior researcher
of G. Ibragimov Institute of Language,
Literature and Art,
the Republic of Tatarstan Academy of Sciences

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА ДОМОВОГО И ЧЁРТА (НА ПРИМЕРЕ ПЬЕС З. ХАКИМА И М. ГИЛЯЗОВА)

MODERN LITERARY INTERPRETATION OF THE HOUSE SPIRIT IMAGE AND THE DEVIL IMAGE (ON THE EXAMPLE OF PLAYS BY Z. KHAKIM AND M. GILYAZOV)

Аннотация. Статья посвящена изучению мифологических образов Чёрта и Домового как формы образного мышления и ее отражения в татарской драматургии на примере произведений З. Хакима и М. Гилязова. На основе представленного анализа исследуются характерные черты героев современной татарской драматургии.

Ключевые слова: трагедия, драма, фольклор, мифология, герой, конфликт.

Abstract. The article is devoted to the study of the mythological images of the Devil and the House Spirit as a form of imaginative thinking and its reflection in Tatar drama on the example of the works by Z. Khakim and M. Gilyazov. On the basis of the presented analysis, the characteristic features of the heroes of modern Tatar drama are studied in the research.

Keywords: tragedy, drama, folklore, mythology, hero, conflict.

Начавшиеся в конце XX в. общественно-политические перемены привнесли в литературу новые темы, систему образов и идейно-эстетическое своеобразие. Например, в татарской литературе наблюдается активное обращение к таким мифологическим существам, как *бичура* (домовой), *шайтан* и др. Отмечается, что «с помощью мифологических сведений, условно-мифологических приемов, символических образов, метафор, сказочных приемов читателю предлагается модель идеальной жизни, отвергаются не только бытие, но и политические ценности» [7, с. 31]. А. Закирзянов подчеркивает: «В современной татарской литературе с целью раскрытия жестких противоречий бытия и социально-экзистенциального героя наблюдается обращение к реальным и мифологическим явлениям мира, архетипам и мифологемам» [5, с. 108]. Неудовлетворенность жизнью, протест против негативных ее сторон, несправедливость, существующая в обществе, вред, причиняемый окружающей среде, вынуждают писателей все больше задумываться о сегодняшнем дне, проводить параллели с прошлым [2, с. 27]. Параллельное существование в произведении современности и прошлого, свободное использование в нем сюжетов преданий, мифов, легенд и сказок, обращение к приемам волшебства и превращения становятся причиной возникновения условно-метафорического направления. Некоторым художественным произведениям конца XX – начала XXI в. свойственно одновременное сочетание мифологического, романтического и символического мышления [4, с. 18]. Е.М. Мелетинский утверждает, что «мифологизм является характерным явлением литературы XX в. и как художественный прием, и как стоящее за этим приемом мироощущение» [9]. Например, в трагедии З. Хакима «В объятиях черта» показан мифологический образ черта, который дает возможность раскрыть реальную действительность. Как справедливо отмечает А. Саттарова, «…чтобы передать внутренние состояния героев, писатель обращается к синтезу реального, фантастического, мифологического» [10, с. 21]. Образ Черта – это воплощение зла, с которым борется человек. Фольклорист и историк А.Н. Афанасьев предполагал, что слово «чёрт» происходит от «чёрный» – названия цвета, обычно ассоциирующегося со злом [1]. Так происходит и в пьесе З. Хакима. В пьесе функции чёрта гораздо шире и многообразнее. Он соблаз-

няет женщин и мужчин, толкает на самоубийство, провоцирует страшные преступления, постоянно охотится за человеческими душами. В произведении речь идет об истории влюбленных – Разима и Фанзили. Окончив школу, Фанзиля уезжает в город учиться. Молодая девушка постепенно попадает под влияние соблазнов городской жизни. В душе девушки поселяется чёрт-шайтан в облике мужчины. Ильгиза-Шайтана видит только сама девушка. В результате она не только общается с ним, но и влюбляется в него. У девушки развивается раздвоение личности. Подобные события происходят и с Разимом. Парень, увлекшись девушкой Ильгизой-Шайтан, по ее наущению втягивается в омут пьянства. Черт в человеческом облике манит молодых в пропасть. Название трагедии также дает представление о нечистом месте, которое выражено преимущественно чертовым названием, несущим смысл присутствия чего-то опасного. Чертов омут – это место на реке, где никто не может достичь дна. Люди обходят стороной эту местность, так как, согласно поверью, здесь можно навлечь на себя болезнь, несчастье или смерть. По наущению Шайтана Разим и Фанзиля бросаются в Чертов омут и погибают.

Драматург показывает, какими противоречивыми и болезненными могут быть изменения, происходящие в душе человека. Жизненная модель вобрала в себя два мира: один – мифический, где живет Ильгиз-Шайтан и Ильгиза-Шайтан, второй – реальный, со свойственными ему будничными событиями; и герои легко перемещаются из одного мира в другой. В пьесе идут поиски не внешних факторов, приводящих к жизненной трагедии героев, а внутренних предпосылок и личных мотивов. Это рассказ о трагедии людей, не сумевших найти правильную дорогу в жизни. Воплощенные в образе чертей Ильгиз и Ильгиза раскрывают нам темную сторону сущности человека. Через раздвоение личности показана душевная борьба главных героев между добрым началом и злым.

По мнению О.В. Журчевой, черт – это олицетворение зла, он никогда не выступает в качестве благодетеля [3, с. 117]. Но с этим утверждением можно и не согласиться. Например, в трагикомическом фарсе З. Хакима «Черт попутал» (1991) используется гротеск, один из приемов театра абсурда, когда образ трансформируется и черт изображается милосердным, добрым, словно ангел. Черт, проживший 2084 года, принесший людям много зла, сейчас

начинает превращаться в доброе существо. Причиной этих изменений стало то, что на земле гораздо больше безнравственных людей. Например, озеро, в котором живут черти, загрязняется отходами завода. Вняв просьбе Сальмана, Черт вместе с Луной помогают ему перенестись на другую планету. Но оказалось, что Сальман уклоняется от уплаты алиментов. Он попадает в руки аборигенов-людоедов, от которых его спасает Камиль, сам находящийся в бегах за хулиганство, избиение человека. Они вместе с Гали, таким же беглецом и жуликом, начинают жить в отдельном обществе. Но такая жизнь скоро им надоедает. Черт, вняв их просьбам, помогает им вернуться на землю. По мнению черта, в разрушении уклада жизни виноваты, прежде всего, сами люди. Драматург оперирует фантастическим образом черта, который воспринимается как реальный образ, но наделенный в то же время особыми мифологическими значениями. Введение отдельных мифологических персонажей в ткань реалистического повествования обогащает модель действительности. Автор показывает всю глубину духовного и морального падения героев. Тем самым драматург дает оценку своей эпохе, акцентируя ее несоответствие человеческим нормам морали.

В татарской литературе мифологический образ домового является одним из ключевых. В отличие от других духов, он находится ближе к человеку, помогает ему во многих сложных ситуациях, но самое главное – охраняет дом. Он хранит дом от злых духов, опасных болезней. Существуют поверья, что среди них встречаются и злые, и веселые, и вздорные, и беспокойные [11, с. 32]. В энциклопедии «Мифы народов мира» (под ред. С.А. Токарева (1987–1988) домовой определяется как «дух дома». Домовой – хозяин и покровитель дома и его жителей, домашних животных, а также хозяйственных построек. Он поддерживает мир и порядок в семье, помогает людям, заботится о животных, охраняет жилище. Этот мифологический персонаж – один из наиболее устойчивых среди всех представителей народной демонологии. Так, в драме М. Гилязова «Домовой» он воспринимается как образ, приносящий людям пользу. Согласно народным поверьям, действительно каждый домашний дух привязан к хозяину того дома, от рода которого он берет свое начало и чьим прародителем он и является. Реалистические и мифические образы помогают показывать исчезновение татарских деревень, забвение

национальных традиций, проблемы распространения пьянства, непонимания между старшим и молодым поколением. Конфликт завершается победой черных сил. Когда из дома уходит Бичура, жилище разрушается.

Можно сказать, в драме параллельно присутствуют два пласта – действительность и условно-мифологический мир. Условно-метафорическое содержание раскрывается посредством образов Бичуры и Темных сил [7, с. 32]. Темные духи олицетворяют темное начало в человеке, а Домовой – светлое. На фоне социальных катаклизмов он также предстает народным, традиционным, национальным духом. Темные силы (Шәүләләр) символизируют и советскую идеологию, направленную на разрушение традиций, национальных ценностей. Домовой же в противовес им представляется хранителем народного духа. Соответственно, возникает конфликт тоталитарной идеологии и национального сознания.

Как видим, драматический конфликт в пьесе переплетается с национальными и нравственными ценностями. С помощью мифологических образов поднимаются проблемы, связанные с общечеловеческими идеалами и жизненными канонами. Поэтические метафоры служат для того, чтобы показать духовное опустошение, забвение национальных традиций и обычаев. В картину, описывающую разрушение ограды и ворот дома черными духами, автор вкладывает глубокий символический смысл. Фольклорный, мифический образ Бичура покидает стариков, и некогда горячий семейный очаг главного героя Аксака затухает – семейные узы рвутся. Из пятерых сыновей ни один не вспоминает о родителях. В народном сознании домовой, оберегающий дом, обличает алчную натуру людей. Изображая психологическое состояние героев, драматург останавливается на проблемах безнравственности, равнодушия. Важна и причина появления домового. Это может быть желание предостеречь, желание наказать за что-либо или желание помочь человеку. От причины появления зависят дальнейшие действия домового. Например, Бичура, представ в образе странника, заводит речь с невестками старика о необходимости сохранения родового гнезда, доставшегося от предков, а Руфия и Гульнара не хотят вслушиваться в смысл слов таинственного гостя, у Гульнары желание одно – сдать «стариков» в дом престарелых. Униженный Бичура после этих событий надолго исчезает.

Сюжет драмы интересен тем, что на первый план выносятся общественные проблемы, через судьбы отдельных людей показывается борьба за сохранение татарской нации. В пьесе поднимаются такие вопросы, как участь жертв системы, политические и семейные противоречия, губительное влияние политических событий и факторов на человеческую судьбу и др.

Сюжетный ряд некоторых произведений строится на синтезе фантастики и реальности. В драме «Домовой» М. Гилязов, например, посредством изображения двух миров – мира мифического и мира реального – смог изобразить изменения, происходящие в обществе. Через обращение к мифологическому образу домового автор добивается раскрытия противоположных сторон человеческой души – добра и зла. Анализируя пьесу, А. Закирзянов отмечает: «Конфликт, составляющий внутреннюю движущую силу пьесы, происходит как бы одновременно в двух плоскостях. У авторов появляются широкие возможности как в развитии сюжетной линии, показе весьма оригинальных героев, так и в применении богатой палитры изобразительных средств и приемов» [6, с. 188]. В драме внутренний конфликт старика оформлен как противоборство темных и светлых начал в подсознании человека. Таким образом, драматурги продолжили тему неустроенности человека в мире, дисгармонии в обществе. Также в пьесах наблюдается сочетание натурализма с гротескными интеллектуальными метафорами, постмодернистская игра, вовлечение в тексты мифов и литературных архетипов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: в 3-х т. – М.: Изд-во К. Солдатенкова, 1865−1869.

2. *Ганиева А., Надыршина Л.* Условно-метафорическая проза Р. Батуллы // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2020. – № 1. – С. 26–34.

3. *Журчева О.В.* Жанровые и стилевые тенденции в драматургии XX века. – Самара: Изд-во СамГПУ, 2001. – С. 117–121.

4. *Закирзянов А.М.* Отношение к модернизму и постмодернизму в татарской литературе // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 5 (143). Филология. Искусствоведение. Вып. 29. – С. 17–24.

5. *Закирзянов А.М.* Основные направления развития современного татарского литературоведения (кон. XX – нач. XXI в.). – Казань: Ихлас, 2011. – 320 с.

6. *Закирзянов А.М.* Проблема эпохи и героя современной татарской драматургии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – Вып. 7. – С. 187–191.

7. *Заһидуллина Д., Йосыпова Н.* ХХ гасыр татар әдәбияты тарихы: 2 томда: 2 т. – Казан: Казан ун-ты нәшр, 2011. – 246 б.

8. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Домовой // Мифы народов мира: Энциклопедия. в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. – 2-е изд. – М.: Советская Энциклопедия, 1988. – Т. 1. – С. 391–392.

9. *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа [Электронный ресурс] URL: http://knigosite.org/library/read/80058 (дата обращения: 28.08.2016).

10. *Саттарова А.М.* Современная татарская драматургия (1985–2000 гг.): концепция эпохи и героя. – Казань: Гуманитария, 2003. – 121 с.

11. Татар мифлары: ияләр, ышанулар, ырымнар, фаллар, имтомнар, сынамышлар, йолалар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. – 273 б.

УДК 821.512.145

Л.Р. Надыршина,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института языка, литературы
и искусств им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан

L.R. Nadyrshina,
PhD in Philology, senior researcher of
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art,
the Republic of Tatarstan Academy of Sciences

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ И ФОЛЬКЛОРНЫЕ СЮЖЕТЫ В ТАТАРСКИХ РОМАНТИЧЕСКИХ ПОЭМАХ НАЧАЛА XX ВЕКА

MYTHOLOGICAL AND FOLK STORIES IN TATAR ROMANTIC POEMS OF THE EARLY 20th CENTURY

Аннотация. В статье анализируется трансформация мифологических и фольклорных сюжетов в татарских романтических поэмах начала XX в. На материале произведений Кияма Юлдашева,

Фатхи Бурнаша и Бахтияра Мирзанова выявляются семантические и структурные особенности традиционных сюжетов, определяются их функции и художественное значение. Проанализировав выбранные поэмы в литературно-культурном и историческом контекстах, автор статьи выделяет некоторые тенденции развития татарской литературы исследуемого периода.

Ключевые слова: поэма, романтизм, миф, фольклор, татарская литература, образ, символ, архетип.

Abstract. The article analyzes the transformation of mythological and folk stories in Tatar romantic poems of the early twentieth century. Based on the works of Kiyam Yuldashev, Fatkhi Burnash and Bakhtiyar Mirzanov, the semantic and structural features of traditional plots are revealed, their functions and artistic significance are determined. After analyzing the selected poems in literary, cultural and historical contexts, the author of the article highlights some trends in the development of Tatar literature in the period under study.

Keywords: poem, romanticism, myth, folklore, Tatar literature, image, symbol, archetype.

Вопрос взаимосвязи литературы, фольклора и мифологии всегда интересовал исследователей, в частности в татарском литературоведении эта проблема нашла отражение в трудах некоторых исследователей [2, 3, 4, 5, 9, 10], однако татарские романтические поэмы начала XX в. в этом контексте еще не изучались.

В целом до начала XX в. в татарской лиро-эпике доминирует романтический дискурс, тесно переплетенный с дидактическими и просветительскими мотивами. Лирический герой, изображенный в традициях восточной любовной поэзии, очень часто тяготеет к сказочным персонажам. В исследуемом же периоде татарская поэма претерпевает качественные изменения, обусловленные влиянием западных литературных традиций (здесь, в первую очередь, подразумевается обращение к модернизму в поиске новых форм), с одной стороны, и возрастанием интереса к национально-культурным традициям – с другой. Как следствие, устоявшиеся реалистическая и романтическая парадигмы дополняются новыми явлениями: символизация, тяготение к экзистенциальному дискурсу, литературная обработка мифологи-

ческих и фольклорных сюжетов, обращение к архетипам и др. Если до начала XX в. традиционные сюжеты интерпретировались в основном в религиозном контексте, то сейчас мифологизмы и фольклоризмы окрашиваются иносказательной семантикой и несут в себе функцию оценки действительности.

«Романтизм в татарской поэзии начала XX века, – пишет Ю. Нигматуллина, – в целом имел просветительский характер, это был «романтизм идей». В романтической форме (форме романтической образности – символизации, поэтизации героического, романтического лиризма, особой интонационной напряженности его выражения, использовании традиционных романтических образов восточной и русской литературы и т.д.) преподносились идеи национального освобождения, осознания будущего татарского народа» [7, с. 117]. Характерное для романтического мышления противопоставление «идеального» и «реального» в татарских поэмах начала XX в. нередко реализуется в бинарной оппозиции прошлого и настоящего. Национальная история и легендарные, в какой-то мере мифологизированные личности – Сююмбике, Чура батыр и др., находят отражение в романтических поэмах исследуемого периода как результат поиска национального идеала. Идеализированная историческая картина мира в таких произведениях зачастую противопоставляется современности. Так, например, Киям Юлдашев в своей поэме «Чура батыр» (1916) обращается к сюжету татарского дастана, в действиях эпического богатыря реализуется мотив служения народу, являющийся ключевым в татарской литературе начала XX в. в целом. Гиперболизированные описания батыра (*Илләрендә күп икән бик көчле, гайрәтле юан, / Зур батырлар, дошманын еккач аталган пәһлеван. / Шул шәһәрдә бар пәһлеваннан да өстен зур батыр, / Хәйләле, эшлекле, гайрәтле икән – Чура батыр* [8, б. 75] – *В их государстве много сильных, храбрых и широкоплечих / Богатырей, победивших великих батыров и своих врагов. / В том городе есть батыр, сильнее всех богатырей, / Хитрый, деятельный, смелый – Чура батыр.* – Подстрочный перевод автора), его героические поступки воссоздают образ национального идеала.

В поэме Фатхи Бурнаша «Дулкыннар арасында» («Среди волн»), являющейся своеобразным синтезом «восточного ро-

мантизма» и романтизма европейского («байронического») типа, используется религиозно-мифологический сюжет о Хызыре – одном из исламских пророков. Образ Хызыра в символической интерпретации созвучен с архетипом Старого Мудреца. Как отмечает Л.Х. Давлетшина, в многочисленных легендах, сказках, обрядах тюркоязычных народов Хызыр предстает как вечный путник, старый скиталец, одаряющий и наказующий [3, б. 97], в поэме Ф. Бурнаша мы наблюдаем такую же модификацию архетипа Старого Мудреца. Ключевым сюжетообразующим мотивом в произведении выступает мотив борьбы: события поэмы раскрывают противостояние романтического героя с природной стихией и внутренний конфликт. Ретроспективы и внутренние монологи молодого человека воспроизводят его жизненный путь, полный испытаний и трудностей: каждый раз, когда силы его на исходе и смерть близка, сама Судьба уводит его от неминуемой гибели. Даже в чреве огромной рыбы (здесь автор нас отсылает к кораническому сюжету) герой находит спасение в лице Хызыра, явившегося в облике рыбы. Именно в его словах заложена основная идея произведения: (*Юлыңда бул, кулда көч барында,* / *Алга бар, тик кара алдыңы* [1, б. 260] – *Следуй по своему пути, пока есть сила в руках* / *Следуй вперед, гляди только в будущее.* – Подстрочный перевод автора).

В романтической поэме Бахтияра Мирзанова «Инкыйлаб» («Революция», 1915) автор обращается к фантастике и создает образ подводного мира, противоположного реальности. Бинарное противопоставление реального и ирреального дает возможность представить идеальное, с точки зрения автора, общество. Попадание героя в «потусторонний» мир – сюжет, распространенный в фольклоре многих народов; в данном произведении мы видим такую же идеализацию утопической реальности, в которой оказался путник. Неописуемая красота подводного мира (*Анда дөнья балкый нурда, аңкый хуш ис гөл генә,* / *Анда ишетелә моңлы саздан бер сихерле өн генә.* / *Анда нур балкый, түгелгән анда ак таң нурлары!* / *Анда нурлар сипкәли күктә ае, йолдызлары!* [6, б. 102] – *Там все в лучах света, аромат витает в воздухе,* / *Там слышна волшебная музыка.* / *Там лучезарно, словно вечный рассвет!* / *Там освещают землю луна и звезды!* – Подстрочный перевод автора) создает резкий контраст по сравнению с действи-

тельностью, раскрытой при помощи целого ряда условно-метафорических образов (*ветер, тьма, не наступающий рассвет* и др.). Национальный идеал автора обуславливается просветительской парадигмой: поэт мечтает о просвещенном будущем нации: (*И, җир бер балкысын! Без, әйдәгез, шәм яндырыйк!* / *Мәгърифәт, хикмәт белән күзләрне без нурландырыйк!* [6, б. 113] – *Пусть засияет земля! Давайте, зажжем свечу!* / *Пусть в глазах горит огонь просвещения!* – Подстрочный перевод автора).

В целом мифологические и фольклорные сюжеты в татарских романтических поэмах начала XX в. проецируются на национальную действительность. Мифологизированное видение истории, эпические герои, архетипы, идеализация ирреального утопического мира и др. приемы направлены на противопоставление исторического / фантастического с действительностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бурнаш Ф.* Дулкыннар арасында // Аң. – 1916. – № 16–17. – Б. 258–263.

2. *Ганиева А.Ф., Надыршина Л.Р.* Условно-метафорическая проза Рабита Батуллы // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2020. – № 1(106). – С. 26–32.

3. *Давлетшина Л.Х.* Мифологизм в татарской прозе конца XX – начала XXI вв. – Казань: РИЦ «Школа», 2006. – 140 с.

4. *Закирзянов А.М.* Мифологизм в современной татарской драматургии // Tatarica. – 2015. – № 2 (5). – С. 61–80.

5. *Миннуллина Ф.Х.* М. Гыйләҗевнең «Бичура» драмасында мифологик образлар // Ислам и тюркский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и религии: материалы VIII Междунар. тюркологической конфер. – Казань, 2016. – С. 131–133.

6. *Мирзанов Б.* Инкыйлаб // Аң. – 1915. – № 6. – Б. 100–104.

7. *Нигматуллина Ю.Г.* Типы культур и цивилизаций в историческом развитии русской и татарской литератур. – Казань: Фэн, 1997. – 189 с.

8. *Юлдаш К.* Чура батыр // Аң. – 1916. – № 5. – Б. 75–76.

9. *Юсупова Н.М.* Мифологические образы и сюжеты в лироэпических произведениях начала XX века: роль, функции и художественное значение // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 4. Ч. 2. – С. 211–214.

10. *Яхин Ф.З.* Татар шигъриятендә дини мистика һәм мифология. – Казан: ТДГИ нәшрияты, 2000. – 268 б.

УДК 82.512.145 (092)

Н.Ш. Насибуллина,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан
И.Х. Валиева,
учитель татарского языка и литературы
МБОУ «Многопрофильная полилингвальная
гимназия № 180»
Советского района г. Казани

N.Sh. Nasibullina,
PhD in Philology, senior researcher of
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art,
The Republic of Tatarstan Academy of Sciences
I.Kh. Valieva,
Teacher of the Tatar language and literature of
MBOU “Multidisciplinary Polylingual
High School No.180”, Sovetsky district, Kazan

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СКАЗОК РОБЕРТА МИННУЛЛИНА

JENRE ORIGINALLITY OF ROBERT MINULLIN’S FAIRY TALES

Аннотация. В статье подвергается анализу такой литературный жанр, придуманный народным поэтом Республики Татарстан Робертом Миннуллиным, как «кечкенэкият», который по жанровым свойствам примыкает к общеизвестной литературной сказке. Поэт вносит свой вклад в развитие жанра, изменяя не только содержательную сторону, но и форму. Созданный Р. Миннуллиным жанр в значительной мере опирается на традиции народной сказки и на малые фольклорные жанры.

Ключевые слова: фольклор, татарская литература, литературная сказка, поэзия, детская литература, жанр «little fairy tale».

Abstract. In this article, a literary genre of a “little fairy tale” developed by the Tatarstan Republic’s People’s Poet Robert Minnullin is analyzed. By its properties, this genre adjoins a well-known one of a literary tale. The poet contributes to the development of the genre, changing not only its content but also its form. The genre created by R. Minnullin largely relies on the traditions of folk tales and on small folklore genres.

Keywords: folklore, Tatar literature, literary fairy tale, poetry, children’s literature, genre “little fairy tale”.

В век глобализации проблема воспитания национального самосознания, сохранения и преумножения духовных ценностей народа выходит на первый план. Огромную роль в воспитании у молодого поколения любви к народу и его традициям играют фольклор и детская литература.

Сегодняшнюю татарскую детскую литературу невозможно представить без произведений Роберта Миннуллина. Роберт Мугаллимович является народным поэтом Татарстана, лауреатом Республиканской премии имени Мусы Джалиля и Государственной премии Республики Татарстан имени Габдуллы Тукая, обладателем Почетного диплома Международной премии имени Г.-Х. Андерсена, Литературной премии имени Фатиха Карима. Его имя занесено в почетный список знаменитого сказочника, а написанные им книги вошли в международный список лучших произведений для детей, нашли своих читателей по всему миру и переведены на польский, турецкий, хорватский, белорусский и другие языки. Творчество поэта, как и подобает явлению такого уровня, носит общенациональный характер.

Стихи для детей Р. Миннуллина начали появляться в конце 1970-х гг. и вскоре стали самыми популярными благодаря их доступному языку, увлекательным сюжетам и близости к народному мировоззрению.

Творчество поэта притягивает к себе внимание ученых разных гуманитарных сфер и является источником разноплановых научных исследований. Одно из значимых направлений – исследование жанровой специфики поэзии Р. Миннуллина и раскрытие проблемы систематизации образов в творчестве поэта.

Его поэзия для детской аудитории отличается особенным стилем и оригинальностью юмора. Смешные, поучительные ситуации, неожиданные сюжетные повороты, высокие нравственные идеалы подтверждают, что Р. Миннуллин – истинный знаток мира детства.

В творчестве поэта громко звучит его любовь к Родине, чувство гордости за народ. В жизненных примерах раскрывается тема труда, профессии, детской жизни, отношения между людьми. Это в свою очередь привносит в поэзию мотивы оптимизма и патриотизма. Поэт больше внимания уделяет освещению таких основных проблем, как ребенок и история, ребенок и общество, ребенок и природа.

Для детских писателей очень важно раскрыть отношение к природе, т.к. это вечная проблема, связанная с понятиями добра и зла. В этом случае природа не только фон, где происходят события, но и важный эстетический элемент в структуре произведения. Вместе с тем природа предоставляет возможность оценивать характеры героев и точность понимания, показывает силу авторского таланта.

Земная красота связана с детьми, птицами, животными – с природой. Знание человека могучее, а земля без защитника останется в подчинении. Усиление конфликта с природой не ведет к добру, понимающий автор через потери природы и душевного богатства стремится поднять проблемы на философский уровень. Поэт пытается связать тему с такими понятиями, как душа людей, народа, история и героические переживания.

Обогащая свои произведения с тематической и эмоциональной стороны, Р. Миннуллин мастерски использует фольклорные жанры. Основываясь на известных народу, понятных и близких мотивах сказок, он создает новые стихотворения «Алтынчэч» («Золотоволосая»), «Өй иясе», («Домовой»), «Шүрәле» («Шурале»), «Сак-Сок турында җыр» («Песня о Сак-Соке»), «Әкият турында җыр» («Песня о сказке»). Использование сказочных образов, игра с мифологическими мотивами – это один из путей раскрытия и закрепления у детей любви к родной земле.

Мир, рожденный фантазией Р. Миннуллина, показывается в различных ситуациях, взятых из жизни детей. Юмористический

язык, смешанный с песней, поэтическая находчивость и фантазия, глубокое проникновение в мир детей – эти качества влияют на чувства ребенка и обеспечивают путь успешному творчеству.

В устном народном творчестве известны своеобразные виды жанра «кечкенәкият». Есть сказки небольшого объема, но в фольклоре нет данного понятия. Фольклорист и литературовед Ф. Урманчеев считает, что именно Р. Миннуллин придумал этот жанр и название к нему [5]. Несмотря на то что в жанре «кечкенәкият» встречаются мотивы и словосочетания народных сказок или другие виды фольклора, он отмечает, что сюжет «кечкенәкият» не полностью совпадает с сюжетом народных сказок.

В сборниках произведений Р. Миннуллина обнаружено 18 произведений, жанр которых автором определен как «кечкенәкият», и, в отличие от фольклора, они имеют подробные и длинные названия и основаны на сюжете современных событий. Среди них «Җәяү йөрүче машина турында кечкенәкият» («Кечкенәкият о машине, которая ходила пешком»), «Батыр куянның ничек итеп куркак куянга әверелүе турында кечкенәкият» («Кечкенәкият о том, как смелый заяц превратился в трусливого зайца»), «Футбол тубы тибәргә яратучы малай турында кечкенәкият» («Кечкенәкият о мальчике, который любил играть в футбол»), «Балыкчы булырга хыялланучы суалчаннар турында кечкенәкият» («Кечкенәкият о червяках, мечтающих стать рыболовами»), «Кояш, жираф һәм төлке турында кечкенәкият» («Кечкенәкият о солнце, жирафе и лисе»). Мы видим, что есть различие в названиях этих сказок. В народных сказках они в большинстве случаев имеют одно название, а эти сказки, хотя они названы «кечкенәкият», имеют подробные и длинные названия.

«В то же время «кечкенәкият» Р. Миннуллина отличаются от фольклора тем, что они основаны на сюжете современных событий», – утверждает Л. Замалиева в своей статье [1, с. 205–208]. Само произведение «Кечкенәкият о Шурале, о волшебнике и о мальчиках...» посвящено известному татарскому скульптору Баки Урманче. В первой части «Кырлай урманнарында» («В дремучих лесах Кырлая») речь идет о том, что в лесах Кырлая не осталось ни одного Шурале (хотя в произведении не указано, где находится лес и проживающий там Шурале, но, зная поэму

Г. Тукая «Шурале», можно предположить, что имеются в виду леса близ деревни Кырлай под г. Арском). Поэт пишет, что даже сказочник сам «в течение 100 лет не видел его и без щекотки не смеялся от души».

В лесу, покинутом Шурале, мальчикам становится неинтересно, и в поисках Шурале они направляются в город. Путешествуя по городу, мальчики встречают Шурале в музеях, выставочных залах, театрах, народных сказках, книгах Г. Тукая. Оказывается, Казань полна Шурале, но ни один из них не хочет возвращаться в лес. Причина – в их привычке к книжной, сценической жизни, в «глобализации» и боязни парня по имени Былтыр. Таким образом, поэт указывает на то, что исчезают традиции, предания, поверья.

Мальчики находят в Казани «старожила Волшебника». Автор, как в народном творчестве, с помощью гиперболы преувеличивает черты, присущие Волшебнику, тем самым усиливает силу влияния произведения на читателя. Волшебник одним взглядом способен «воодушевить дерево; если захочет, то и оживить железо». Вещи, к которым прикасается его рука, начинают петь и танцевать. Волшебник исполняет желание мальчиков и приступает к делу. Сделанные им «100 Шурале» отправляются в родной лес.

В конце произведения автор приглашает читателей в леса Кырлая и просит, чтобы они вели себя порядочно. Автор опасается, что Шурале, испугавшись мальчиков и Былтыра, могут оставить лес.

В этой части автор без нравоучительной риторики останавливается на одной важной проблеме – проблеме экологического воспитания. В замусоренных, загрязненных лесах неуютно не только зверям, но и хозяевам леса – Шурале. В композиции сказок Р. Миннуллина есть много общего с народными сказками. Например, сказочные зачин и мораль. «Кечкенэкият» начинается с устойчивых сочетаний, характерных для народных сказок. В ходе развития сюжета рассказчик, как в фольклоре, переносит сказочное время в реальное произведение и сам входит в него. В конце он говорит о том, что никого не обманывал, говорил только правду, что он видел Шурале «своими глазами».

Невозможно не заметить зрелого литературного таланта поэта в этих сказках. «Куян йөрәкле бүре турында» («О волках с зая-

чьими сердцами»), «Кояш, жираф һәм төлке турында» («О солнце, жирафе и лисе») и др. произведения, написанные в жанре «кечкенәкият», показывают поэта как талантливого детского поэта.

В написании сказок Р. Миннуллин удачно использует литературные приемы – парадокс, нонсенс, считает Г. Мухарлямова [4, с. 272]. Как известно, приемы гротескного нонсенса (как «бессмысленная поэзия»), парадокса присущи английской детской поэзии. Парадокс (от греч. paradoxos – неожиданный, странный) – изречение или суждение, резко расходящееся с общепринятым, традиционным мнением или (иногда только внешне) здравым смыслом (ср. антиэстетичные эпитеты *парадоксальный* и *ортодоксальный*, т.е. *правоверный*) [2, с. 267]. Парадокс нередко облекается в остроумную форму и как разновидность остроты принадлежит сфере афористики, обретает свойства комического. Любой парадокс выглядит как отрицание мнения, кажущегося безусловно правильным (вне зависимости от того, насколько верно это впечатление). Сам парадокс способен убеждать и впечатлять независимо от глубины и истинности высказывания, поскольку обладает чертами оригинальности, дерзости и остроумия. Поэтому он становится действенным приемом ораторской прозы, полемической и сатирической литературы, современного анекдота (неожиданная концовка), пародии. Парадокс часто «выворачивает наизнанку» ходовые сентенции и заповеди; может выражать глубокую мысль в сочетании с разоблачительной иронией. Например, этим приемом написана «Алиса в стране чудес» Льюиса Кэрролла. В русской детской литературе этот прием является ведущим в стихах К. Чуковского, С. Маршака, Д. Хармса, Г. Остера.

Произведения Р. Миннуллина, написанные в жанре «кечкенәкият», привлекают внимание детей своей необычностью, странностью. Например, в произведении «Бүренең кешеләр белән дуслашуы турында» («О том, как волк подружился с людьми») поэт не написал ни одного слова о злости волка. А наоборот, речь идет о том, как волк, пусть и в клетке, хотел установить дружественные отношения с людьми. Сначала волка, пришедшего в деревню за дружбой, крепко избивают, не хотят его понять. Но волк

не теряется, приходит в зоопарк и сам входит в клетку. Сказка заканчивается такими словами:

Бүре белән кешеләр	(Волк и люди –
Нинди дуслар, күрегез!	Какие друзья, посмотрите!
Кешеләр әйбәт икән	«Люди, оказывается, хорошие», –
Дип уйлый, ди, бүребез.	Так подумал наш волк.
Чөнки ул бу хөрмәтне	Ведь такого уважения
Күрмәгән төшендә дә.	Он не видел даже во сне) *.

Роберт Миннуллин в произведении «Куян йөрәкле Бүре турында» («Волк с заячьим сердцем») повествует о волке с заячьим сердцем, который стал героем. Поэт здесь смеется над злым, жестоким и в то же время трусливым волком:

Их, бүре, бүре, бүре,	(Эх, волк, волк, волк,
Бүренең куркак тәре,	Трусливейший из волков,
Куян йөрәкле бүре!	С сердцем зайца волк!
Бик масаеп йөрмә син,	Не теряй бдительности ты,
Куян күрә күрмәсен,	Вдруг увидит заяц,
Эләктерә күрмәсен!	Вдруг тебя поймает!).

В произведении «Батыр куянның ничек итеп куркак куянга әйләнүе турында» («Как храбрый заяц превратился в трусливого зайца») наоборот, заяц представляется с храбрым сердцем. Необычная ситуация – огромное, страшное существо появляется перед ним, и заяц решает «яңагына нык кына сугып, теге аңга килгәнче, салып егуы, ә аннан соң... бөтенләй кабып йотуы» («ударить его по щеке, пока он оклемается, свалить его, а потом… и вовсе съесть»). Чтобы удостоверить детей в реалистичности этих событий, Р. Миннуллин пишет:

Бик ачыккан куянга	(Очень голодному зайцу
Бу бик тә ярап куйган.	Это очень подошло.
Эчен сыпырган куян,	Погладил заяц свой живот,
Иренен ялап куйган,	Облизал заяц свои губы
Тагын бер ялмап куйган.	И ещё раз облизнулся).

* Здесь и далее смысловой подстрочный перевод выполнен нами. – *Н.Н.*

Но после того, как заяц остается в прежней своей сущности, поэт обращает внимание на редкость таких явлений в жизни:

Шушы хәлдән соң куян	(Заяц после таких дел
Калган, ди, куркак булып.	Трусливым стал.
Калган, ди, куркуыннан	Стал от страха навсегда
Агарып, ап-ак булып.	Белоснежным, белым-белым).

Но, несмотря ни на что, автор на стороне зайца. Об этом говорят следующие строчки: «арыслан йоткан куянга куркаклык та килешә» («для зайца, проглотившего льва, и трусость хороша»). Таким образом, в повседневной жизни «куян йөрәкле бүре» («волк с заячьим сердцем») так же, как и «батыр йөрәкле куян» («заяц с храбрым сердцем») – парадокс, нонсенс, утверждает Г. Мухарлямова [4, с. 272].

Миннуллин Р. в своих стихах вызывает интерес детской аудитории смешными моментами. Сказка «Җәяү йөрүче машина турында кечкенәкият» («Кечкенэкият о машине, которая ходит пешком») начинается с обычных явлений: речь идет о не большой и не маленькой, а обычной железной машине. Эта машина каждый день ездит по городским улицам и бульварам и однажды попадает в лес и вдруг… влюбляется в цветок. Это первый парадокс в сказке, второй – это отказ машины от бензина: ради любви и машина начинает ходить пешком:

Ул машина әледә булса,	(Эта машина до сих пор
(Чын микән, юри микән?)	(Может, правда, может, ложь?)
Чәчәк искә төшкән саен	Как только вспомнит о цветке,
Җәяүләп йөри икән.	Идет пешком, налегке).

Поэт этой сказкой хочет заставить детей задуматься о сохранении природы. И для усиления действия, делая акцент на реалистичности такой ситуации, убеждает в существовании этой машины: «Бар ул, бар андый машина. Игътибар белән карагыз әле, бәлки, сез дә күрерсез» («Есть, есть такая машина. Посмотрите внимательно, может, увидите и вы...»).

В сказке «Шүрәлеләр турында, тылсымчы бабай турында һәм малайлар турында, тагын шүрәлеләр турында» («О леших,

о волшебниках и о мальчиках, ещё раз о леших») лешие, которые сбежали из города в леса Кырлая – это само по себе необычное парадоксальное явление. И здесь автор пытается убедить детей в их существовании, а если не поверят, рекомендует сходить в лес да посмотреть самим.

В итоге уместно отметить, что Р. Миннуллин, создавая необычные, смешные ситуации, может удачно использовать приемы нонсенса и парадокса и в сюжетах, и в образах. В большинстве произведений Р. Миннуллина в жанре «кечкенэкият» противопоставляются две тенденции – сначала нарушение порядка реальности, затем снова возвращение к былому порядку. Поэт создает игру «парадокс – нонсенс». Через эти сказки поэт хочет воспитать в детях примерные качества и призывает их быть смелыми, храбрыми, целеустремленными, справедливыми, сохранять природу. Кроме того, он старается развить у детей творческие способности, обогатить фантазию. Таким образом, специальным художественным приемом является то, что в сказку входит рассказчик – реальная личность, как ровесник слушателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Җамалиева Л.* Роберт Миңнуллин иҗатында кечкенәкият жанры // Хәзерге татар әдәбияты һәм Роберт Миңнуллин: Татарстанның халык шагыйренә 60 яшь тулуга багышланган төбәкара фәнни-гамәли конференция материаллары (16 окт. 2008). – Казан, 2008.

2. Литературный энциклопедический словарь / подгот. Е.И. Бонч-Бруевич и др.; под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 750 с.

3. *Мингажева Л.И.* XX гасыр татар балалар әдәбияты: үзенчәлекләре һәм үсеш тенденцияләре. – Казан: Хәтер, 2011. – 312 б.;

4. *Мухарлямова Г.Н.* Роберт Миңнуллинның шигъри әкиятләрендә парадокс, нонсенс элементлары // Хәзерге татар әдәбияты һәм Роберт Миңнуллин Татарстанның халык шагыйренә 60 яшь тулуга багышланган төбәкара фәнни-гамәли конференция материаллары (16 окт. 2008). – Казан, 2008.

5. *Урманче Ф.И.* Роберт Миңнуллин: шигъри осталык серләре. – Казан: Мәгариф, 2005. – 335 б.

УДК 821.511.151

А.Г. Охотникова,
студент Марийского государственного университета
Г.Н. Бояринова,
кандидат филологических наук, доцент Марийского государственного университета

A.G. Okhotnikova,
Student, Mari State University
G.N. Boyarinova,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Mari State University

С. ЧАВАЙНЫН «ЭЛНЕТ» РОМАНЫШТЫЖЕ ИНТЕРЬЕРЫН СЫЛНЫМУТ ФУНКЦИЙЖЕ

ARTISTIC FUNCTION OF THE INTERIOR IN THE NOVEL 'ELNET' BY S. CHAVAIN

Аннотация. Статья посвящена анализу художественной функции интерьера в романе «Элнет» классика марийской литературы С. Чавайна. Делается вывод, что интерьер подчеркивает социальное положение и статус персонажей, особенности периода времени и конфликта; он описывает персонажей, а также связан с реалиями повседневной жизни, профессиональной деятельности и культуры.

Ключевые слова: С. Чавайн, роман, Элнет, интерьер, художественная функция, характер героя, конфликт.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the artistic function of the interior in the novel 'Elnet' written by the classic of Mari literature S. Chavain. It is concluded that the interior emphasizes the social position and status of the characters, the peculiarities of the period and conflict; it describes the characters, and is also associated with the realities of everyday life, professional activity and culture.

Keywords: S. Chavain, novel, Elnet, interior, artistic function, character of the hero, conflict.

Интрерьер (фр. intérieur – көргö) – сылнымутан произведенийыште сурткöргö сӱрет (пöрт, оралте, геройын пöлемже да т.м.). Шукыж годым геройын койыш-шоктышыжым почын пуышо йöн семын кучылталтеш [1, с. 14].

Ончалына, кузе С. Чавайн «Элнет» романыштыже интерьерым кучылтеш, могай амал дене тидым ышта, могай сылнымут сомылым тиде йöн шуктен шога. Теве ик эпизодышто автор мыланна тыгайрак сӱретым почын пуа: *«Кудывече урем могырыш изиш тайыл. Урем тӱрыштö, капка ик велне, куд угылан пöрт, уремышке – куд кугу окна. Пöрт ваштареш – кок пачашан клат. Капка вес велне, уремышкыла, – омсан кевыт. Кевыт шеҥгелне – вес пöрт, шурно клат. Шеҥгел оралтыжат пеш кӱкшö...»* [2, с. 170]. Тиде сурт-пече сӱрет поян Чужган кугызан оралтыж дене палдара, писатель геройын кугу, мотор, поян сурт-оралтыжым сӱретла. «Суртшо поян» манмым тыгай пале-влак ончыктат: «куд угылан пöрт», «куд кугу окна», «кок пачашан клат», «омсан кевыт», «шурно клат». ХХ курым тӱҥалтыште тыгай кугу оралте лачак поян-влакын гына лийын кертын. А нужна-шамыч поян-влаклан тарзе семын пашам ыштеныт. Мутлан, туштак умбакыже лудына: *«Кудывечыште, леваш йымалне, ең куткыла шолеш. Южыжо көргö вӱта гыч терысым луктын кышка, южыжо орвашке опта. Кок-кум орва почела лектын кая, кок-кум орва почела толын шогалеш»* [2, с. 170]. Илышын «озаже-влак» могай лавыра паша уло, чылажымат калыклан ыштыктеныт. Шукышт калык кӱшеш поеныт. Тиде сӱрет илышын социальный могыржым почаш полша, тудо тыгак романысе конфликтым келгемда, тудым контраст семын ыштымым умылтараш полша.

Чужган Осыпын суртшо нерген ойлаш гын, тыгак вес ешартышымат палемден кодыман: *«Идым пече тич – эртак каван», «кажныже – Чачимыт пöрт дечын кугурак»* [2, с. 171]. Чумыр Аркамбалым налаш гын, уло ялжынат Чужганын нар тынар каван огеш погыно. Да эше каванжат моткоч кугу, арам огыл автор тудым пöрт дене таҥастара. Идымыште ең *«куткыла шолеш»*. Чыланат кутко семынак пашам ыштат, яра иктат огеш шого.

Романыште тыгаяк сылнымут сомылым эше ик интерьер шуктен шога. Тиде Зверевмытын илыме пöртышт: *«Василий*

Александрович ден Григорий Петрович кок пачашан пӧрт деке миен шуыч. Тиде пӧртын кокымшо пачашысе окна-влакше уремышке ош волгыдым ятыр торашке кышкат. Кечывалым эртен кайыме годым раш пале: пӧрт йырваш онга дене ковыжлымо, ошалге кӱрен чия дене чиялтыме, тугай чия денак капка ден саварат келыштаралтыныт. Уремышкыла балкон уло, садышкыла – терасса» [2, с. 189]. Тиде пӧрт кугу, кок пачашан, вигак палемдыман: тудо жапыште тыгай суртышто поян гына илен. Автор мыланна окна-влакын волгыдым «кышкымыштым» «ош» тӱс полшымо дене сӱретла. Окна-шамычшат пуйто илыше улыт, нуно волгыдым огыт шаре, а «кышкат». Чын, поян сурт кресаньык пӧрт огыл, тушто лампе волгыдо ситышын. Чучеш, пуйто тиде волгыдыжо пӧлемыштӧ шуко, окна тудым изишак уремышкат лукнеже. Лудмо годым ме тыгакак ужына, сурт йыр пече ден капкажымат икгай чия дене чиялтыме, чылажат ваш келшен толыт. Тидыже озан келыштарен моштымыж нерген ойла. Тиде интерьер тыгак герой-озан социальный статусшым ончыкта, материальный поянлыкше нерген шижтара.

Пӧрт кӧргыштӧ умбакыже теве мом ужаш лиеш: *«...кугу вошточыш, вошточыш кок могырышто кок лампе йӱла, ишкылаште ятыр вургем кеча, кӱвар ӱмбалне келге калош ден портышкем-влак койыт, омса деч торак огыл пушкыдо пӱкен шинча»* [2, с. 190]. Коеш, пӧлем волгыдо, суртыш ятыр уна толын. Икмыняр сылнымут деталь тунамсе пагытын ойыртемжым почаш полша. Тиде калош ден портышкем-влак. Тунам калошан портышкемым чиен коштыныт. Нунак действийын могай жапыште кайымыжым палемдат – действийын телым эртымыж нерген ойлат.

Вес описанийыште кӱшнӧ ончыктымо герой-влак нерген рашрак пален налаш лиеш: кӧмыт илат, кузе илат, мом ыштат, яра жапым кузе эртарат, нуно могай айдеме улыт. Мутлан, уна вашлийме пӧлемым налаш: *«...пӧлем покшелне кугу ӱстел тура потолокеш сакыме кугу лампе йӱла»* [4, с. 190]. Ужына, пӧлем кугу, волгыдо да кумда. А «лампын тарелкыже» нерген ойлымо годым автор *«ош волгыдым йоктара»* метафорым кучылтын. Посна кӱлешан предмет-влакат ончыкталтыт: *«пырдыж воктен йылгыжше шем пианино шога»* [2, с.190]. Тудо тыште музыкым

йӧратыше-влак илыме нерген шижтара. Умбакыже ме пален налына: суртозан пелашыже тиде семӱзгар дене шокта, уна-влакым куандара.

Земский начальникын пӧрткӧргыштыжӧ эше ик деталь палемдалтеш: *«пырдыжлаште шыдын ончышо кугызан портрет-влак кечат»* [2, с. 224–225]. Тудо теве мо нерген ойла: тунам кугыжаныш еҥ-влак кугызан портретшым сакышаш улыт улмаш.

Романыште автор земский начальникын паша вержымат сӱретлен ончыкта. Мутат уке, тудо ойыртемалтше: *«ӱстелже ужар сукна дене леведме», «ӱстел шеҥгелне – земский начальникын шинчыме пӱкенже», «пӱкен кӱкшӧ энертышан», «ӱстембалне тӱрлӧ кагаз, кӱжгӧ книга кия»* [2, с. 224]. Тиде описаний тӧран паша вержым рашемда, социальный статусшым ончыкта.

Тамара Звереван илыме пӧлемжым писатель тыгерак сӱретла: *«Тамаран комнатше кугу огыл, но пеш келыштарен сылнештарыме: кӱвар кумдыкеш ковёр, пырдыж воктен аҥысыр кровать шинча. Кроватьше никель ӱмбалан. Кровать кутышеш, пырдыжым петырен, вес ковёрым сакыме. Ик пырдыжыште акварель дене возымо чодыра сӱрет, вес пырдыжыште, изи диван ӱмбалне, Тамаран шкенжын портретше кеча. Кумшо пырдыжше воктене изи ӱстел шинча, тушто духи, пудра да ӱдырлан кӱлшӧ тулеч моло арвер-влак улыт»* [2, с. 227]. Ме ужына, героинян пӧлемже изи огыл, ару, мотор. Тамара искусство деке шӱман, тидын нерген комнатыште улшо сӱрет-влак ойлат. Тыгакак пӧлемыштыже ӱдырлан кӱлшӧ арвер верланен, косметике уло. Икманаш, тиде пӧлем Тамаралан келыштарыме, интерьер тудын могай улмыжым, социальный положенийжым рашрак почын пуа. Тудо шкенжым ончышо, шекланыше, арум йӧратыше, моторын чийыше да моторлык деке тунемше айдеме.

Марий-влак, роскотлан ситыше оксам ыштен налаш манын, телым чодыра пашам ыштеныт. Романысе герой-влакат чодыра заводышто лым лийде тыршат. Тиде сомылым кузе шуктымым писатель тыге ончыкта: *«Завод паша – пеш лавыран, шӱчан, пуракан паша. Заводышко иктаж пел меҥге миен шумо деч ончычак скипидар ӱпш нерышкет пура, вара пу шелыштме йӱк шокташ тӱҥалеш. Адак изиш кает, пӱнчерла коклаште шикш*

кӱшкӧ кӱзымӧ койылалта» [2, с. 173]. Ты описаний гоч ме чодыра завод паша нерген пален налына. Завод кӧргыштӧ чылажат шеме, лавыран, пуракан, шӱчан, тушто пеш шокшо. Скипидар ӱпш тора гычак нерышке миен тӱкна, лудшыен *«ну шелыштме йӱкым»* колеш, тудо пылышлан *«чарныде шокта»*. Тыгай сӱрет вигак тунамсе паша условий нерген шарныкта, герой-влакын неле пашаште орланымыштым почын пуа.

Романыште автор ялысе орол пӧртымат сӱретлен ончыкта. Тушто ондак сходко-влак лиеденыт. Сходкышто калык кӱлешан мер йодыш-влакым рашемден, пошкудо-шамыч ваш-ваш мутланеныт. Повествователь эше иктым поснак палемден кода – орол пӧртыштӧ тамакым тӱргеныт: *«Орол пӧртыш мийымеке, олымбалан шичшыжат, кӱвар ӱмбалан сукалтышыжат, пырдыж воктен энгертен шогалшыжат, эн тӱҥ пашалан шотлен, тамакым пижыкта, сандене орол пӧрт кӧргыштӧ ужар-канде шикш пылла коштеш»* [2, с. 202]. Шинча ончылно вигак орол пӧрт да тамак шикш сӱретлалтеш. Тиде ужашат шке пагытшын ойыртемжым ончыкта, ял калыкын тушто мом ыштымыжым почеш.

Интерьер шукыж годым герой нерген палдара, тудын койышыжым почаш полша, могай пашам шуктымыжым ончыкта, материальный положенийже нерген каласа. Интерьер деталь персонажын шонымашыже, тургыжланымашыж дене чак кылдалт кертеш, айдеме кӧргыштӧ мо каен шогымым почын пуаш полша. Мутлан: *«Пычкемыш... Тымык... Пырдыжыште кечыше шагат гына, «тыш тол, тыш тол» манмыла шоктыктен, кужу йылмыжым кок веке лӱҥгыкта»* [2, с. 284]. Ты сӱретыште автор пырдыжыште кечыше шагат гоч Чачин лӱдмыжым, тургыжланымыжым ончыкта. Садланак, очыни, шолткен шинчыме йӱк олмеш геройлан «тыш тол, тыш тол» манме шокта. Шагатшат пуйто чонан, «кужу йылман», илыше организм гай.

Тӱҥ герой, Сакар, нерген ойлымо годым тудын петырмаште шинчыме интерьер сӱретшым ужына: *«Сакарын шинчыме пычкемыш «чуланже» тугае: ни вийнен шогалаш ок лий, ни шуйнен возаш ок лий. Кочкаш-йӱашат лач кинде ден вӱдым веле пуат. Кочмо-йӱмыжым Сакар чыта ыле, вет чодыраште пычал дене коштмыж годым южгунам арня монь эртак кукшо киндым кочкын коштын. Эн йӧсыжӧ – четлыкыште шинчаш»* [2, с. 327].

Тыште автор пычкемыш, шыгыр «чуланым» сӱретлен ончыкта. Садланак, очыни, автор четлыкым чулан дене танастара, тушто «*ни вийнен шогалаш ок лий, ни шуйнен возаш ок лий*». Сакарлан четлыкыште шинчаш неле, вет тудо чодырасе ең лийын, чодыраште, эрыкыште илаш тунемын. Автор шижтарен кода: *«Чодырасе яндар юж дене шӱлен тунемшылан тысе пыкныше юж – осал дечат осал чер»* [2, с. 327]. Чынжымак, тудлан тушто южшат огеш сите, *«пыкныше юж»* дене шӱленат огеш тем. Арам огыл автор ару огыл южым осал чер дене танастара. Тыгай чер айдемым йӧршеш пытарен кертеш. Тиде сӱрет контраст сынан, писатель эрык чодырам шыгыр чулан дене танастара, яндар южым – пыкныше дене. А чодыраште тыгай тамле юж, вуетат пӧрдаш тӱналеш.

Иктешлен, тыге каласаш лиеш: интерьер шукыж годым социальный йодышым рашемдымаште кучылталтеш. Автор тӱң шотышто кучемым виктарыше (Зверев) да ялысе марий поянын сурт-печыжым (Чужган Осып) сӱретла; герой-влакын могай пашам шуктымыштым ончыктымо; тыгак тюрьмаште арестант-влакым могай условийыште кучымо (Сакар) сӱрет почылтеш; автор мер сомылым шуктымо годым орол пӧртыштӧ мо улмым ончыкта; кучемым (властьым) виктарыше-влакын паша пӧлемыштым, илыме пӧртыштым, уна вашлийме, малыме пӧлемыштым, тушто могай арвер улмым сӱретла; тӱң шотышто тыгай сӱрет герой-влакын илыш радам ойыртемыштым почмаште кучылталтеш; южгунам герой-влакын койыш-шоктышышт дене кылдалтеш. Тыгак тудо произведенийысе жапын илыш ойыртемжым почын пуаш полша.

ЛИТЕРАТУР

1. *Кудрявцева Р.А., Рябинина М.В.* Словарь литературоведческих терминов на марийском языке для общеобразовательных школ. – Сыктывкар – Ижевск – Йошкар-Ола – Саранск – Бадачоньтомай, 2011. – 80 с.

2. *Чавайн С.Г.* Собрание сочинений в трех томах. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1981. – 412 с.

УДК 398.511.151

М.В. Пенькова,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Марийского научно-исследовательского института
языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

M.V. Penkova,
Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher,
Mari Research Institute of Language,
Literature and History named after V.M. Vasilyev

ИЗУЧЕНИЕ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА В МарНИИЯЛИ

RESEARCH OF ORAL FOLK ART AT MARI RESEARCH INSTITUTE OF LANGUAGE, LITERATURE AND HISTORY

Аннотация. Статья посвящена страницам истории изучения фольклора в Марийском научно-исследовательском институте, видным исследователям, начавшим путь научных изысканий с собирательской полевой работы, обозначившим основные направления для роста и развития марийской фольклористики как науки, внесшим значительный вклад в укрепление значимости и сохранения культурного наследия мари, общей популяризации устного народного творчества, а также краткой истории публикаций и экспедиций.

Ключевые слова: научные иследования, фундаментальные науки, народное творчество, свод марийского фольклора, полевые исследования, экспедиционный материал, духовные ценности, социально-культурный потенциал.

Abstract. The article is devoted to the pages of the history of folklore studies at Mari Research Institute, to well-known researchers who began their scientific career from collecting fieldwork. These scientists identified the main directions for the growth and development of Mari folklore studies as a science, which made a significant contribution to strengthening and preservation of the cultural heritage of Mari, the general popularization of oral folk art, as well as a brief history of publications and expeditions.

Keywords: scientific research, fundamental sciences, folk art, a set of Mari folklore, field research, expedition material, spiritual values, social and cultural potential.

За долгие 90 лет своего становления и развития Марийский научно-исследовательский институт внес огромный вклад в научное, культурное и социальное развитие региона, положил основу для развития фундаментальной гуманитарной науки в республике. Силами ученых МарНИИЯЛИ на сегодняшний день в копилку академических достижений республиканского и всероссийского значения положен ряд фундаментальных работ по истории, археологии, этнологии, марийскому языку и литературе, музыкальной культуре, прикладному искусству, социологии.

Обозначив в начале научно-исследовательского пути в качестве предмета изучения «масштабный фронт» общего социально-культурного потенциала марийского народа, институт «…охватывал почти все направления науки, начиная с гуманитарных и кончая биологическими, хотя и назывался институтом социалистической культуры» [3, с. 3], не было оставлено в стороне и устное народное творчество. Более того, первый директор института Владимир Алексеевич Мухин (Сави) считал, что ценность фольклора заключается в том, что он выполняет в жизни народа познавательную, социальную, идеологическую, дидактическую функции. В.А. Мухиным внесен определенный вклад в изучение некоторых проблем фольклора, ряд его статей посвящен устной поэзии мари, материалы, связанные с фольклорными мотивами, он использовал в своих поэтических произведениях, доказывая практическое применение этого устного вида искусства в развитии национальной литературы (в стихотворениях «*Сурт кайык-влак*» («Домашние птицы»), 1928 г., «*Лавыра*» («Грязь»), 1928 г.; поэмах «*Пеледыш пайрем*» («Праздник цветов»), 1928 г., «*Муро аршаш*» («Гроздья песен»), 1935 г.; рассказах («*Айруш кочай*» («Дед Айруш»), 1935 г., «*Камзай изай*» («Брат Камзай»), 1936 г. и др.). Анализ статей и литературных произведений, в которых творчески переработаны фольклорные элементы, свидетельствует о том, что В.А. Мухин верно понимал функцию фольклора, считая его «характерной» (имея в виду «специфической») формой отражения сознания масс [1, с. 47].

Труд многих исследователей начался с планомерной целенаправленной полевой работы – сбора фактического «народного»

материала… Уже в начале становления научной деятельности учреждения состоялись первые научные полевые экспедиции, в 1930-х гг. институт проводит серьезную работу по сбору народного поэтического творчества. Благодаря работам исследователей К.А. Четкарева, В.М. Бердникова, А.М. Каликаева и др., собиравших образцы устной словесности мари в Ронгинском, Сернурском, Моркинском районах Марийской автономной области в 1934 г., в Нурминском, Уржумском, Малмыжском районах Кировской области в 1935–1936 гг., начался процесс обогащения фонда полевых материалов института. Забегая вперед, отметим, что собранные в 1930-х гг. материалы, в частности сказки, увидели свет в 1945 г. в издании «С.И. Эман, Е.А. Тудоровская. Марийские народные сказки. – Йошкар-Ола, 1945» [7, с. 94].

Была начата работа в области публикации собранных фольклорных материалов, что сыграло значительную роль в пропаганде народного творчества, в развитии профессиональных видов искусства марийцев. Немаловажным было и стремление пробудить у широких слоев населения интереса к родному языку, народному творчеству, исконным традиционным ценностям, в связи с чем увеличивается количество публикаций в печатной периодике.

Назревший вопрос о важности и необходимости издательства книг дал свои плоды еще в 1918 г. – в г. Казани был опубликован сборник В.М. Васильева «*Марий мут. Тошто гыч тӱҥалын таче марте ойлымо муро, тушто, йомак, пале, тунык-тымо мут, молыжат. Вып. I. – Казань, 1918*» («Марийское слово. Сохранившиеся начиная с древности и до наших дней марийские песни, загадки, сказки, приметы, поучения, остальное») (здесь и далее перевод наш. – *М.П.*). Необходимо отметить, что Валериан Михайлович был одним из первых собирателей и исследователей марийского фольклора в крае, его деятельность в науке началась именно с фиксации произведений устного народного творчества по программе Общества археологии и этнографии (ОАИЭ). Особенно активно сбором фольклорных произведений практически всех жанров исследователь занимался, трудясь в составе редколлегии первого периодического издания

на марийском языке «*Марла календарь*» («Марийский календарь»), о работе которого кратко остановимся ниже, и в дальнейшем В.М. Васильев не прекратил опыт исследовательской работы, так, в 1944 г. он выезжал в полевые экспедиции по сбору материала и посетил Медведевский и Горномарийский районы. Ученый разрабатывал и некоторые теоретические вопросы марийского фольклора, прежде всего музыкального. В 1908 г. написал предисловие к сборнику народных песен А. Аптриева, в котором изложил своеобразное строение и основные художественные особенности текстов марийских песен. Свои мысли о песнях позже развил в вводной части сборника «*Марий муро. I ужаш*» («Марийская песня. I часть») (1937), где утверждал, что с изменением жизненных условий становятся другими и характер песен, и художественные особенности, и напевы. Марийские фольклористы В.А. Акцорин, О.М. Герасимов писали о В.М. Васильеве как о «грамотном и чутком собирателе», а его сборники песен оценивали как «уникальное собрание прекраснейших образцов марийской народной песенной культуры», отмечали, что наблюдения и выводы исследователя удивляют перспективным видением путей развития фольклористики как науки [8, с. 60].

В марте 1938 г. институт возглавил Ксенофонт Архипович Четкарев. Он развертывает широкую деятельность по сбору всех образцов народного творчества: фольклора, языкознания, этнографии и музыки. Особое внимание уделял сбору эпических жанров. К собирательской деятельности были привлечены студенты Марийского педагогического института, писатели, творческие деятели. Ксенофонт Архипович стал организатором издания первых «Трудов МарНИИ», где публиковались исследования и по фольклору. Работа была продолжена и в годы Великой Отечественной войны. Как было отмечено выше, в 1944 г. была организована специальная экспедиция в Горномарийский и Медведевский районы, а в начале войны К.А. Четкарев на основе ранее собранных материалов опубликовал сборник сказок «Марийские сказки. Ронгинский район. – Л., 1941 г.».

В послевоенное время, которое можно обозначить как этап подведения итогов предыдущей собирательской деятельности и время начала активного издательства, марийские фольклористы занимались обработкой собранных полевых материалов, и здесь снова большой труд был проделан К.А. Четкаревым. Составленные им сборники луговомарийских сказок («Марийские сказки. – Йошкар-Ола, 1948 г.», «*Марий йомак: сборник. – Йошкар-Ола, 1950 г.*» («Марийская сказка: сборник»), «*Нылле ик шоя: йомак-влак. – Йошкар-Ола, 1955 г.*» («Сорок одна небылица: сказки») явились важным вкладом в общий фонд изучения и развития марийской фольклористики. «Сказочная» тематика не была оставлена исследователем и в последующие годы, им разрабатывались вопросы классификации, жанровой специфики, художественного своеобразия данного жанра, изучались проблемы образов и персонажей.

Безусловно, не всё было легко и предсказуемо, необходимо упомянуть и об отдельных «проблемных» рабочих моментах, касающихся критических взглядов по поводу некоторых изданных книг. Так, в адрес вышедшего в 1948 г. из печати сборника «Марийские сказки» были высказаны несправедливые обвинения – в статье М. Георгиной и З. Быковой под названием «Вредная книга», опубликованной в газете «Марийская правда», было отмечено, что «…при чтении книги бросается в глаза грубый натурализм, помимо этого ряд сказок не выдержан в идейном отношении… книга не имеет воспитательного значения… в большинстве сказок сборника отсутствуют национальные особенности марийского быта, марийского языка» и т.д. [4, с. 4]. На защиту сборника и составителя встала молодая аспирантка, исследовательница горномарийских сказок Т.А. Шестакова, написав письмо-поддержку под названием «Голос аспирантки МГУ на статью “Вредная книга”», в котором пишет, что «…рецензенты объявляют напечатанные в критикуемом сборнике подлинные народные сказки марийского народа вредными, я считаю это голословное заявление рецензентов по меньшей мере безответственным, неосмысленным и не всесторонне обдуманным. Георгина и Быкова глубоко ошиблись при оценке сборника Четкарева,

поэтому их рецензия на книгу является абсурдной. Они не учли, что сказки есть продукт народного творчества и исторический документ для науки, а поэтому их никто не имеет права переделывать с какой-либо целью. Читая эти сказки глазами взрослого и нормального человека, а не глазами пятилетнего ребенка, мы увидим в них именно марийские народные произведения по форме и содержанию; в них глубокое содержание, высокая художественность и историческая ценность» [2]. В связи с напрасной клеветой на защиту Ксенофонта Архиповича тогда встали и именитые российские ученые, в числе которых – знаменитый ученый-фольклорист, доктор филологических наук, профессор В.Я. Пропп, кандидаты исторических наук, этнографы Н.П. Новосёлов и Т.А. Крюкова [2].

И практически в это же время началось профессиональное изучение К.А. Четкаревым уникальных образцов несказочной прозы марийского фольклора, из-под исследовательского пера автора вышли научные труды, опубликованные в «Учёных записках МарНИИ» и «Трудах МарНИИ» в разные годы: «О марийских преданиях и легендах» (1946), «Марийские предания о родо-племенных богатырях» (1951), «Племенные названия марийцев» (1953), «Марийские предания об Акпарсе» (1955) и др. Теоретические работы одного из первых профессиональных исследователей марийского фольклора имели важное научно-практическое значение и немалый вес в выявлении художественного богатства духовной культуры марийского народа, в установлении ряда закономерностей в развитии общего фольклорного творчества и истории отдельных жанров [7, с. 95–96].

В конце 1950-х гг. в институте активную работу начинают фольклористы В.А. Акцорин, И.С. Иванов, К.К. Васин. Одним из самых известных ученых, оставивших значительный след в истории изучения марийского фольклора, стал Виталий Александрович Акцорин. Он исследовал устное творчество народа мари в связи с наследием финно-угорских народов. Его научный стиль отличается широтой подхода, тщательным анализом всего комплекса материалов, стремлением к историко-философским обобщениям, свободным от официальных догм. Основ-

ные исследовательские темы ученого: народный театр, марийская мифология (преимущественно на материале несказочной прозы), этническая история, народная философия, искусство, история марийской фольклористики (наследие В.М. Васильева, К.А. Четкарева, В.А. Мухина, Г.Г. Кармазина, Т.Е. Евсеева, венгерских и финских исследователей). Им издано более 100 научных работ, в том числе 10 книг, включая монографию «Марийская народная драма» (1976), фольклорные сборники «*Кырык мары частушкывлä*» («Горномарийские частушки») (1971), «*Тоштo марий ой-влак*» («Марийские легенды и предания») (1972), «Мифы, легенды, предания мари» (1991), «Сказки горных мари» (1995), «Песни горных мари» (2005). Как заведующий сектором фольклора он основал серию «Вопросы марийского фольклора и искусства», всего вышло 12 книг этой серии (1977–2002), и в каждом из них публиковались его научные статьи [8, с. 94].

В 1969 г. сектор литературы и фольклора был преобразован в три самостоятельных сектора – литературы, фольклора, искусства. В этот период в исследовательскую деятельность включаются любители народной словесности, в частности Александр Ефимович Китиков, который был принят в этом же году на должность младшего научного сотрудника, но уже за неполные восемь лет он стал заведующим сектором фольклора. Александр Ефимович достиг больших научных высот, став одним из ведущих теоретиков по малым жанрам и первым доктором наук в истории марийской фольклористики. Первые сборники ученого («Марийские народные загадки» (1967), «Марийские народные приметы» (1977), «*Кӱслезе тукым: Марий калык йомак-влак*» («Поколение гусляров: Марийские народные сказки») (1979) стали ранними итогами собирательской деятельности. Ученый является автором двух научных монографий («Марийские народные загадки» (1973), «Своеобразие пословиц и поговорок финно-угорских народов Поволжья и Приуралья (к проблеме национального и интернационального» (1989), 13 сборников образцов устного словесного творчества народа мари, шести методических пособий для учителей «Как собирать фольклор», им опубликовано свыше 100 научных статей и 70 научно-популярных работ, посвящен-

ных марийскому фольклору и литературе. А.Е. Китикова всегда интересовал детский и игровой фольклор. Рассматривая жанры в двуедином симбиозе, ученый, прежде всего, выделял их этнопедагогическую ценность. В данном исследовательском ракурсе опубликованы издания «*Марий калык модыш*» («Марийские народные игры») (1990), «*Пире, пире – йолагай: Йочалан шотлеммут да койдарчык-влак*» («Ленивый волк. Считалки, скороговорки и смешинки для детей») (1993), «*Ӱдырсий*» («Девичье угощение. Описание праздника») (1993), «*Модыш – уш погыш: Марий калык модыш-влак*» («Игра – житница ума. Марийские народные игры») (1993) [10, с. 180–181].

Одним из продолжателей научных традиций учёных-фольклористов К.А. Четкарева и В.А. Акцорина, уделявших особое внимание изучению эпических жанров устного народного творчества, можно назвать Силантия Сатеевича Сабитова, начавшего научный трудовой путь в стенах МарНИИ. Им опубликовано свыше 80 научных трудов, посвященных изучению сказочного и песенного фольклора, сравнительному анализу отдельных жанров марийского, финно-угорского, русского народного словесного мастерства, отражению устного творчества в художественной литературе и т.д. Силантий Сатеевич участвовал в старте проекта «Свод марийского фольклора», в частности один из томов данного проекта под названием «Сказки луговых мари» – результат труда фольклориста. В вышедшем в печати в 1992 г. издании ученый занимался подбором текстов и составлением, кроме того, им написаны комментарии и предисловие. Всего в книгу включено 50 текстов, в число которых вошли 14 сказок о животных, 20 – волшебных и 16 бытовых сказок. В свое время эти оригинальные образцы устного творчества были собраны К.А. Четкаревым, В.М. Бердниковым, С.И. Ибатовым. Также были взяты тексты, зафиксированные венгерским ученым Э. Беке и финским исследователем А. Генетцем. И, конечно, в сборник вошли сказки, собранные С.С. Сабитовым в Куженерском и Звениговском районах республики [5, с. 156].

Каждый ученый-фольклорист, работая в Марийском научно-исследовательском институте, оставил глубокий след в истории

изучения устного народного творчества, заложив основу для профессионального изучения марийской фольклористики как науки. Для каждого исследователя важность необходимости изучения устного творчества мари зиждилось не только на знаниях, опыте и объективном стремлении профессионального роста, а прежде всего на искренней любви к своему народу, своим корням, родному языку, культуре, и каждый видел во всем этом что-то свое, сугубо личное… Из истории известно, что материалы народного устного творчества марийцев, собранные русскими, марийскими и финскими исследователями XIX столетия, изначально послужили большим толчком к собирательской деятельности среди марийской прогрессивной интеллигенции XX в. Предоставленная царизмом относительная демократическая свобода разным национальностям России в связи с буржуазно-демократической революцией дала возможность издавать на марийском языке первый светский журнал *«Марла календарь»* («Марийский календарь», 1907–1913) – первое и уникальное в своем роде периодическое издание, положившее начало развитию национальной литературы, печатанию различного рода фольклорных, публицистических и художественных произведений и показавшее практически все стороны жизни марийцев того времени: и бытовые, и социальные, в том числе и культурно-исторические. «Марла календарь» стал полноправным путеводителем народа в полноценную образованную жизнь. У истоков этого ежегодника на марийском языке стояли В.М. Васильев, П.П. Глезденев и др. Во вступительных статьях календаря они называли себя «марийцами, живущими в Казани», употребляя при этом разные формы (*Озаҥ мари-влак* – 1907 г., 1908 г.; *Озаҥышты илышы мари-влак* – 1909 г.; *Озаҥышты илышы мари-шамыч* – 1910 г.). Эти статьи носят характер обращения, призыва. В первых двух номерах сами названия являются обращениями: «*Шочшына-влак!*» («Родичи!»); «*Мари-шамыч!*» («Марийцы!»), в остальных вводные статьи названы «Предисловием» («*Ончыч каласыме мут*»). В них редколлегия обращалась к народу со следующим призывом (орфография представлена в оригинале): «*Маріын ышкэ шомакшы укэ мо? Кунам инжы ли! Сай, поры ойым пуымыжы*

шуэш гын, тошты йэҥ мутшы уло; туштым туштaлташ – туштыжы шукы; муралталын колта гын, пытышаш огыл мурыжо; йомакшым манат гын, колыштынат от пытарэ! Эн сайжым, эн кӱлэшыжым гына войзэна… Мурым, туштым йӧратышы-шамыч! Тэлэчда пэш сӧрбалэн йодына: чыла моштымы, колмы мурыдам, туштыдам, йомакдам, чыла шынчымы тошты йэҥ мутдам войзэн-войзэн маланна колтыза. А мэ тэндан войзымыдам календарэш пэчатлэн пуэна» («Разве не имеют марийцы своего родного слова? Ну как нет? Захотят дать хорошие, добрые наставления – имеются у них пословицы и поговорки; загадки загадать – загадок множество; спеть – нескончаемы песни; о сказках спросишь – не наслушаешься их! Мы напечатаем только лучшее, самое необходимое… Любители песен, загадок! Просим вас от всей души: записывайте и присылайте нам все песни, какие вы слышали, все загадки, все сказки, все пословицы, какие вы знаете. А мы их напечатаем в календаре» [9, с. 39; 44].

Продолжая мысль, добавим: В.А. Акцорин считал, что цель его жизни – посвятить себя изучению устного творчества марийского народа и ознакомить молодежь через устное творчество с жизнью, психологией родного народа в прошлом [8, с. 93], К.А. Четкарев писал, что «…фольклорный материал любого народа, помимо своего литературно-художественного значения, имеет громадное познавательно-историческое значение… должно гораздо энергичнее продолжать научную работу по марийскому фольклору» [19, с. 9] и «знать старину в понимании народа очень почетное дело» [18, с. 163], А.Е. Китиков отмечал: «Фольклор бытует у каждого народа с глубокой древности, его можно считать величайшим творением наших предков, воплощением их мудрости, художественного дара, одним из факторов человеческого взаимопонимания и материалом взаимного духовного обогащения народов… Жизненный опыт предков – это кладезь их мудрости» [17, с. 8–9], С.С. Сабитов подчеркивал, что в фольклоре, как в жизни, всегда отыщется место истине и добру, только необходимо вспомнить, прочувствовать, заглянуть поглубже [15, с. 4].

С 1990 г. в институте начал издаваться многотомный «Свод марийского фольклора» – проект, направленный на планомерное

издание ярких образцов устного творчества народа мари. На сегодняшний день всего вышло в свет 9 томов:

1. Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания = Марий калык ойпого: Тоштыен ой-влак / сост. В.А. Акцорин; под ред. С.С. Сабитова. – Йошкар-Ола, 1991. – 288 с.

2. Марийский фольклор: Сказки луговых мари = Марий калык ойпого: Олык марий йомак-влак / сост., предисл. и коммен. С.С. Сабитова // науч. ред.: В.А. Акцорин. – Йошкар-Ола, 1992. – 368 с.

3. Марийский фольклор: Песни восточных мари = Марий калык ойпого: Эрвел марий муро-влак / сост. классиф. и коммент. Г.Г. Гадиатова. Песни из разн. источн. собрал П.А. Апакаев. – Йошкар-Ола, 1994. – 32 с.

4. Марийский фольклор: Сказки горных мари = Марий калык ойпого: Кырык мары ямаквлä / сост. В.А. Акцорин. – Йошкар-Ола, 1995. – 275 с.

5. Пословицы и поговорки = Калыкмут-влак / сост., предисл. А.Е. Китиков. – Йошкар-Ола, 2004. – 208 с.

6. Песни горных мари = Кырык мары халык мырывлä / сост.: В.А. Акцорин, К.Г. Юадаров. – Йошкар-Ола, 2005. – 512 с.

7. Марийские народные загадки = Марий калык тушто-влак / сост. и авт. предисл. А.Е. Китиков. – Йошкар-Ола, 2006. – 432 с.

8. Песни луговых мари. Ч. 1. Обрядовые песни / МарНИИЯЛИ; [сост. Н.В. Мушкина]. – Йошкар-Ола, 2011. – 591 с.

9. Песни луговых мари. Ч. 2. Необрядовые песни / МарНИИЯЛИ; [сост. Н.В. Мушкина]. – Йошкар-Ола, 2013. – 502 с.

В настоящее время готов к публикации очередной том Свода – двухтомный труд «Марийские народные игры» (составитель – старший научный сотрудник М.А. Ключева), представляющий собой полное систематизированное собрание материалов по марийской игровой культуре за период с XVIII в. по 2019 г. и включающий игры различных этнографических групп мари во всем ее жанровом многообразии.

В 2005 г. доктору филологических наук А.Е. Китикову за издание «Свода марийского фольклора. Пословицы и поговорки» была присуждена Государственная премия Республики

Марий Эл им. М.Н. Янтемира. Также необходимо отметить, что в 2006 г. сборник «*Марий калык ойпого. Марий калык туштовлак*» («Свод марийского фольклора. Загадки») был представлен на республиканском конкурсе «Книга года Марий Эл» в номинации «Книга для всей семьи». В 2014 г. лауреатом конкурса «Книга года Марий Эл» стало издание «Песни луговых мари» Свода марийского фольклора в 2-х частях (составитель – Н.В. Мушкина) в номинации «Лучшее научное издание».

Вспоминая о работе над Сводом, С.С. Сабитов подчеркивал, что он станет подлинным достоянием марийского народа, войдет в сокровищницу марийской национальной культуры, будет способствовать сохранению устно-поэтического наследия для будущих поколений [16, с. 135].

Нельзя не отметить (и это доказывает вся предыдущая история научно-исследовательской деятельности института) важность и необходимость продолжения полевой работы – проведения фольклорных и этнографических экспедиций, позволяющих не только фиксировать материал, а углублять, закреплять теоретические знания, практические навыки. Но необходимо признать, что, к сожалению, в последние годы практика проведения полновесной полевой работы, сбора фактического материала значительно убавилась. В числе состоявшихся выездных исследований можно выделить экспедицию 2005 г. (Соколова М.В. «МФЭ – 2005. № 196. Материалы фольклорной экспедиции в Шарангский район Нижегородской области. Июль 2005 г.»), экспедицию 2007 г. (Пенькова М.В. Материалы фольклорной экспедиции в Горномарийский район Республики Марий Эл. Бассейн реки Большая Юнга, июнь 2007 г.), также отметим и так называемые «точечные» работы, выполнявшиеся в рамках разведочных работ археологов, к примеру, во время выезда в Малмыжский район Кировской области в 2004 г. (Соколова М.В. «МФЭ – 2004. № 195. Фольклорные материалы. Малмыжский, Уржумский, Советский районы Кировской области, май 2004 г.»).

Более значительный пласт фольклорно-этнографического материала был собран в 2006 г. в рамках гранта РГНФ «Деревья-знаки в ритуальной и хозяйственной практике населения

Марий Эл, 06-01-18080е». Материалы были собраны в восьми районах Республики Марий Эл (Мари-Турекский, Параньгинский, Новоторъяльский, Куженерский, Моркинский, Сернурский, Звениговский, Волжский). В нашей практике это был первый опыт совместного межрегионального сотрудничества (в проекте участвовал кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнологии Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН А.П. Конкка). Параллельно с этнографическим и археологическим исследованием почитаемых и жертвенных мест – кладбищ, священных рощ, родников, а также гор и озер (к примеру, жертвенный комплекс Большая гора и священное озеро Шумъер в Звениговском районе) – в населенных пунктах велась работа по выяснению современной и былой роли священных мест в обрядовой жизни населения, собирались сведения о календарной обрядности и представлениях марийцев о природных и домовых духах. Записывались предания о происхождении поселений, некоторые сведения о погребальной обрядности и представлениях о душе крещеных и некрещеных марийцев [14, с. 376].

Интересные результаты дала и совместная комплексная экспедиция 2018 г. с Национальным музеем Республики Марий Эл им. Т. Евсеева в Горномарийский район Республики Марий Эл, в ходе которой была обследована часть территории Посурья и зафиксированы сюжетные элементы, связанные как с историческими событиями, так и отражающие самобытную культуру горных мари, были получены диалектологические материалы, ценные сведения для изучения фольклорной демонологии, народных промыслов, семейной (бытовой, родильной и т.п.) обрядности, частично – верований народа [12, с. 121].

Подводя итоги, отметим, что наука не может быть статичной, поэтому новым витком в продолжении славных традиций сбора и изучения не только фольклорного материала, а также всех образцов уникальной культуры марийского народа стало продуктивное межрегиональное сотрудничество. Известно, что сегодня научная разработка вопросов истории межэтнических контактов имеет большое теоретическое и практическое значение и является

весьма актуальной в современной гуманитарной науке, призванной способствовать дальнейшему этнокультурному развитию и совершенствованию межнациональных и межконфессиональных отношений в нашей стране. В течение многих веков происходили и происходят процессы взаимовлияния и взаимообогащения культур разных народов, проживающих совместно и на территории одной республики и живущих рядом, по соседству. Всё это находит своё отражение в духовной и материальной культуре, языковых заимствованиях и т.д.

Это долгожданный выход на новый уровень совместной работы, очередной этап, который не заставил себя долго ждать, – научные сотрудники МарНИИЯЛИ были приглашены для участия в реализации проекта «Калейдоскоп культур народов Татарстана», осуществленного в соответствии с Республиканским планом основных мероприятий по проведению в 2021 г. в Республике Татарстан Года родных языков и народного единства. Материалы экспедиции дали представление и о сохранности устного народного творчества, в частности запретов и поверий, непосредственно связанных с календарными праздниками и традиционной обрядностью, песен, малых жанров [6, с. 99]. Результатом проекта стал коллективный труд под названием «Калейдоскоп культур», в котором опубликованы материалы, собранные в результате комплексных научных экспедиций по изучению народов Республики Татарстан. В статьях отражены вопросы особенностей языка, фольклора, материальной и духовной культуры татарского, марийского, мордовского, удмуртского и чувашского народов.

За два года до этого, 17 мая 2019 г., в с. Большой Сундырь Моргаушского района Чувашской Республики и с. Кулаково Горномарийского района Республики Марий Эл состоялась Межрегиональная научно-практическая конференция «Чуваши и марийцы – соседи по “общему дому”». Форум стал первым совместным научно-практическим проектом Чувашского государственного института гуманитарных наук и Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева и был призван объединить усилия гуманитариев двух республик в изучении истории двух поволжских

народов – чувашей и марийцев. Итогом стал научный продукт, где показаны в исторической ретроспективе этнические и социальные процессы, этнокультурные и языковые контакты в Марийско-Чувашском Поволжье, параллели в культуре мари и чувашей.

Говоря о фольклоре, особо выделим то, что положительный опыт работы подобного формата может помочь в решении новых проблем, связанных с сравнительно-историческим планом, выявлением единых генетических корней и основ, позволит проследить развитие жанров, образов, мотивов и т.д. в сопоставительном срезе, обнаружить глубокие совместные истоки и выявить общие сюжетные линии, возможные единые критерии при изучении многих вопросов, связанных с общей историей развития устного творчества.

Конечно, это лишь первые совместные шаги. Но мы надеемся, что работа будет продолжена и даст свои дальнейшие положительные результаты, как, к примеру, ожидаемые научные экспедиции с коллегами из Чувашского государственного института гуманитарных наук в Звениговский район Республики Марий Эл в контактные места проживания чувашей и марийцев. В добрый путь…

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акцорин В.А.* Взгляды В.А. Мухина на марийское народное искусство, этнографию и фольклор // В. Мухин (Сави). – Йошкар-Ола, 1979. – С. 40–50.

2. Архив МарНИИЯЛИ. Дело № 1-рн. 76. Личное дело директора института, старшего научного сотрудника по фольклору Четкарева Ксенофонта Архиповича.

3. В. Мухин (Сави) (1888–1938). – Йошкар-Ола, 1979. – 112 с.

4. *Георгина М., Быкова З.* Вредная книга // Марийская правда. – № 131 (5889). – 1948. – 3 июля. – С. 4

5. *Иванов И.С.* Калык ойпогым шымлыше, педагог. С.С. Сабитовын шочмыжлан – 60 ий // Ончыко. – 2010. – № 6. – С. 152–158.

6. *Ипакова М.Т., Пенькова М.В.* Национальный праздник «Семык» Агрызских мари // Калейдоскоп культур: сб. материалов по результатам науч. экспед. по изучению культуры народов Республики Татарстан. – Казань: Изд-во АН РТ, 2021. – С. 94–100.

7. *Китиков А.Е.* Марийская фольклористика в МарНИИ за 70 лет // МарНИИ – 70 лет (1930–2000). – Йошкар-Ола, 2001. – С. 92–104.

8. Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. 90 лет: история в лицах (1930–2020): биобиблиогр. сб. – Йошкар-Ола, 2020. – 260 с., ил.

9. Марла календарь 1908 ийлан. – Казань, 1908.

10. *Пенькова М.В.* Собиратель народной мудрости: к 90-летию со дня рождения Александра Ефимовича Китикова (1929–2013) // «Финно-угроведение», 2019 (№ 60). – С. 195–202.

11. *Пенькова М.В.* Т.А. Шестакова – исследователь горномарийских сказок // XVIII Игнатьевские чтения. Материалы докл. и выступлений на ежегод. Регион. науч.-практ. конфер. «Роль просветителей в истории, культуре и образовании горных мари», посвящ. 175-летию со дня рождения педагога-священника Г.Я. Яковлева (1843–1912) (Козьмодемьянск, 10 апреля 2018 г.). – Йошкар-Ола, 2019. – С. 80–87.

12. *Пенькова М.В.* Результаты комплексной экспедиции в Горномарийском районе Республики Марий Эл (обзор фольклорно-этнографического материала) // XIX Игнатьевские чтения. Материалы докл. и выступлений на ежегод. Регион. науч.-практ. конфер. «Горные мари в контексте истории и культуры», посвящ. Году театра в России (с. Кулаково, 2 апреля 2019 г.). – Йошкар-Ола, 2020. – С. 120–128.

13. *Пенькова М.В.* К 70-летнему юбилею С.С. Сабитова // «Финно-угроведение». – 2020. – № 61. – С. 218–223.

14. *Пенькова М.В., Ефремова Д.Ю., Конкка А.П.* Материалы по духовной культуре марийцев (священные места и природные духи) // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири. Сб. ст. памяти Юго Юльевича Сурхаско. Гуманитарные исследования. Вып. 2. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. – С. 376–415.

15. Пошкырт кундемын шочшыжо, Марий Элын эргыже // Марий Эл. – 2000. – 20 июнь. – С. 4.

16. *Сабитов С.С.* О подготовке и издании свода «Марийский фольклор» // «Финно-угроведение». – 1999. – № 2–3. – С. 133–135.

17. Хранитель народной мудрости (К 75-летию со дня рождения А.Е. Китикова). – Йошкар-Ола: МарНИИ, 2004. – 32 с.

18. *Четкарев К.А.* О марийских преданиях и легендах // Вопросы истории, языка, литературы и фольклора мари. Выпуск II. – Йошкар-Ола, 1940. – С. 151–179.

19. *Четкарев К.А.* Максим Горький и проблемы марийского фольклора // Учёные записки. Выпуск IV. Литература, фольклор, искусство. – Йошкар-Ола, 1951. – С. 8–34.

УДК 821.511.151

К.С. Рябчикова,
магистрант Марийского государственного университета
Г.Н. Бояринова,
кандидат филологических наук, доцент Марийского государственного университета

K.S. Ryabchikova,
master's student of the Mari State University
G.N. Boyarinova,
PhD in Philology, associate professor of the Mari State University

МАКС МАЙНЫН САР ТЕМЫЛАН ВОЗЫМО ЛИРИКЫЖЕ

THE THEME OF THE WAR IN MAKS MAIN'S LYRICS

Аннотация. Статья посвящена анализу баллады известного марийского поэта Макса Майна «Ольга-партизанка» и стихотворений, посвященных военной тематике. Затрагиваются такие вопросы, как тема, идея, образ, художественные особенности, даются методические указания по изучению этих произведений в школе.

Ключевые слова: Макс Майн, лирика, тема, идея, патриотизм, баллада, стихотворение, герой, лирический герой.

Abstract. The article analyses the ballad Olga the Partisan by the famous Mari poet Maks Main and his poems of military theme. Such issues as the theme, the idea, the image, artistic features are described. Methodological instructions on how to study these works at school are given by the authors.

Keywords: Maks Main, lyrics, theme, idea, patriotism, ballad, poem, hero, lyrical hero.

Кумдан палыме поэт Макс Майн (Степанов Максим Степанович) коло утла книган авторжо. Макс Майн Медведево районысо Непот ялыште нужна кресаньык ешеш шочын. Поэт утларакше сар темылан возен шоген, вет шкежат фронтышто лӱдде кредалын. Почеламут ден муро-влак гоч автор кугу сар годым совет айдемын пеш тале да лӱддымӧ лиймыжым ончыкта.

Статьяштына тӱҥ шотышто поэтын «Ольга-партизанка» сылнымутшылан тӱткышым ойырена, тыгак поэтын сар темылан возымо почеламутшо-влакым шергалына. Ончалына, мо тугай балладе жанр. «Балладе – лиро-эпический поэзийын жанрже: иктаж-могай ӧрыктарыше (шукыж годым – драме шӱлышан) кончыш дене палдарыше, писын вияҥше сюжетан, каласкалымаш сынан муро але изирак кугытан почеламут» [1, с. 9].

Макс Майнын «Ольга-партизанка» балладыштыже мемнан землякна, Кугу Ачамланде сарын участникше Ольга Александровна Тихомирова нерген ойлалтеш. Автор геройын тунеммыже, шуаралтмыже, комсомолыш пурымыжо, шке кумылын сарыш кайымыже, тушто кредалмыже, пытартыш подвигше дене палдара. Героиня – Йошкар-Ола воктенысе Лапшино ялын ӱдыржӧ. Тудо школышто моткоч тыршен тунемын, книгам лудаш йӧратен. Икана туныктышо урокышто Данко нерген оҥай кӱчык легендым каласкален, да Ольга шкенжым тӱҥ герой верышке шынден. Тудын ончылныжо вигак тыгай сӱрет койын:

Шинчаланже вигак
Пич чодыра коеш…
Озыркан мардежше
Шыгыр лӱп чодыраште
Волгыдо тул дене
Ӱчашен пӧрдеш [2, с. 73].

Тиде сӱретыште азапыш логалше ен-влак нерген ойлалтеш, нуно пич чодыра гыч кузе лекшашым огыт пале. Лач Данко веле калыкым утара. Ольгалан тиде легенде моткоч келшен, тудат чылт Данко гае лийнеже улмаш. Легенде Ольгалан шуаралташ полшен. Тиде эпизод гоч автор ӱдырын романтике кумылан улмыжым ончыкта, тудын кӧргӧ ужмашыже поян улмым шижтара.

Жап шиждеак эрта, Ольга кушкеш, комсомол радамыш шогалеш, тудлан комсомол билетым кучыктат. Ӱдырын патриот кумылжо эшеат вияҥеш, элнан ончыл радамыште улмыжым утларак шижаш тӱҥалеш.

Сар шуко еҥын илышыжым кошартен. Неле жап годым изижат, кугужат, илалшыракшат пашам тыршен ыштеныт. Чыланат сар ваштареш шогалыныт. Ольга военкоматышке кая, шке кумылын сарышке каяш йодмашым пуа. Ольган чолгалыкше нерген тыгай корныла каласат:

Чулым ӱдыр еҥым
Военком ончале,
Шыргыжалын эркын
Мане ачажла:
– Мый палем, улат тый
Элын патриотшо,
Тыйын йодмым, Ольга,
Шуктенат ала… [2, с. 77].

Военком лирике героинялан медшӱжарлан тунемаш темла. 1942-шо ийыште самырык ӱдырым фронтыш колтат. Ольга шке аваж дене чеверласа, шочмо ялжым коден кая. Марий элнан тале комсомолкыжо, тушманым сеҥаш манын, фронтыш кая. Ик жап сусыргышо-влакым эмла, вара партизанке лиеш.

Тылыште Ольга, кресаньык вургемым чиен, фашист-влак нерген сведенийым поген, ял еда коштын. Кугу лӱдыкшӧ лийын гынат, чолга ӱдыр, нимом ончыде, йолташыже-влаклан боевой задачым шукташ полшен. Тале боецым элым йӧратымаш лӱддымым ышта, тудо эреак весела, кумылзак лийын, чолгалык да пӱсӧ уш дене ойыртемалтын. Фронт гыч аважлан письмам возен колта:

Нал мый дечем тые
Шокшо сай саламым,
Йӧраталме, поро,
Шоҥго аваем.
Кумылем, мый тыйым,
Нигунам ом мондо,
Эреак улат тый
Келге шӱмыштем [2, с. 82].

Произведенийыште серыш йӧным кучылтмашым «эпистола» манын. Нине корныла-влак эпистолым ушештарат. Лирике героиня аважлан шӱм-чон саламым возен колта. Тудо пуйто аваж воктене шинча, шке йӧратымашыжым поро ныжылге шомакла гоч каласа, тау мутым ойла. Тыгак фронт илыш нергенат серен.

Ольга – мотор, патыр ӱдыр. Шочмо элым арален кодаш чот тыршаш логалын, марий самырык комсомолко шкенжым эреак чолган, виян, пеҥгыдын кучен. Тудо немыч-влак ваштареш чот шоген.

Поэт тушман-влакым «осал янлык», «опкын фашист-влак», «ир тушман», «орышо кашак», «йӱшӧ фашист-шамыч», «янлык гае урмыж», «шакше-влак» манеш. Нине троп-влак фашист-шамычын койышыштым почын пуат, нунын шучко улмыштым ончыктат.

Чаманен каласыман, балладе мучаште лирике героинян илышыже кошарга, финал драматизм кумылан. Сар самырык партизанкын илышыжым поген налеш. Но тудын подвигше мондалтын огыл. Шарнат тудым Витебск кундемыштат, Йошкар-Олаштат. Сеҥымашым лишемдаш полшышо чулым комсомолко Ольга Тихомирован лӱмжӧ калык чонеш кодын.

Армий радамыш шогалмек, Ольга шочмо элым, чонлан лишыл вершӧрым аралаш товатла. Шке товатлыме мутшылан мучаш марте оза кодеш. Автор чулым ӱдырын пытартыш подвигше нерген воза, лӱддымылыкшым почеш.

Ольга Тихомировалан пӧлеклалтше сылнымутыштыжо Макс Майн тӱҥ геройын образшым тӱрлӧ сылнымут йӧным кучылтын сӱретла. Эн ондак биографийлан энгертымым палемдыман. Уста ӱдырын кӱчык илышыж гыч эн кӱлешан йыжыҥ-влакым ончыктен кодымо. Поэт Данко нерген легендым пурта, рвезын калык верч шке шӱмжым луктын пуымыжым ончыкта. Тиде легенде самырык еҥын шӱмышкыжӧ чот шыҥен, арам огыл Ольга тудын гай лияш шонен пышта. Текстыште тыгак моло герой-влак нергенат палемден кодымо: Корчагин, Чапай, Щорс. Нунынат подвигышт самырык тукымлан пример семын лийын, чоныш патриотизм кумылым шыҥдараш полшен. Поэт текст кышкарыш тыгак Тихомирован комсомолыш пураш возымо йодмашыжым кучылтын:

Ленинын пашаж верч,
Родинын пашаж верч
Улам ямде мые
Илышем пуаш.
А кӱлеш лиеш гын,
Лектам тале бойыш –
Комсомол радамыш
Мый йодам пурташ [2, с. 76].

Балладыш тыгак икмыняр диалогым, товатмутым пуртымо, приказ шомак-влакат кучылталтыт. Серыш корно нерген кӱшнӧ ончыктен кодышна. Кредалме эпизод-влакымат кӱчыкын сӱретлыме. Ӱдырын чийыме вургемжымат палемден кодымо. Поэт тыгак кӧргӧ монолог формым кучылтеш. Пример семын ик ойым кондена:

Вот тыгай еҥ лийын,
Калык верч шогаш
Уло шке виемым,
Уло шке ушемым,
Уло шке шӱмемым
Тӱҥалам пуаш [2, с. 75].

Балладыште тыгак монолог ден диалог йӧн-влакат шке верыштым муыныт. Нуно текстлан кӧргӧ вийым пуат, идейым келгемдаш полшат. Пример шотеш комсомол секретарьын шомакшым, Ольган ойжо-влакым, военкомын сугыньжым, подполковникын заданийыш колтымо нерген мутшо-влакым кондаш лиеш. Сюжет кышкарыш Данко нерген легенде материал верандалтеш, тиде йӧным «текстыште – текст» манаш келша.

Кӱшнӧ ме серыш йӧным кучылтмо нерген каласен кодышна. Тудат героинян койыш-шоктышыжым почаш полша, патриот улмыжым эше ик гана ушештара. Серышыште обращений йӧным келыштарыме, уэш-пачаш каласыме шомак-влак ойым пеҥгыдемдаш полшат, риторике сынан восклицаний-шамыч шонымаш-влаклан эмоций кӱкшытым пуат, пафосым ешарат.

Теве Макс Майнын вес почеламутыштыжо лач тыгаяк лирике герой палемдалтеш. Мурорланге «Окопышто» маналтеш:

Мый кодемже гын постем,
Фашист ончыко пура.

Йӱлата суртем, ялем,
Калыкнажым пытара.
Мый ом чакне, мый ом лӱд,
Эллан клятвым пуэнам [2, с. 42].

Лирике геройым нимогай неле-йӱштӧ ок лӱдыктӧ. Тудо шке элжым, пелашыжым, шочшыжым тушман деч арала. Нине корныла-влак салтакын геройло койышыжым почын пуат. Вет кажне айдемылан шке шочмо элже, аваже, ешыже деч шерге моло нимоат уке. Почеламут динамикан, кӧргӧ виян. Тудо колча йӧн полшымо дене возалтын. Поран, мардеж, лум тӱтанын образышт гоч автор постышто шогышо салтакын образшым келгемда, почеламутысо драматизм кумылым виянда.

Тыгаяк шонымашым Макс Майн «Салтакын мурыжо» сылнымутыштыжо шуя, тудо товатмут сынан. Строкалаште глагол формо кугу верым налеш: *поктенам, эртенам, каенам, вончен, эрталын, эрыктен, шуялын, чӱктенам, пуэн, тошкенам, лаштыртен шалатен, лектынам, йӱла, чӱктен, сеҥалтдыме лийым, ила*. Нине шомак-влак действий дене кылдалтыныт, лирике геройын кайыме корныжым, чон кумылжым почын пуат.

Икмыняр почеламутшо посна еҥ-влак лӱмеш возалтын. Тиде «Связист Цыденжап», «Минометчик Ильясов Шариф», «Снайпер Бикудбаев Раис», «Комиссарын йӱкшӧ». Тыште поэт гвардий частьын чолга связистше, миномётчикше, снайперже нерген сера, нунын фронтовой пашаштым сӱретла. Тыгак гвардейский полкын ончычсо комиссарже Совет Ушемын Геройжо Рафаиль Исаевич Мильнерын командованийже почеш немыч-влакым пленыш налме эпизод почылтеш. Поэт тиде почеламутышто шуко оҥай сылнымут йӧным кучылтеш: диалог формылан энгерта, йодышан предложенийым пурта, психологизм деталь-влак дене пайдалана, таҥастарымаш, метафор-влак ойым сылнештараш полшат.

«Мыйын стих» почеламутышто М. Майн поэт ден поэзий темым тарвата. Почеламут лирике сынан, обращений семын возалтын. Тыште чон кумыл ден поэзий иктыш таҥлалтыныт, нуным ойырен каласаш ок лий. Поснак тыгай сылне корныла-влакым ончыктен кодаш кӱлеш: *«тыйым азала саклал, тул коклашке пуренам»; «а пырт каныш лийме годым мӱкшла мутым погенам»; «да вара шӱре шокте вошт кажне мутшым шоктынам»* [2, с. 50].

Сар корно кужу, тудым эртен лекташ лишыл ең нерген шонымаш полша. Лач тидын нергенак поэтын «Тый тораште улат» почеламутшо ойла. Тудат обращений семын сералтын. Лирике герой пуйто пелашыж дене мутлана, тудлан каласаш сылне ойвлакым кычалеш: *«шара шере шинчат дене ончет»; «шокшо саска гай пелед, мыйын шӱм таулем паремдет»* [2, с. 51]. Лирике герой мучашлан пелашыжлан товатмутым ойла, мӧнгеш пӧртылам манеш:

Тый декет веле корно мылам,
Тиде корно ок йом курымеш.
Тудым садак кычалын муам,
Керек тул ден куп гоч шуйналтеш [2, с. 51].

Почеламутын чоҥалтмыжат келшыше. Кажне строфа мучашысе строка у строфалан тӱҥалтыш лиеш, тыге автор пеш кӱлешан корно-влакым кок гана каласен кода.

Фронтышто кредалше салтаклан кӧргӧ вийым тудлан илышым пуышо лишыл айдеме пуэн шога. Ава темым поэт «Авамын шӱгарже ӱмбалне» почеламутышто почеш. Аван образшым шочмо мланде дене иктыш шындыме:

Мый тыйым шарналтем да ушыштем
Тунамак шочмо мландына коеш.
Мый когыньдажым ик тӧрак шындем:
Ава ден мланде йыгыре коштеш [2, с. 52].

Иктешлен, тыге каласыман: сар темым почаш манын, поэт балладе жанрлан энгерта, лирический почеламут формым кучылтеш, чын лийше факт материал негызеш сера. Возымыжо проста кышкаран да йылман. Тӱҥ шотышто Макс Майн – граждан поэт-публицист.

ЛИТЕРАТУР

1. *Кудрявцева Р.А., Рябинина М.В.* Школлан марла сылнымутшанче термин мутер [Словарь литературоведческих терминов для общеобразовательных школ] / Р.А. Кудрявцева, М.В. Рябинина; Ассоциация финно-угорских университетов. – Сыктывкар, 2011. – 80 с.

2. *Степанов М.С. (Макс Майн)*. Тукымын семже: почеламут-влак. – Йошкар-Ола: Марий книга изд-во, 1973. – 143 с.

УДК 821.512.145

Р.Ф. Сафиуллина,
кандидат филологических наук,
научный сотрудник
Института языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан

R. F. Safiullina,
candidate of philological Sciences,
researcher Institute of language,
literature and art named after
G. Ibragimov Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan

ПОЭМА Г. КАНДАЛЫЯ «КЫЙССАИ ИБРАХИМ АДХАМ» В ТЮРКО-ТАТАРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ И ПОЭЗИИ

POEM G. KANDALY «KYSSAI IBRAHIM ADHAM» IN THE TURKIC-TATAR FOLKLORE AND POETRY

Аннотация. Поэма Г. Кандалыя «Кыйссаи Ибрахим Адхам» написана в 1815–1816 гг. Произведение создано в традициях «Пэнднамэ» ʻАттара и других поэтов мусульманского Востока, является примером религиозно-дидактической поэзии.

Поэма освещает некоторые эпизоды жизни реальной исторической личности – Ибрахима ибн Адхама (умер около 874/75 гг.). Образ дервиша Ибрахима Адхама популярен в литературе многих мусульманских народов. Он вдохновлял на создание новых произведений. Например, в татарской литературе этот персонаж упоминается в сборнике религиозно-дидактических произведений поэта Сулеймана Бакыргани XII в.

В данной статье рассматриваются вопросы, которые поднимал автор поэмы «Кыйссаи Ибрахим Адхам». Следует вывод о том, что поэт Габдельджаббар Кандалый умело использовал в поэме традиции

традиционной дидактической литературы, соединив их с сюжетами и мотивами из тюркского и татарского фольклора.

Ключевые слова: Габдельджаббар Кандалый, фольклор, традиции, «Кыйссаи Ибрахим Адхам», суфийская поэзия, дидактическая поэма, дервиш.

Abstract. The poem by G. Kandalyy «Kyissai Ibrahim Adham» was written in 1815-1816. The work, created in the tradition of «Pandnameh» ‘Attar and other Sufi poets, is an example of didactic Sufi poetry.

The poem highlights some episodes in the life of a real historical figure - Ibrahim ibn Adham (died about 874/75). The image of the dervish Ibrahim Adham is popular in the literature of many Muslim Nations. The image of Ibrahim inspired the creation of new works. For example, in Tatar literature, this character is mentioned in the collection of religious and didactic works of the poet Suleiman Bakyrgani of the XII century.

This article discusses the issues that troubled the author of the poem «Kyissai Ibrahim Adham». It is concluded that the poet Gabdeljabbar Kandalyy skillfully used the traditions of didactic Sufi literature in the poem, combining them with stories and motifs from Tatar folklore.

Keywords: Gabdeljabbar Kandaly, folklore, tradition, «Kyissai Ibrahim Adham», Sufi poetry, didactic poem, dervish.

На протяжении нескольких веков религиозно-дидактическая литература Востока оказывала немалое влияние на литературу и народное творчество мусульманских народов Волго-Уральского региона. Среди всемирно известных поэтов-суфиев для поволжских татар наиболее значимыми являются А. Ясави (умер в 1161), С. Бакыргани (ум. 1186), А. Навои (ум. 1501), Бахауддин Накшбанди (ум. 1389) и др. По мнению А.Н. Юзеева [6, с. 124], их деятельность продолжили татарские поэты Мауля-Колый, Габдрахим Утыз Имяни. Поэтические произведения вышеуказанных авторов вдохновляли поэтов последующих поколений на создание многочисленных произведений и назира. Ярким примером влияния восточной поэзии на татарскую литературу являются некоторые произведения Габдельджаббара Кандалыя. Например, его перу принадлежат дидактические и религиозно-философские поэмы «Рисаляи-ль-иршад» и «Кыйссаи Ибрахим Адхам».

Известная поэма Г. Кандалыя «Кыйссаи Ибрахим Адхам» написана в 1815–1816 гг. Поэма создана в традициях «Пэнднамэ» ‘Аттара и других восточных поэтов.

Дидактическая поэма – поэтическое произведение, берущее начало с проповедей – ва‘азов [1, с. 73]. Проповеди, нравоучения и увещевания (насихат) – распространенные виды словотворчества у мусульманских народов. Причем данный вид творчества требовал не только устного изъяснения, но и письменной фиксации. Немалую роль в появлении дидактической поэзии сыграло трепетное отношение народов мусульманского Востока к поэтическому слову. Таким образом, ва‘азы и насихаты, облекаясь в поэтическую форму, превращались в дидактическую лирику. Мусульманскую тюркоязычную литературу и народное творчество обогатили жанры, стиль, система образов и сюжетов, свойственные арабской и персидской суфийской поэзии. Арабо- и ираноязычные поэты мусульманского Востока, а вслед за ними – тюркоязычные, в том числе татарские поэты, опирались в своем творчестве на многовековые традиции создания дидактической поэзии. Не стало исключением и творчество татарского поэта Габдельджаббара Кандалыя.

Кандалый Г. уже в отрочестве прослыл знатоком литературы мусульманского Востока, хорошо разбирался в суфийской поэзии и обладал поэтическим чутьем и изящным вкусом. Этому в немалой степени, кроме прирожденного таланта, способствовало чтение мусульмано-суфийской литературы на языках оригиналов, знание канонов шариата, жизни и деятельности знаковых фигур в исламе.

Автор в предисловии к поэме пишет, что к нему обратились с просьбой написать доступное, понятное произведение на татарском языке по мотивам популярных у тюркско-мусульманских народов сказаний о дервише Ибрахиме Адхаме. По словам Габдельджаббара, он достаточно начитан различных сказаний на мотив Адхама, но они не всегда понятны неподготовленному читателю, поскольку написаны не на татарском языке. Необходимо учесть, что поэт в то время обучался в медресе. Это доказывает, что, будучи учеником, Кандалый зарекомендовал себя и как знаток древней и современной ему мусульманской, восточной

поэзии, исламской религии, идейных основ и ценностей суфизма, и как талантливый поэт. Кроме того, в татарской литературе «назира», т.е. подражание известным произведениям известных авторов, издавна было естественным явлением, и оно ни в коем случае не умаляет творческих способностей подражающего. Как известно, в литературе народов Востока существует традиция использования сюжета, придуманного каким-либо автором, и внесения в него «поправок» и новых идей.

Поэма Кандалыя обращена к конкретной исторической личности Ибрахима ибн Адхама (ум. около 874/75 гг.) В татарской литературе образ Ибрахима Адхама был популярен издавна. К примеру, в сборнике религиозно-дидактических произведений Сулеймана Бакыргани, который одновременно служил и учебным пособием татарских медресе, и любимой книгой для чтения у простого народа, древний поэт восхищается путем истины суфия Адхама (63-й стих «Книги Бакыргана»):

Зикр Аллаху души обрадовал,
Имущество Балха оставив, палас надел Адхам,
Надев палас, ступил на путь истины,
На путь истины так же [и я]хочу ногой ступить.

Отдав предпочтение образу жизни дервишей, Ибрахим Адхам отказывается от богатства и царствования страной, покидает трон. Облачается в лохмотья суфия, раздает свое имущество и проводит жизнь нищего дервиша. Путь истины, которого хочет достичь (буквально: «ступить ногой») С. Бакыргани, состоит в том, что суфии считали Адхама не только познавшим философию обретения Бога, но и обретшим праведный путь истины, – иначе он бы не предпочел трон дервишеству» [7, с. 76]. Таким образом, Габдельджаббар Кандалый далеко не первый из татарских поэтов, кого вдохновили к творчеству идеи ислама и суфизма. В поэме «Кыйссаи Ибрахим Адхам» предстает взору явное влияние различных народнопоэтических традиций и назира.

Мы можем предположить, что представление Кандалыя о духовных идеалах народа определяло во многом его обращение к традиционным религиозным сказаниям. Устойчивый интерес поэта к кораническим текстам, к народно-религиозному сознанию закономерно отразился в произведении. В поэме имеют

место не только отдельные детали и мотивы, проецирующиеся на суфийский тарикат (путь истины, обретения Аллаха), но и весь смысл сводится к Корану, сунне.

Начало первой главы поэмы энергичным развитием сюжета и динамизмом, а также присутствием сказочного образа – шаха-царя напоминает традиции народных сказок: *Ибрахим-султан был шахом Балха.*

Кандалый не посвящает читателя в подробности личной и «досуфийской» жизни главного героя. Не известны ни мотивы необычного поступка Ибрахима Адхама, ни предыдущий его жизненный путь – трудно допустить, что эта часть поэмы могла быть утеряна или же опущена по небрежности переписчика – как правило, важные сюжетообразующие моменты служат лейтмотивом и упоминаются в ходе поэмы не раз (в произведениях Кандалыя подобный стиль стал закономерностью). Однако в данной поэме с подобным явлением не встречаемся. Можно лишь предположить, что автор хотел избежать компиляции или непосредственного перевода с другого языка – жизнеописания суфийских шейхов, в т.ч. и Ибрахима ибн Адхама, весьма подробно изложены в произведениях многих тюркоязычных поэтов Средневековья (А. Яссави, С. Бакыргани и т.д.) и более позднего периода. В итоге поэма Г. Кандалыя «Кыйссаи Ибрахим Адхам» стала самостоятельным, оригинальным произведением на традиционный в восточной литературе и народном творчестве мотив.

Следует отметить, что странствующий главный герой – это обычный персонаж сказок, эпосов, песен многих народов мира. В фольклорных произведениях с момента выхода в путь начинаются приключения, злоключения героя – собственно повествование. И в то же время отказ от мирских благ и аскетизм – истинно суфийский мотив. Таким образом, поэт синтезировал в своей поэме традиции фольклорных и религиозно-дидактических произведений.

Кандалый уже в первых строфах ставит своего героя перед трудностью: Ибрахим не смог войти во встретившийся ему город и решил переночевать за городскими стенами. Неожиданно он попадает в руки патрулировавшего по окрестностям дозора. Караул принимает путника за вора и приводит его к царю. На

расспросы царя Харуна о его личности Ибрахим отвечает, что проводит время в странствии ради довольства Аллаха, в поиске истины. Начальник стражи, не поверив в искренность Ибрахима и желая выслужиться перед царем, в гневе ударяет путника. Подобное самоуправство не понравилось Харуну, сумевшему понять, что перед ним стоит не вор и не простой путник, а истинный мудрец. Царь наказывает начальника стражи. Трудно вновь не обратить внимание на традиционный фольклорный, народно-сказочный мотив: это давние мечты и чаяния народа о справедливом, добром царе, который защищал бы слабых и обиженных людей. У Кандалыя в данном случае царь Харун, наказывая нарушившего правила гостеприимства, выступил в роли справедливого правителя. Поэт также предоставляет читателю возможность обнаружения глубинной морали, поучительного смысла: не переусердствуй в служении власть предержащему, дабы не оказаться осмеянным и наказанным.

Будучи верным традициям гостеприимства, Харун потчует Ибрахима лакомством. Вместо того чтобы с благодарностью принять чашу с киселем из рук царя, дервиш лишь загадочно улыбается. Недоумевающий падишах пожелал узнать причину улыбки. Ответ дервиша прозвучал философски: слугу, который искал довольства царя, нещадно высекли, а ему, ищущему довольства Аллаха, подают угощение. Суфийский аскетизм, мораль дервишей отвергает всяческие дары и подаяния власть имущих: Ибрахим не принимает царского угощения. Харун проникается уважением к гостю и просит его остаться при дворе. Ответом был вновь отказ, потому что

Говорит: «Моля о прощении пришел ко Мне,
Все твои грехи известны Мне».
Поэтому с Ним мне необходимо быть,
Как же я останусь подле тебя? [2, с. 79].

(Подстрочные переводы цитат из поэмы Кандалыя выполнены автором статьи по указанной книге.)

В известных нам хрестоматийных вариантах (среднеазиатских, персидских, турецком) сказаний об Ибрахиме этот эпизод не встречается. Не упоминается данный эпизод и в иссле-

дованных Е.Э. Бертельсом «Хилйат ал-аулийа» Абу Ну'айма, «Тазкират аль-аулийа» Фарид ад-Дина 'Аттара, узбекском дастане «Адхам-наме». Возможно, Кандалый позаимствовал его из других суфийских источников, дополнив и обогатив. Можем предположить, что в данном случае имела место фантазия автора. Тем более к жизнеописаниям дервишей традиционно добавлялись всякого рода «ходячие» легенды и притчи, призванные иллюстрировать их святость, аскетизм и мудрость.

Как было нами замечено, Кандалый не уделяет внимания прежней, «досуфийской» жизни Ибрахима ибн Адхама. Он, в отличие от своих предшественников, не акцентирует внимание на эволюции жизни своего героя, не предлагает читателю череду «чудесных превращений» обычного, земного Адхама в святого суфия. В этом татарский поэт Кандалый строгий приверженец именно татарских фольклорных традиций создания образов положительных героев. Традиционно в татарских преданиях положительные персонажи с самого рождения наделяются благородными, наилучшими чертами, как внешними, так и внутренними.

Немалый исследовательский интерес представляют описанные и сравнённые Бертельсом среднеазиатские и персидские рукописи различных вариантов сказаний об Ибрахиме. Известный персидский поэт Фарид ад-Дин 'Аттар в своем труде, посвященном жизнеописаниям суфийских шейхов «Тазкират ал-аулийа» («Жизнеописания святых»), весьма значительное место уделяет пользовавшемуся большой популярностью, особенно в Средней Азии, шейху Ибрахиму ибн Адхаму. По преданию, Ибрахим был царем Балха, но отрекся от престола, покинул жену и сына и жил в Медине в нищете, занимаясь тяжелым физическим трудом.

Аналогичных взглядов Ибрахима Адхама относительно брака и семьи у Кандалыя не встречаем. Вероятно, причина кроется в том, что данные положения некоторых толков суфизма для татарского народа были неприемлемы.

Композиционно поэма Кандалыя построена на различных сюжетных линиях, в основном это рассказы, которые объеди-

нены между собой общим персонажем – Ибрахимом (предисловие, первые четыре главы). Всего до нашего времени дошло 11 глав.

В поэме Кандалыя после вышеупомянутого эпизода (разговор Ибрахима Адхама с шахом Харун-ар-Рашидом) Ибрахим на расспросы хозяина отвечает:

…О Харун, знаешь ты меня,
Ибрахим, Балха царь я,

и покидает дворец. Несмотря на то что оба персонажа являются историческими личностями, в реальности они встретиться не могли: Харун-ар-Рашид жил столетием раньше, в 763/809 гг. Это наглядный пример того, как биографии исторических личностей проникают в народное творчество, изменяются, «приукрашиваются», а затем перенимаются и литературой.

Поэма содержит многочисленные зикры (упоминание имен и/или свойств Аллаха в одиночестве или коллективно (последнее – у суфиев) [5, с.171]. Как и молитва, считается у мусульман благим деянием и молитва Творцу. Автор их называет мунаджатами. Зикр, или, по версии автора, – мунаджат Ибрахима Адхама в четвертой главе составляет всего лишь 14 стихотворных строк (из которых 11 – монолог главного героя), однако именно здесь не только сформулированы смысл и цель жизни праведного мусульманина, но и сконцентрирована основная мысль всего произведения.

Когда в зикре Твоем, Всевышний, Милостивый
– Вот инжир и финик получаю я сполна…
Хозяин мой, зикр о Тебе заменит цветочную страну,
Зикр Тебя, о Истинный, заменяет волшебный сад,
Зикр Тебя, о Истинный, заменяет мне детей и родных,
Всего этого превыше Ты, этот мир и тот и Истину дарующий.

После данного монолога Ибрахим покинул этот мир.

Последующие главы, на первый взгляд, не имеют ничего общего с названием поэмы и главным ее персонажем: с Ибрахимом Адхамом читатель расстался навсегда, далее у Кандалый следуют не связанные между собой, казалось бы, отдельные главы. В пятой главе речь идет о маджлисе (собрании), из

которого с позором был изгнан пожилой человек, одетый в лохмотья. Здесь повествуется о другом персонаже, вероятнее всего, дервише. Тем более данный сюжет в мусульмано-суфийской поэзии достаточно распространен также и без привязки к конкретным образам.

В поэме заключена и скрытая оценка автором поведения персонажей, и система нравственно-духовных ценностей, которые были почерпнуты Габдельджаббаром Кандалыем из традиционной у татар дидактической суфийской литературы, из глубинных пластов народной мудрости. Кроме этого, данные главы объединены и продолжением темы Ибрахима Адхама – глубоко верующего, праведного, терпеливого, скромного человека – идеала мусульманина.

Примечательна седьмая глава, которая так же следует от первого лица и более всего напоминает историю, произошедшую с самим поэтом. Странствующий в поисках знаний и приключений молодой человек достигает одной деревни, где проживают выселенные за свои пороки люди. Поскольку близится вечер и наступают сумерки, юноша остается переночевать в той деревне. Утром к нему приходят сельчане и во всех подробностях расспрашивают гостя о цели его странствия, кто и откуда он родом. Сельчане не особенно с ним любезны, показывают признаки недоверия гостю, требуют письменного подтверждения, что он родом из села Кандал. У странника не оказалось такого письма и, вопреки всем правилам традиционного у мусульманских народов гостеприимства, его заточили, угрожают ему расправой. Через эту деревню проезжал некий купец, который, узнав о несчастье молодого человека, поручился за него и, заплатив выкуп, спас его из заточения.

Заключительная, одиннадцатая глава поэмы озаглавлена автором по-персидски «Автор совета советуется с самим собой». В ней, как и в предыдущих «Мунаджатах», взор Г. Кандалый обращен к внутреннему «я», к своей душе. Однако разница заключается в том, что если автор в «Мунаджатах» молил у Бога о прощении за свои земные, человеческие грехи, то в «Авторе

совета…» он концентрируется на «самобичевании», самоумалении. Данные главы несут назидательную функцию для читателя. Как это свойственно для традиционной суфийской литературы, автор не может «разбирать» чужие грехи и недостатки, читать «безадресную» проповедь, мораль. (Вместо этого у суфиев практикуется маламатия, т.е. «самобичевание».) Г. Кандалый мысленно беседует с Богом, и в этой беседе ему слышится серьезный укор: праведно ли ты живешь, вспоминаешь ли о том, для чего создан, человек? Лирический герой безутешен и беспощаден к себе, но у него имеется единственная надежда – на милость и прощение Создателя. Тем самым эмоциональное воздействие на читателя усиливается и углубляется. Мотив прежних произведений на тему Адхама в поэме сохранен, однако вместе с тем в поэме Кандалыя использован совершенно оригинальный прием. Таким образом, поэма Г. Кандалый не является копией других произведений традиционной суфийской литературы. В «Кыйссаи Ибрахим Адхам» татарского поэта умело, тонко переплетены известные сюжеты и мотивы с элементами татарского народного творчества и воззрениями самого автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бертельс Е.Э.* Избранные труды. История литературы и культуры Ирана / Е.Э. Бертельс. – М.: Наука, 1988. – 558 с.

2. *Госманов М.Г.* Бер гомердэ ике чор / М.Г. Госманов // Кандалый Габделжэббар. Шигырьләр һәм поэмалар. – Казан: Татар. кит. нэшр., 1988. – Б. 5–67.

3. *Мараш И.* Религиозное обновление в тюркском мире (1850–1917) / И. Мараш. – Казань: Иман, 2005. – 96 с.

4. *Мухаммад Ю.Х.* Суфийская энциклопедия (Часть I–II). / Ю.Х. Мухаммад. – Казань: Иман, 2004. – 230 с.

5. *Садекова А.* Идеология Ислама и татарское народное творчество / А. Садекова. – Казань: Иман, 2000. – 260 с.

6. *Юзеев А.* Татарская философская мысль конца XVIII–XIX веков / А. Юзеев. В 2-х книгах. – Казань: Иман, 1998.

7. *Яхин Ф.З.* Татар шигъриятендэ дини мистика хэм мифология / Ф.З. Яхин. – Казан: ТДГИ нэшр., 2000. – 268 б.

8. Türk edebiyatı tarihı // Vasfı mahir Kocatürk. – Ankara, 1970.

УДК 821.511.151

А.В. Четкарева,
студент Марийского государственного университета
Г.Н. Бояринова,
кандидат филологических наук, доцент Марийского государственного университета

A.V. Chetkareva
student of the Mari State University
G. N. Boyarinova,
PhD in Philology, associate professor of the Mari State University

В. ИВАНОВЫН «ТЎТАН» РОМАНЫШТЫЖЕ СЕРЫШ ЙӦН

THE EPISTLE IN V. IVANOV'S NOVEL *TŸTAN*

Аннотация. Статья посвящена анализу художественной функции эпистолы (писем) в романе марийского писателя В. Иванова «Тўтан» («Буря»). Делается вывод о том, что письма характеризуют персонажей, подчеркивают эстетические вкусы и дух изображаемого времени, его социальные параметры, выполняют информативную роль.

Ключевые слова: В. Иванов, роман «Тўтан», эпистола, письмо, художественная функция, характер героя, время.

Abstract. The article analyses the artistic function of the epistle (letters) in the novel Tŭtan (The Storm) by the Mari writer V. Ivanov. It is concluded that the letters describe the characters, emphasize the aesthetic tastes and spirit of the depicted time, its social parameters, and play an informative role.

Keywords: V. Ivanov, the novel Tŭtan, epistle, letter, artistic function, hero's character, time.

Вениамин Иванов – марий серызе, почеламутчо, драматург, кусарыше, СССР Серызе ушемын йыжъеҥже. Тудо марий прозышто келге кышам коден. Творчествыштыже ик эн тӱҥ верым повесть-влак налыт, но шке вийжым да мастарлыкшым романым серымаштат терген ончен. В. Ивановын кок романжым палемден кодыман: тиде «Арслан» да «Тӱтан». Тушто писатель мемнан кугыжанышын историйже гыч ик эн тӱҥ событий-влак нерген возен. «Арслан» романыште Граждан сар нерген ойлалтеш гын, «Тӱтаныште» В. Иванов Кугу Ачамланде сар жап нерген воза.

Вениамин Ивановын сар жапым ончыктышо ик эн тӱҥ произведенийже – «Тӱтан» роман. Произведенийыште 1941-ше ий гыч тӱҥалын 1945-ше ий марте жап кумдыкым авалтыме, прозаик марий рвезе ден ӱдыр-влакын Кугу Ачамланде сарыште шочмо элнан эрыкше верч патырлыкым да лӱддымылыкым ончыктен кредалмыштым сӱретла. Тыгодымак автор шочмо эл, шочмо калык, кугыжаныш ончылно посна айдемын эн кугу да эн тӱҥ парымже шотышто лудшо-влакым шонкалаш тарата. Тыгак писатель романыште тыгай йодыш-влакым нӧлталеш: шӱм-чон моторлык, чын пиал, йӧратымаш, сай йолташ, чолга да лӱддымӧ айдеме. Герой-влакшат тӱрлӧ койыш-шоктышан улыт, сандене нине йодыш-влакым рашемдымаште ойыртемалт шогат.

Иванов В. возымаштыже серыш йӧн дене кумдан пайдалана. Тидыжым «Тӱтан» романыште, повестьлаштыжат ужын кертына. Ончалына, мо тугай эпистолярный формо. «Эпистолярная форма (от греч. epistolē ‘послание’) [литературный жанр] – форма личного письма, написанного в литературном стиле и предназначенного для публикации» [1, с. 552]. Эпистолярный (серыш, серышым возкалыме йӧн дене чоҥымо сылнымут произведений [3]) йӧным (тыште произведенийлашкыже пуртымо йӧн) автор герой-влакын кӧргӧ тургыжланымыштым ончыкташ, нунын шинчаончалтышыштым раш почын пуаш, лишыл айдеме дене шке ойго да куанышт дене пайлалташ, характерыштым келгынрак умылаш полшаш кучылтеш, тыгак тудо жап ойыртем нергенат ойла.

«Тӱтан» романыште эпистолярный формын тематике шотыштыжо ойыртемжым палемден кодыман. Ик тӱшкасе серыш-влак йӧратымаш йодышым рашемден шогат, кок еҥын

шӱмыштышт мо ышталтме нерген каласат. Вес тӱшкам ончалына гын, фронтышто кредалше-влакын мӧнгышкышт возен шогымо серышышт. Кумшо тӱшка – йодмаш серыш, нуно сар гыч толшо шучко содержаниян увертарымаш дене кылдалтыт, вес семын каласаш гын, официально-деловой стиль сынан улыт.

Йӧратымаш йодышым рашемден шогышо серыш-влакым ончал лектына. Тыште икте-весылан возкалыше-влакым мужыр семын палемдена: Альберт Орлов – Светлана Айдарова, Эрик Мурашов – Елена Таныгина, Альберт Орлов – Рина Вараксина. Серыш гоч йӧратымаш йодыш кумданрак почылтеш, тидым ме Орлов Альберт да Айдарова Светан коклаштышт палемден кертына. Светам илыш терга: тудо сар тӱҥалме кечынак кугу тутка-рыш логалеш, больницыште эмлалтеш, роман тӱҥалтыште шинчаже ок уж. Сандене самырык ӱдыр йӧратыме качыжлан серышым воза, но шке кид дене серен ок кертат, аваже, Анна Петровна, Светан шонымыжым, мом каласымыжым серен пуа. Тиде сӱрет гоч ме умылен налына: ӱдыр ден ава коклаште кыл пеш сай, шокшо. Света аважлан ӱшана, тудым шке лишыл йолташыже семын ужеш. Молан вара ӱдыр Альбертлан серышым колта? Рвезе йӧратыме танҥе дек больницыш толын коштын, но палатышкыже пурен ончен огыл: ӧрын, лӱдын. Света Айдарова шке серышыжым чын йолташ могайрак лийшаш манме шонкалымаш дене тӱҥалеш: *«Тудын* (айдемын) *эн лишыл йолташыже-влак лийыт, шке шӱмыштым, шонымашыштым почыт, йӧсӧ жапыште полшат…»* [2, с. 43]. Света шке йӧратыме еҥжымат лишыл йолташ семын ужеш, вара ешара: *«Нуно* (героинян йолташыже-влак) *мыйым огыт мондо: чӱчкыдынак больницыш коштыт, поро, ласка шомакышт дене кумылым нӧлтат…»* [2, с. 43]. Тиде корныла гоч шижына, пуйто ӱдыр Альберт деч йодневе: «Тый мыйын ик эн лишыл илыш йолташем улат, молан вара тыгай неле жапыште мыйын пеленем отыл, ойгемым от пайле?» Тыштак героиня тыгайрак иктешлымашым ышта: *«Сай йолташым йӧсӧ пагыт годым палет манын, чын ойлат улмаш…»* [2, с. 43].

Шке вашмутыштыжо Альберт Светан йоҥылыш шонымыж нерген воза да жаплан ойырлаш логалеш манын каласа, амалжымат ончыкта: шке шочмо мландым, калыкым аралаш эл йодеш.

Умылена, чыла тиде шоя, пафос гына. Муторгаж шенгелан рвезе «шылнеже», лӱдмыжым шылтынеже, тудо сокыр лийын кертше ӱдыр дене кылым кӱрлаш шона. Тидын нергенак Альбертын тиде вашмутан серыш деч вара эше ик ӱдырлан возымыжо ушештара. Шке серышыжым тудо тыгерак тӱҥалеш: *«Кече гай мӱндыр, но мыйым ырыктыше, волгалтыше Рина!..»* [2, с. 45]. Альберт кок кыл коклаш пура, тыге Света дек йӧратымаш кумылжо эркын дене койын шула. Тыгеат иктешлен каласаш лиеш: рвезе йӧратенжат ок мошто, ӱдыр чон кумыл дене модеш гына.

Вес серышым Светалан Орлов воза. Светланан шке шӱм йымалныже нунын йочаштым нумалмыжым пален налмек, ӱдырлан рвезе деч вашмут толеш. Ончыкылык ача полшаш мутым пуа: *«Шке шочшем нигунамат ом мондо. Мый вашке командир лиям, полшаш тӱҥалам…»* [2, с. 169]. Света ден Альберт коклаште йӧратымаш пытен гынат, героиня йочалан ава гаяк ача кӱлеш манын шона.

Нине герой-влаклан ваштареш писатель Елена Таныгина ден Эрик Мурашовын чоншижмаш кылыштым шында. Нунын серышыштым лончылен лекташ гын, тыгай иктешлымашым ышташ лиеш: йӧратымашышт яндар, чонышт почылтшо, икте-весышт коклаште нимогай шылтыме шонымаш уке, шкештат волгыдо чонан улыт, порылык дене авалтыныт. Ончалына икмыняр примерым. «*Таче шӱмемлан моткочак куштылго, шкат ом пале: ала-мом ыштынем, ойлынем. Кайык лиям гын, кӱшкӧ-кӱшкӧ чоҥештен кӱзем ыле. Уло мландым ӧндалмем шуэш. Мардеж семын пасушто, олыкышто, чодыраште куржталнем. Мылам кызыт мотор шокшо кече гай чучеш»* [2, с. 250], – лудына Елун серышыштыже. Письман тӱҥалтыш корнылажак геройын чоныштыжо мо ышталтмым почын пуа. Вара ӱдыръеҥ шарнымашыш кусна, ончыч мо лиймым ушештара, шкенжым эн пиаланлан шотла, вет тудат элым арала, фронтышто кредалеш. Тудо ончыкылык пиалан илышлан ӱшана, сеҥымаш кечым кузе вашлийме нерген шонкала. Туштак шочмо кундемлан пӧлеклалтше корно-влак чонеш логалше улыт: *«Марий мланде. Йолван ош куэр, кава пундашым чараклен шогышо пӱнчер, мамык лышташан пистер, арама серан энгер, колан ер, марий тӱр гай олык, шӱшпык йӱкан ял, шаршудан урем…»* [2, с. 251]. Серыш гоч

геройын могай койышан улмыжым палаш лиеш: ӱдыр романтике кумылан, тудын йылмыже лывырге, поян, тунемше улмыжат палдырна, патриот кумылжымат ужына. Йӧратен моштымыжым ойлыманат огыл, умбакыже лудына: *«Эрик! Кеч шыже, теле лийже, тый эреак шошо кече семын шӱмем ырыктет. Тӱняште ик ӱдырат шке качыжым тыге чот ок йӧрате… Чеверын, йӧратымем, мӱндыр чевер кечем!»* [2, с. 252].

Вес серышыштыже Елена йӧратыме качыжлан тыгай корно-влакым пӧлекла: *«Чолпан шӱдыр мыняр мӱндырнӧ, ынде тыят тынар тораште улат. Но шӱдыр йӱдым гына йолга, а тый мылам эре волгалтат. Кечывалымат, йӱдымат тӱсетым ужам, эрденат, кастенат йӱкетым колам»* [2, с. 112]. Чынак, тиде кок герой коклам автор серыш йӧн полшымо дене кумданрак почеш, чон кумылыштым ончыкта.

Елушын колымыж нерген Эриклан Таныгинан йолташ ӱдыржӧ Лиза Чулкова серышым возен колта. Тушто мо да кузе лиймым умылтарен каласыме.

Серыш тыгак вес сылнымут сомылыштат пале. Теве Люда Потапован Сергейлан возымо серышыж гоч ме ӱдыр дене умбакыже мо лиймым пален налына: тудо шочмо верышкыже пӧртылын огыл, Кременчуг олаште лакемын, тушто агрономлан пашам ышта. Возымо гыч ужына: ӱдыр Сергей дене вашлияш шонен ила, арам огыл Кременчуг олам кок гана ушештара да ешара: *«Серёжа, ит мондо – Кременчуг ола. Тудо кугорно ӱмбалне. Тушан ме вашлийшаш улына»* [2, с. 358]. Серыш тыште герой дене умбакыже мо лиймым палемда, уверым «нумалеш», тыгак ончыкылык нерген мом шонымым почын пуа.

Фронт гыч тылыште пашам тыршен ыштыше-влаклан толшо кажне серышыже шкешотан. Ик тыгай серышым «Чолпан» колхозышто тыршыше-влаклан тыгаяк лӱман танкын командирже, В. Муравьёв, возен колтен. Танкын «Чолпан» лӱмым молан нумалмыжым командирын серен колтымыж гыч умылен налына: *«Ме тыланда таум каласышаш улына. Тендан погымо оксада дене ыштыме танк марий онар гай патыр. Тидым Москва верч кредалмаште тудо раш ончыктен…»* [2, с. 149]. Муравьёв кажне ең сеҥымаш корныш шуаш шке вийжым пышта да тыгак лиеш манын ӱшана: *«Фронт ден тыл, кӱ курыкла шогалын,*

фашизмым кырен шалата!» [2, с. 150]. Тыгай серыш, мемнан шонымаште, тылыште фронтлан полшен шогышо калыклан эше шукырак вийым пуа, волгыдо ончыкылыклан ӱшаным пӧлекла.

Сар пагытыште официально-деловой сынан серыш-влакат возалтыныт. Мутлан, Эрик Мурашов фронтыш каяш йодмашым сера:

«Йошкар-Оласе пересыльный пункт начальниклан.
Доброволец Эрик Мурашов деч

Йодмаш.

Пересыльный пунктыштыда кумшо кече веле илем гынат, шер темын.

Вашкерак фронтыш колтыза.

Эрик Мурашов» [2, с. 62].

Тыгак «Чолпан» колхозын председательже Кожлаев Василий Петрович йодмашан серышым возен колта, тудо фронтыш доброволец семын кайынеже: *«…фронтыш колташ йодам…»* [2, с. 287].

Иктешлен каласаш гын, В. Ивановын «Тӱтан» романже мотко ч келге шонымашан, автор айдеме дене илышыште тӱрлыжат лийын кертме нерген каласкала, кеч-могай жапыштат айдеме тӱсшым йомдарышаш огыл, нелылыкым сеҥен, ончыко ошкылшаш манмым ӱшандара. Романысе герой-влакын могай улмыштым сайрак пален налаш да рашемдаш тӱрлӧ сынан да тӱрлӧ амал дене возымо серыш-влак полшат, молан манаш гын тушто нуно шке шонымашыштым серат, шӱм-чоным почын возат, илышын тӱрлӧ шӧрынжылан акым пуат. Икманаш, серыш-влак лудшылан могай-гынат уверым кондат, романыште кӱлешан сылнымут сомылым шуктат.

ЛИТЕРАТУР

1. *Борев Ю.Б.* Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2003. – 575 с.

2. *Иванов В.* Тӱтан: Роман. 2-шо изд. – Йошкар-Ола: Марий книга изд-во, 1991. – 368 с.

3. Марий электрон мутер: Ы, Ӹ, Э, Ю, Я / А.А. Абрамова, И.С. Галкин, В.Н. Максимов да молат.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
АРХЕОЛОГИЯ

HISTORICAL SCIENCES
ARCHEOLOGY

УДК 902.2

А.В. Акилбаев,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Марийского научно-исследовательского института
языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

A.V. Akilbaev,
Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher,
Mari Research Institute of Language,
Literature and History named after V.M. Vasilyev

КРАТКИЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ МОГИЛЬНИКА «КУЗИНСКИЕ ХУТОРА» В 2020 ГОДУ

BRIEF RESULTS OF THE ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS OF THE KUZINSKIE KHUTORA BURIAL GROUND IN 2020

Аннотация. В статье рассматриваются основные итоги археологических раскопок средневекового могильника «Кузинские хутора» 2020 г. Дается краткая характеристика погребальному обряду и сопровождающему комплексы инвентарю.

Ключевые слова: средневековая марийская культура, погребальные памятники, археология.

Abstract. The article examines the main results of the archaeological excavations of the medieval burial ground Kuzinskie Khutora in 2020. The author gives a brief description of the funeral rite and the inventory accompanying the burial complexes.

Keywords: medieval Mari culture, burial grounds, archeology.

В июле 2020 г. отрядом Марийской археологической экспедиции (МарАЭ) МарНИИЯЛИ при поддержке Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника и Костромского областного отделения Русского географического общества проведены раскопки могильника «Кузинские хутора» IX–XII вв. в Шарьинском районе Костромской области, расположенного в 7 км к юго-западу от города Шарья на коренной террасе ручья (левого притока Ветлуги).

Памятник открыт и изучается МарАЭ (Никитин В.В., Никитина Т.Б., Акилбаев А.В.). За 2013, 2014 и 2017 гг. выявлены 25 погребений и один жертвенный комплекс на площади 164 кв. м. В 2018 г. исследовано 9 объектов (7 погребений и 2 жертвенных комплекса) на площади 120 кв. м.

Раскоп 2020 г. примыкал к юго-восточной части раскопа 2014 г. Цель работы – определить перспективность дальнейших археологических обследований памятника. В силу различных обстоятельств раскопки были непродолжительны, поэтому изученная площадь составила всего 32 кв. м. На ней выявлены 4 погребения, совершенные по обряду кремации.

Контуры объектов зафиксированы на глубине 20–30 см под слоем пахоты (распашка под лесопосадку). Определить ориентировку возможно только у одного погребения (33) – оно вытянулось с севера на юг с небольшим отклонением по линии северо-восток – юго-запад. Остальные захоронения повреждены корнями деревьев, кладоискательскими вкопами и распашкой. Заполнения слабогуммированные, фиксируются с трудом.

Одно погребение с кремацией (35) потревожено двумя глубокими кладоискательскими вкопами и корнями деревьев. Погребальный обряд проследить невозможно. Есть вероятность того, что это два захоронения, одно из которых перекрывало другое. Здесь в хаотичном порядке находились различные предметы: элементы поясной гарнитуры, обувные привески, предметы вооружения (копье и стрелы), цепочка, щитковые «усатые» перстни, различные обломки украшений и железных вещей. В кладоискательском вкопе имелось височное кольцо с отогнутым кольцом. Его тоже уместно связать с этим погребением. На дне прослежена подстилка из дерева.

Два захоронения (33 и 34) аналогичны большинству погребений Кузинских хуторов. В них кальцинированные кости и вещи

расположены хаотично, залегают на разных глубинах. Железные предметы чаще всего представлены обломками со следами воздействия огня, определить их назначение затруднительно. Вещи из цветного металла в огне не были, но разобраны на фрагменты (отдельные накладки от пояса, пронизки от некогда цельного украшения).

Богатством и обрядом выделяется погребение 36. Оно частично разрушено распашкой и корнями дерева, но погребальный обряд представлен достаточно ясно. Кальцинированные кости и часть украшений, по-видимому, были завернуты в одежду, от которой остались следы вышивки, и опоясаны ремнем с накладками. Накладки не сохранились, но прослежены в виде отпечатков на подстилке из дерева. Кости и некоторые вещи отмечены еще в верхних горизонтах захоронения, поэтому фиксация осуществлялась на трех уровнях. На первом выявлены кальцинированные кости, фрагмент ножа, металлическая бусина и неопределенный железный предмет. На втором уровне найдены, кроме кальцинированных костей, обувные украшения, фрагменты наборного пояса, обломок браслета. Основные находки сосредоточились на дне погребения. Здесь находилась основная масса костей, в т.ч. и достаточно крупные экземпляры. Из инвентаря можно выделить фрагмент фибулы, вторую часть браслета, топор-кельт, стрелы, лежавшие группой (возможно в колчане), рукоять кинжала, украшенную серебряными пластинами с позолотой (лезвие не найдено, возможно оно обломано), биметаллическое кресало, серебряную гривну глазовского типа, на которой стояла деревянная чаша с обкладкой металлическими пластинами по краю. Рядом с чашей найдены несколько пуговиц, часть из них вдета в петли. Вероятно, они застегивали верхнюю одежду. Вещи из верхних уровней аналогичны вещам из последнего, что свидетельствует о единстве комплекса. Украшения обуви найдены в центре захоронения, серьги отсутствуют, поэтому сложно сказать в каком направлении ориентировано погребение. Можно лишь предположить, что гривна маркирует условную голову погребенного. В таком случае здесь представлена южная ориентировка. В целом обряд схож с кремациями средневекового марийского населения X–XI вв. В качестве примера можно привести погребение 14 могильника «Черемисское кладбище» [1, с. 28]. Однако есть некоторые отличия: часть вещей поломана, некоторые вещи и кости встречены в верхних горизонтах (хотя часть вещей и костей могла быть потревожена росшим здесь деревом и распашкой).

Без сомнения, в погребении 36 захоронен мужчина, имевший высокий статус в обществе. Об этом говорят богатство костюма (вышивка, гривна) и наличие вооружения: кельт, стрелы, в т.ч. престижного характера – кинжал. Половую принадлежность других захоронений определить затруднительно.

Полученные данные подтвердили выводы материалов работ 2013, 2014, 2017, 2018 гг. о датировке памятника и о наличии двух культурных компонентов. Первый, самый многочисленный, компонент связан с пермскими финнами, представлен кремациями с хаотично расположенными по разным уровням костями и поврежденными вещами (погребения 33 и 34) [2, с. 135–136]. Второй компонент – древнемарийский. В материалах 2020 г. к нему бесспорно относится погребение 36 и, вероятно, погребение 35, поскольку в нем обнаружено височное кольцо, характерное для марийского женского костюма, и длинная цепочка, которую можно связать с марийским головным украшением. Однако налицо взаимопроникновение культур, отразившееся в погребальном обряде. Обращает на себя внимание поломка браслета и фибулы в погребении 36. Порча вещей в целом характерна для пермских захоронений могильника.

Датировка изученных комплексов сложна. Относительно четкую дату может дать только погребение 36. Здесь встречено биметаллическое кресало с изображением всадников, скачущих в противоположные стороны. Такие огнива известны на большой территории – от Швеции до Прикамья. Они бытовали во второй половине X – первой половине XI в. [3, с. 131]. В этот комплекс входят очковидные обувные подвески без привесок. Аналогичные предметы есть в погребении 3 Кочергинского могильника (где тоже погребен вооруженный мужчина), которое датируется IX в. [4, с. 166]. Вероятнее всего, время погребения может быть определено X в.

Проведенные работы показали дальнейшую перспективность археологического изучения могильника «Кузинские хутора».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Никитина Т.Б.* Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Археология евразийских степей. – Казань: АН РТ, ИИ им. Ш. Марджани, МарНИИЯЛИ, 2012. – Вып. 14. – 408 с.

2. *Никитина Т.Б.* Население верхнего Поветлужья в начале II тыс. н.э.: новые материалы // Краткие сообщения ИА РАН. – М., 2015. – Вып. 240. – С. 124–140.

3. *Голубева Л.А.* Огнива с бронзовыми рукоятями // Советская археология. – М., 1964. – № 3. – С. 115–132.

4. *Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1952. – Вып. 28. – 276 с.

УДК 902(470.343)

Т.Б. Никитина,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Марийского научно-исследовательского института
языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

T.B. Nikitina,
Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher,
Mari Research Institute of Language,
Literature and History named after V.M. Vasilyev

МОНИТОРИНГ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ (2019–2021 гг.)

MONITORING OF ARCHAEOLOGICAL SITES HERITAGE OF THE REPUBLIC OF MARI EL (2019–2021)

Аннотация. В статье обобщены результаты работ по мониторингу объектов археологического наследия Республики Марий Эл за 2019–2021 гг. Выявлены основные проблемы по проведению мониторинговых исследований, намечены задачи и перспективы аналогичных исследований на ближайшие пять лет и выработаны рекомендации совершенствования системы охраны объектов археологического наследия.

Ключевые слова: мониторинг, объекты археологического наследия, культурный слой, охрана исторического и культурного наследия.

Abstract. The article summarizes the results of monitoring the archaeological heritage of the Republic of Mari El in 2019-2021. The main problems of carrying monitoring studies have been identified, tasks and prospects of similar studies for the next five years have been outlined, and recommendations have been developed to improve the system of protection of archaeological heritage objects.

Keywords: monitoring, archaeological heritage objects, cultural stratum, protection of historical and cultural heritage.

Археологический мониторинг – важнейшее звено в системе мероприятий, обеспечивающих сохранение памятников археологии. Мониторинг объектов культурного наследия (далее ОКН) проводится с целью уточнения сведений об ОКН, определения их технического состояния, формирования перечня объектов археологического наследия для установления границ территорий в первоочередном порядке.

В соответствии со ст. 33 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» обследование и фотофиксация состояния объектов культурного наследия, включенных в реестр, с составлением актов технического состояния объектов культурного наследия должны быть произведены один раз в пять лет в целях определения мероприятий по обеспечению их сохранности.

В Республике Марий Эл данная работа планомерно проводится Министерством культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл с 2019 г. В качестве научных экспертов и консультантов привлекаются научные сотрудники направления «Археология» МарНИИЯЛИ (с 2019 г.) и отдела археологии Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева (с 2020 г.). С 2020 г. научно-методическое сопровождение работ по поиску и идентификации объектов археологического наследия осуществляется с привлечением научных сотрудников, имеющих право проводить археологические работы по мониторингу на основании Открытого листа, выданного Министерством культуры Российской Федерации.

За три года (2019–2021) сотрудниками направления «Археология» МарНИИЯЛИ осмотрено 130 объектов археологического

наследия, включенных в Единый государственный реестр объектов культурного наследия РФ (ЕГРОКН), расположенных на территории Юринского, Медведевского, Куженерского, Сернурского, Звениговского, Горномарийского и Килемарского районов Республики Марий Эл. Аналогичные мероприятия с 2020 г. проводятся и сотрудниками отдела археологии Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева. Всего по республике за три года осмотрено 309 объектов.

Итоги работ за прошедшие три года представлены в таблице 1.

Таблица 1

Итоги мониторинговых исследований
по Республике Марий Эл (2019–2021 гг.)

Муниципальный район / городской округ	Количество ОКН, сведения о которых внесены в ЕГРОКН	Количество ОКН, в отношении которых проведен мониторинг (2019–2021 гг.)	Количество ОКН с установленными границами территорий
г. Йошкар-Ола	11	-	-
г. Козьмодемьянск	1	-	-
Волжский район, г. Волжск	32	32	4
Горномарийский	79	37	22
Звениговский	148	108	64
Килемарский	73	25	16
Куженерский	15	13	1
Мари-Турекский	22	0	0
Медведевский	10	10	3
Моркинский	26	23	4
Новоторъяльский	8	8	-
Оршанский	7	7	-
Параньгинский	1	1	-
Сернурский	8	3	-
Советский	4	3	1
Юринский	71	39	3
Итого:	516	309	118

Первый опыт такой работы показал ее необходимость и значимость. Учитывая, что значительная часть памятников открыта во второй половине прошлого века и не имела точных географических привязок с использованием системы координат, поиск их

в настоящее время, особенно в лесной и заболоченной местности, затруднен.

Большое количество объектов археологического наследия не обследовалось с момента их открытия, либо с момента последнего года изучения. Таким образом, ряд памятников не осматривался в течение 30–50 лет. К таким объектам относятся, в частности, Мазарские поселения [1, 2], Курманаевская стоянка [3, с. 6–8] в Медведевском районе, памятники в районе озера Шушер в Килемарском районе [1], стоянки в районе озер Мариер и Шордыер и Маркитанские стоянки [4, с. 190–206] в Звениговском районе и т.д. За этот период их внешний облик, как и облик окружающей их территории, значительно изменился; на многих памятниках произошли изменения антропогенного или техногенного характера. Практически каждый запланированный выезд на отдельные памятники превращается из осмотра точечного объекта в обследование территории. По сути, это самостоятельная археологическая разведка, связанная с обследованием территории, на которой, кроме вошедших в ЕГРОКН объектов, располагаются ранее известные памятники, не вошедшие в реестр, и могут быть выявлены абсолютно новые объекты. В связи с этим особое значение при проведении мониторинга памятников археологии приобретает наличие специалиста с Открытым листом.

Нередко именно в процессе проведения мониторинга при сопоставлении сведений, имеющихся в ЕГРОКН и Археологической карте Республики Марий Эл, научных отчетах, происходит уточнение сведений, причем нередко кардинальных, содержащихся в ЕГРОКН по их местонахождению. Например, Старожильская стоянка и Паленая стоянка согласно сведениям ЕГРОКН значатся в Килемарском районе, по факту располагаются в Медведевском районе. Изначально ошибка закралась в постановлении Правительства Республики Марий Эл от 24.08.1993 № 298 «О мерах по дальнейшему обеспечению сохранности археологических памятников и культовых мест на территории Республики Марий Эл». Аналогичная ситуация по трем Степанкинским стоянкам, которые фактически располагаются в Волжском районе, а согласно постановлению Правительства Республики Марий Эл от 24.08.1993 № 298 «О мерах по дальнейшему

обеспечению сохранности археологических памятников и культовых мест на территории Республики Марий Эл» данные стоянки вошли в перечень памятников археологии, расположенных в Звениговском районе. В числе утраченных в перечне числилась стоянка Речфлот 1 (Горномарийский район), а обследованием с постановкой шурфов подтверждено наличие культурного слоя [5, с. 30–33].

Списочный подход к постановке на государственную охрану объектов археологического наследия, существовавший до вступления в силу Федерального закона № 73-ФЗ, не лучшим образом сказался на качестве сведений, содержащихся в ЕГРОКН. Например, на государственную охрану постановлением Правительства Республики Марий Эл от 24.08.1993 № 298 «О мерах по дальнейшему обеспечению сохранности археологических памятников и культовых мест на территории Республики Марий Эл» принято Торгановское мольбище, при этом куст памятников, расположенных на Мельничной протоке, не нашел отражения в нормативно-правовых актах. По этой причине при определении границ Торгановского мольбища в границы памятника вошло известное с 1986 г. «III Мельничное поселение». Следует отметить, что в отчете отражались сведения о том, что «Торгановское мольбище» находится на месте данного поселения. В 1991 г. на поселение был составлен паспорт памятника истории и культуры, согласно которому памятник получил название «Торгановского IV поселения».

В настоящее время приказом Министерства утверждены границы территории объекта археологического наследия «Торгановское мольбище». В учетное дело объекта археологического наследия будут внесены соответствующие изменения в плане датировки и наименовании объекта археологического наследия «Торгановское мольбище. Поселение IV», датировка: эпоха энеолита (волосовская культура), эпоха поздней бронзы (культура текстильной керамики, приказанская культура), XVIII–XX вв. [6, Отчет ИА РАН]. В этом случае проблема обеспечения сохранности решена за счет установления общей границы территории.

Не менее важной является другая проблема, связанная с тем, что на государственную охрану ставились в качестве отдельных

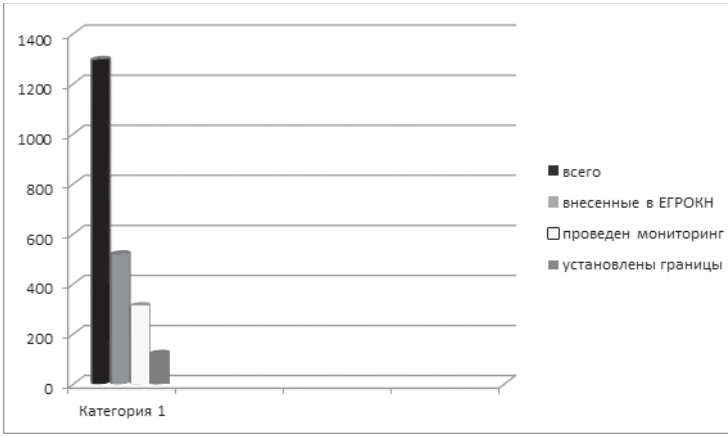
объектов археологического наследия памятники, расположенные на одной и той же территории, но отражающие разные этапы заселения территории в различные исторические периоды. Например, Арзебелякская 6 стоянка (Ясачное 1 поселение), Ясачное селище, Ясачный могильник располагаются на одной территории, которая была заселена в эпоху камня – VII тыс. до н.э.; в период раннего средневековья (IV–VI вв.) на этой территории азелинскими племенами совершались захоронения, которые располагаются между жилищами эпохи камня; кроме того, на этой же

Таблица 2

Сведения о древних памятниках и находках на территории Республики Марий Эл*

Район	Кол-во сохранившихся объектов археологического наследия	Утраченные объекты	Сведения о находках отдельных предметов	Всего	Кол-во ОКН; сведения, о которых внесены в ЕГРОКН
Волжский	19	24	19	62	32
Горномарийский	101	83	46	230	79
Звениговский	162	54	50	266	148
Килемарский	57	83	46	186	73
Куженерский	20	17	17	54	15
Мари-Турекский	17	6	8	31	22
Медведевский	24	8	13	45	10
Моркинский	29	22	24	75	26
Новоторъяльский	10	2	24	36	8
Оршанский	9	4	18	31	7
Параньгинский	1	2	1	4	1
Сернурский	8	2	10	20	8
Советский	6	3	14	23	4
Юринский	112	84	34	230	71
Итого				1293	516

* Составлено по Археологической карте Республики Марий Эл. Никитин В.В. Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 2009.

территории зафиксированы керамика и отдельные объекты, связанные с древнемарийской культурой [7, с. 14–32]. Фактически, эти памятники целесообразно объединить в один объект по той причине, что локализовать каждый из этих памятников обособленно невозможно. Аналогичная ситуация с Ошутъяльским кустом памятников (Звениговский район). Здесь территория осваивалась в эпоху камня (Ошутъяльская 2 стоянка) и раннее средневековье (Ошутъяльский могильник).

Анализ сведений, содержащихся в ЕГРОКН и Археологической карте Республики Марий Эл, свидетельствует о необходимости проведения работы по включению в реестр объектов археологического наследия, не принятых по тем или иным причинам на государственную охрану до вступления в силу Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации».

Например, археологический памятник «Поселение VI Кокшайск» в Звениговском районе известен с 1985 г., исследовался в 1986, 1987 гг. (даже с участием финских ученых), неоднократно публиковался на страницах научной литературы [8], но не вошел в Реестр ни в 1997 г., ни в 2007 г., когда принимались нормативные документы о постановке объектов археологического наследия на учет. Не значатся в Реестре памятники на Мельничной

протоке (не менее 6 поселений от эпохи камня до поздней бронзы с жилищами от 5 до 14 на каждом), выявленные В.В. Никитиным еще в 1976 г. и вошедшие в археологические справочники. Осталось незамеченным поселение Большая Гора с 29 жилищами, расположенными в два ряда вдоль береговой линии Мельничной протоки, открытое Марийской археологической экспедицией в 1989 г. и частично раскопанное экспедицией краеведческого музея в 1991 г. [9].

В такой же неизвестности остались древние поселения у озера Таир в Звениговском районе и Старо-Мазиковские стоянки на р. Илеть в Моркинском районе и многие другие объекты с мощным культурным слоем и выраженными жилищными впадинами. Требует постановки на учет мощный куст археологических памятников каменного века – эпохи бронзы на р. Выжум, открытых Т.Б. Никитиной в 1993 г. и В.В. Никитиным в 2004 г. [10]. В то же время под охраной остаются местонахождения отдельных вещей без культурного слоя (так писали исследователи при открытии памятников, это же показал и мониторинг), например, Сергушкинская 9 стоянка.

Таким образом, с учетом требований Федерального закона № 73-ФЗ перед археологическим сообществом и Министерством культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл стоит задача включения в реестр этих объектов археологического наследия. В соответствии с законодательством включение археологического памятника в перечень выявленных археологического наследия осуществляется на основании заявления держателя Открытого листа с приложением результатов осмотра сроком давности не более пяти лет, для их осмотра необходимо проведение археологической разведки, требующей определенных финансовых затрат и наличия специалистов, подготовленных для полевой работы.

Многие памятники имеют несколько названий (два и более) в зависимости от того, в каком году и каким исследователем открывались или переименовывались в последующие годы в связи с изменениями требований учета Министерством культуры Российской Федерации. Такая ситуация сложилась с памятниками у д. Торганово Звениговского района – они называются

в одних источниках Торгановскими, а в других Шалангушскими. А Азелинский могильник в Звениговском районе имеет тройное название «Лушморский», «Ошутъяльский» и «Озеркинский». Первичным в данном случае является наименование, под которым объект археологического наследия принят на государственную охрану и соответственно зарегистрирован в ЕГРОКН.

В целом мониторинг 2019–2021 гг. выявил ряд серьезнейших задач, решение которых достаточно остро стоит на повестке дня в ближайшие пять лет.

1. В целях обеспечения достоверности и полноты сведений в ЕГРОКН оперативно вносить изменения в учетные дела, в том числе путем организации проведения государственной историко-культурной экспертизы.

2. В целях обеспечения сохранности объектов археологического наследия активизировать деятельность по определению границ территорий объектов археологического наследия и внесения сведений в единый государственный кадастр недвижимости.

3. Продолжить работы по выявлению объектов археологического наследия, активно практикуемые в форме археологических разведок в 1970–1990 гг.

4. Организовать работу по включению объектов археологического наследия, известных с прошлого столетия, в ЕГРОКН.

Реализация этих задач позволит существенно снизить риски при выполнении различных инвестиционных проектов по той причине, что уже на стадии планирования потенциальный Заказчик будет знать о существующих обременениях территории, что даст возможность избежать дополнительных незапланированных затрат при реализации проекта.

Важно соблюдать главную истину, что археологическое наследие – это не только объекты, вошедшие в список ЕГРОКН, а все памятники, расположенные на подведомственной территории, независимо от того, успели мы их внести в список или они ждут своей очереди. А для этого необходима целевая программа по оценке имеющегося в республике потенциала по древнему наследию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Никитин В.В., Старостин П.Н.* Разведки в лесной зоне бассейна реки Большой Кокшаги // Отчет Марийской археологической экспедиции за 1974 год / НРФ МарНИИЯЛИ, д. № 5544.

2. *Архипов Г.А., Никитин В.В.* Отчет МАЭ о работах в 1975 году в МАССР / Архив ИА РАН, Р-1, д. № 5865.

3. *Халиков А.Х.* Отчет о полевых работах Марийской экспедиции в 1957 году / Архив ИА РАН, Р-1, д. 14370.

4. *Никитин В.В.* Разведочные работы в левобережье Средней Волги // Отчет Марийской экспедиции за 1976 год / Архив ИА РАН, д. 6223.

5. *Кутузова Д.О.* Отчет о разведочных работах в Горномарийском районе Республики Марий Эл в 2020 году / НРФ МарНИИЯЛИ, оп. 1, д. № 1260, с. 30–33.

6. *Михеев А.В.* Отчет по результатам определения границ территорий объектов археологического наследия в Звениговском и Медведевском районах Республики Марий Эл в 2020 году / НРФ МарНИИЯЛИ, б/номера.

7. *Михеев А.В.* Отчет «Научно-исследовательские археологические работы (разведки) на территории Звениговского района Республики Марий Эл в 2014 году / НРФ МарНИИЯЛИ, оп. 1, д. 1185, с. 14–32.

8. *Лавенто М., Патрушев В.С.* Развитие и хронология текстильной керамики на Средней и Верхней Волге: критический взгляд возможностей хронологии по 14С-, АМС и типологическому методам // Поволжская археология. – 2015. – С. 160–189.

9. *Большов С.В.* Отчет об исследованиях поселения Большая Гора в Красноярском сельсовете Звениговского района Марийской Республики в июне – августе 1991 года / ИА РАН, д. 17016.

10. *Никитина Т.Б.* Отчет о работах III отряда МарАЭ в 1993 г. Архив ИА РАН, оп. 1, д. № 18007.

11. *Никитин В.В.* Отчет о разведках в Республике Марий Эл в 2004 г. НРФ МарНИИЯЛИ, оп. 1, д. 1086.

УДК 902.2(470.343)

Е.Г. Шалахов,
сотрудник музейной части
Государственного бюджетного учреждения
культуры Республики Марий Эл
«Замок Шереметева»

E.G. Shalakhov,
staff member of "Sheremetev's Castle" -
the State Budgetary Institution of Culture
of the Republic of Mari El

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ВОЛГО-ВЕТЛУЖСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ: СУДЬБА ОПОРНЫХ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ БРОНЗОВОГО ВЕКА (К 20-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОТКРЫТИЯ ЮРИНСКОГО МОГИЛЬНИКА)

HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF THE VOLGA-VETLUGA INTERFLUVE: THE FATE OF THE BRONZE AGE ARCHEOLOGICAL MONUMENTS (TO THE 20TH ANNIVERSARY OF THE OPENING OF THE YURINSKY BURIAL GROUND)

Аннотация. Эталонные памятники археологии бронзового века Марийского края Юринская стоянка и Юринский могильник расположены на высоких дюнах между реками Волга и Ветлуга. Эта часть Среднего Поволжья в настоящее время испытывает на себе негативное влияние Чебоксарского водохранилища, введенного в эксплуатацию свыше сорока лет назад. Несмотря на серьезное разрушение дюны строительными работами, Юринская стоянка оказалась пригодна для стационарных исследований, которые велись несколько десятилетий. Сейчас археологический памятник нуждается в музеефикации. Аналогичная судьба у Юринского могильника, наполовину размытого водохранилищем. Ввиду уникальности места, где функционировал некрополь эпохи бронзы, необходимо

защитить его верхнюю площадку от абразивных процессов Чебоксарского водохранилища.

Ключевые слова: археологический памятник, музеефикация, Юринский могильник, Юринская стоянка.

Abstract. The reference monuments of Bronze Age archeology of the Mari region – the Yurinsky site and the Yurinsky burial ground are located on high dunes between the Volga and the Vetluga rivers. This part of the Middle Volga region is currently experiencing a negative impact of Cheboksary reservoir, placed into commission more than forty years ago. Despite a serious destruction of the dune during construction work, the Yurinsky site had been suitable for stationary research, being conducted for several decades. Now the archaeological monument needs preservation. The Yurinsky burial ground, half eroded by the reservoir, has a similar fate. Due to the uniqueness of the place where the Bronze Age necropolis functioned, it is necessary to protect its upper platform from the abrasive processes of Cheboksary reservoir.

Keywords: archaeological monument, turning into museum, Yurinsky burial ground, Yurinsky site.

Одним из самых информативных поселенческих памятников эпохи ранней бронзы лесной зоны Евразии является Юринская стоянка, открытая членами Козьмодемьянского общества краеведения в 1928 г. [2, с. 9]. Наиболее важные материалы получены в ходе работ В.С. Патрушева (стационарные раскопки 1977 г.), В.В. Никитина и Б.С. Соловьева (стационарные исследования 1999, 2000 гг.). На стоянке частично изучены четыре полуземлянки, в которых собраны коллекция керамики, кремневые изделия, а также вещественные свидетельства древнего меднолитейного производства – от фрагментов глиняных тиглей до металлических орудий [4, с. 14–16].

В настоящее время памятник первобытной археологии «Юринская стоянка» востребован как объект экскурсионного показа (с лета 2009 г.). Характер и степень изученности древнего поселения обуславливают подготовку к комплексу мероприятий по музеефикации стоянки. Этот вопрос впервые был поднят нами на IV (XX) Всероссийском археологическом съезде в Казани [7, с. 425–427].

Весной 2016 г. отдел археологии Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева выступил инициатором разработки материалов для информационного стенда, который был установлен на памятнике в дни работы в Юрино Всероссийской научной конференции «Проблемы сохранения и популяризации археологического наследия» (13–16 августа 2016 г.).

Информационный стенд под названием «Юринская стоянка», о котором идет речь, лицевой стороной обращен к набережной поселка городского типа Юрино и хорошо виден с расстояния в несколько десятков метров. В верхней части стенда находится иллюстративный материал, состоящий из набора вещевого инвентаря, наиболее характерного для эпохи раннего металла, и фотоизображение реконструированного жилища, аналогичного поздневолосовским постройкам Юринской дюны. Кроме того, непосредственно под иллюстрациями стенда имеется текст с описанием керамического и кремневого комплексов и кратким изложением истории экспедиционных работ на стоянке.

В дальнейшем необходимо приступить к достоверной реконструкции древних жилищ полуземляночного типа на изученной в прошлом веке площади древнего памятника. Мы рассматриваем два варианта решения этой задачи. Либо это будет крытый павильон с возможностью круглогодичного посещения реконструированных построек эпохи бронзы, либо это будут воссозданные объекты под открытым небом, приспособленные для посещения в летние месяцы, когда ГБУК Республики Марий Эл «Замок Шереметева» принимает заявки от туроператоров и организует экскурсии по территории бывшей дворянской усадьбы.

Таким образом, музеефикация памятника первобытной археологии «Юринская стоянка» должна быть реализована с учетом специфики использования усадебной территории ГБУК Республики Марий Эл «Замок Шереметева» [8, с. 187–190].

Среди опорных памятников сейминско-турбинского транскультурного феномена заметно выделяется информативный Юринский могильник [6, с. 168] на Сутырской дюне близ современного устья р. Ветлуги – левого притока р. Волги на западе Республики Марий Эл. Уникальность погребальных комплек-

сов могильника доказана результатами стационарных раскопок, предпринятых Марийской археологической экспедицией в 2001–2006 гг. [3, с. 150].

Несмотря на значимость памятника, нижняя площадка Юринского могильника осталась в интенсивно разрушаемом секторе Сутырской дюны. Рекультивированные раскопы 2001–2003 гг. буквально «уходили» прямо на глазах вместе с обвалами песчаного грунта. Главная причина разрушений на нижней площадке некрополя – абразивные процессы, фиксируемые по всей береговой линии в зоне затопления Чебоксарского водохранилища. Скорость возникновения обвалов и оползней почти не оставляла шансов на поиск остатков размытых могил эпохи бронзы. Наши усилия в этом плане лишь однажды увенчались успехом. Мы говорим об условном погребении 13, обнаруженном в 2003 г. на размытом пляже под исследованной площадкой некрополя [5, с. 110].

На сегодняшний день максимальная ширина рекультивированных раскопов на нижней площадке Юринского могильника составляет примерно 3,5 м (данные на 16 октября 2018 г.).

Наиболее ценные находки получены Б.С. Соловьевым при изучении верхней площадки погребального памятника. Социально значимые (воинские) захоронения эпохи бронзы (могилы 10 и 15) вскрыты на вершине дюны – в 60 м к северо-востоку от основной площадки некрополя [1, с. 171].

В 2004 г. исследована могила 10, представляющая из себя кенотаф с богатым погребальным инвентарем. Он состоит из бронзового литого наконечника копья с ромбическим стержнем пера листовидной формы, а также медно-бронзовых предметов – топора-кельта с оригинальной орнаментацией по одной из фасок орудия и ножа. Подсыпка охры также выделяла это захоронение носителя сейминско-турбинских традиций из общей массы могил [1, с. 166; 6, с. 168–174].

Летом 2005 г. здесь же, на верхней площадке Юринского могильника, было расчищено ещё одно статусное погребение 15, видимо, знатного воина. Кроме бронзовых вещей – топора-кельта, ножа-кинжала и медного литого наконечника копья – обнаружены крупные кремневые наконечники стрел турбинского типа – треугольно-усеченной формы [1, с. 167].

Рекультивированные раскопы 2004–2005 гг. имеют почти идеальную сохранность в сравнении с остатками раскопов 2001–2003 гг., о которых шла речь выше. Значительное расстояние до берега водохранилища (почти 70 м) и плотные ряды лесопосадок с трех сторон в целом обеспечили защиту уникальной части археологического объекта. Основная угроза исходит от неорганизованных туристов, рыбаков и охотников, которые часто посещают Сутырскую дюну в тёплое время года.

В целях сохранения верхней площадки уникального погребального памятника необходимо осуществить ряд шагов, которые при должном финансировании позволят ещё много лет вести научное наблюдение за объектом археологического наследия. Во-первых, нужно установить информационный щит, посвященный памятнику и его исследователям, во-вторых, соответствующим образом обозначить границы рекультивированных раскопов 2004–2005 гг.

Мероприятия по охранному огораживанию верхней площадки Юринского могильника следует согласовать со службой лесной охраны Республики Марий Эл, чтобы избежать повреждения памятника по причине возможных лесоустроительных работ в приустьевой части р. Ветлуги. В последний раз распашка поверхности Сутырской дюны под лесопосадки производилась в конце прошлого века.

Таким образом, проблема сохранения верхней площадки Юринского могильника сейминско-турбинского типа, требующая положительного решения, отражает не столько научный интерес к конкретному памятнику, сколько стремление цивилизованного общества к увеличению числа полноценно защищенных объектов культурного наследия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Соловьев Б.С.* Археологические культуры юга лесного Поволжья на рубеже среднего и позднего бронзового века / Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 9. – Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 2016. – 412 с.

2. *Соловьев Б.С.* Бронзовый век Марийского Поволжья. – Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 2000. – 264 с.

3. *Соловьев Б.С.* Изучение памятников эпохи бронзы в Республике Марий Эл (2000–2010 гг.) // Развитие гуманитарных исследований в Республике Марий Эл. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. – С. 149–153.

4. *Соловьев Б.С.* К вопросу о взаимодействии населения раннего бронзового века лесной полосы Среднего Поволжья // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. – С. 14–20.

5. *Соловьев Б.С.* Юринский (Усть-Ветлужский) могильник (итоги раскопок 2001–2004 гг.) // Российская археология. – 2005. – № 4. – С. 103–111.

6. *Соловьев Б.С., Шалахов Е.Г.* Воинское погребение Юринского могильника // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья. – Чебоксары: ЧГИГН, 2006. – С. 168–174.

7. *Шалахов Е.Г.* Древние памятники Шереметевской усадьбы (Марий Эл): популяризационный аспект // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014. – С. 425–427.

8. *Шалахов Е.Г.* «Шереметевская археология»: популяризация памятников и научные контакты регионального учреждения культуры // Региональный туризм: опыт, проблемы, перспективы. – М.–Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2015. – Вып. 4. – С. 187–190.

ИСТОРИЯ
HISTORY

УДК 94(470.343)

А.Г. Акшиков,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Марийского научно-исследовательского института
языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

A.G. Akshikov,
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,
Mari Research Institute of Language,
Literature and History named after V.M. Vasilyev

ЗЕМСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ ВАЛЕРИАН ИЛАРИЕВИЧ ОБРАЗЦОВ

VALERIAN ILARIEVICH OBRAZTSOV – A ZEMSKY PUBLIC FIGURE

Аннотация. В статье реконструируются биографические сведения об одном из известных земских деятелей Козьмодемьянского уезда Казанской губернии В.И. Образцове. Особое внимание уделяется рассмотрению его вклада в развитие земского дела в уезде. Приводятся отзывы современников о В.И. Образцове, дающие представления о нем как о земском деятеле и личности.

Ключевые слова: В.И. Образцов, Козьмодемьянское уездное земство, Козьмодемьянский уезд, Казанская губерния, земство.

Abstract. The article gives an account of V.I. Obraztsov's biography, who was one of the famous zemsky public figures in Kozmodemyansk uyezd of Kazan governorate. Special attention is given to his contri-

bution to the uyezd development. The article includes the contemporary accounts describing him as a zemsky public figure and a person.

Keywords: V.I. Obraztsov, Kozmodemyansk uyezd, Kazan governorate, zemstvo.

Одним из заметных земских деятелей Марийского края был Валериан Илариевич Образцов. К сожалению, неизвестно, откуда он был родом, из какого сословия происходил, лишь известно, что родился он в 1834 г. В 1856 г. окончил медицинский факультет Казанского университета. Служил уездным врачом в г. Красноуфимске Пермской губернии, а с 1861 г. был оператором врачебной управы (позднее – эта должность стала называться «помощник медицинского инспектора») в Перми, затем в той же должности в Симбирске [13, с. 368].

В январе 1858 г. он женился на дочери подполковника Александра Александровича Евсеева Зое Александровне [12, с. 406]. В 1863 г. указом Правительствующего Сената В.И. Образцов был произведен в титулярные советники [3, л. 219 об.]. Этот чин обеспечивал ему личное дворянство, однако при этом его дети не относились к дворянскому сословию. Супруга же Валериана Илариевича по праву рождения относилась к потомственному дворянству.

В августе 1864 г. в Симбирске случился страшный пожар. Выгорел почти весь город, уцелели только окраины. Без крова остались 15 000 человек. В декабре 1864 г. В.И. Образцов, не желая зимовать на пепелище, оставил службу и с семьей поселился в сельце Руткинская Грива Козьмодемьянского уезда Казанской губернии [6, с. 2]. Здесь было имение его жены, полученное в наследство от отца, заключавшееся в 132 десятинах земли [2, л. 25, 25 об.]. К началу XX в. совместное владение супругов увеличилось до 322 десятин, кроме того, они владели лесопильными заводами, которые оценивались в 3000 руб. [3, л. 219 об.].

1 января 1864 г. было введено в действие «Положение о губернских и уездных земских учреждениях». Так было положено начало земствам, сыгравшим в истории России важную роль. Земствами назывались местные органы самоуправления, формировавшиеся на определенных условиях из местных жителей

и действовавшие на уездном и губернском уровнях. Распорядительными органами нового самоуправления были земские собрания, действовавшие три года. Земские собрания в уездах состояли из гласных (сегодня их назвали бы депутатами), которые избирались из представителей всех сословий: крестьян, мещан, купцов, дворян и священников. Последние, правда, выбирались гласными лишь до 1890 г. Уездные земские собрания избирали из своей среды на три года исполнительный орган – управу, состоявшую из председателя и членов. Также выбирали гласных в губернское земское собрание, которое, в свою очередь, выбирало на трехлетний срок губернскую земскую управу. Земства были призваны заниматься хозяйственными делами в губерниях и уездах, где они действовали, кроме того, они должны были заботиться о народном здравии, начальном образовании, агрономии, ветеринарии и сельском хозяйстве. В этих областях земства достигли заметных результатов.

В Казанской губернии земства были учреждены в 1865 г. Валериан Илариевич стал гласным первого Козьмодемьянского уездного земского собрания от курии землевладельцев. Земское собрание выбрало его председателем Козьмодемьянской уездной земской управы, а также гласным Казанского губернского земского собрания. А в 1866 г. он был избран председателем Казанской губернской земской управы [1, л. 83]. Правда, его председательствование продлилось недолго. В 1870 г. Валериан Илариевич добровольно сложил с себя полномочия председателя Казанской губернской земской управы, чтобы возглавить по просьбе Козьмодемьянского уездного земского собрания уездную земскую управу. В среде уездных земских гласных, состоявших в основном из крестьян, катастрофически не хватало образованных людей, которые могли бы достойно возглавлять и представлять местное земское самоуправление. Покидая пост председателя губернской земской управы, В.И. Образцов обратился к Казанскому губернскому земскому собранию со следующими словами: «На пути к преуспеянию земского дела встречается на первых порах одно весьма <…> значительное препятствие, – недостаток в уезде людей, подготовленных к выполнению обязанностей земской службы <…>. Нет никакого сомнения, что в будущем это

затруднение у нас исчезнет, на том простом основании, что по законам жизни настоятельный запрос чего-либо влечет за собой, в соответственной степени, предложение. За всем тем в видах скорейшего достижения сей цели усилия всех ревнующих о преуспеянии земского дела должны быть направлены к устранению препятствий, указанных мною выше, и <…> когда я убедился, что Козьмодемьянское земство, представителем интересов которого я имею честь состоять в губернском собрании, за смертью двух лиц, один за другим исправлявших обязанности председателя, находится в затруднении приискать новое лицо для исправления должности председателя, я принял его предложение заместить эту должность, так как иначе мне привелось бы перед собой сознаться, что я злоупотребил доверие ко мне моих избирателей в Козьмодемьянском уезде» [6, с. 6, 7].

Председателем Козьмодемьянской уездной земской управы Валериан Илариевич последовательно избирался много раз и был им вплоть до 1901 г. При нем Козьмодемьянское земство в некоторых сферах своей деятельности достигло несомненных успехов. Была организована система здравоохранения. Земская больница, поначалу располагавшаяся в наемном доме, не подходившая под нужды лечебного заведения, была размещена в его собственном двухэтажном каменном здании. 27 мая 1880 г. министр внутренних дел Л.С. Маков посетил Козьмодемьянскую земскую больницу и, осмотрев ее, отметил, что он «подобных больниц в отношении благоустройства в уездных городах встречал мало» [7, с. 37]. Следует отметить, что в 1887 г. при больнице с помощью известного ученого-биолога И.И. Мечникова (будущего лауреата Нобелевской премии по физиологии и медицине) была устроена бактериологическая лаборатория, первая в Марийском крае [см.: 9, с. 29–35]. К концу XIX в. Козьмодемьянский уезд был разбит на четыре врачебных участка, в которых трудились четыре земских врача [10, с. 35, 95, 96]. В 1901 г. предполагалось открыть пятый участок. Следует заметить, что до учреждения земства на весь уезд приходился всего лишь один уездный врач. Одним из первых, среди других земств Казанской губернии, в 1870 г. Козьмодемьянское земство открыло собственную аптеку с правом вольной продажи [10, с. 47]. Жители Козьмодемьянска

и уезда получили возможность приобретать лекарства по меньшим ценам, нежели бывших в частных аптеках. Заметных успехов добилось Козьмодемьянское земство в деле народного образования. Если в 1866 г. в уезде было лишь 4 земских училища, то в 1888 г. их было уже 31 [5, с. VI]. Одной из особенностей Козьмодемьянского земства было то, что они довольно рано, по сравнению с другими уездными земствами России, приступили к организации ветеринарной службы. Уже в 1871 г. земство наняло на службу ветеринарного ученика, впоследствии замененного на ветеринарного фельдшера, а в 1879 г. на его место был приглашен ветеринарный врач [10, с. 50]. В 1900 г. ветеринарный персонал состоял из двух ветеринарных врачей и трех фельдшеров [10, с. 51]. Деятельность ветеринаров была настолько эффективной, что уже с 90-х гг. XIX в. в уезде не наблюдалось такой страшной в прошлом болезни, достигавшей масштабов эпизоотии, как чума крупного рогатого скота. Достигло успехов земство и в почтовом деле. Организованное земством почтовое сообщение не прерывало своей деятельности даже в распутицу – весной и осенью. Немаловажной заслугой В.И. Образцова являлось то, что в 1872 г. в Козьмодемьянске была открыта уездная телеграфная станция [6, с. 4, 5].

Валериан Илариевич был не только активным земским деятелем (можно отметить, что его несколько раз избирали также и губернским земским гласным), но и не чурался общественной деятельности. Его не раз выбирали почетным мировым судьей по Козьмодемьянскому уезду. В 1872 г. на четырехлетие был избран городским головой г. Козьмодемьянска, при этом одновременно исполнял обязанности председателя Козьмодемьянской уездной земской управы. С 1887 г. три года состоял кандидатом в предводители дворянства Чебоксарского и Козьмодемьянского уездов. В 1892 г. был назначен попечителем всех церковно-приходских школ уезда. В разные годы был попечителем Козьмодемьянской городской богадельни, многих начальных школ. Занимал должности членов в различных местных государственных организациях, в которых обязан был состоять как председатель уездной земской управы. Кроме того, был действительным членом Общества врачей при Казанском университете [3, л. 221–234 об.].

В годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В.И. Образцов оказывал активное содействие Казанскому местному управлению «Общества попечения о раненых и больных воинах» (в 1879 г. переименовано в «Российское общество Красного Креста»). 22 июня 1879 г. в воздаяние особых трудов и заслуг, оказанных Обществу Красного Креста, Валериан Илариевич был Всемилостивейше удостоен ордена Св. Владимира IV степени [3, л. 225 об.].

Орден давал право на приобретение потомственного дворянства. Теперь дети В.И. Образцова и их потомки относились к этому сословию. В 1883 г. род Образцовых был записан в третью часть (в эту часть вносились роды, приобретшие дворянство на гражданской службе, или через пожалование ордена) дворянской родословной книги Казанской губернии [12, с. 405].

Заслуги В.И. Образцова ценились и коллегами земцами, и общественностью Козьмодемьянского уезда. 12 октября 1889 г. земское собрание отметило 25-летие земской службы Валериана Илариевича. Ему был преподнесен поздравительный адрес следующего содержания:

«Валериан Илариевич! Двадцать пять лет тому назад по мощному слову Царя Освободителя последовало в числе прочих открытие первого очередного уездного земского собрания, в котором Вы приняли участие. Хотя оценка деятельности Вашей на поприще служения земству есть дело будущего, тем не менее, ввиду результатов, достигнутых под Вашим руководством в Козьмодемьянском земстве, думаем, что лепта, принесенная Вами на алтарь служения Отечеству, займет видное место в истории Казанского земства. Приветствуя Вас в сей торжественный для всех нас день, молим Всевышнего, да ниспошлет он Вам здоровья для продолжения начатого дела» [6, с. 9].

Кроме того, в память об этом знаменательном дне ему был вручен великолепный альбом с портретами участников поздравления. Также было принято решение повесить портреты В.И. Образцова в Козьмодемьянской земской больнице и в присутствии Козьмодемьянской уездной управы [6, с. 10, 11].

Среди гласных Казанского губернского земского собрания Валериан Илариевич пользовался неизменным уважением.

В 1894 г. губернское земское собрание избрало его членом депутации, удостоившейся чести возложить венок на могилу императора Александра III, преподнести всеподданнейший адрес императору Николаю II, только что взошедшему на престол, и принести всеподданнейшие поздравления по случаю бракосочетания их императорских величеств – императора Николая Александровича и императрицы Александры Феодоровны [3, л. 231 об.].

Несмотря на очевидные заслуги Валериана Илариевича перед земством, следует признать, что к концу своего председательствования активность его несколько угасла. Одним из показателей этого являлось то, что Козьмодемьянское земство почти не уделяло внимания хозяйственно-экономическому направлению деятельности (агрономия, сельскохозяйственные склады, развитие и поощрение кустарного производства и т.д.). Хотя надо отметить, что в 90-е гг. XIX в. большая часть российских земств начинает вкладывать в это направление значительные денежные средства. Определенную роль в замедлении темпов развития земства сыграл авторитарный стиль управления, характерный для В.И. Образцова. Известный исследователь земства Б.Б. Веселовский не обошел своим вниманием колоритную личность козьмодемянского председателя земской управы. Он писал, что В.И. Образцов мог с полным правом сказать: «Земство – это я» [11, с. 426]. Впоследствии земский деятель Казанской губернии Н.А. Мельников, хорошо знавший В.И. Образцова, напишет о нем следующее: «Уездное земство – это только был он один. Члены управы исполняли его приказания; секретарь и другие служащие звали его «Ваше Превосходительство» и просто не смели высказать свое мнение по какому-нибудь вопросу; гласные считали, как доклады управы земскому собранию, так и баллотировки [т.е. выборы] простой формальностью. Они даже не представляли себе возможности возражать или не соглашаться, поэтому все постановления и были единогласны. Естественно, что с годами инициатива Валериана Илариевича остывала, дело стало развиваться вяло, нараставшие потребности не удовлетворялись» [8, с. 70].

В 1901 г., возможно понимая свою неэффективность на посту председателя Козьмодемьянской земской управы в современ-

ных условиях, В.И. Образцов оставил земскую службу в чине действительного статского советника и перешел в Казань на должность непременного члена губернского по земским и городским делам присутствия [3, л. 235 об.], где он и служил до 1910 г. [4, с. 216–218]. О том, как складывалась его судьба в дальнейшем, почти ничего неизвестно. Также неизвестно, когда и где он умер.

За годы службы Валериан Илариевич стал кавалером орденов Святого Станислава II степени, Святой Анны II степени и Святого Владимира IV степени. Был награжден знаком Общества Красного Креста, серебряной медалью «В память царствования императора Александра III», медалью «В память бракосочетания императора Николая II с принцессой Алисой Гессенской» и медалью «За труды по первой всеобщей переписи населения» [3, л. 219 об., 220 об.].

У него было пятеро сыновей – Дмитрий, Виктор, Анатолий, Георгий и Вадим и три дочери – Мария, Ольга и Зоя [3, л. 220, 221]. Можно отметить, что Виктор, как и его отец, в начале XX в. занимал должность председателя Козьмодемьянской уездной земской управы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Республики Марий Эл (далее – ГА РМЭ). Ф. 49. Оп. 1. Д. 28.

2. ГА РМЭ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 37.

3. ГА РМЭ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 810.

4. Журналы 46-го очередного Козьмодемьянского уездного земского собрания, состоявшегося 16 и 17 сентября 1910 года, и чрезвычайных, состоявшихся 19 февраля, 10 мая и 7 августа за 1910 год. – Козьмодемьянск: Тип. Г.П. Зубкова, 1911. – 440 с.

5. Народные училища в Казанской губернии. Козьмодемьянский уезд. Материалы для истории народного образования. – Казань: Тип. «Казанского биржевого листка», 1888. – 78, XX, VI с.

6. 25-летие земской деятельности В.И. Образцова. – Казань: Тип. Н.А. Ильяшенко, 1889. – 13 с.

7. Обзор главнейших результатов деятельности Козьмодемьянских земских учреждений с 1865 года по настоящее время. – Козьмодемьянск: Тип. Г.П. Зубкова, 1900. – 99 с.

8. *Мельников Н.А.* 19 лет на земской службе (автобиографический очерк и воспоминания). – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2008. – 344 с.

9. *Акшиков А.Г.* Земские врачи Марийского края. Биографические очерки. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. – 106 с.

10. *Акшиков А.Г.* Земская интеллигенция Марийского края во второй половине XIX века: монография. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2018. – 274 с.

11. *Веселовский Б.Б.* История земства. В 4 т. Т. 4. – СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1911. – VIII, 696, 104, XXIX, XXVI с.

12. Казанское дворянство 1785–1917 гг. Генеалогический словарь / сост. Г.А. Двоеносова, отв. ред. Л.В. Горохова, Д.Р. Шарафутдинов. – Казань: «Гасыр», 2001. – 640 с.

13. Казанский университет (1804–2004): Биобиблиографический словарь. Т. 1: 1804–1904. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2002. – 808 с.

УДК 94(470.343)

Ю.В. Ерошкин,
младший научный сотрудник
Марийского научно-исследовательского института
языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

Yu.V. Eroshkin,
Junior Researcher,
Mari Research Institute of Language,
Literature and History named after V.M. Vasilyev

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД КАК СПОСОБ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ПОЛИТИКИ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА НА ТЕРРИТОРИИ МАРИЙСКОГО КРАЯ

CULTURAL AND HISTORICAL METHOD AS A WAY TO RESEARCH THE POLICY OF MILITARY COMMUNISM IN THE MARI REGION

Аннотация. Предлагаемая статья посвящена культурно-историческому методу, ставшему одной из альтернатив материалистическому пониманию истории. В публикации дается краткая

характеристика вышеуказанного подхода к анализу исторического процесса, рассматривается возможность его применения при исследовании политики военного коммунизма. В работе показано, что использование культурно-исторического метода позволяет охарактеризовать военный коммунизм как закономерное воплощение теории и практики большевизма, выделить социокультурные предпосылки осуществления военно-коммунистических мероприятий в России, составные части данной модели развития общества, последствия ее реализации. Все это дает возможность изучить проведение политики военного коммунизма на территории Марийского края целостно, комплексно, системно и извлечь необходимые уроки из событий тех лет.

Ключевые слова: культура, культурно-исторический метод, ментальность, политика военного коммунизма, долговременные факторы исторического развития, традиционная культура, модернизация, междисциплинарные исследования.

Abstract. The article focuses on a cultural and historical method that has become an alternative to a materialistic understanding of history. The paper gives a brief description of the above-mentioned approach to the analysis of the historical process; it also considers its application in the study of military communism policy. The research shows that the use of the cultural and historical method allows characterizing military communism as an embodiment of the theory and practice of Bolshevism, highlighting the socio-cultural background of the military-communist activity implementation in Russia, the model components of society development, and the consequences of its implementation. All this gives an opportunity to study the implementation of the military communism policy in the Mari Region in a holistic, comprehensive, and systemic way and to learn the lessons from the events of those years.

Keywords: Culture, cultural and historical method, mentality, policy of military communism, long-term factors of historical development, traditional culture, modernization, interdisciplinary research.

Каждое научное исследование имеет свою методологию, отражает тот или иной взгляд на мир. Эти методологические особенности научной работы проявляются на всех ее этапах – от постановки проблемы до осмысления результатов. Любая

методологическая система включает в себя элемент, имеющий по отношению к другим определяющее значение и выполняющий, таким образом, системообразующую функцию. Историография советского периода для объяснения исторического процесса предлагала, например, понятие «общественно-экономическая формация», а систематизирующим фактором объявляла развитие производительных сил и их соответствие (или несоответствие) уровню существующих производственных отношений. Во главу угла ставились, таким образом, процессы экономические, а политические, социальные, духовные явления объявлялись их производными.

Эта ограниченность марксистской методологии истории была отмечена исследователями сразу после ее появления. Одной из альтернативных форм обоснования внутреннего единства и целостности исторического процесса стал культурно-исторический метод, предложенный в конце XIX в. немецким историком Карлом Лампрехтом*. По его мнению, различные стороны социальной жизни могут быть синтезированы с помощью понятия «культура», которая понималась как вплетенное в материальные отношения стихийно складывающееся сознание, выражающее себя в укладе народной жизни, быте и коллективности [8, с. 211]. Движущей силой истории Лампрехт считал развитие социальной психики, исторически сменяющиеся типы ее определяли, по его мнению, характер различных культурно-исторических эпох. Именно понятие «культурно-историческая эпоха» противопоставлялось в рамках этой методологической системы категории «социально-экономическая формация» [4, с. 392].

Концепция Лампрехта стала поводом для обсуждения в германской историографии, обратили на нее внимание и в России, в частности заинтересовался ею Г.В. Плеханов. Но в советское время по вполне понятным причинам эта проблематика не полу-

---

* Лампрехт Карл (25.02.1856–10.05.1915) – немецкий историк, профессор Марбургского (1890–1891) и Лейпцигского (1891–1915) университетов. В 1909 г. основал в Лейпциге Институт истории культуры и всеобщей истории. На русский язык в дореволюционное время частично переведен его фундаментальный труд «История германского народа», изданный в Москве в 1894 г.

чила дальнейшей разработки и встречалась лишь в критически ориентированных историографических обзорах трудов зарубежных ученых [2], статья о Карле Лампрехте попала и в «Советскую историческую энциклопедию» [4, с. 392–393]. В то же время культурно-исторический метод, с известной степенью трансформации, получил свое развитие в археологии, где понятие археологическая культура является одним из центральных. В самом общем виде она понимается как группа археологических памятников, обладающих сходными признаками, которые образуют внутренне связанную систему, отличающуюся от других археологических культур, отражают жизнедеятельность группы населения, связанной общностью производственных навыков, норм, традиций, религиозного культа и т.п. Культурно-исторический метод развивался и в литературоведении, использующем культуру как ключ к интерпретации литературного произведения и к пониманию художественного процесса [10, с. 171]. В последние годы данный метод возвращается и на историческую ниву, известны, по крайней мере, две диссертационные работы, так или иначе, ему посвященные [9].

Вполне очевидно, что культурно-исторический метод может оказаться полезным при исторических исследованиях, так как при материалистическом подходе к истории человек представлен в ограниченной части спектра своих проявлений. Рассматриваемый метод позволяет описать общество на любом из этапов его развития с помощью нескольких групп показателей [5, с. 7], так как культурой называют все то, что создано человеком, как в материальной, так и в духовной области. Данное понятие применимо к различным сторонам жизни (можно говорить о культуре политической, правовой, экономической) и позволит подойти к исследованию той или иной проблемы более целостно, комплексно, в совокупности и во взаимодействии общественных подсистем.

Кроме того, согласно одному из определений, «культура – система, обеспечивающая подчинение краткосрочных интересов и мотивов долгосрочным, стратегическим» [6, с. 13], она связывает этапы истории человеческого общества друг с другом, фиксирует целостность, непрерывность общественного развития, перетека-

ние одних его форм в другие, что позволяет выявить более глубокие, долговременные тенденции социокультурного развития. Комплексность понятия культура также позволяет всесторонне рассмотреть те критические моменты в развитии общества, когда оно находилось в состоянии выбора своего пути, взвесить те или иные возможности и моделировать, как могла развиваться ситуация в том или ином случае.

Культурный процесс, как о том говорил и Лампрехт, включает человеческий фактор, так как именно народы определяют соотношение различных видов деятельности между собой, организуют культурные элементы. Весьма плодотворным в связи с этим является изучение области действительности, которая представляет собой сплав условий материальной жизни, быта, мироощущения, включает в себя образ мысли людей, их традиции, системы ценностей, нормы поведения – одним словом, все то, что обозначается известным ныне в науке термином «ментальность» [3]. Ментальные структуры обладают большой исторической длительностью и большей устойчивостью к изменениям общественно-политической жизни, говоря об их влиянии на исторический процесс, историк «школы Анналов» Л. Февр писал: «Любые объективные факторы исторического движения делаются его действительными пружинами, только пройдя через ментальность, сложно, подчас до неузнаваемости ее трансформирующую» [7, с. 95].

Таким образом, использование культурно-исторического метода позволяет изучить жизнь общества, рассмотреть то или иное явление с большей степенью полноты. Это можно проследить и на примере изучения истории страны и Марийского края первых лет советской власти. Использование рассматриваемого метода позволяет охарактеризовать политику военного коммунизма как закономерное воплощение теории большевизма, выделить социокультурные предпосылки осуществления военно-коммунистических мероприятий в России, составные части данной модели развития в области экономики, политики, социальной сферы, идеологии, показать определяющее значение идеологической составляющей и ее влияние на другие общественные подсистемы того времени, последствия реализации военно-коммунистических мероприятий и уроки проведения их на марийской земле.

Данный метод позволяет осознать, что основными долговременными особенностями исторического развития России, повлиявшими на характер осуществления политики военного коммунизма, стали русская революционность, как явление религиозного порядка, исторически сложившаяся в нашей стране огромная роль государства, превалирование в сознании населения страны идеи распределения над идеей производства. Для реализации своей политики большевики воспользовались догматизмом и максимализмом русской души, ее исканием социальной правды, коллективизмом [1, с. 88]. Следует заметить, что эти долговременные тенденции в латентном, а то и в явном виде существуют и поныне, вследствие чего, при определенных обстоятельствах, могут быть актуализированы тем или иным образом. Внимательное исследование произошедшего в стране в первые годы советской власти поможет противостоять использованию их в негативных целях.

Комплексное исследование периода первых лет советской власти позволяет понять, что политика военного коммунизма означала передел собственности, огосударствление экономической деятельности, ликвидацию товарно-денежных отношений, принудительное распределение государством трудовых ресурсов, сведение к минимуму роли экономических стимулов труда, централизацию государственного управления, однопартийную систему, концентрацию власти в руках партийных органов, красный террор, господство большевистской идеологии, по сути претендующей на роль новой, гражданской, религии. Политика военного коммунизма стала начальным этапом формирования административно-командной системы, основные параметры которой в экономике, политике, социальной сфере, идеологии определились именно в этот период. Подобное общество эволюционировало в сторону тоталитарного, негативные последствия произошедшей унификации требуют комплексного изучения с целью предотвращения подобной практики в дальнейшем.

Политика военного коммунизма осуществлялась на фоне и в рамках насильственной модернизации страны и ее традицион-

ной культуры, что раскалывало общество, истощало его экономические и социальные ресурсы, расшатывало и без того нестабильное положение в стране. Деятельность большевиков по отношению к традиционной культуре России стала антисистемной, опыт насильственной модернизации, искоренения традиций так же требует изучения, позволит оценить значимость сохранения традиционной культуры, как одной из гарантий общественной стабильности.

Комплексное изучение политики военного коммунизма, которое можно осуществить с помощью культурно-исторического метода, позволяет сделать выводы историософского свойства. Нельзя осчастливить людей против их воли, нельзя построить справедливое общество на несчастье каких-либо социальных групп, на крови и насилии. Характерное для тоталитарных государств XX в. деление населения на полноценных и неполноценных в советской России осуществлялось по классовому принципу; в период военного коммунизма вместе с принятием первой советской Конституции 1918 г. появилась категория «лишенцев». Теория классовой борьбы, как движущей силы истории, на практике обернулась жесточайшими репрессиями, многочисленными социальными конфликтами; изучение механизма провоцирования большевиками этих разделений, причин принятия такого подхода многими гражданами страны, последствий раскола общества по классовому признаку необходимо для предотвращения подобных ситуаций в будущем.

В последнее время достаточно много говорится о продуктивности и необходимости междисциплинарных исследований. Культурно-исторический метод, наряду со сходными по направленности методологическими подходами, ориентирован именно на такую постановку вопросов, что позволяет вести исследования в русле обозначенной выше проблематики. В известной книге Анатолия Рыбакова «Тридцать пятый и другие годы» встречается, конечно же, не оригинальная, но многими основательно подзабытая мысль, что «историк должен быть философом и наоборот». Именно в этом случае начинаются попытки объяснения

исторического процесса, а наукообразное краеведение становится наукой. Многие историки нашего института прошлых поколений, скованные, к сожалению, рамками марксистско-ленинской методологии, но проходившие стажировки и защищавшие диссертации в центральных научных учреждениях, это прекрасно понимали.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1997. – С. 88.

2. *Данилов А.И.* Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX – начала XX в. – М., 1958; *Кон И.С.* Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. – М., 1959; *Могильницкий Б.Г.* Об одном опыте психологической интерпретации истории средневековой Германии: (Культурно-исторический метод Карла Лампрехта) // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 6. – Томск, 1969. – С. 121–135; *Патрушев А.И.* Немецкая историография. Малогерманская историческая школа // Историография истории нового времени стран Европы и Америки. – М., 1990. – С. 256–272.

3. История ментальностей. Историческая антропология. – М., 1996.

4. Лампрехт Карл / Советская историческая энциклопедия. Т. 8. – М., 1965. – С. 392–393.

5. *Оболонский А.В.* Драма российской политической истории: система против личности. – М., 1994. – С. 7.

6. *Панарин А.С.* Система и культура: на пути обретения больших целей // Анализ систем на пороге XXI века: теория и практика. – М., 1996. – Т. 1. – С. 13.

7. Советское прошлое: поиски понимания. Материалы круглого стола / Отечественная история. – 2000. – № 4. – С. 95.

8. Философский словарь. – М., 1991. – С. 211.

9. *Шувалов В.И.* Социально-психологический аспект изучения истории в российской историографии последней трети XIX – первой половины XX веков. Дис. … докт. ист. наук. – М., 2002; *Лесных С.В.* Жизненный путь и историко-культурная концепция Карла Лампрехта (1856–1915 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2002.

10. Эстетика: Словарь. – М., 1989. – С. 171.

УДК 94(47:338.242.4.025.88)

И.Г. Кильдюшкина,
кандидат исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела
региональных исследований и этнологии
Научно-исследовательского института гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия

I.G. Kildyushkina,
PhD in History, associate professor,
Leading Researcher of the Department
Regional Studies and Ethnology
Research Institute of Humanities under
the Government of the Republic of Mordovia

ТРАНСФОРМАЦИИ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ В СССР/РОССИИ В КОНЦЕ 1980-х – НАЧАЛЕ 1990-х гг.

TRANSFORMATION OF PROPERTY RELATIONS IN THE USSR/RUSSIA IN THE LATE 1980s – EARLY 1990s

Аннотация. Реактуализация поднятой проблематики для современной исторической науки важна при научной разработке истории приватизации регионов России и стран постсоветского пространства, подготовке обобщающих и монографических исследований по истории России и Поволжья, а также экстраполяции его результатов в практической деятельности местных администраций.

Ключевые слова: приватизация, разгосударствление, государственная собственность, государственное и муниципальное имущество, социальная реакция населения, реализация приватизационной политики государства.

Abstract. Re-actualization of the issues raised for modern historical science is important in the scientific development of the privatization history in the regions of Russia and the post-Soviet countries, the preparation of generalizing and monographic studies on the history of Russia and the Volga region, as well as extrapolation of its results in the local administrations practical activities.

Keywords: privatization, denationalization, state property, state and municipal property, social reaction of the population, implementation of the state privatization policy.

Изучение исторического значения приватизации государственной собственности в СССР/России в конце 1980–1990-х гг. является эпохальным направлением новейшей истории России. Трансформация отношений собственности как процесс радикальной экономической реформы, проведенной в масштабах крупнейшего государства, в последние десятилетия оказалась чрезвычайно востребованной темой исторических исследований во многих странах мира (США, Франции, Великобритании, Венгрии, Финляндии), которая быстро завоевывает позиции в российской исторической науке и в историографии стран ближнего зарубежья. Научный интерес к этой области исследований стал закономерным следствием крупных геополитических процессов XX столетия, кардинально изменившим геополитическую карту мира.

Актуальность трансформации отношений собственности в качестве научного направления идентифицируется не только исключительным значением проблемы собственности в структуре любой общественно-политической системы государства как основы распределительных отношений и развития социума, но прежде всего стремлением непредвзято сопоставить значительный сегмент предметной области политического противоборства, научных дискуссий и массовой коммуникации, свидетельствующих о ее неукорененности в терминах исторического знания.

Объект научного анализа в исследовании – процесс трансформации отношений собственности в СССР/России и в локальном выражении – в Республике Мордовия с позиций деятельности союзных (СССР), республиканских (РСФСР) и региональных (Республика Мордовия) властных структур по разработке и осуществлению политики приватизации государственного и муниципального имущества, а также социальная реакция населения региона на комплекс проводимых мероприятий.

Для обоснования проблемы, вобравшей в себя описание результатов проведения комплексной оценки конкретно-исто-

рического опыта процесса «массовой» приватизации в СССР/России, в частности в Республике Мордовия, был рассмотрен широкий спектр исторических источников, в т.ч. делопроизводственная документация, привлеченная из государственных архивов, архивные документы, электронные ресурсы, документы личного происхождения (мемуары, дневники) и др. Кроме того, были изучены работы ведущих современных ученых в данной области: академиков А.Г. Аганбегяна, Р. Пайпса, С.С. Шаталина, а также М. Голдмана, Б. Джелич, Т. Крауса, М.Ф. Полынова, Н.Н. Разуваевой, О.А. Суховой, С. Фиш и др. [15; 19; 24; 30]. В числе зарубежных ученых, занимавшихся итогами российской приватизации на глобальном уровне, – П. Грегори, Р. Краакман, Е.А. Тарасова и другие авторы, считающие негативные последствия данного процесса неизбежными для России [25].

Более глубокий, детализированный подход на интересующие нас проблемы в локальном аспекте содержится в трудах Г.Ф. Барковского, Д.А. Гаврина, Е.Е. Миронец, М.А. Паталаха, Ри Дон Хи и др. Однако отечественный опыт разработки и реализации приватизационной политики государства в период перехода к рынку в исторических исследованиях был затронут недостаточно, большей частью политизирован, не подкреплен архивными документами, мало изучен в региональном масштабе. Критике можно подвергнуть труды Р.И. Акмаевой, В.Ф. Басаргина, А.Л. Буркова, В.А. Виноградова, М.С. Гаджиева, Г.А. Добронос, М.Я. Затеева, В.Н. Иванова, С.А. Корнева, Ю.В. Перевалова и др. [20].

Тем не менее это позволило сформировать необходимый корпус источников для подготовки статьи с позиций дефиниции репрезентативности, а следовательно, получения обоснованных выводов и заключений.

Комплексный, многоуровневый подход к анализу, классификации и содержанию зарубежного и отечественного историографического массива и его обзору, проведенному с реперных точек концепции «проблемной» историографии и определившему понятийно-категориальный аппарат, структуру и логику работы, дал возможность последовательно рассмотреть, с одной стороны, проблемы научной преемственности, политизированности изучаемого явления и полемики вокруг него, с другой – трансля-

ции идей между различными историографическими школами во временном ракурсе.

В результате были выделены наиболее существенные, концептуально важные выводы и наблюдения, которые сводятся к следующим пунктам.

1. Обобщение источникового корпуса данных, используемых современниками при изучении новейшей истории России, на основе анализа неопубликованных архивных документов – Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ). Выстроенная иерархия законодательных актов способствовала доскональному изучению хода реформаторского курса по реализации планов приватизации, определению точных сроков выдачи приватизационных чеков и общего срока окончания их применения на этапе «массовой» ваучеризации в России, что ранее не фигурировало в аналогичных работах. Использование документов ГА РФ из фонда Министерства имущественных отношений Российской Федерации и систематизация их по наиболее важным направлениям дали возможность всесторонне оценить процессы трансформации отношений собственности с конкретно-исторических дистанций, что представляет несомненный интерес для специалистов. Логическое построение и использование материалов РГАНИ, связанных со степенью влияния номенклатуры на приватизацию, позволило нам определить роль партийного аппарата в ходе реализации экономических реформ, дать непредвзятую оценку подходов к характеру их начального этапа.

Новым источником в деле изучения обозначенных процессов в России стали документы из электронных ресурсов – архивов Президентского Центра Б.Н. Ельцина и Егора Гайдара [4–5], систематизированных по фондам и описям, максимально приближенных к образу традиционного архива. Решающую роль в работе сыграли документы Центрального государственного архива Республики Мордовия (ЦГА РМ), с помощью которых была воссоздана панорама опыта проведения приватизации в Республике Мордовия, подкрепленная материалами исследования. На основе анализа «массовой» приватизации с помощью реперных точек реформы собственности в регионе получилось обособить шесть этапов реализации курса.

2. Несомненный научный интерес вызывают статистические и справочные материалы, собранные (с 1990-х гг.) ведущими социологическими институтами России по вопросам подготовки социально-репрезентативных обследований массового сознания населения в отношении к предстоящей приватизации, стабильности общественно-политической ситуации в регионах. Из документов эпистолярного происхождения были изучены мемуары членов команды А.Б. Чубайса (Р.И. Хасбулатов, В.Л. Шейнис, А.В. Руцкой, Н.И. Макаров и др.), которые описывают свое видение хода российской приватизации, а также политически ангажированную публицистическую литературу и блок мемуаристики (Л.И. Абалкин, П.О. Авен, Е.Т. Гайдар, Р.А. Медведев, А.М. Шлейфер и др.) [1–2; 9; 20–22].

Богатое фактологическое дополнение в этом плане представляют интервью, выступления, заявления и научные обобщения региональных политических лидеров и очевидцев тех событий – активных участников реформ и политической жизни 1990-х гг. (Н.В. Бирюкова, А.В. Гармашова, В.Д. Гуслянникова, В.В. Канакова, Н.И. Меркушкина, А.А. Паулова, В.С. Учайкина и др.) [6–8; 12; 16–18; 23; 26–28], которые усиливают логическую и документальную базу аргументации исследования.

Синтез материалов центральной и местной периодической печати позволяет провести взвешенный анализ и определить перечень узкопрофильных вопросов, стоявших перед главами муниципалитетов на определенном этапе приватизации. Статистические сведения из органов власти с экспертным мнением, содержащиеся в рубриках провинциальных изданий, преподнесенные сквозь призму журналистского сообщества, дают населению возможность разобраться в коллизиях реформаторского законотворчества, содержании реформ, нововведений и законов.

Многоуровневость периодики изучаемой проблемы разрешает использовать данные материалы с учетом принципов объективности, историзма и критического анализа. Хорошим заделом в русле трансформации отношений собственности служат статьи экспертов-современников о ходе социально-экономических преобразований в СССР/России на страницах федеральных журналов с глубоким анализом, качественными прогнозами

и постановкой исследуемого вопроса с позиций высокой научной значимости. Материалы устной истории и фотоматериалы, составившие отдельный срез объектируемых источников, и сделанные на их основе выводы представляются убедительными и беспристрастными.

3. В рамках парадигмы рыночного социализма и в плоскости первых скрытых проявлений разгосударствления собственности в СССР развивается идея о конвергенции во взаимосвязи с теоретическими поисками выхода из экономического кризиса, закреплением тезиса о необходимости перехода к рынку, ростом суверенных настроений национальных республик на общей волне демократизации вследствие национально-идеологического фактора, политическим противостоянием М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина, распадом КПСС и СССР, что в целом отрицательно сказалось на ходе приватизации в регионах России [10–11].

Выдвигаемая гипотеза о затяжном характере конвергенции отношений собственности в СССР/России становится главным фактором смены общественно-политического строя, причинно-следственной связи между концептуальными противоречиями в этой сфере и возникновением политических кризисов 1991 и 1993 гг. Синтез региональных источников дает возможность заключить, что политико-центричная модель социально-экономического развития России, реализованная руководством страны в период исторического выбора развилок экономической программы, реформы отношений собственности и перехода к рынку (1990–1994), способствует воспроизводству мобилизационного пути развития государственной экономики.

4. Системная оценка опыта реализации политики приватизации собственности в Республике Мордовия в конце 1980-х – начале 1990-х гг., проведенная в региональной историографии, свидетельствует о факторе медлительности местных властей, объясняемом общим снижением централизации управления, ослаблением и демократизацией политической системы, расширением свободы действий на фоне принятия государством нормативных актов по реорганизации действующей монополии государственной собственности в коллективно-трудовую модель [3; 13–14].

5. Выявление специфики анализируемой проблемы, определение основных направлений и комплекса мероприятий по разгосударствлению национального достояния подтвердило объективность выводов ее итогов в контексте политического развития СССР/России, противостояния группировок как на уровне Союза и РСФСР, так и в среде регионального истеблишмента в борьбе за материальные ценности советского режима, идентифицируя процесс приватизации из научно-обоснованной идеологемы, выдвинутой Д.В. Якуповой, о «примате власти над собственностью» как рефлексии превосходства политических институтов в ходе исторического выбора пути социально-экономической модернизации, констатации о завершении этапа оформления школы исторического институционализма вследствие несостоятельности экономической теории «деполитизации» применительно к российским условиям, ангажированности экономической и политической детерминант отечественных работ и их необъективности по причине социального заказа, в границах которого авторы стремились либо обвинить реформаторов в неправильности выбранных решений, либо оправдать их действия [29].

6. Рассмотрение приватизации в качестве важнейшего элемента системных преобразований переходной экономики позволяет определить ее относительно длительным системообразующим явлением, для которого характерен созидательный процесс формирования новых экономико-правовых механизмов и институциональных структур в рамках экономической реализации института частной собственности.

В контексте обозначенного системного атрибута можно будет поднимать проблемы приватизации в конце 1980-х – начале 1990-х гг., в т.ч. применительно к региону, как: несовершенство законодательства и его применение в данной сфере, оценка стоимости имущества в условиях галопирующей инфляции, запаздывание утверждения принятия ряда важных управленческих решений, нескоординированность действий властей и структуры управления республиканского комитета Госкомимущества Российской Федерации, правовые нарушения процессов приватизации со стороны местных властей, сжатость сроков ее проведения на предприятии, менталитет общества и др. Прослеживаемая

причинно-следственная связь выбранного пути трансформации собственности, обусловившего форсирование событий и как следствие – вынужденный со стороны власти их принудительный характер в общем ряду неподготовленности организационных структур и неразвитости институциональной среды, становятся главной причиной недопонимания ее необходимости из-за бытовой неграмотности и определенной инерционности, не говоря о возрастающем противодействии и отторжении самого процесса населением.

Таким образом, реактуализация поднятой проблематики для современной исторической науки вызвана не только обособленностью объекта исследования и отсутствием сопоставления данных по организации, проведению и результатам приватизационных процессов исследуемого исторического периода на территории Республики Мордовия с соседними регионами (или в пределах исторических границ Приволжского федерального округа), но и необходимостью иметь представление о рейтинговых позициях данного субъекта Российской Федерации в масштабе близлежащего окружения с точки зрения полноты и репрезентативности последующей трансляции общих выводов и итогов анализа на федеральном уровне. Это важно при научной разработке истории приватизации регионов России и стран постсоветского пространства, подготовке обобщающих и монографических исследований по истории России и Поволжья, а также экстраполяции его результатов в практической деятельности местных администраций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абалкин Л.И.* Взгляд в завтрашний день / Рос. акад. наук, Ин-т экономики. – М.: [Ин-т экономики РАН], 2005 (УОП ИЭ РАН). – 126 с.

2. *Абалкин Л.И.* Неиспользованный шанс: Полтора года в правительстве / Леонид Абалкин. – М.: Политиздат, 1991. – 304 с.

3. *Абрамов И.И., Кильдюшкина И.Г.* Приватизация // Мордовия: энциклопедия: в 2 т. – Саранск, 2004. – Т. 2. – С. 197–198.

4. Архив Егора Гайдара / Фонд Егора Гайдара [сайт]. – 2011–2019. – URL: http://gaidar-arc.ru

5. Архив Президентского Центра Б.Н. Ельцина / Президентский Центр Б.Н. Ельцина [сайт]. – 2010–2019. – URL: http://www.yeltsin.ru/archive

6. Валентин Конаков о «коммунистических фантазиях», судье Ерёмкине, Президенте и правительстве // Вечерний Саранск. – 1994. – 14 янв.

7. Вступительное слово Председателя Верховного Совета Мордовской ССР Н.В. Бирюкова // Мордовия. – 1994. – 28 янв.

8. *Гарбунова Н., Келин И., Матвеева А.* Феномен мордовского парламента // Мордовия. – 1994. – 18 февр.

9. *Гайдар Е.* Развилки новейшей истории России / Егор Гайдар, Анатолий Чубайс. – М.: ОГИ, 2011. – 165 с.

10. *Голдман Маршалл И.* Приватизация России / пер. [с англ.] В.И. Супруна. – Новосибирск; М.: Фонд социо-прогност. исслед. «Тренды», 2005. – 422 с.

11. *Грегори П.* Действительно ли реформы в России оказались столь неудачными // Вопросы экономики. – 1997. – № 11. – С. 26–35.

12. Из Заявления Президента В.Д. Гуслянникова на сессии Верховного Совета Мордовской ССР 24 декабря 1992 г. // Мордовия. – 1993. – 1 янв.

13. *Кильдюшкина И.Г.* Республика Мордовия: история, экономика, проблемы (вторая половина 1980-х – середина 1990-х гг.) = The Republic of Mordovia: history, economics, problems (the second half of 1980s-the middle of 1990s): монография / И.Г. Кильдюшкина. – Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2011. – 254 с.

14. *Кониченко Ж.Д., Юрчёнков В.А.* На пороге реформ: Общественно-политическая жизнь Мордовии в первой половине 1990-х годов / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2006. – 368 с.

15. *Краус Т.* Несостоявшаяся революция: от государственного социализма к транснациональному капитализму // Скепсис: [сайт]. – URL: http://scepsis.net/library/id_2608.html

16. *Маресьев В.В.* Общественные движения в Мордовии: Документы. Материалы / под ред. М.Н. Губогло. – М.: ИЭИА, 1993. – 282 с.

17. *Матеева А.* Николай Иванович ставит на Николая Ивановича // Мордовия. – 1991. – 17 мая.

18. Отставка. Выступление В.С. Учайкина на внеочередной пятой сессии Верховного Совета Мордовской ССР // Мордовия. – 1991. – 29 марта.

19. *Пайпс Р.* Россия в борьбе со своим прошлым // Россия на рубеже веков. 1991–2011 / ред. и сост. А. Зубов и В. Страда. – М., 2011. – 158 с.

20. Политический мониторинг [сайт]: Международный институт гуманитарно-политических исследований. – М., 1992. [Электронный ресурс]: URL: http://www.igpi.ru/monitoring

21. *Полынов М.Ф.* Взаимоотношения союзного Центра и российского руководства на завершающем этапе Перестройки. 1990–1991 гг. / Российское государство в историческом измерении // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2013. – № 15. – С. 164–174.

22. *Разуваева Н.Н.* Приватизация в России: национальные особенности // Вестник ВЭГУ. – 2009. – 4 (42). – С. 52–64.

23. Регионы России: хроника и руководители / под ред. К. Мацузато. Т. 7. Республика Татарстан, Башкортостан, Удмуртская Республика, Республика Мордовия. – Саппоро: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2000. – 472 с.

24. *Сухова О.А.* Пензенский край в истории и культуре России / [С.В. Белоусов и др.]; под ред. О.А. Суховой; М-во образования и науки РФ, ФГБОУ ВПО «Пензенский гос. ун-т» (ПГУ), Отд-ние Российского исторического о-ва в г. Пензе. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. – 524 с.

25. *Тарасова Е.А.* Потерянная альтернатива: становление новой политической системы России в 1990–1993 годы. – СПб.: Алетейя, 2012. – 338 с.

26. *Учайкина Т.И.* Национальные движения финно-угорских народов России в 1989–1995 гг. (на примере республик Карелия, Коми, Мордовия): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 1997. – 18 с.

27. Что есть демократия? (Интервью с В.Д. Гуслянниковым) // Советская Мордовия. – 1991. – 3 дек.

28. *Юрчёнков В.А.* Национальные общественно-политические организации Мордовии // Мордовия в период реформ. II Меркушкинские научные чтения. – Саранск: Крас. Окт., 2001. – С. 364–375.

29. *Якупова Д.В.* Приватизация в СССР/России в конце 1980-х – начале 1990-х гг.: по материалам Пензенской области: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Пенза, 2017. – 18 с.

30. *Fish M.S.* The Roots of and Remedies for Russia's Racket Economy // The Tunnel at the End of the Light: Privatization, Business Networks and Economic Transformation in Russia / Ed. by Stephen S. Cohen, Andrew Schwartz, John Zysman. – 1998. – 148 p.

УДК 94(470.343)

А.М. Кленов,
главный архивист отдела
использования и публикации документов
Государственного архива Республики Марий Эл

A.M. Klenov,
chief archivist of the Use and Publication of
Documents Department of the State Archive
of the Republic of Mari El

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ МАРИЙСКОГО НАРОДА

RESEARCHER OF THE MARI PEOPLE STATEHOOD

Аннотация. Статья посвящена научно-педагогической деятельности А.В. Хлебникова – известного ученого-историка, который одним из первых глубоко исследовал историю национальной государственности мари.

Ключевые слова: А.В. Хлебников, ученый-историк, защита диссертации, советская автономия марийского народа, профессор Марийского педагогического института.

Abstract. The article is devoted to the scientific and pedagogical activity of A.V. Khlebnikov, a well-known scientist and historian, the first doctor of historical sciences from the Mari Republic, who was one of the first to explore the history of the Mari national statehood in depth.

Keywords: A.V. Khlebnikov, scientist-historian, thesis defense, soviet autonomy of the Mari people, professor of the Mari Pedagogical Institute.

В ноябре 2020 г. Республика Марий Эл торжественно отметила столетие своей государственности. 4 ноября 1920 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров за подписями М.И. Калинина и В.И. Улья-

нова (Ленина) издали декрет об образовании в составе РСФСР автономной области марийского народа. Большой и сложный путь в составе РСФСР, Советского Союза и Российской Федерации прошла Марийская автономная область, затем автономная республика, ныне – Республика Марий Эл. Одним из первых историков нашей республики, глубоко и успешно исследовавшим тему государственности марийского народа, был Алексей Васильевич Хлебников.

А.В. Хлебников, 1973 г.
ГА РМЭ, Ф. Р-1124.
Оп. 1. Д. 6. Л. 98

Алексей Васильевич родился 28 августа 1929 г. в деревне Уржум-Ноля Мари-Турекского района Марийской автономной области в простой крестьянской семье. В 1943 г. окончил Сендинскую семилетнюю школу. Год работал секретарем Сендинского сельсовета. В 1944 г. Алексея Хлебникова как отличника учебы без экзаменов приняли в Мари-Биляморское педагогическое училище, которое он успешно окончил в 1947 г. Жажда знаний привела его в Марийский государственный педагогический институт имени Н.К. Крупской. Студент Алексей Хлебников с энтузиазмом изучал историю родной страны, республики, активно участвовал в студенческих научных конференциях.

В 1950 г., за три года с отличием окончив пединститут, А.В. Хлебников поступает в аспирантуру Института языка, литературы, истории Казанского филиала АН СССР. И здесь он зарекомендовал себя как старательный и способный аспирант, активный общественник, талантливый пропагандист политических знаний. 29 октября 1954 г. на заседании Ученого совета историко-филологического факультета Казанского государственного университета имени В.И. Ульянова-Ленина он успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «История преобразования Марийской автономной области в Автономную Советскую Социалистическую Республику». Кандидатская диссертация была посвя-

щена исследованию одного из актуальных тогда вопросов советской исторической науки – изучению ленинской национальной политики, проблемы советской автономии, исследованию одного из конкретных примеров осуществления советской автономии – преобразования Марийской автономной области в Автономную Советскую Социалистическую Республику.

Научный руководитель, доктор исторических наук Н.И. Воробьев в своем заключении на диссертацию отметил, что данная тема исследования является весьма актуальной и до сих пор еще никем не изучалась. Он подчеркнул, что по теме диссертации практически не имеется литературы, поэтому диссертанту пришлось провести большую работу в архивах, в первую очередь Марийской АССР, подобрать и обработать необходимый материал. Научный руководитель в заключении отметил, что эту работу диссертант провел умело, диссертация написана достаточно хорошо и она является серьезным вкладом в дело изучения создания и развития автономных республик Среднего Поволжья [1, л. 51–52].

Конечно, исследования по истории, связанные с политикой, установлением власти, всегда несут в себе печать своего времени, установки господствующего класса и руководящих органов. Говоря о развитии марийской культуры, в частности литературы, А.В. Хлебников называет имена всего лишь двух писателей: Микая и Шкетана. Из-за репрессий имена С. Чавайна, О. Ипая, Н. Игнатьева, Я. Ялкайна и других были под запретом. О критике репрессий тогда не могло быть и речи, а Алексей Васильевич, каждой клеточкой пропитанный марксистско-ленинским учением, искренне верил партийным установкам. Тем не менее А.В. Хлебников сумел раскрыть тему настолько полно, насколько это было возможно в то непростое время.

Главное направление исследовательской деятельности А.В. Хлебникова – разработка истории национальной государственности мари за первые два десятилетия советской власти. Продолжая разработку истории национальной государственности мари, А.В. Хлебников уверенно шел к написанию своей докторской диссертации. 30 августа 1966 г. кафедра истории Марийского педагогического института на своем заседании одобрила докторскую диссертацию «Образование советской автономии

марийского народа и основные проблемы её развития в период перехода к социализму (1917–1939)», написанную доцентом данной кафедры А.В. Хлебниковым. В отзыве кафедры было указано, что диссертация – результат более чем 15-летней исследовательской работы ее автора. Было подчеркнуто, что тема исследования является важной и актуальной и посвящена одному из важнейших вопросов истории Марийской АССР, что выполненная работа представляет собой ценный вклад в исследование истории марийского народа [2, л. 55–61].

Известный советский историк, академик И.И. Минц 2 июня 1967 г. в отзыве на докторскую диссертацию А.В. Хлебникова писал: «…диссертация является исследованием, представляющим серьезный научный интерес и значительный вклад в историческую науку, в разработку истории марийского народа… А.В. Хлебниковым исследована важная крупная проблема – история образования советской автономии марийского народа и её развития до 1937 года, до преобразования автономной области в автономную республику (включительно). Показаны общие закономерности, свойственные процессу образования и развития советской автономии народов СССР. Выявлены и проанализированы особенности, присущие советской автономии марийского народа… Рецензируемая диссертация и последующие опубликованные работы свидетельствуют о том, что А.В. Хлебников, как исследователь, заметно вырос» [2, л. 26–30].

Официальный оппонент, доктор исторических наук Д.А. Чугаев 2 сентября 1967 г. в своем отзыве на диссертацию написал следующее: «Докторская диссертация А.В. Хлебникова является содержательной историей марийской национальной государственности за первые двадцать лет Советской власти. Она написана на основе изучения огромного исторического материала, извлеченного соискателем из центральных и местных партийных и государственных архивов.

Хлебников является одним из первых историков, весьма успешно разрабатывающим эту тему и опубликовавшим в течение последних тринадцати лет до двадцати научных работ. Многие его работы, в том числе очерки по истории марийского народа в советский период, особенно главы по истории

национально-государственного строительства, являются учебными пособиями в вузах и используются советскими историками. Его работы, в том числе представленная докторская диссертация, отличаются всесторонним изучением исторических источников и глубокими научными выводами…

Докторская диссертация находится на уровне предъявляемых требований, диссертант А.В. Хлебников заслуживает присуждения ему искомой степени доктора исторических наук» [2, л. 39].

11 декабря 1967 г. на совете исторического факультета Московского ордена Трудового Красного Знамени государственного педагогического института имени В.И. Ленина прошла защита диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук А.В. Хлебниковым на тему: «Образование советской автономии марийского народа и основные проблемы её развития в период перехода к социализму (1917–1937 гг.)». Все официальные оппоненты и рецензент дали положительное заключение о диссертации, как выполненной на уровне современных требований.

Учитывая его авторитет в научных кругах, успехи как историка-исследователя, он был выбран от ученых республики делегатом XIII Международного конгресса исторических наук, который прошел в августе 1970 г. в Москве.

За исключением 4 лет работы научным сотрудником МарНИИ, Алексей Васильевич всю жизнь работал в штате родного Марийского государственного педагогического института имени Н.К. Крупской, пройдя путь от старшего преподавателя кафедры истории до проректора по научной работе, профессора кафедры истории и этнологии.

За десятилетия работы в пединституте он внес большой вклад в подготовку кадров учителей для республики. А.В. Хлебников состоял членом Ученой комиссии Министерства просвещения РСФСР, Волго-Вятского регионального научно-методического совета. Был делегатом III Всесоюзного съезда учителей (Москва, июнь 1978 г.).

По его инициативе в пединституте была открыта аспирантура для подготовки кадров историков. А.В. Хлебников основал новое научное направление – исследование истории национальной государственности мари. В 1973–1981 гг. пять его учеников,

окончивших аспирантуру, успешно защитили кандидатские диссертации. Это Антипин Аркадий Яковлевич, Удалов Александр Михайлович, Адамов Юрий Анатольевич, Утросина Светлана Анатольевна, Кретинин Дмитрий Юрьевич. Так, А.Я. Антипин защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Деятельность Марийской областной организации КПСС по дальнейшему развитию народного образования, литературы и искусства в республике в условиях коммунистического строительства (1959–1970 г.г.)». На титульном листе автореферата своей диссертации Аркадий Яковлевич аккуратным почерком подписал своему учителю: «Уважаемому Алексею Васильевичу от первого вашего аспиранта. 31.12.73. А. Антипин» [3, л. 1].

После А.В. Хлебникова по теме государственности марийского народа серьезно работали видный марийский ученый-историк К.Н. Сануков и его ученики.

Как одному из ведущих и авторитетных ученых-историков нашей республики 60–80-х гг. прошлого века, А.В. Хлебникову постоянно доверяли руководство авторскими коллективами при подготовке коллективных изданий и редактирование их в качестве ответственного редактора. Работа эта беспокойная и кропотливая, требующая как глубоких знаний, так и организаторских

А.В. Хлебников со своими аспирантами. 70-е годы XX века.
Слева направо, сидят: А.М. Удалов, А.В. Хлебников, А.Я. Антипин,
стоят: М.И. Исиметов, С.А. Утросина, Ю.А. Адамов.
Фотография из личного архива В.А. Хлебникова

способностей. Алексей Васильевич уверенно справлялся с этой работой. Он объединил вокруг себя большую группу историков и стал их неформальным научным руководителем. Так, А.В. Хлебников является ответственным редактором и руководителем авторских коллективов двухтомных изданий «Очерки истории Марийской АССР» (1960), «История Марийской АССР» (1987), ведущим автором второго тома в каждом из этих трудов.

Хлебников А.В. большое внимание уделял выявлению, подготовке к печати и опубликованию архивных документов. Он выполнил работу по сбору воспоминаний об установлении советской власти и социалистическом строительстве в Марийской автономной области, подготовил и издал сборник воспоминаний «За власть Советов» (1957). Алексей Васильевич является научным редактором сборников архивных документов и материалов: «Образование Марийской автономной области» (1966), «Родному Ильичу: Письма трудящихся МАО В.И. Ленину» (1969), «Установление Советской власти в Марийском крае» (1970) и некоторых др.

Хлебников А.В. был внештатным лектором Марийского обкома КПСС, являлся членом правления Марийской республиканской организации общества «Знание» и более десяти лет возглавлял Научно-методический совет по пропаганде общественно-политических знаний при этом правлении.

За многогранную и плодотворную деятельность Алексей Васильевич Хлебников был награжден тремя медалями, грамотами и благодарностями министерств и учреждений. Ему присвоены почетные звания «Заслуженный деятель науки и техники Марийской АССР» (1979), «Заслуженный деятель науки РСФСР» (1980), «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (1999) [4, л. 1–3].

Хлебников А.В. ушел из жизни 31 января 2000 года.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Республики Марий Эл (далее – ГА РМЭ) ГА РМЭ. Ф. Р-1124. Оп. 1. Д. 11.

2. ГА РМЭ. Ф. Р-1124. Оп. 1. Д. 12.

3. ГА РМЭ. Ф. Р-1124. Оп. 1. Д. 13.

4. ГА РМЭ. Ф. Р-1124. Оп. 1. Д. 16.

УДК 172.4+321.74

А.В. Маслихин,
доктор философских наук, профессор
Чувашского государственного
аграрного университета

A.V. Maslikhin,
doctor of Philosophy, professor
of the Chuvash State Agrarian University

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ МАРИЙСКОГО ЭТНОСА

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE MARI ETHNIC GROUP STATEHOOD

Аннотация. Становление и развитие государственности марийского этноса раскрыто в хронологических рамках XX – начала XXI в. В XX в. марийский этнос реализовал своё стремление к получению автономии, государственности, властных структур. Государственность позволила раскрепостить марийский народ, способствовала его экономическому, социальному и духовному прогрессу.

Ключевые слова: государственность, этнос, марийцы, автономия, автономная республика, развитие государственности.

Abstract. The formation and development of the statehood of the Mari ethnic group has been revealed in the chronological framework of the 20th – early 21st centuries. In the twentieth century, the Mari ethnic group realized its intention to obtain autonomy, statehood, and power structures. Statehood allowed to liberate the Mari people and contributed to their economic, social and spiritual progress.

Keywords: statehood, ethnic group, Mari people, autonomy, autonomous republic, statehood development.

Методологической основой для раскрытия проблемы является социальная философия, позволяющая исследовать становление и развитие государственности марийского этноса на широком

фоне исторических фактов и закономерностей, объединяющих прошлое и современность. Мы решаем задачу восполнить имеющийся пробел в социально-философском осмыслении возникновения и развития государственности у марийского народа на предмет выявления в этом процессе общероссийских закономерностей и специфических особенностей. Вопросы формирования и развития национальной государственности вызывают большой интерес не только у представителей научного сообщества, но и у широких кругов населения.

Государственность любого народа является составной частью политической сферы многонационального общества. Она играет большую роль в становлении и развитии наций и национальных отношений, развитии их экономики и культуры.

Здесь мы рассмотрим становление и развитие государственности марийского народа и на этой основе выделим закономерности развития народов России в XX – начале XXI в. Все исследователи наций и национальных отношений единодушны в том, что нация, обладая своей государственностью в той или иной форме, раскрепощает народы, значительно укрепляет их экономический, социальный и духовный статус. Наконец, сами народы стремятся к получению своей автономии, государственности, властных структур.

В центральных публикациях, посвященных данной проблеме, почти не имеется материалов по эволюции национальной государственности марийского народа. Полнее эта проблема освещается в работах ученых Поволжья (правда, большей частью в историческом и правовом аспектах) – Пашукова В.Ф., Хлебникова А.В., Санукова К.Н., Айплатова Г.Н., Иванова А.Г., Любимова В.Н., Юлдашбаева Б.Х., Букина М.С., Яшкина И.А., Михеевой Т.Н., Минеевой Е.К., Бабичевой А.Ю. и др.

Мари, чуваши, мордва и многие другие народы царской России были лишены национальной государственности. И только Октябрьская революция, образование СССР и социализм создали все необходимые условия для получения народами своей государственности. Сразу же после Октябрьской революции стали законодательно решаться национальные проблемы в пользу ранее угнетённых народов. Так, основные положения национальной

политики Советского государства были сформулированы и законодательно закреплены в «Декларации прав народов России»: их право на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России. Большое значение для жизни народов многонациональной страны имела «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Наряду с великими завоеваниями социалистической революции, в ней говорилось о том, что Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик.

Межнациональное сосуществование характерно для Поволжского региона. Малограмотное, в большинстве своем крестьянское, население Марийского края в начале XX в. пошло по пути возрождения национальной жизни. Территория, где проживал народ мари, была искусственно разделена между Казанской, Нижегородской и Вятской губерниями. Марийский край стал территориальной основой формирования автономии.

Марийский народ получил свою национальную государственность в форме автономной области 4 ноября 1920 г., когда был издан декрет ВЦИК и Совнаркома РСФСР за подписями В.И. Ленина и М.И. Калинина. В тот же день национальную государственность получили удмурты и калмыки.

Инициатива образования марийской автономии принадлежала известным государственным деятелям марийского народа – С.А. Чернякову, Н.А. Алексееву, В.А. Мухину, И.П. Петрову, А.К. Эшкинину и др.

Советское государство не только провозгласило право наций на самоопределение, равенство и суверенитет народов, но и приступило с первых дней своего существования к практическому осуществлению своей национальной политики. С этой целью в составе правительства РСФСР был образован Народный Комиссариат по делам национальностей (Наркомнац) под руководством И.В. Сталина. При нем были созданы национальные комиссариаты и национальные отделы. Было создано семь национальных комиссариатов и одиннадцать национальных отделов – Калмыц-

кий, Мордовский, Украинский, Чувашский, Марийский и др. Отдел мари возглавляли Н.А. Алексеев и С.А. Черняков. Под руководством отдела были созданы и работали секции мари при исполкомах Советов тех губерний и уездов, в которых проживало марийское население. В 1919 г. при Исполкоме Казанского губернского Совета был организован Комиссариат по делам мари во главе с В.А. Мухиным.

Марийская автономия на первых порах административно входила в состав Нижегородско-Горьковского края, получала от него не только экономическую и культурную помощь, но и государственно-политическую.

В результате достижения больших успехов в области экономики и культуры, повышения политического уровня трудящихся *Марийская автономная область 5 декабря 1936 г., на основе принятой Конституции СССР, была преобразована в Марийскую Автономную Советскую Социалистическую Республику.*

Впервые за многовековую историю марийский народ с получением своей государственности – автономной республики – стал иметь свою Конституцию, свое Правительство, свои органы управления. Образование автономий у ранее угнетенных и отсталых народов явилось одним из существенных черт в их социально-политическом прогрессе. Оно удовлетворяет одну из важнейших политических потребностей – иметь свою национальную государственность. Наличие своей автономии у марийского народа создало благоприятные общественно-политические условия для развития производительных сил, ликвидации экономической и культурной отсталости, вовлечения трудящихся в строительство нового, социалистического общества, консолидации наций.

Юридической основой национально-государственной системы РСФСР, СССР, Российской Федерации являются Конституции многонационального государства – 1918, 1924, 1936, 1977, 1993 гг.

Национально-государственное строительство в СССР, союзных и автономных республиках осуществлялось исходя из ряда основополагающих принципов, выражавших коренные интересы более чем ста этносов, в т.ч. и марийского народа. Среди них: 1) равноправие народов; 2) взаимосвязь национального и интернационального; 3) создание национальной по форме и интернациональной по содержанию государственности и т.д.

Дальнейшее развитие автономных республик связано с принятием новой редакции Конституции СССР 1977 г. Обновленный Основной закон Советского Союза и РСФСР предоставил автономным республикам право иметь собственные конституции, в которых, в числе прочего, были юридически закреплены структура и функции высших органов республиканской государственной власти. Согласно Конституции Марийской АССР 1978 г., систему высших органов государственной власти и управления республики образовывали Верховный Совет МАССР и его Президиум, Правительство – Совет Министров МАССР, высшие судебные органы – Верховный Суд МАССР [1, с. 20–21]. Советская власть, закрепленная в Конституции, получила реализацию в полномочиях Верховного Совета и местных Советов народных депутатов. Местные Советы существенно расширили демократические свободы граждан. Принципами их работы стали: коллегиальность, гласность в решении основных вопросов, регулярная отчетность органов власти перед населением, привлечение граждан к деятельности органов власти и управлению.

В 90-е гг. XX в. политическая система МАССР, так же как и политическая система Российской Федерации в целом, претерпела существенные изменения. Коренной реконструкции подверглось, в частности, государственное устройство МАССР и РФ. Принятая в 1993 г. Конституция РФ провозгласила Россию демократическим федеративным правовым социальным государством с республиканской формой правления [2, с. 4–5].

Ныне действующая Конституция Российской Федерации многократно подвергалась изменениям и дополнениям в 1996, 2001, 2003, 2005, 2007, 2008, 2014, 2020, 2022 гг. Все конституции отражали:

1) состояние социально-экономического, политического, культурного развития больших и малочисленных народов;

2) строительство и структуру многонационального федеративного государства;

3) права и свободы граждан и различных национальностей.

В современных условиях, решая вопросы совершенствования государственности марийского этноса, необходимо помнить уроки прошлого. Игнорирование реальной полиэтнической кар-

тины жизни людей и возникших в советском прошлом условий, связанных с формированием национально-территориальной автономии, может привести к тяжелым последствиям.

Сейчас в Республике Марий Эл действует Конституция, принятая в 1995 г. Ее содержание многократно подвергалось редакционным изменениям и дополнениям в 1997, 2000, 2001, 2003–2005, 2006, 2008, 2010–2012, 2014–2016, 2018, 2019, 2021, 2022 гг.

Вслед за Россией Марийская республика была объявлена демократической, правовой и социальной [5, с. 4]. Так же как и в Российской Федерации, ее главой стал Президент, сейчас – Глава республики. Абстрагируясь от суждений по соответствию содержащихся в Конституциях Российской Федерации и Республики Марий Эл определений «демократический», «правовой», «социальный», подлинной сути современных российского государства и марийской республики, отметим некоторые особенности процесса реформации марийской государственности.

Главой современной марийской государственности и высшим должностным лицом в системе исполнительной власти является Глава республики, избираемый на 5 лет путем всеобщих равных и прямых выборов при тайном голосовании. До недавних реформаций такая процедура определения «первого лица» в системе органов административно-распорядительного управления республики в целом соответствовала общероссийскому порядку приведения к должности глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Одно время, как известно, Главы республик и областей не избирались как прежде населением, а назначались президентом России.

В Республике Марий Эл до настоящего времени, за исключением ряда введенных новшеств (увеличение срока полномочий главы региона до 5 лет, снижение возрастного барьера для кандидатов на этот пост до 30 лет и т.д.), сохраняется прежний порядок определения первого должностного лица в системе исполнительно-распорядительной власти региона.

К проявлениям специфики в национально-государственном строительстве на территории Марийского края необходимо отнести также и функциональное наполнение института Главы Республики как высшего должностного лица Республики Марий Эл и Председателя Правительства Республики Марий Эл. В отли-

чие от Президента Российской Федерации, Глава Республики Марий Эл является одновременно и руководителем республики, и главой ее правительства. Согласно социальной философии, республика квалифицируется как президентская, если ее лидер совмещает в своем лице функции руководителя государства и главы правительства. Принимая в расчет данное обстоятельство, Республику Марий Эл следует определять как республику президентского типа.

Высшая законодательная власть в Республике Марий Эл, представленная Государственным Собранием, вбирает в себя как общие, свойственные другим регионам и Российской Федерации в целом, так и национально специфические черты. К числу норм деятельности законодателей относятся: выборность и сменяемость депутатов; невозможность депутата, работающего на штатной платной основе, заниматься другой оплачиваемой деятельностью, кроме преподавательской, научной и творческой; неприкосновенность депутата; юридическая возможность отзыва депутата до истечения срока полномочий и т.д.

Национально специфичным являются название; количественный и этнический состав; пропорция депутатов, избираемых по одномандатным и республиканскому избирательным округам и т.д. Так, в частности, Государственное Собрание Республики Марий Эл в настоящий момент включает в себя 52 депутата. С 2019 г. 39 депутатов Государственного Собрания избираются по одномандатным избирательным округам, а 13 депутатов Государственного Собрания избираются по республиканскому избирательному округу пропорционально числу голосов, поданных за списки кандидатов в депутаты, выдвинутых избирательными объединениями. Срок пребывания в должности тех и других одинаков – 5 лет.

В отличие от двухпалатного по своему составу Федерального Собрания Российской Федерации (Совет Федерации и Государственная Дума), Государственное Собрание Республики Марий Эл включает в себя одну палату.

Проявление общероссийских тенденций хорошо видно на примере устройства и функционирования системы судопроизводства Российской Федерации и ее субъектов. Так, в частности, состав органов верховной судебной власти Республики Марий Эл практически идентичен общероссийскому: Верхов-

ный, Арбитражный, Конституционный. То же самое можно сказать о судах городского и районного уровней, структура которых по всей стране имеет фактически универсальный вид. Во многом схож и характер отношений между судебной властью и властью исполнительно-распорядительной. Так же как и в Российской Федерации, в Республике Марий Эл первая находится в большой зависимости от второй, особенно если предмет судебного разбирательства имеет отношение к политике.

Известно, что любое современное государство, независимо от формы правления, характера административно-территориального устройства, типа политического режима, представляет собой чрезвычайно сложный, разветвленный и дифференцированный политический институт, учреждения и организации которого существуют и функционируют не только на верховно-региональном, но и на местном уровнях. В этой связи возникает необходимость четкого разграничения учреждений государственной власти на местах и органов местного самоуправления. Взаимопроникновение функций и тем более поглощение местными государственными учреждениями самоуправленческих структур автоматически снимают с повестки дня вопрос о демократии, ставя под сомнение саму возможность реализации местным населением своих прав и интересов. Прежде всего прав и интересов представителей коренной национальности, которые по языку, религии или другим социокультурным признакам, как правило, отличаются от титульного населения страны в целом.

С этой точки зрения важно сравнить Конституции и Законы о местном самоуправлении Российской Федерации и Республики Марий Эл. Даже беглый взгляд на статьи Конституций, касающиеся организации и функционирования местного самоуправления, позволяет сделать вывод, что многие их положения по сути своей идентичны. Более того, тексты ряда пунктов полностью повторяют друг друга. Так, совпадает содержание ряда пунктов ст. 130 Конституции Российской Федерации и ст. 99 Конституции Республики Марий Эл, где рассмотрены способы и формы осуществления гражданами права на местное самоуправление.

Вместе с тем п. 2 ст. 99 Конституции Республики Марий Эл конкретизирует соответствующий пункт общероссийского Основного Закона, что, очевидно, следует считать проявлением

национального своеобразия в данной сфере общественного управления. В упомянутом пункте Конституции Республики Марий Эл перечисляются формы непосредственной демократии – местные референдумы, собрания (сходы), конференции граждан, а также представительные органы – районные и городские собрания, главы местного самоуправления, местные администрации, органы территориального общественного самоуправления населения – советы микрорайонов, домовые, уличные, сельские комитеты и т.д., которые в совокупности образуют систему местного самоуправления в Республике Марий Эл.

Совершенствование конституционных норм жизни наций проявляет себя также в избирательном процессе, а именно в таком его важном компоненте, как выборы глав Российской Федерации и Республики Марий Эл. Известно, что демократический стандарт избрания на должность первых лиц государства предполагает соблюдение следующих принципов: всеобщность участия граждан, прямое голосование, равенство голосов избирателей, тайну голосования и альтернативность кандидатов.

Альтернативность кандидатов, баллотирующихся на высшие государственные должности, имевшая место в 90-е гг. XX в., впоследствии оказалась номинальной. Так, в избирательной кампании по выборам Президента Российской Федерации 1996 г. участвовало два примерно равных по силам претендента. Сходная картина наблюдалась в 2000 г. и последующие выборы.

В Республике Марий Эл общероссийские тенденции, в соответствии с которыми развивался избирательный процесс на рубеже XX–XXI вв., сочетался с местными особенностями институционализации и последующей трансформации механизмов и процедур приведения к власти претендента на должность Главы (Президента) республики. Аналогичная динамика имела место и во многих других субъектах Российской Федерации, в частности в Татарстане, Чувашской Республике. В Республике Марий Эл внеочередные выборы главы республики состоялись в 2017 г.

Главными последствиями появления марийской государственности *в материальной сфере* становится возникновение многоотраслевой промышленности, эффективного сельского хозяйства, транспорта, связи, бытового обслуживания населения. *В социальной сфере* появляются промышленный пролетариат, кооперированное крестьянство, многочисленная интеллигенция.

В политической сфере развиваются властные структуры, государственная служба, возникают многочисленные общественные организации. *В духовной сфере* возникают театр, балет, литература, искусство, наука, философия и т.д. А в области науки ныне возникли научные школы (по истории, марийскому языку, философии). Их лучшие представители вышли на международный уровень и своими знаниями способствуют популяризации достижений Республики Марий Эл.

После распада СССР вместо всестороннего прогресса в жизни марийского народа *наступил всесторонний кризис.* Этот кризис стал системным: он поразил не только марийский народ и другие народы, но и саму Россию, все ее сферы: экономическую, социальную, политическую, духовную. В 90-е гг. XX в. в Марийском крае, как и во всей стране, появились безработица, нищета, голод, невыплата зарплаты по 5–6 месяцев и более; расцвели пьянство, наркомания, различного рода правонарушения и т.д. Здесь нет необходимости говорить о множестве других кризисных проявлений – их знает почти каждый гражданин Марий Эл и России.

Подводя итог, следует отметить, что органы государственной власти Марийской АССР – Республики Марий Эл оказывали и оказывают большое влияние на общественную жизнь, в значительной мере обуславливают состояние экономики, культуры, материальное положение населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция (Основной Закон) Марийской Автономной Советской Социалистической Республики. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1978. – 48 с.

2. Конституция Российской Федерации. – М.: Наука: ИНФРА, 2001. – 49, [2] с.

3. *Кынев А.В.* Институт президентства в странах Центральной и Восточной Европы как индикатор процесса политической трансформации // Полис. – 2002. – № 2. – С. 126–137.

4. *Голосов Г.В., Лихтенштейн А.В.* «Партии власти» и российский институциональный дизайн: теоретический анализ // Полис. – 2001. – № 1. – С. 6–14.

5. Конституция Республики Марий Эл. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1995. – 70 с.

УДК 94:377(470.13)”195”

А.М. Мацук,
кандидат исторических наук,
заведующий лабораторией археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН

A.M. Matsuk,
PhD in History, head of the Laboratory of Archaeography and Publication of Documents on the Russian European North Development History of the Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

СОСТОЯНИЕ СИСТЕМЫ СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОМИ АССР В КОНЦЕ 1950-Х ГГ. (В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМЫ ОБРАЗОВАНИЯ Н.С. ХРУЩЕВА)*

THE STATE OF THE SYSTEM OF SECONDARY SPECIALIZED EDUCATION IN THE KOMI ASSR AT THE END OF THE 1950s (IN THE CONTEXT OF THE EDUCATION REFORM OF N.S. KHRUSHCHEV)

Аннотация. В статье рассмотрено состояние системы среднего специального образования в Коми АССР в конце 1950-х гг. на фоне проводимой в стране в этот период реформы образования. Представлен список действовавших в республике в 1950-е гг. средних специальных учебных заведений. Прослежена динамика изменения их количества, а также численности учащихся и выпускников. Сделаны выводы о влиянии реформы на изучаемую систему.

* Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы НИР Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Ключевые слова: реформа образования Н.С. Хрущева, среднее специальное образование, Коми АССР, 1950-е гг.

Abstract. The article examines the state of the system of secondary specialized education in the Komi ASSR in the late 1950s against the background of the educational reform carried out in the country during this period. The list of secondary specialized educational institutions functioning in the republic in the 1950s is presented. The dynamics of changes in their number, as well as the number of students and graduates, is traced. Conclusions are made about the impact of the reform on the system under analysis.

Keywords: educational reform of N.S. Khrushchev, secondary special education, Komi ASSR, 1950s.

Во второй половине – конце 1950-х гг. в сфере народного образования в целом и среднего специального образования в частности произошли определенные изменения, связанные с проведением в СССР масштабной реформы образования. Данная реформа в отношении изучаемой системы среднего специального образования выразилась в: сокращении части учебных заведений в ходе оптимизации их количества в связи с целями развития народного хозяйства и потребностями последнего в определенном числе специалистов среднего звена; привлечении большего количества учащихся и сокращении общего срока обучения (введение групп ускоренной подготовки); сближении обучения с производством (путем расширения производственной практики и улучшения доступа к обучению работающих практиков путем увеличения набора на вечерние и заочные отделения) [Подробнее см.: 8; 9].

В отечественной историографии данную реформу относительно системы среднего специального образования исследователи оценивают по-разному, подчеркивая как негативные, так и позитивные моменты. Так, С.В. Бархатова негативно оценивает влияние реформы образования на изучаемую систему, указывая на значительное сокращение сети учебных заведений [1, с. 14.]. Я.Н. Безносиков, Л.П. Лашук, М.И. Шумилов в своих работах, напротив, выделяют позитивные моменты реформирования среднего специального образования, указывая на укрепление связи обучения с производством, расширение вечерней и заочной

форм обучения и др. [2, с. 105–106; 11, с. 472; 12, с. 469]. В представленной статье мы рассмотрим состояние системы среднего специального образования на примере Коми АССР в конце 1950-х гг., т.е. на момент принятия основных законодательных актов реформы образования Н.С. Хрущева, кратко (без учета каждого года) сравнив его с состоянием начала данного десятилетия по таким показателям, как количество средних специальных учебных заведений и численность учащихся и выпускников.

Приведем список действовавших в 1950-е гг. в Коми АССР техникумов и училищ:

1. Воркутинский горный техникум (с 1 сентября 1959 г. открыты филиалы: Интинский вечерний филиал и Вечерний филиал пос. Комсомольский, шахты № 18);

2. Коми Ульяновский (Усть-Куломский) сельскохозяйственный техникум (действует до 1956 г.; в 1956 г. объединен с Сыктывкарским сельскохозяйственным техникумом);

3. Печорский речной техникум;

4. Республиканская культурно-просветительская школа (г. Сыктывкар) (действует с 1956 г.);

5. Северо-Печорский техникум железнодорожного транспорта (г. Ухта);

6. Сыктывкарская двухгодичная лесная школа по подготовке мастеров лесного хозяйства (в статусе среднего специального учебного заведения с 1951 г.; с 1954 г. – Сыктывкарская одногодичная лесная школа по подготовке мастеров лесного хозяйства; действует до 1958 г.);

7. Сыктывкарская средняя сельскохозяйственная школа по подготовке председателей колхозов с трехлетним сроком обучения (в статусе среднего специального учебного заведения с 1951 г.; действует до 1956 г.);

8. Сыктывкарская фельдшерско-акушерская школа (с 1954 г. – Сыктывкарское медицинское училище);

9. Сыктывкарский кооперативный техникум;

10. Сыктывкарский лесотехнический техникум (в 1958 г. переведен в г. Ухту; с 1958 г. – Ухтинский лесотехнический техникум);

11. Сыктывкарский сельскохозяйственный техникум;

12. Сыктывкарское дошкольное педагогическое училище (в 1956 г. временно (до 1961 г.) объединено с Сыктывкарским школьным педучилищем);

13. Сыктывкарское музыкальное училище;

14. Сыктывкарское школьное педагогическое училище;

15. Усть-Вымское школьное педагогическое училище (действует до 1953 г.; в 1953 г. объединено с Сыктывкарским школьным педучилищем);

16. Ухтинский горно-нефтяной техникум [список составлен по: 2, с. 105, 150; 3; 4; 7, с. 436; 10, с. 144; 13, с. 322; 14, с. 112, 448; 15, с. 117, 121, 123, 125, 191, 209, 227, 230, 232].

Как видно из представленного списка, специализация техникумов и училищ в Коми АССР по профилю подготовки учащихся была следующей: из 16 действовавших за десятилетие учебных заведений было 2 индустриальных, 2 лесотехнических, 3 сельскохозяйственных, 2 транспортных, 1 торгово-экономическое, 3 педагогических, 1 медицинское, 2 – по подготовке работников культуры.

Отметим, что до 1951/52 уч. г. два учебных заведения – Сыктывкарская лесная школа по подготовке мастеров лесного хозяйства и Сыктывкарская средняя сельскохозяйственная школа по подготовке председателей колхозов не учитывались статистиками в качестве средних специальных учебных заведений. В связи с этим в официальной статистике по Коми АССР в 1950/51 уч. г. учтено 13 средних специальных учебных заведений. С 1951/52 уч. г. специальными решениями профильных министерств СССР и РСФСР в данных учебных заведениях изменилась система подготовки специалистов (например, двухлетняя школа по подготовке председателей колхозов была преобразована в трехлетнюю с расширением учебной программы) [5, л. 17, 19]. Это позволило учитывать данные учебные заведения в качестве средних специальных. Таким образом, общее количество рассматриваемых учебных заведений в 1951/52 уч. г. возросло до 15. Общее количество действующих учебных заведений с 15 в начале 1950-х гг. сократилось до 11 в конце 1950-х гг.

Проследим динамику изменения численности учащихся и выпускников средних специальных учебных заведений в Коми АССР, сравнив статистические данные 1951/52 уч. г. (в котором действовало максимальное количество рассматриваемых учебных заведений) и 1959/60 уч. г. Имеющуюся информацию представим в виде таблиц (Таблица 1 и 2).

Таблица 1

Динамика численности учащихся системы среднего специального образования в Коми АССР в 1950-е гг. (чел.)

Техникум, училище	Отделения						Всего по техникуму, училищу	
	Дневное		Вечернее		Заочное			
	Учебные годы							
	1951/1952	1959/1960	1951/1952	1959/1960	1951/1952	1959/1960	1951/1952	1959/1960
Воркутинский горный техникум (с филиалами)	666	569	-	482	-	-	666	1051
Коми Ульяновский (Усть-Куломский) с/х техникум	247	-	-	-	-	-	247	-
Печорский речной техникум	169	204	-	-	-	-	169	204
Республиканская культурно-просветительская школа	-	96	-	-	-	-	-	96
Северо-Печорский техникум ж/д транспорта	348	340	-	-	-	521	348	861
Сыктывкарская лесная школа	63	-	-	-	-	-	63	-
Сыктывкарская с/х школа по подготовке председателей колхозов	47	-	-	-	-	-	47	-
Сыктывкарское медучилище	193	295	-	-	-	-	193	295
Сыктывкарский кооперативный техникум	132	133	-	-	-	-	132	133
Сыктывкарский (с 1958 г. – Ухтинский) лесотехнический техникум	520	456	-	-	-	207	520	663
Сыктывкарский с/х техникум	321	423	-	-	-	-	321	423
Сыктывкарское дошкольное педучилище	177	-	-	-	172	-	349	-
Сыктывкарское музучилище	57	126	-	-	-	-	57	126
Сыктывкарское школьное педучилище	430	425	-	-	211	107	641	532
Усть-Вымское школьное педучилище	171	-	-	-	38	-	209	-
Ухтинский горно-нефтяной техникум	525	357	-	144	-	40	525	541
Итого:	4066	3424	-	626	421	875	4487	4925

Таблица 2

Динамика численности выпускников системы среднего специального образования в Коми АССР в 1950-е гг. (чел.)

Техникум, училище	Отделения						Всего по техникуму, училищу	
	Дневное		Вечернее		Заочное			
	Учебные годы							
	1951/1952	1959/1960	1951/1952	1959/1960	1951/1952	1959/1960	1951/1952	1959/1960
Воркутинский горный техникум (с филиалами)	104	140	-	26	-	-	104	166
Коми Ульяновский (Усть-Куломский) с/х техникум	70	-	-	-	-	-	70	-
Печорский речной техникум	39	50	-	-	-	-	39	50
Республиканская культурно-просветительская школа	-	51	-	-	-	-	-	51
Северо-Печорский техникум ж/д транспорта	48	82	-	-	-	69	48	151
Сыктывкарская лесная школа	24	-	-	-	-	-	24	-
Сыктывкарская с/х школа по подготовке председателей колхозов	22	-	-	-	-	-	22	-
Сыктывкарское медучилище	99	115	-	-	-	-	99	115
Сыктывкарский кооперативный техникум	34	56	-	-	-	-	34	56
Сыктывкарский (с 1958 г. – Ухтинский) лесотехнический техникум	51	163	-	-	-	15	51	178
Сыктывкарский с/х техникум	35	89	-	-	-	-	35	89
Сыктывкарское дошкольное педучилище	51	-	-	-	8	-	59	-
Сыктывкарское музучилище	16	28	-	-	-	-	16	28
Сыктывкарское школьное педучилище	110	124	-	-	21	22	131	146
Усть-Вымское школьное педучилище	58	-	-	-	14	-	72	-
Ухтинский горно-нефтяной техникум	92	98	-	-	-	3	92	101
Итого:	853	996	-	26	43	109	896	1131

[Таблицы 1 и 2 составлены по: 5, л. 11, 11 об., 12, 13, 57, 64 об., 72; 6, л. 12, 13, 15, 19, 23, 27, 28, 30, 31, 32, 33, 39, 40, 53, 56, 57, 58, 65].

Представленные данные наглядно демонстрируют определенные изменения численности учащихся и выпускников в конце рассматриваемого периода в сравнении с началом 1950-х гг. Несмотря на сокращение количества учебных заведений, общее число как учащихся, так и выпускников техникумов и училищ Коми АССР не только не сократилось, но и увеличилось. Можно отметить, что заметно возросла доля учащихся на заочных и особенно на вечерних отделениях. Так, если в 1951/52 уч. г. численность заочников средних специальных учебных заведений по республике составляла 421 человек, то в 1959/60 уч. г. – уже 875, увеличившись более чем в 2 раза. Вечерние отделения двух индустриальных техникумов Коми АССР готовили в конце изучаемого периода более 600 будущих специалистов среднего звена, тогда как в начале 1950-х гг. вечерних отделений не было ни в одном рассматриваемом учебном заведении. На дневных отделениях большинства функционирующих в 1959/60 уч. г. техникумов и училищ число учащихся также увеличилось. Исключением являются педагогическое училище, где число учащихся снизилось и на дневном, и на заочном отделениях, несмотря на слияние в одно учебное заведение нескольких, а также ряд техникумов, где начали работу вечернее и заочное отделения. Кроме того, заметное увеличение численности выпускников отмечается в техникумах лесотехнической, сельскохозяйственной и транспортной сфер подготовки специалистов. В них число выпускников увеличилось от 2,5 до 3,5 раз. В дальнейшем значительный прирост выпускников ожидался в техникумах индустриальной сферы благодаря введению новых форм обучения.

Таким образом, в ходе реформы образования Н.С. Хрущева в Коми АССР к концу 1950-х гг. был закрыт ряд средних специальных учебных заведений, часть из которых была объединена с профильными техникумами и училищами. Одновременно у наиболее перспективных с точки зрения развития экономики и народного хозяйства рассматриваемого периода учебных заведений увеличивается прием учащихся на вечернюю и заочную форму обучения, а также открываются дополнительные филиалы. В целом следует отметить, что в республике проведение указанной реформы для системы среднего специального образования

имело двоякий результат. Так, наиболее положительно, в плане увеличения учащихся и выпускников, она отразилась на учебных заведениях сфер промышленности (включая лесозаготовительную), транспорта и сельского хозяйства. Негативная сторона реформы затронула учебные заведения сферы образования и некоторые узкопрофильные техникумы, которые были закрыты или объединены, численность учащихся в конце 1950-х гг. в них снизилась, заметного прироста выпускников также отмечено не было.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бархатова С.В.* Подготовка и состав специалистов высшей и средней квалификации в Карелии в послевоенные годы (1945–1960). Препринт доклада на заседании Ученого совета Института языка, литературы и истории 29 декабря 1988 г. / Карельский филиал АН СССР, Институт языка, литературы и истории. – Петрозаводск: КФАН СССР, 1988. – 39 с.

2. *Безносиков Я.Н.* Развитие народного образования в Коми АССР. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1973. – 176 с.

3. ГУРК «Национальный архив Республики Коми» (далее ГУРК НАРК) Ф. р-1258, р-1265, р-1283, р-1363, р-1538, р-1540, р-1541, р-1543, р-1544, р-1547, р-1550, р-1733, р-1775, р-1814, р-183п (фонд бывшего Печорского госархива).

4. ГУРК НАРК, архивохранилище № 2 (бывший Партийный архив Коми ОК КПСС). Ф. П-186, П-284, П-290, П-308, П-347, П-348, П-939, П-1350, П-1482, П-1987, П-2037, П-2480, П-2550, П-3500.

5. ГУРК НАРК. Ф. р-140. Оп. 2. Д. 4251.

6. ГУРК НАРК. Ф. р-140. Оп. 2. Д. 5209.

7. История Коми АССР с древнейших времен до наших дней / гл. ред. И.Б. Берхин. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1978. – 560 с.

8. *Мацук А.М.* Реформа образования второй половины 1950-х гг. и среднее специальное образование на Европейском Севере РСФСР // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2018. – № 1 (41). – С. 101–109.

9. *Мацук А.М.* Реформирование системы среднего специального образования в РСФСР в середине 1950-х годов: причины и последствия // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2019. – № 3 (47). – С. 29–63.

10. Народное хозяйство Коми АССР. Стат. сборник. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1957. – 175 с.

11. Очерки истории Карелии / Акад. наук СССР, Петрозав. ин-т яз., лит. и ист.; отв. ред. В.И. Машезерский. – Петрозаводск: Карельское кн. изд-во, 1964. – Т. 2. – 615 с.

12. Очерки по истории Коми АССР. 1917–1961 / Акад. наук СССР, Коми филиал; отв. ред. Д.А. Чугаев. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1962 . – Т. 2. – 543 с.

13. Республика Коми: Энциклопедия / гл. ред. М.П. Рощевский. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1997. – Т. 1 – 469 с.

14. Республика Коми: Энциклопедия / гл. ред. М.П. Рощевский. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. – Т. 2 – 573 с.

15. Республика Коми: Энциклопедия / гл. ред. М.П. Рощевский. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. – Т. 3 – 423 с.

УДК 069.013

С.К. Свечников,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Марийского научно-исследовательского института
языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

S.K. Svechnikov,
Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher,
Mari Research Institute of Language,
Literature and History named after V.M. Vasilyev

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И СОТРУДНИЧЕСТВО МАРИЙСКОГО РЕСПУБЛИКАНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ И МАРИЙСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА В 1930–1980-е гг.

INTERACTION AND COOPERATION OF THE MARI REPUBLICAN MUSEUM OF LOCAL HISTORY AND THE MARI RESEARCH INSTITUTE IN THE 1930s–1980s

Аннотация. Статья посвящена истории взаимодействия и сотрудничества Марийского республиканского краеведческого музея и Марийского научно-исследовательского института в 1930–1980-е гг.

Ключевые слова: Марийский республиканский краеведческий музей, Марийский научно-исследовательский институт, история, взаимодействие, сотрудничество, научно-исследовательская деятельность.

Abstract. The article is devoted to the history of interaction and cooperation between the Mari Republican Museum of Local History and the Mari Research Institute in the 1930s-1980s.

Keywords: Mari Republican Museum of Local History, Mari Research Institute, history, interaction, cooperation, research activities.

Национальный музей Республики Марий Эл им. Т. Евсеева и Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, отмечающие в 2020 г. юбилейные даты своего основания, занимались и занимаются научным исследованием одних и тех же вопросов истории и культуры Марийского края. Хотя МарНИИ был основан на 10 лет позже музея, тем не менее еще в 1920-е гг. будущие сотрудники МарНИИ (В.М. Васильев, М.И. Веткин, В.А. Мухин, М.В. Пайбердин, М.Н. Янтемир и др.), являясь членами Марийского общества краеведения, оказывали большую помощь Центральному марийскому музею, возглавляемому Т.Е. Евсеевым. Неудивительно, что между этими учреждениями с самого начала сложились тесные дружественные, практически братские отношения. Особенно плодотворным и богатым на события был период взаимодействия и сотрудничества между музеем и МарНИИ с 1930 по 1980-е гг.

После ареста 23 января 1931 г. заведующего музеем Тимофея Евсеевича Евсеева (Евсевьева) и последующей его высылки [36, с. 77–96] новым сотрудникам Центрального марийского музея (Рӱдӧ марий тоштер), не имевшим никакого опыта музейной работы, предстояло решать множество накопившихся проблем. Главной целью музея в соответствии с решениями I Всероссийского музейного съезда (1−5 декабря 1930 г.) было объявлено активное участие в деле социалистического строительства. При этом деятельность прежнего руководства в лице Т.Е. Евсеева подвергалась беспощадной критике за аполитичность, идеализацию старины, «проведение ярких шовинистических идей» [38,

с. 105–106]. Также было необходимо найти для музея другое, более просторное здание с отдельным помещением для фондов, добиться увеличения финансирования, решить кадровые проблемы. И тут на помощь музею пришел молодой Марийский научно-исследовательский институт, открытый 1 октября 1930 г. – всего лишь за четыре месяца до того времени, когда музей оказался обезглавленным.

16 марта 1931 г. музей по просьбе исполняющего обязанности заведующего Яныша Ялкаевича Ялкаева (Яныша Ялкайна) в научно-организационном отношении перешел в ведение МарНИИ, оставаясь на балансе Марийского областного отдела народного образования [1, л. 9–10]. Вскоре руководителем музея был назначен Иван (Эвай) Пектыганович Губаев, который впоследствии стал заместителем директора МарНИИ. 20 апреля 1931 г. план работы музея был утвержден на заседании секции истории и этнографии МарНИИ, проходившем под председательством директора института Владимира Алексеевича Мухина. На заседании, в частности, было принято решение о переименовании музея в «Центральный краеведческий музей Маробласти» (правда, в 1931–1936 гг. в основном использовалось другое название – «Марийский областной музей», иногда – «Марийский центральный музей»). Ссылаясь на нехватку помещений, участники заседания решили «одним из методов работы музея принять метод устройства периодических выставок, приурочивая их к соответствующим кампаниям» [2, л. 26]. Как следствие, в 1931–1932 гг. музей в основном был закрыт для посетителей. Лишь в июне 1931 г. была проведена выставка, посвященная 10-летнему юбилею образования Марийской автономной области, и в ноябре 1932 г. – выставка, приуроченная к 15-летию Октябрьской революции [4, л. 8].

Директор МарНИИ В.А. Мухин, а также бригада МарНИИ по изучению работы музея в 1931 г. обращались к руководству Марийской автономной области с просьбой о предоставлении музею большого каменного здания [1, л. 12–16]. Спустя некоторое время, в июне 1932 г., музей был переведен из бывшего флигеля Пчелиных (ул. Вознесенская, д. 89), занимаемого с августа 1927 г., в бывшую Троицкую церковь [4, л. 8].

С 15 апреля 1933 г. Марийским областным музеем начал руководить Петр Ильич Лашманов (Ланов), марийский историк, этнограф, поэт (автор текста песни «Ой, луй модеш», исполненной Йываном Кырла в фильме «Путевка в жизнь»). В 1931 г. он работал научным сотрудником секции истории и этнографии в МарНИИ, был членом бригады МарНИИ по изучению работы музея, тогда же разработал концепцию реорганизации музея, опубликованную в 1932 г. в журнале «М.А.О.» [33, с. 144–145]. П.И. Лашманов с большим энтузиазмом вдохнул новую жизнь в деятельность музея. В течение августа − декабря был проведен капитальный ремонт здания и его приспособили под музей. К началу января 1934 г. (к открытию XV областной партийной конференции) в музее была организована выставка достижений Марийской автономной области. Затем в течение 12 дней (14−25 февраля 1934 г.) был выполнен монтаж экспозиций. На первом этаже были развернуты разделы: «Жизнь первобытного общества», «Феодальное прошлое мари», «Революция 1905 года», «Гражданская война», «Естественные богатства МАО», «Лесное хозяйство», «Сельское хозяйство», «Промышленность МАО». На втором этаже была устроена картинная галерея, занимавшая площадь около 100 кв. м. 1 марта 1934 г. в музее также состоялась приуроченная к 13-летию Марийской автономной области выставка марийского искусства, «национального по форме, социалистического по содержанию» [3, л. 15–20; 4, л. 8–8 об.].

Однако успешно начавшееся возрождение Марийского областного музея было внезапно прервано 23 апреля 1934 г. новым вынужденным переездом. На этот раз музею предоставили пять маленьких комнат на первом этаже бывшего второго дома Пчелиных по улице Красноармейской, д. 6. П.И. Лашманов 8 декабря 1934 г. был призван в ряды Красной армии, поэтому наладить работу музея в новом здании он не успел. Обязанности директора в конце 1934 – начале 1935 г. временно исполняла бывший научный сотрудник секции флоры и фауны МарНИИ Александра Максимовна Анашкина [4, л. 3–9 об.; 5, л. 10].

В декабре 1934 г. на работу в свой родной музей устроился Т.Е. Евсеев, вернувшийся из ссылки еще в феврале 1933 г. Некоторое время он работал переписчиком фольклорных мате-

риалов в секторе языка и литературы МарНИИ. Одновременно он проводил научно-исследовательскую работу. В научном рукописном фонде МарНИИ хранятся рукописи Т.Е. Евсеева: «Краткая история о Марийском областном краеведческом музее в городе Йошкар-Оле», «Основные черты быта марийцев», «Последний марийский праздник (летний) до начала сенокоса и уборки – Сӱрем», «Песни», «Марийские национальные музыкальные инструменты», «Смерть, сопряженная с погребением и поминанием». В музее Т.Е. Евсеев занимал должность рядового сотрудника, однако в силу того, что ни руководство, ни остальные сотрудники не имели опыта музейной работы, фактически именно Т.Е. Евсеев направлял всю деятельность Марийского областного музея (с конца 1936 г. – Марийского республиканского музея). 21 августа 1937 г. он был снят с работы «как выявленный буржуазный националист», затем репрессирован по сфабрикованному обвинению как член «контрреволюционной буржуазно-националистической троцкистско-бухаринской и повстанческо-террористической диверсионно-вредительской и шпионской организации», расстрелян 11 ноября того же года [28; 30, с. 15; 31, с. 20–21; 36, с. 96–98].

В конце 1930-х гг. МарНИИ, серьезно пострадавший от «Большого террора», тем не менее обладал значительным кадровым и научным потенциалом и не прекращал поддерживать музей, который в 1937 г. получил новое название – Научно-краеведческий музей Марийской АССР. В 1937 г. научным сотрудником музея стал ранее работавший в МарНИИ кандидат биологических наук Борис Павлович Васильков. Благодаря его стараниям гербарий флоры Марийской автономной области (1269 гербарных листов), хранившийся в МарНИИ, был переведен в фонд музея [29, с. 89]. На расширенных производственных совещаниях Научно-краеведческого музея активное и деятельное участие принимал П.И. Лашманов, вновь ставший научным сотрудником МарНИИ после демобилизации из РККА [4, л. 24–25, 29–30].

Начавшаяся Великая Отечественная война 1941–1945 гг. стала причиной сворачивания работы и Научно-краеведческого музея, и МарНИИ. С изданием приказа Наркомпроса РСФСР № 392 от 22 июля 1942 г. «О развертывании краеведческой

работы в дни войны» и приказа Наркомпроса Марийской АССР № 61 от 15 апреля 1943 г. «О мероприятиях по развертыванию краеведческой работы в дни войны» было принято решение о возобновлении деятельности Научно-краеведческого музея Марийской АССР. В это же время – в апреле 1943 г. – вновь открылся МарНИИ. Из-за отсутствия свободных помещений в мае 1943 г. сотрудники музея (их было всего трое) были подселены к сотрудникам МарНИИ (11 человек) по адресу: ул. Горького, д. 9, где все разместились в одной комнате площадью 30 кв. м. (в остальных комнатах проживали рабочие промышленных предприятий города). Здесь в 1944 г. были проведены две фотовыставки по Великой Отечественной войне. Материалами из фондов музея, хранившихся в основном в с. Вятское, и музейной библиотекой (ок. 1400 экз.) пользовались и сотрудники МарНИИ [6, л. 34–39; 7, л. 48–56; 34, с. 8–9].

В 1951 г. МарНИИ и Марийский республиканский краеведческий музей приступили к совместному археологическому изучению Марийского края: научный сотрудник МарНИИ Римма Васильевна Чубарова и научный сотрудник отдела истории советского периода Мария Васильевна Конюшенко произвели археологическую разведку в Горномарийском районе. Им удалось собрать значительные материалы и уточнить местонахождение двух стоянок, двух селищ и четырех городищ, в том числе Мало-Сундырского (Важнангерского) городища (Аламнер). В июле 1952 г. была организована археологическая экспедиция в составе Р.В. Чубаровой и заведующей отделом дореволюционного периода музея Прасковьи Кузьминичны Вершининой в Горномарийский и Юринский районы. Были произведены раскопки Акозинской и Юринской стоянок, Копаньского, Сиухинского, Юлъяльского городищ, составлена карта расположения археологических памятников на территории Марийской АССР. Артефакты, найденные в 1951–1952 гг., пополнили фонды музея [8, л. 5; 9, л. 6, 29–30; 37, с. 177–196, 285–291].

Марийский республиканский краеведческий музей вместе с МарНИИ и Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР стоял у истоков постоянно действующей Марийской археологической экспедиции, созданной в 1956 г.

В 1950-е гг. от музея в экспедиции принимал участие заместитель директора музея по научной части Борис Васильевич Бабушкин, а в 1960 г. – научный сотрудник отдела дореволюционного периода Петр Николаевич Старостин, в 1962 г. – заведующий отделом истории дореволюционного периода Валентин Дмитриевич Бусыгин. Сотрудники музея продолжали принимать участие в Марийской археологической экспедиции и в последующие годы. Значительная часть материалов экспедиции после их обработки передавалась музею. Уже к 1960 г. в Марийском республиканском краеведческом музее сформировалась одна из лучших археологических коллекций Поволжья. В 1961 г. музей издал составленные научным сотрудником МарНИИ Геннадием Андреевичем Архиповым «Материалы к археологической карте Марийской АССР». Геннадий Андреевич принимал активное участие в создании экспозиции по археологии Марийского края. В 1969−1971 гг. свои первые шаги в археологических исследованиях делает Валерий Валентинович Никитин, занимавший в это время должность заведующего отделом дореволюционной истории. В 1971 г. он перешел в МарНИИ. С 1981 г. в музее начал работать Сергей Владимирович Большов. Он руководил археологическим кружком при музее и археологической экспедицией Марийского республиканского научно-краеведческого музея, активно участвовал в постоянно действующей Марийской археологической экспедиции МарНИИ [10, л. 3; 11, л. 3–5; 12, л. 3, 5; 13, л. 5–6; 14, л. 4–5, 9; 15, л. 7; 16, л. 12; 19, л. 4, 21; 20, л. 3–4, 19; 21, л. 4, 14; 24, л. 3; 32, с. 327–338].

Проводились также совместные этнографические и фольклорные экспедиции. В 1979 г. сотрудники музея приняли участие в экспедициях под руководством Виталия Александровича Акцорина в Горьковскую область и Александра Ефимовича Китикова в Горномарийский район. В 1980 г. совместно с сектором этнографии МарНИИ совершили экспедиции в Башкирскую АССР и районы Марийской АССР. Успешно прошли совместные экспедиции в 1984, 1986, 1987 гг. [22, л. 5; 23, л. 7; 24, л. 3; 26, л. 8; 27, л. 4].

Богатые фондовые коллекции Марийского республиканского научно-краеведческого музея были базой для проведения сотрудниками МарНИИ исследований по археологии, истории, этнографии марийского народа и Марийского края. В свою очередь, ученые из МарНИИ проводили для сотрудников музея, среди которых тогда не было лиц с ученой степенью, консультации, научно-методические занятия, помогали оформлять экспозиции и выставки. Активно сотрудничал с музеем научный сотрудник сектора литературы МарНИИ Ким Кириллович Васин. С 1978 г. он руководил действовавшим при музее «Клубом знатоков города Йошкар-Олы» [22, л. 11]. Значительный вклад в деятельность республиканского краеведческого музея вносили научные сотрудники МарНИИ, входившие в состав Ученого совета музея, образованного в 1964 г. (К.К. Васин, А.С. Патрушев, К.Н. Сануков, Г.А. Сепеев и др.).

Венцом плодотворного сотрудничества двух учреждений в 1960–1980-е гг. были совместные научные конференции. В 1966 и 1967 гг. были проведены научные сессии по итогам научно-исследовательской деятельности Марийского республиканского краеведческого музея и МарНИИ за 1965, 1966 и 1967 гг. [16, л. 13–14; 17, л. 8; 18, л. 15]. В 1985 г. совместно с МарНИИ им. В.М. Васильева музей организовал научно-практическую конференцию «Актуальные проблемы развития народных художественных промыслов и декоративно-прикладного искусства Марийской АССР» [25, л. 3]. В 1988 г. по материалам конференции был издан сборник статей [35]. Знаковым событием стала проведенная в 1987 г. совместная научно-краеведческая конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Т.Е. Евсеева. По ее итогам вышел сборник статей «Краевед Т.Е. Евсевьев» [27, л. 5; 31]. Конференция и сборник статей сыграли важную роль в присвоении музею через несколько лет (в 1992 г.) имени одного из его основателей − Тимофея Евсеевича Евсеева.

Таким образом, в 1930–1980-е гг. Марийский республиканский краеведческий музей и Марийский научно-исследовательский институт, решая общие научно-исследовательские проблемы и задачи, активно взаимодействовали и сотрудничали друг

с другом. Тесные и плодотворные взаимоотношения развивались в рамках решения кадровых и организационных вопросов, в рамках проведения совместных экспедиций, конференций и иных мероприятий. В начале 1930-х гг., когда деятельность музея была дезорганизована из-за ареста и высылки его руководителя Т.Е. Евсеева, МарНИИ взял на себя руководство работой музея как вышестоящее учреждение. В целом отношения складывались преимущественно на паритетных, партнерских началах.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ГА РМЭ. Ф. Р–373. Оп. 1. Д. 25.
2. ГА РМЭ. Ф. Р–373. Оп. 1. Д. 51.
3. ГА РМЭ. Ф. Р–1026. Оп. 1. Д. 1.
4. ГА РМЭ. Ф. Р–1026. Оп. 1. Д. 2.
5. ГА РМЭ. Ф. Р–1026. Оп. 1. Д. 9.
6. ГА РМЭ. Ф. Р–1026. Оп. 1. Д. 19.
7. ГА РМЭ. Ф. Р–1026. Оп. 1. Д. 39.
8. ГА РМЭ. Ф. Р–1026. Оп. 1. Д. 87.
9. ГА РМЭ. Ф. Р–1026. Оп. 1. Д. 98.
10. ГА РМЭ. Ф. Р–1026. Оп. 1. Д. 134.
11. ГА РМЭ. Ф. Р–1026. Оп. 1. Д. 146.
12. ГА РМЭ. Ф. Р–1026. Оп. 1. Д. 157.
13. ГА РМЭ. Ф. Р–1026. Оп. 1. Д. 163.
14. ГА РМЭ. Ф. Р–1026. Оп. 1. Д. 172.
15. ГА РМЭ. Ф. Р–1026. Оп. 1. Д. 188.
16. ГА РМЭ. Ф. Р–1026. Оп. 1. Д. 224.
17. ГА РМЭ. Ф. Р–1026. Оп. 1. Д. 233.
18. ГА РМЭ. Ф. Р–1026. Оп. 1. Д. 243.
19. ГА РМЭ. Ф. Р–1026. Оп. 1. Д. 265.
20. ГА РМЭ. Ф. Р–1026. Оп. 1. Д. 276.
21. ГА РМЭ. Ф. Р–1026. Оп. 1. Д. 283.
22. ГА РМЭ. Ф. Р–1026. Оп. 1. Д. 359.
23. ГА РМЭ. Ф. Р–1026. Оп. 1. Д. 369.
24. ГА РМЭ. Ф. Р–1026. Оп. 1. Д. 411.
25. ГА РМЭ. Ф. Р–1026. Оп. 1. Д. 419.
26. ГА РМЭ. Ф. Р–1026. Оп. 1. Д. 430.

27. ГА РМЭ. Ф. Р−1026. Оп. 1. Д. 437.

28. Документальный фонд Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева. П. 16–1–9. Список сотрудников музея. Переписка по кадровым вопросам.

29. *Жданова Т.Ю.* Из истории формирования естественно-научных коллекций ГУК «Национальный музей Республики Марий Эл им. Т. Евсеева» // Музейный вестник: ежегодный сборник. – Вып. № 5. – Йошкар-Ола, 2011. – С. 88–92.

30. Золотой фонд Тимофея Евсеева: 130-летию со дня рождения посвящается. – Йошкар-Ола: ГБУК «Национальный музей Республики Марий Эл им. Т. Евсеева», 2017. – 76 с.

31. Краевед Т.Е. Евсевьев. Материалы конфер., посвящ. 100-летию со дня рождения. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 1987. – 104 с.

32. *Кузьминых С.В.* Марийская археологическая экспедиция: люди и судьбы // Поволжская археология. – 2017. – № 1 (19). – С. 327–338.

33. *Ланов П.* Реорганизация Марийского центрального музея // М.А.О. –1932. – № 1−3. – С. 144−145.

34. Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. 80 лет. 1930–2010: Иллюстрированное издание. – Йошкар-Ола, 2010. – 176 с.

35. Народные художественные промыслы Марийской АССР: Материалы науч.-практ. конфер. «Актуальные проблемы развития народных художественных промыслов и декоративно-прикладного искусства Марийской АССР». – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1988. – 120 с.

36. *Сануков К.Н.* Тимофей Евсеев: трагическая страница биографии // Марийский археографический вестник. – Вып. № 5. – Йошкар-Ола, 1995. – С. 77–98.

37. *Чубарова Р.В.* Археологические памятники на территории Горномарийского района Марийской АССР. Археологическая экспедиция МарНИИ 1953 года // Ученые записки Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. V: Язык, литература, история. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1953. – С. 177–196; 285–291.

38. *Ялкаев Я.* За новый музей // Советский музей. – 1931. – № 4. – С. 105–106.

УДК 930.27 (470.41)

В.М. Усманов,
научный сотрудник
Центра письменного и музыкального наследия
Института языка, литературы и истории им. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан

V.M. Usmanov,
researcher at the Center for Written and Musical Heritage of
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of
the Republic of Tatarstan Academy of Sciences

АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТАТАРСКИХ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

ACTUAL TASKS AND ISSUES OF STUDYING TATAR EPIGRAPHIC MONUMENTS

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам выявления, фиксации, изучения и сохранения эпиграфических памятников. Каменные эпиграфические памятники во многих случаях оказываются более хрупким и менее долговечным материалом, нежели хранящаяся в архиве бумага. Природные повреждения, человеческий фактор – все это приводит к постепенному исчезновению культурного наследия. Один из путей сохранения материалов «каменных архивов» и произведений камнерезного искусства – составление сводов исторических документов с последующим изданием богато иллюстрированных печатных книг и каталогов.

Ключевые слова: эпиграфические памятники, изучение, фиксация, систематизация, графологический анализ, эстампажи, оттиски, прорисовки, составление каталогов.

Abstract. The article is devoted to the actual problems of revealing, fixing, studying and preserving epigraphic monuments. Oddly enough, stone epigraphic monuments in many cases turn out to be a more fragile and less durable material than paper stored in the archive; natural damage and the human factor - all this leads to the gradual disappearance of this heritage. One of the ways to preserve the materials of the ‘stone archives’ and works of stone-cutting art is the compilation of historical documents with the subsequent publication of richly illustrated printed books and catalogues.

Keywords: epigraphic monuments, study, fixation, systematization, graphological analysis, estampages, prints, sketches, catalogues compilation.

Среди источников по истории и культуре татарского народа особую значимость имеют древние или старинные эпиграфические памятники. Изучение, фиксация, инвентаризация, картографирование и издание фотографий с текстами намогильных камней, обнаруженных на территории Российской Федерации, стало для нас – для всех татарских эпиграфистов – настоятельной необходимостью. «Частичные исследования, – как писал академик И.Ю. Крачковский, – должны быть дополнены составлением «репертуара и корпуса арабских надписей» [1, с. 3]. Эта работа, связанная по составлению каталогов (подобно хронологическому регистру), и издание их в виде печатных книг является для нас архиважнейшей. Только таким образом можно их собрать в одном месте и сохранить для потомков. (Кроме всего, это наследие может быть и в электронных ресурсах в сети Интернет (URL), сейчас возможностей очень много.)

В течение двух столетий изучением татарских эпиграфических памятников занимались многие видные ученые, начиная с ахуна Кадыр-Мухаммеда Сюнчалеева и завершая нынешним успешным молодым специалистом Айдаром Гайнетдиновым. Разумеется, в результате многолетних исследований по этой теме написано очень много книг и сотни статей. И пользуясь случаем, хочется сказать слова огромной благодарности всем нашим эпиграфистам-предшественникам.

В ходе анализа научных публикаций по кабрташам (намогильный камень) мною для себя сделаны некоторые выводы и намечены цели и задачи для дальнейших исследований. Нам, в наше время, необходимо вести работу по эпиграфике системно, методично, комплексно, опираясь на образцовые труды наших ученых (например, публикации С.Е. Малова) [2, с. 38–45; 3, с. 41–48], используя новейшие средства и возможности, доводя работу до логического завершения, с тем чтобы вслед за нами идущим эпиграфистам оставалось как можно меньше работы по качественной фотофиксации и полноценному документированию.

Вся работа по сбору и научной обработке материалов по эпиграфике требует оперативности. Нам в этом деле медлить нико-

им образом нельзя. Ведь эти произведения искусства и каменные архивные документы, с каждым днем разрушаясь, исчезают безвозвратно.

Как некоторые ошибочно думают, что древние или старинные татарские кабрташи якобы уже все зафиксированы. Однако это не так. До сих пор обнаруживаются «новые» неизвестные науке эпитафии. Например, при выполнении раскопок 5 октября 2017 г. казанскими археологами были выявлены остатки (фрагменты) двух-трех эпиграфических памятников под фундаментом отопительной печи постройки XVII–XVIII вв. по адресу: Большая Красная № 8.

Неатрибутированный надмогильный памятник № 1

Датирование: XVI век

Год происхождения: 1530–1552

Месторасположение: Россия, Республика Татарстан, Казанский кремль

Размеры: 16×45,5 – 52,5×165 см

Рельефные надписи стерты до неузнаваемости. В качестве опорных «точек» для реконструкции устойчивых выражений в этой эпитафии мы используем несколько ключевых слов и набора букв, которые читаются более или менее уверенно. Основная часть текста не сохранилась, остались лишь отдельные отрывочные слова и буквы.

Лицевая сторона (рельефная надпись):

Текст		Перевод на русский язык
قال الله تعالي و ما تدرى	1	Сказал бог Всевышний: и не знает
نفس باى ارض تموت و قال سبحانه	2	душа, в какой земле она умрет. И сказал бог преблагой
و تعالى كل نفس ذايقة لموت	3	и Всевышний: каждая душа вкусит смерть
.....	4	……..
تاريخ توقوز يوز	5	По летосчислению в девятьсот…
.....	6	……
	7	[переселился из мира тленного в мир вечности].

Оборотная сторона (рельефная надпись):

Текст		Перевод на русский язык
بو لوح	1	Этот надмогильный памятник
نی والده	2	по заказу матери [усопшего]
سی بیکه آ منک	3	Бикэ Амэнэк
بنا قلدی	4	был установлен.

Правая сторона (рельефная надпись):

Текст	Перевод на русский язык
کورارمن دنیانی ویران باری همیشه باقی ایرمس یوق قراری	Вижу мир развалиной по существу, Не останется он продолжительно в покое

Левая сторона (рельефная надпись):

Текст	Перевод на русский язык
اری الدنیا حربا بعتباری فلا یبقی مداما بالقراری	Вижу мир развалиной по существу, Не останется он продолжительно в покое

Неатрибутированный надмогильный памятник № 2

Датирование: XVI век

Год происхождения: 1540–1541

Месторасположение: Россия, Республика Татарстан, Казанский кремль

Размеры: 16×46,2 – 49–52,5×178 см

Лицевая сторона (рельефная надпись):

Текст		Перевод на русский язык
قال الله تعالي و ما تدری	1	Сказал бог Преславный и Всевышний:
کل من علیها فان و یبقی وجه	2	Все, что на ней (на земле) – бренно,и останется (лишь) лицо
ربك ذوالجلال و الاکرام	3	господа твоего, обладателя величия и почтения
تاریخ توقوز یوز قرق یتدا	4	По летосчислению в девятьсот сорок седьмом
.....	5	……

Правая сторона (рельефная надпись):

Текст	Перевод на русский язык
كورارمن دنيانى ويران بارى همیشه باقىقى ايرمس يوق قرارى	Вижу мир развалиной по существу, Не останется он продолжительно в покое

Левая сторона (рельефная надпись):

Текст	Перевод на русский язык
ارى الدنيا حربا بعتبارى فلا يبقى مداما بالقرارى	Вижу мир развалиной по существу, Не останется он продолжительно в покое

Вопрос: *Конкретно где и кем создавались высокохудожественные эпиграфические памятники?*

Ни одного имени мастера резьбы по камню (в Поволжье) золотоордынского времени или эпохи Казанского ханства не сохранилось. (Хаттаты по какой-то причине не посчитали нужным оставлять свои автографы). В то время работала целая династия каллиграфов. Среди резчиков были как приезжие хаттаты, например: из Крыма, Дагестана, Закавказья, Средней Азии и т.д., так и местные мастера, получившие образование в различных исламских центрах культуры.

По нашему мнению, в ту эпоху в татарских городах были созданы свои самостоятельные школы камнерезного искусства со своими сложившимися традициями изготовления и оформления эпиграфических памятников, в рамках исламской цивилизации, без особых региональных черт (если, конечно, не учитывать языковые различия и особенности). Кроме этого, в некоторых местах жили и работали провинциальные резчики (видимо, из числа катибов или грамотных ювелиров), которые выполняли менее скромные заказы из тех материалов, что было под рукой. (Например: Нукратовские или Ходяшевские, ...)

Для изготовления стел применялся местный камень. Кроме известняка и песчаника, использовался кирпич с облицовочной майоликой в виде сундукообразных форм – «саганы», расположенных внутри кирпичных сооружений – мавзолеев, идущих от среднеазиатских традиций.

Принимая во внимание особенности проблем графологического анализа кабрташей, следует сказать и то, что для полного и правильного прочтения «запутанных» текстов и плохо сохранившихся надписей, не поддающихся осмысленному чтению, необходимо привлекать специалистов в области текстологии, филологии, археографии, ведь такая работа требует коллективных усилий. И вообще, без правильного чтения любого эпиграфического памятника нет возможности выполнения ясной и четкой прорисовки. Вопрос: Для чего нужна здесь прорисовка? Ответ: Всё здесь взаимосвязано, именно при выполнении прорисовки производится палеографический анализ, в результате чего достигается точное или более правдоподобное чтение текста и таким образом осуществляется реконструкция плохо сохранившихся букв или изображений.

Мы в своей научной работе часто сталкиваемся и с некоторыми вопросами и проблемами полиграфии, напрямую связанными с финансами. Из-за отсутствия достаточных средств для выполнения качественной печати приходится довольствоваться тем, что есть. Часто бывает так, что фоторепродукции получаются очень плохого качества, поэтому нет смысла предлагать для тиражирования имеющийся в арсенале фотоматериал, ограничиваясь лишь графическими изображениями – прорисовками. Здесь хочется сделать акцент на том, что при исследовании эпиграфических памятников носителем основной и первичной информации является сам объект или четкий фотоснимок (в том числе эстампаж, оттиск) и правильно выполненная прорисовка, но не сопровождающие и не всегда правильно прочитанные тексты с транслитерацией, далекие от истины. Игнорирование первоисточника – объекта (в данном случае – фотографии) – является ошибочным и антинаучным. В этой работе должны быть четко проставлены приоритеты, действия должны быть логически осознанными и последовательными, а уж только после этого можно думать о транслитерациях, транскрипциях и переводах текста на международные языки.

План для последующей нашей работы:

1. Целенаправленная работа по выявлению и фиксации (определение размеров, координат, аккуратная и осторожная очистка

поверхностей камня от мха и лишайников со всей поверхности и со всех сторон, где имеется какая-либо информация, связанная непосредственно с текстом или с декоративным оформлением) всех татарских кабрташей в ходе научных экспедиций по имеющимся «адресам». Обязательное «личное знакомство» с каждым кабрташем на местах расположения.

Если камень частично «ушел в землю», то в этом случае необходимо аккуратно выкопать эпитафию для фотофиксации с последующей расшифровкой всего сохранившегося текста.

2. Знакомство с архивными материалами по эпиграфике, хранящимися в фондах С.Е. Малова, Н.Ф. Калинина, Г.В. Юсупова, А.Б. Булатова и др.

3. Систематизация и анализ эпиграфического наследия путем составления каталогов по хронологическому, географическому, типологическому, палеографическому, языковому принципам.

4. Издание книг с качественной печатью и с обязательным наличием иллюстративного материала (фотографии, прорисовки, эстампажа, оттиска и т.д.). Надо понимать, что главными носителями информации в эпиграфике являются вышеназванные изображения (если, конечно, не считать сам объект).

5. Составление каталогов в электронном варианте (размещение материалов в электронных ресурсах).

Татарский народ имеет богатое культурное наследие, в том числе и эпиграфическое. К сожалению, эти произведения каллиграфии и камнерезного искусства из местного известняка, созданные на протяжении веков, под воздействием абиотических факторов интенсивно разрушаются и находятся под угрозой полного исчезновения. И поэтому имеется настоятельная необходимость тщательного исследования и полной фиксации всех эпитафий (включая оставшиеся фрагменты и архивные фотоматериалы) с последующим изданием книг-каталогов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. – М.: Наука, 1984. – 464 с.

2. *Малов С.Е.* Булгарские и татарские эпиграфические памятники // Эпиграфика Востока. – М.-Л., 1947. – Вып. I. – С. 38–45.

3. *Малов С.Е.* Булгарская и татарская эпиграфика // Эпиграфика Востока. – М.-Л., 1948. – Вып. II. – С. 41–48.

УДК 947

К.И. Федорова,
аспирант
Марийского государственного университета

K.I. Fedorova,
post-graduate student of the Mari State University

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ МАРИЙСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

FEATURES OF STATE AUTHORITY OF THE MARI ASSR IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

Аннотация. В статье рассматривается деятельность государственной власти в условиях войны 1941–1945 гг. в Марийском крае. Проведен анализ советской политической системы в предвоенный и военный периоды, как Советского Союза, так и Марийской АССР.

Ключевые слова: Марийская АССР, Великая Отечественная война, Верховный Совет МАССР, Президиум Верховного Совета МАССР, уполномоченный ГКО.

Abstract. The article discusses the state power activities during the 1941-1945 war in the Mari ASSR. The author analyses the soviet political system of the prewar and war periods of the Soviet Union as well as of the Mari ASSR.

Keywords: Mari ASSR, the Great Patriotic War, the Supreme Council of the MASSR, the Supreme Council Presidium of the MASSR, commissioner of the State Defense Committee.

Государственная власть в предвоенный период претерпела некоторые изменения в управлении государством. Принята новая Конституция 1936 г., она внесла изменения в деятельность высших органов власти, определила полномочия законодательного и исполнительно-распорядительного органа СССР.

Цель статьи – рассмотреть особенности государственной власти в Марийском крае в период Великой Отечественной войны. Для раскрытия данной темы следует изучить политическую систему страны в предвоенный период, положение высших органов власти Марийской АССР в советской политической системе и раскрыть их деятельность во время войны 1941–1945 гг.

Всесоюзные съезды Советов упразднены на Верховный Совет СССР. Он являлся единственным общесоюзным высшим законодательным органом государственной власти Советского Союза. Состоял из двух палат: Совета Союза и Совета Национальностей.

Согласно Конституции 1936 г. полномочия Верховного Совета СССР – в образовании Правительства, избрании Президиума, назначении Верховного Суда и Генерального Прокурора. Также «к компетенции СССР было отнесено утверждение новых автономных республик и автономных областей в составе союзных республик, организация социального страхования, установление основ законодательства о труде; у союзных республик было изъято право на издание кодексов, законодательств о суде, право решения вопросов о трудовом законодательстве, административно-территориальном устройстве» [12, с. 181–182]. Тем самым законодательно закреплен механизм централизации государственной власти.

Верховный Совет СССР созывался на сессию два раза в год. В период между сессиями государственная власть принадлежала его Президиуму. Законодательный орган созывал сессии Верховного Совета, давал толкование законов, издавал указы, награждал орденами и медалями. В 1938 г. Президиум получил право объявлять военное положение в стране, принимать в гражданство СССР и выход из него [12, с. 183]. В годы Великой Отечественной войны ряд его указов дополнили законодательство СССР в отношении уголовного и гражданского права.

Президиум – это орган, который обеспечивал проведение выборов в Верховный Совет СССР: он разрабатывал и утверждал положение о выборах, устанавливал день проведения выборов и образовывал избирательные округа, утверждал состав Центральной избирательной комиссии, устанавливал единые формы избирательных документов [12, с. 183].

В годы Великой Отечественной войны деятельность сессии Верховного Совета СССР была частично нарушена: отложены очередные выборы, в условиях чрезвычайной ситуации сессии проведены лишь три раза (в 1942, 1944, 1945 гг.). Вся основная деятельность государственной власти осуществлялась Президиумом Верховного Совета СССР.

После принятия Конституции от 5 декабря 1936 г. Марийская АССР в соответствии с Конституцией СССР и РСФСР разработала проект Основного закона. 17 июня 1937 г. возобновил свою работу XI Съезд Советов Марийской АССР, который принял новую Конституцию 21 июня 1937 г. [13]. Текст Конституции был опубликован на страницах газеты «Марийская правда».

Государственная власть в автономных и союзных республиках строилась по аналогии СССР. Высший орган государственной власти принадлежал Верховному Совету Марийской АССР и его Президиуму. Первые выборы в Верховный Совет Марийской АССР проведены 26 июня 1938 г. Первая сессия I созыва прошла с 26 по 29 июля 1938 г. в городе Йошкар-Оле в Доме Советов, в количестве 93 депутатов. Интересен качественный портрет депутатского корпуса первого созыва: 45 народных избранников были русскими, 43 – мари, 5 – представители других национальностей [11, с. 11]. Они представляли различные категории населения от интеллигенции, колхозников, служащих и рабочих. Каждый из них по своим политическим убеждениям относился к беспартийному или партийному (КПСС ВКП(б).

В предвоенный период Верховный Совет Марийской АССР провел пять сессий. Первая сессия 26–29 июля 1938 г. сформировала Верховный Совет республики, установила регламент проведения сессий. Согласно Конституции СССР 1936 г. были внесены поправки в Основной закон Марийской АССР, созданы и выбраны члены постоянных комиссий Верховного Совета.

Сформирован аппарат управления Президиума Верховного Совета Марийской АССР в количестве 12 человек. Также в I созыве было утверждено Правительство – Совет Народных Комиссаров республики.

На второй сессии 21–23 августа 1939 г. рассмотрены материалы использования бюджета за 1938 г. и утвержден проект бюджета на 1939 г., решены вопросы по сельскому хозяйству. Рабочая комиссия провела проверку выполнения производственной программы местной и пищевой промышленности.

Третья сессия Верховного Совета Марийской АССР 10–13 июня 1940 г. по материалам проверки сделала критические замечания по деятельности Наркомата местной промышленности, здравоохранения. Установлен административно-территориальный состав Волжского района и рассмотрены материалы о границах Марийской АССР и Чувашской АССР, утвержденных в 1925 г.

Четвертая сессия (10–12 апреля 1941 г.) одобрила бюджет Марийской АССР на 1940 г. На заседании рассмотрены и изучены протоколы подкомиссий Бюджетной комиссии Марийской АССР: по расходам 1939 г., по доходам обобществленного сектора. Отдельно изучены использования средств, направленных на просвещение, печать, искусство и кинематографию, жилищно-коммунальное и дорожное хозяйство.

Самая краткосрочная сессия Верховного Совета Марийской АССР (21 июня 1941 г.) посвящена 20-летнему юбилею Марийской АССР.

Государственная власть Республики Марий Эл сформирована согласно Конституции 1937 г. и выполняла свои должностные полномочия в рамках закона. Верховный Совет Марийской АССР мог устанавливать Конституцию МАССР, административно-территориальное деление (границы районов и городов), законодательство республики, но только лишь после внесения ее на утверждение Верховного Совета РСФСР.

В предвоенный период наблюдается тенденция нарушения созыва сессий в союзных и автономных республиках СССР. Сессия работала один раз в год. В этот период Верховный Совет СССР провел восемь сессий, две из которых внеочередные:

IV – 28 августа – 1 сентября 1939 г. вносятся проекты закона о сельскохозяйственном налоге и закона о всеобщей воинской обязанности, ратифицируется договор о ненападении между СССР и Германией [1]; V – 31 октября – 2 ноября 1939 г. принимаются законы о включении западной Украины и западной Беларуси в состав СССР [2].

Президиум Верховного Совета Марийской АССР начал свои функциональные полномочия с 31 июля 1938 г., т.е. после окончания работы Верховного Совета МАССР. За весь предвоенный период высший законодательный орган республики провел 43 заседания с момента его образования. В начальный период деятельности Президиум Верховного Совета Марийской АССР утверждал вопросы, рассматриваемые Верховным Советом республики. Законодательная власть издавала стенографические отчеты первых сессий Верховного Совета РСФСР и Марийской АССР на двух литературных языках (лугововосточном и горномарийском). Газеты «Марийская правда» и «Марий коммун» были реорганизованы в государственные печатные органы Верховного Совета МАССР.

Президиум Верховного Совета республики созывался один раз в месяц, он предоставлял материалы повестки дня предстоящего заседания. Если за проведенную сессию Верховного Совета составлялся стенографический отчет, то Президиум Верховного Совета МАССР вел протокол.

За предвоенный период Президиум Верховного Совета занимался подготовкой проведения выборов в местные Советы депутатов трудящихся [3, л. 399], собирал списки депутатов Верховного Совета МАССР, проверял статистические отчеты исполкомов по организационно-массовой работе [4, л. 115], предоставлял Верховному Совету Марийской АССР материалы по образованию новых районов или изменению названий отдельных сельских Советов.

Во время Великой Отечественной войны Верховный Совет МАССР функционировал с 1 по 3 апреля 1944 г. На шестой сессии I созыва за короткий период был утвержден и одобрен бюджет Марийской АССР за 1941–1944 гг., подчеркнута правильность политики Совета Народных Комиссаров по отношению

финансирования главных отраслей экономики края, утверждены кандидаты на замену должностей в аппарате управления.

Вся основная деятельность государственной власти принадлежала Президиуму Верховного Совета республики. Он действовал в рамках Конституции СССР и МАССР. Во время войны инспектировалась деятельность депутатов, исполкомов и постоянных комиссий в районных советах Марийской АССР. Каждая проверка заканчивалась совещанием, беседой с депутатами или работниками проверяемых советов, где не только отмечались недостатки, а указывались пути ликвидации выявленных недостатков, проводился инструктаж, как практически организовывать отдельные мероприятия [10, л. 10], и т.д.

Президиум Верховного Совета МАССР награждал Почетной грамотой деятелей искусства, работников железнодорожного транспорта [5], животноводства [6], работников народного образования [7], промышленности [8] и др. По заявлению родственников или самого награжденного в военный архив направлялся запрос о предоставлении медали за боевые заслуги (награжден, но не выдан). Награждались орденами и медалями многодетные матери [9].

Огромное количество материалов и ходатайств поступало в информационно-инструкторский отдел: о перечислении населенного пункта из одного района в другой, упразднении или образовании нового сельсовета, объединении колхозов. К ним прилагались протоколы общих собраний граждан, заседаний исполкомов, докладные записки.

Вся деятельность законодательной власти во время войны сосредоточивалась на местах, т.е. активная работа депутатов трудящихся в районных исполнительных комитетах.

В сфере экономики в Марийской республике ответственным был назначен уполномоченный ГКО. Он руководствовался указами Государственного комитета обороны по управлению промышленными предприятиями (тяжелой и пищевой), развитию сельского и лесного хозяйств. Основная роль его деятельности заключалась в размещении эвакуированных предприятий, укомплектование рабочего состава, помощь в приобретении необходимого материала или технического оборудования, выполнение

всех показателей государственного плана. Ему подчинялось государственное управление в лице СНК МАССР.

Конституция 1936 г. укрепила государственную власть Советского Союза. Установила принцип централизации власти. Ограничила часть законодательных функций высших органов государственной власти союзных и автономных республик. Вопросы о принятии нового закона или Конституции рассматривал Верховный Совет СССР.

Высшие органы государственной власти Марийской АССР и других автономных республик строились по принципу Советского Союза. Отличительной особенностью предвоенного периода стало нарушение созыва сессии Верховного Совета республик, которые созывались один раз в год.

В годы Великой Отечественной войны государственная власть была подчинена чрезвычайному органу – Государственному комитету обороны. Полномочия между ними были разделены. Временно созданный государственный орган сосуществовал с конституционными органами власти и управления.

Верховный Совет Марийской АССР за годы войны созывался один раз в 1944 г. Его Президиум нерегулярно проводил свои сессии. Объективной причиной тому стали военное положение, выбывание депутатов в ряды Красной армии, проблемы подбора постоянных комиссий в исполкомах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Внеочередная четвертая сессия Верховного Совета СССР [1-го созыва], (28 августа – 1 сентября 1939 г.): стенографический отчет. – 1939. – 239 с.

2. Внеочередная пятая сессия Верховного Совета СССР [1-го созыва], (31 октября – 2 ноября 1939 г.): стенографический отчет. – 1939. – 96 с.

3. Государственный архив Республики Марий Эл (далее ГА РМЭ). Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 110. Л. 399.

4. ГА РМЭ. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 132. Л. 115.

5. ГА РМЭ. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 452.

6. ГА РМЭ. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 453.

7. ГА РМЭ. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 455.

8. ГА РМЭ. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 459–460.

9. ГА РМЭ. Ф. Р-471. Оп. 2. Д. 35.

10. ГА РМЭ. Ф. Р-471. Оп. 2. Д. 499. Л. 10.

11. Историко-документальный фильм «Законодательной власти Марий Эл – 75 лет». – Йошкар-Ола, 2013. – С. 11.

12. *Коржихина Т.П.* История государственных учреждений СССР. – М.: Высш. шк., 1986. – С. 181–182.

13. Конституция Марийской АССР 1937 года / В.И. Сухин // История Марийского края в лицах. 1917–1940 гг.: историко-биографические очерки. – Йошкар-Ола, 2017. – С. 243.

ЭТНОЛОГИЯ
ETHNOLOGY

УДК 008(=511.1)

И.В. Лаптева,
доктор философских наук,
главный научный сотрудник –
заведующий отделом
теории и истории культуры
Научно-исследовательского института гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия

I.W. Lapteva,
PhD in Philosophy, principal researcher -
head of the Cultural Theory and History Department,
the Research Institute of Humanities of the Mordovia Republic

МОРДОВСКАЯ КУЛЬТУРА В ТРУДАХ ФИННО-УГРОВЕДА А. ХЯМЯЛЯЙНЕНА

MORDOVIAN CULTURE IN THE WORKS OF A. HÄMÄLÄINEN, A FINNO-UGRIC STUDIES RESEARCHER

Аннотация. В статье уделено внимание популяризации знаний о мордовской этнокультуре на материале историко-культурного наследия финского ученого Альберта Хямяляйнена, который посвятил несколько научных трудов изучению традиций и обычаев мордовского народа. В его трудах – краеведческая информация о прошлом финно-угорских народов (в том числе и мордовского). Работы вносят большой вклад в сохранение исторической памяти и продвижение культурных связей между народами евразийского пространства.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, мордовская культура, финно-угроведение, краеведение, Альберт Хямяляйнен.

Abstract. The article is devoted to the knowledge promotion of the Mordovian ethnic culture on the example of historical and cultural heritage of the Finnish scientist Albert Hämäläinen, who studied the Mordovian traditions and customs and published several scientific papers on the subject. His works contain regional history information – the past of the Finno-Ugric peoples (including the Mordovia folk). This is a great contribution to the preservation of historical memory and the promotion of cultural relations between the peoples in the Eurasian space.

Keywords: historical and cultural heritage, Mordovian culture, Finno-Ugric studies, regional history, Albert Hämäläinen.

КРАЕВЕДАМ
В тиши музеев и библиотек
Пытаетесь восстановить былое:
И трудовое, и пороховое,
И прошлый век, и позапрошлый век...

Н.А. Костюк

Краеведческая деятельность в каждом отдельном регионе (в том числе и в Республике Мордовия) является одной из основных в работе сотрудников научно-исследовательских институтов, высших школ, музеев, библиотек и архивов. Информатизация и цифровизация способствуют формированию виртуальных информационных площадок, открывающих доступ к краеведческим ресурсам в сети Интернет [9]. Поэтому наряду со сбором и хранением краеведческих данных в центре внимания находится доступность информации для потребителей (исследователей, посетителей, читателей, наблюдателей и пр.) и использование разных приемов для пропаганды популяризации краеведческих знаний, в частности знаний о культуре мордвы.

«Традиции, обряды, народное творчество требуют в известной мере своего воспроизведения, исполнения, повторения в жизни. Записанные, но хранящиеся только в записях, собранные, но только зарегистрированные и лежащие без движения – они перестают существовать, разрушаются, утрачивают какие-то (хотя бы маленькие) связи с жизнью» [7].

Развитие устойчивого интереса к историко-культурному коду мордовского народа, духовное осмысление его традиций и нравственных ориентиров [10], включенность отдельного человека в мир этнокультуры и его самосовершенствование становятся «базовыми императивами развития современной цивилизации» [5]. Краеведение, таким образом, позволяет связать культуру с инсталляцией архивных и музейных «экспонатов», с образовательной и научной деятельностью, с развитием туризма и общественных движений и пр.

Многие зарубежные и отечественные ученые внесли весомый вклад в сохранение и трансляцию мордовской этнокультуры. Одним из представителей научного сообщества является финский ученый – этнограф, лингвист, исследователь финно-угорских народов России, профессор кафедры финской этнографии Хельсинкского (ныне) университета – Альберт Хямяляйнен (Albert Hämäläinen, 1881–1949).

Являясь учеником профессора Х. Паасонена и доцента Ю. Вихманна, он изучал финно-угорскую лингвистику, выиграл стипендию на проведение полевых исследований в России среди финно-угорских народов, стажировался в научных центрах Западной Европы [4]. Хямяляйнен интересовался русской литературой и русским языком, музееведением и обрядовой культурой, религиозными верованиями и традициями финно-угорских народов, историей рыболовства и пчеловодства.

Во время своих экспедиций в Поволжье (1908, 1909, 1910) ученый изучал материальное производство районов, населенных мордвой, удмуртами и марийцами, где применил методику проведения полевых исследований финских ученых. Результатом поездок стала диссертационная работа, посвященная сравнительному анализу свадебной обрядности у мордвы, марийцев и удмуртов «Mordvalaisten, tseremissien ja votjakkien kosinta - ja häätavoista» («Свадебные обряды мордвы, марийцев и удмуртов»). Хямяляйнен описал ритуалы частных жертвоприношений мордовских жителей, отметил их «фанатичную религиозность» [3] (его посчитали чужаком и атеистом и выгнали из мордовской деревни). В диссертационном исследовании исто-

рик изучает новую для финно-угорской этнографии проблему, опираясь на передовые методологические подходы, в частности эволюцинистско-психологические концепции Эд. Тейлора и Дж. Фрэзера.

Хямяляйнен описал первую попытку проведения этнопсихологического исследования симпатической магии финно-угорских народов в книге «Ihmisruumiin substanssi suomalaisugrilaisten kansojen taikuudessa Taikapsykologinen tutkimus» («Субстанция человеческого тела в магических обрядах финно-угорских народов», 1920). В работе были проанализированы связанные с человеческой материей поверья и запреты финно-угорских народов, их вера в колдовские силы, влияние на состояние человека через воздействие на предметы [2]. Эти данные ученый постарался пропагандировать, став в 1924 г. директором «Сеурасаари» – музея под открытым небом – и одновременно куратором Национального музея в г. Хельсинки.

Современный ученый С.М. Цыпин подчеркивает значимость еще одной научной работы Хямяляйнена «Das kultische Wachsfeuer der Mordwinen und Tscheremissen» («Культовый огонь восковой свечи у мордвы и черемисов», 1936–1937), в которой финский ученый пришел к выводу, что церемонии с огнем как знаковая реалия связаны с неким новым началом в человеке, его очищением и «чувством единения» [1] разных этнокультур. Ученый предпринял попытку рассмотреть языковые и культурные взаимозаимствования финно-угорских языков, пересечения с древнеиндогерманско-азиатскими культурами, т.е. «финно-угорский этнический комплекс» [8] в его целостности.

Во время гражданской войны в Финляндии Хямяляйнен был переводчиком и сотрудником пресс-отдела Финляндского генерального штаба, во время Второй мировой войны – первым председателем Общества «Финляндия – СССР», стремившимся улучшить межгосударственные отношения, а также начальником пресс-отдела Генерального штаба Вооруженных сил Финляндии (1941–1945). В 1943 г. исследователь выступил инициатором создания альбома по Ингерманландии [6]. Его труды популяризируют краеведческую информацию о прошлом финно-угорских

народов в целом и мордовского народа в частности, представляя собой большой вклад в вопросы изучения культурных связей этих этнокультур со многими народами евразийского пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hämäläinen A.* Das kultische Wachsfeuer der Mordwinen und Tscheremissen // Suomalais-Ugrilainen Seuran Aikakauskirja. – (Helsinki) 1936–1937. – Vol. XLVIII.

2. *Hämäläinen A.* Ihmisruumiin substanssi suomalaisugrilaisten kansojen taikuudessa Taikapsykologinen tutkimus / Albert Hämäläinen. – MSFOu, 1920. – Vol. 47.

3. *Hämäläinen A.* Mordvalaisten, tseremissien ja votjakkien kosintaja häätavoista // Suomalais-Ugrilainen Seuran Aikakauskirja. – (Helsinki) 1915. – Vol. XXIX.

4. *Загребин А.Е.* Хямяляйнен Альберт // Удмуртская республика: культура и искусство – Удмурт Элькун: энциклопедия. – Ижевск, 2012. – С. 481.

5. *Лавринович К.В., Громов Л.Ю.* Краеведение как фактор духовно-патриотического воспитания молодежи // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2013. – Т. 4. – № 5 (12). – С. 276.

6. *Лаптева И.В.* Хямяляйнен Альберт / Мифология мордвы. Буквы Т, У, Ф, Х, Ц // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2017. – № 3 (43). – С. 234.

7. *Лихачев Д.С.* Русская культура / Дмитрий Лихачев. – М.: Искусство, 2000. – С. 173.

8. *Цыпин С.М.* Финно-угры в трудах А. Хямяляйнена // Центр и периферия: культура российской провинции: Труды НИИГН. – Т. 7 (124). – Саранск, 2008. – С. 119.

9. *Ширко Т.И.* Межрегиональная научная конференция «Краеведение как социокультурный феномен: библиотеки, музеи, архивы в системе современного краеведения» // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2011. – № 4. – С. 107.

10. *Шкенев Б.В., Лаптева И.В., Фурманова В.П.* Отражение этнокультуры в церковной периодике XIX–XX вв. // Центр и периферия: Науч. журнал. – 2019. – № 4. – С. 76–87.

УДК 39(470.343)

Т.Л. Молотова,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник направления «Этнология»
Марийского научно-исследовательского института языка,
литературы и истории им. В. М. Васильева

T.L. Molotova
Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher of the Ethnology Department,
Mari Research Institute of Language,
Literature and History named after V.M. Vasilyev

ИСТОРИЯ ОТДЕЛА ЭТНОЛОГИИ

HISTORY OF THE DEPARTMENT OF ETHNOLOGY

Аннотация. В статье рассматривается становление и развитие этнологического направления в МарНИИЯЛИ. В ней кратко в исторической ретроспективе показана научная деятельность этнографов с периода создания института до настоящего времени.

Ключевые слова: МарНИИЯЛИ, этнография, этнология, этнографы, направления исследований.

Abstract. The article deals with the formation and development of the Ethnology Department of Mari Research Institute. It briefly describes from a historical perspective the scientific activity of ethnographers from the period of the establishment of the Institute to the present.

Key words: Mari Research Institute, ethnography, ethnology, ethnographers, research areas.

Марийский научно-исследовательский институт (МарНИИ) был образован на основании Постановления Президиума Марийского областного исполнительного комитета в 1930 г. как первое научное учреждение в Марийском крае. Этнографическое

изучение марийского этноса всегда было одной из приоритетных задач в научной деятельности института со дня основания. Первый директор института В.А. Мухин, сотрудники М.Н. Янтемир, Я.А. Эшпай, П.И. Лашманов, В.М. Васильев придавали большое значение изучению культуры марийского народа.

Первым высококвалифицированным историком, этнографом института был П.И. Лашманов (Петр Ланов), который окончил Московский университет. После завершения учебы он работал в Марийском научно-исследовательском институте. П. Лашманов в МарНИИ проработал недолго, около одного года (1931), однако за этот небольшой промежуток ему удалось сделать многое. Он возглавил марийский отряд Нижегородской антирелигиозной экспедиции АН СССР в Оршанском кантоне Маробласти, где было собрано значительное количество материалов по культуре, религии, положению женщин у марийцев. Отчет хранится в фондах МарНИИЯЛИ. П.И. Лашманов занимался вопросами пережитков первобытнообщинного строя. Впоследствии в соавторстве с Н.А. Мартыновым был написан очерк о первобытной жизни марийцев, который был опубликован в юбилейном сборнике «20 лет Марийской АССР». В фондах института хранятся рукописи П.И. Лашманова: К вопросу истории первобытного общества на территории МАССР [1]; Дореволюционное прошлое народа мари [2]; Историческая наука о народе мари [3].

С 1930-х гг. прошлого столетия начались планомерные накопления полевых материалов по традиционной культуре марийского народа, а также об изменениях в быту, происходивших в новых социально-экономических условиях, которые были собраны во время пяти комплексных экспедиций. Н.А. Мартынов изучал традиционную религию марийцев, он опубликовал статью о религиозной секте «Кугу сорта». Сотрудница Е.С. Васильева занималась исследованием праздников и традиционных верований мари. Фольклористы В.М. Бердников, К.А. Четкарев собирали исторические предания, легенды, сказки, народные песни. Научный фонд института обогащался и за счет рукопис-

ных работ краеведов, интересующихся культурой марийского народа. Этнографические, фольклорные материалы научного рукописного фонда института, собранные в довоенный период, являются ценнейшими для этнологической науки, поскольку в них содержатся подлинные сведения о традиционной культуре народа, которые еще сохранялись и бытовали в тот период [4, с. 83–85].

В 1943 г. создается сектор истории и этнографии, появляются предпосылки для развития исторической этнографии. С мая 1946 г. в МарНИИ стал работать известный чувашский этнограф, историк, профессор, доктор исторических наук, крупный специалист в области истории и культуры народов Волго-Уралья Н.В. Никольский. Он подготовил материалы по истории марийцев XVI–XIX вв., приступил к новой теме «Древняя история мари до XVI века». В 1951 г. Н.В. Никольский написал доклад об этногенезе марийцев и выступил с ним в Институте этнографии и антропологии АН СССР [4, с. 88].

Интерес к этнографическим исследованиям проявлял Валериан Михайлович Васильев, ряд его статей были посвящены религии, праздникам, обрядам, системе родства марийцев. В его книге «Марла мутер», изданной в Москве в 1926 г., много этимологических объяснений, раскрывающих подробно этнографическую составляющую тех или иных терминов. В послевоенный период он приступил к написанию докторской диссертации на этнографическую тему «Родство и свойство марийского народа», в которой на основе полевых экспедиционных материалов рассматривалась система родства, ранние формы религии, мифологии. Однако завершить эту работу ему не удалось [5, с. 95].

Исследования композитора и музыковеда Я.А. Эшпая явились большим вкладом в развитие марийского этномузыковедения. Материалы о свадебной обрядности луговых и горных марийцев собирал композитор К.А. Смирнов. Изучением фольклорного наследия марийцев занимался К.А.Четкарев [5, с. 95].

После войны возросло внимание к истории, духовной и материальной культуре, проблемам этногенеза марийского народа. Большой вклад в развитие этнографической науки в республике внесли исследователи из столичных центров. Старший научный сотрудник Государственного музея этнографии СССР, кандидат исторических наук Т.А. Крюкова – уроженка г. Козьмодемьянска – оказала большую помощь в изучении культуры марийского народа. Она проводила комплексное исследование материальной и духовной культуры различных этнографических групп марийского народа, выезжала в экспедиции как в довоенный период, так и в 50–60-е гг. прошлого столетия. Ее полевые этнографические отчеты хранятся в научном рукописном фонде института. Эти исследования сыграли важную роль в развитии этнографической науки в республике. Т.А. Крюкова тесно сотрудничала с институтом, опубликовала содержательные монографии «Марийская вышивка» (1951), «Материальная культура марийцев XIX века» (1956) [6; 7].

Большой вклад в изучение этнической истории марийцев внесла доктор исторических наук, профессор Московского университета К.И. Козлова, будучи аспиранткой МГУ, 1946–1949 гг. подготовила к защите кандидатскую диссертацию «Пережитки родовой организации у мари XIX века». Она неоднократно с группой студентов выезжала в комплексные этнографические экспедиции в различные районы проживания марийцев. Так начался новый этап планомерного сбора этнографического материала по культуре всех этнографических групп марийского народа. Ее докторская диссертация была посвящена этнической истории марийцев, на ее основе была опубликована монография «Очерки этнической истории марийского народа» (1978). Данная работа К.И. Козловой является ценным вкладом в историческое и этнографическое изучение марийского этноса [8].

Институт нуждался в квалифицированных этнографах, поэтому в 1961 г. на работу пригласили Г.А. Сепеева, и он поступает в очную аспирантуру при Институте языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР по специальности «Этнография»,

где обучается до 1964 г. Его научным руководителем был назначен этнограф, доктор исторических наук, профессор Н.И. Воробьев – известный исследователь этнографии народов Поволжья и Приуралья. Он определил научно-исследовательскую тему для аспиранта – материальная культура восточных марийцев, которая была малоизученной областью в этнографии. В годы учебы он получил хорошую академическую подготовку, впоследствии стал одним из ярких представителей Казанской этнографической школы. Аспирант много работал, тщательно изучал литературу и источники по данной этнографической группе марийцев, собрал значительный архивный, музейный, опубликованный материал по диссертационной теме. Очень важными для исследования были и экспедиции на территории проживания восточных марийцев. Экспедиционные полевые материалы всегда нужны для изучения материальной культуры, они показывают общее и особенное в культуре данной этнографической группы. Полевые этнографические отчеты по восточным марийцам значительно обогатили научный рукописный фонд МарНИИ.

Завершив обучение в аспирантуре, Г.А. Сепеев стал работать в Марийском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории младшим научным сотрудником отдела истории. В 1973 г. Геннадий Андреевич успешно защитил кандидатскую диссертацию «Материальная культура восточных марийцев» на специализированном Совете Казанского университета. На основе исследовательской работы он подготовил монографию «Восточные марийцы», которая была опубликована в 1975 г. Работа пользуется заслуженным признанием ученых, поскольку представляет собой классическое этнографическое исследование, созданное в лучших традициях Казанской этнографической школы. В книге на основе широкого круга источников и опубликованной литературы исследованы вопросы миграции марийцев из Поволжья в Прикамье и Приуралье, формирование группы восточных марийцев со своеобразными чертами хозяйственного быта и материальной культуры. Автор

подробно изучил хронологию и масштабы миграционных процесов, причины, вызвавшие переселение, топонимы и родовые названия восточных марийцев. В монографии описаны хозяйство, социально-экономическое положение во второй половине XIX – начале XX в., занятия и промыслы данной группы марийцев. Отдельные главы исследования посвящены подробному анализу различных форм поселений, жилищ, построек (гл. 3), одежды, обуви, головных уборов (гл. 4), характеристике пищи и утвари (гл. 5). Анализируя традиционную культуру данной этнографической группы, Г.А. Сепеев выделил в ней четыре локальные группы, отличающиеся специфическими особенностями в материальной культуре: прикамская, прибельская, икскосюньская, уральская [9].

В 1965 г. в институте состоялась научная сессия, посвященная этногенезу и этнической истории марийцев [10]. На сессии был сделан анализ проведенных исследований и определены дальнейшие перспективные планы по изучению истории, культуры и языка марийского народа. После сессии стали регулярно проводиться диалектологические, фольклорные, искусствоведческие, этнографические экспедиции, что позволило собрать богатейший материал о традиционной и современной культуре марийцев в различных регионах их проживания [11].

В 1969 г. в институте учреждается сектор археологии и этнографии во главе с Г.А. Архиповым, с 1975 г. сектором стал руководить Г.А. Сепеев. Администрация института активизировала работу по подготовке молодых специалистов. В 1970-х гг. XX в. ряды этнографов пополнились выпускниками Казанского (И.Н. Смирнов, В.Д. Шаров), Марийского (Н.С. Попов, Т.Л. Молотова, И.А. Андреев, В.Н. Петров) университетов. Большинство молодых этнографов прошли научно-методическую подготовку в очной аспирантуре при Институте этнографии и антропологии АН СССР. В 1986 г. был открыт сектор этнографии во главе с Г.А. Сепеевым.

В 1970-е гг. этнографами было проведено более 20 этнографических экспедиций среди различных территориальных групп

марийцев, а в 1980–1990-х – 36 экспедиций. Значительно расширилась и тематика этнологических исследований. Г.А. Сепеев и И.А. Андреев изучали различные формы материальной культуры и хозяйственной деятельности марийцев. Н.С. Попов исследовал истоки проявления ранних форм религии, историю христианизации в крае и происшедшие перемены в воззрениях народа. Т.Л. Молотова занималась особенностями повседневной, праздничной и ритуальной одежды марийцев, материалами и технологическими приемами изготовления народного костюма. И.Н. Смирнов анализировал свадебную обрядность луговых и горных марийцев, структуру семьи, семейные отношения в больших неразделенных и малых семьях. В.Д. Шаров – историю соседской (территориальной) общины в Марийском крае, выявил особенности функционирования марийских общин во второй половине XIX – начале XX в. В.Н. Петров занимался проблемами духовной культуры марийцев, на основе контент-анализа рассмотрел возможности использования республиканской прессы в качестве историко-этнографического источника. В конце 1980-х гг. он приступил к исследованию новой темы – народная медицина марийцев [5, с. 97]. Увлекшись данной темой, В.Н. Петров продолжает свою деятельность как народный целитель.

Этнографы стремились глубже познать жизненный уклад, мировоззрение народа, изучали направления этнокультурных процессов, историко-культурные взаимосвязи с народами Поволжья. Для анализа современных этнокультурных процессов этнографы под руководством доктора исторических наук, профессора В.В. Пименова совместно с учеными Института этнографии и антропологии АН СССР в 1985 г. провели массовое этностатистическое исследование. Оно показало состояние и развитие марийского этноса, его структуру, консолидационные и интеграционные процессы в республике [5, с. 98].

В 1992 г. сектор этнографии был преобразован в отдел. Сотрудники продолжали изучать культуру марийского этноса, их историко-культурные связи с соседними народами.

Результаты исследований публиковались в тематическом сборнике «Археология и этнография Марийского края» (АЭМК), первый выпуск которого состоялся в 1976 г. Всего с 1976 по 2015 г. был опубликован 31 сборник, которые содержат исследования в различных областях культуры марийского народа. Были изданы монографические работы Г.И. Соловьевой «Костюмы для художественной самодеятельности» (1990), Т.Л. Молотовой «Марийский народный костюм» (1992), В.Н. Петрова «Марийское народное целительство» (1993). Стали разрабатываться новые темы, касающиеся истории расселения марийцев (Г.А. Сепеев), этнопсихологии народа (Т.Л. Молотова), календарно-праздничной обрядности (О.А. Калинина), религиозно-нравственных традиций, религиозных движений конца XX в. (Н.С. Попов), взаимосвязи человека и природы в декоративно-прикладном искусстве (Г.И. Соловьева).

В 90-х гг. прошлого века в связи с демократическим движением и возрождением народных традиций и обрядов, с повышением интереса к истории и культуре народа сотрудники института оказывали научно-практическую помощь работникам культуры, образования, средствам массовой информации. Институт в конце XX в. возобновил исследования народной культуры. В связи с этим была проведена конференция «Марийцы: проблемы социального и национально-культурного развития» (1999).

В этот период были подготовлены материалы для коллективной монографии «Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты». Это многотомное академическое издание серии «Народы и культуры» (М., 2000). Сотрудниками отдела было разработано учебное пособие по этнографии марийского народа для старшеклассников, вышедшее на марийском и русском языках (2000, 2001) [6].

В 2002 г. отдел этнографии переименован в отдел этнологии. В 2007 г. в составе отдела работали 6 сотрудников: Н.С. Попов, Т.Л. Молотова, М.Н. Мамаева – ведущие научные сотрудники, О.А. Калинина – научный сотрудник, Н.В. Мушкина – младший

научный сотрудник, Н.А. Александрова – лаборант. Основное внимание сотрудников было обращено на изучение актуальных проблем формирования и развития современной этнической культуры народа.

Расширились связи с учеными Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева, Национального музея Финляндии. Стали проводиться совместные экспедиции на территории проживания марийского населения.

Молотова Т.Л. сотрудничала с коллегами из Финляндии в совместных этнографических экспедициях в районы традиционного проживания марийцев. Она является соавтором двух коллективных изданий: «Финно-угорские коллекции в музеях России» (Хельсинки, 1999, на фин. и англ. языках) и «Марийцы, мордва, удмурты. Энциклопедия традиционной культуры» (Хельсинки, 2005, на фин. и англ. языках). В 2002–2006 гг. участвовала в финском гендерном исследовании в селениях Шоруньжинского сельского поселения Моркинского района Республики Марий Эл и является одним из соавторов работы «Ош Юмын ӱдырышт-влак. Марий ӱдырамаш модернизаций корныштo / Valkoisen jumalan tyttäret. Marilainen nainen ja modernisaatio» (2009) под редакцией И. Лехтинен [11].

В 2006 г. была издана монография Г.А. Сепеева «История расселения марийцев». В исследовании обобщены результаты научных изысканий историков, археологов, этнографов. Автор определил основные этапы, направления, причины миграционного движения марийцев [12]. Г.А. Сепеев более 40 лет проработал в институте, сыграл большую роль в формировании и развитии отдела. Он возглавлял многие этнографические проекты и экспедиции.

В 2000-х гг. благодаря усердию сотрудников отдела был подготовлен ряд коллективных монографий и сборников. В частности, в 2005 г. вышло в свет коллективное издание «Марийцы. Историко-этнографические очерки», в котором рассматриваются вопросы, связанные с этногенезом, историей формирования территориальных групп народа, особенностями хозяйственной,

семейной, празднично-обрядовой и общинной жизни, с традиционной духовной культурой марийского народа. В издании обращается внимание и на современную культуру народа. Книга переиздавалась в дополненном варианте два раза (2013, 2018) и пользуется большим спросом [13].

В книге «Марийцы / Марий калык» (2008) из серии «Финно-угорская библиотека», авторами которой являются О.А. Калинина, М.Н. Мамаева, Т.Л. Молотова, Т.Б. Никитина, Н.С. Попов [14], дана краткая характеристика традиционной и современной культуре, основным событиям и истории народа мари.

В этот период вышло три тематических сборника в серии АЭМК, посвященных актуальным проблемам этнологии, современной этнической культуры, этносоциальной истории марийского народа. Издания были приурочены к юбилеям Г.А. Сепеева, К.И. Козловой, Т.А. Крюковой.

За последние 30 лет роль этнологической науки в нашей стране возросла, что связано с важностью этнического фактора в современном российском обществе. Каждый этнос стремится сохранить и развить свое историко-культурное наследие. В современных исследованиях существенно растет интерес к традиционной культуре. Это связано и с тем, что в условиях глобализации и информатизации традиция становится связующим звеном с исторической памятью и помогает сохранить национально-культурную идентичность народа. В этнологической науке существует тенденция, когда современность рассматривают через призму прошлого, когда прошлое делается исходной точкой для понимания настоящего.

Традиционная культура каждого этноса – основа национального духовного богатства, многовековой рациональный опыт народа. Вопрос о месте и роли традиционной культуры в современном обществе представляется необычайно интересным и важным.

В МарНИИЯЛИ этнографические исследования всегда были и в настоящее время остаются одним из приоритетных направлений, разрабатываются темы, посвященные

как духовной, так и материальной культуре марийского народа. Н.С. Попов работал над темой «Человек в религиозно-мифологических представлениях марийцев», где раскрыты следующие аспекты представлений: человек и окружающий мир; человек и животный мир дикой природы; человек и духи леса; человек и духи рек, озер, болот; человек и божества и др. Результаты его исследований апробированы на научных форумах различного уровня и в публикациях. Н.С. Попов также занимался изучением темы «Марийская интеллигенция и этническая мобилизация в 1917–1921 годах», рассматривал деятельность молодой марийской интеллигенции в партийных, советских органах, в общественных организациях, выявляя их роль в этническом самоопределении и самоутверждении народа в данный период.

Шаров В.Д. исследовал актуальную для современности тему «Современные этнокультурные процессы в Марий Эл (90-е гг. XX в. и 10-е гг. XXI в.)», где изучал этнокультурное развитие духовной сферы марийцев (изменения в сфере образования, печати и СМИ, в театральном, сценическом искусстве, празднично-обрядовой культуре, в динамике этноконфессионального состава населения в этническом аспекте). В рамках темы рассматривал краеведческую и этнокультурную деятельность музеев и библиотек, этнокультурную тематику в творчестве марийских художников и мастеров декоративно-прикладного искусства.

Музыковед Н.В. Мушкина изучала тему «Музыкально-песенные традиции луговых мари (Гемитоника в народной музыке)». Автор показала особенности песенного творчества в различных жанрах данной этнографической группы народа. В 2011–2013 гг. были опубликованы два тома «Песни луговых мари», составленные Н.В. Мушкиной. В Республиканском конкурсе «Книга года Марий Эл – 2014» этот свод марийского фольклора был отмечен как лучшее научное издание. В 2015 г. Н.В. Мушкина приступила к новой теме «Песня в календарно-праздничной обрядности марийцев». В настоящий период изучает «Необрядовые жанры музыкально-песенной традиции мари». В рамках этого

исследования Н.В. Мушкина рассматривает следующие жанры: песни в сказках и песни-сказки, песни-раздумья, исторические песни, игровые, лирические и др. песни.

Мамаева М.Н. изучала темы «Жанр рекрутской песни в обрядовой культуре марийцев» и «Марийская музыка: становление и развитие профессионального искусства».

Калинина О.А. разрабатывала тему, связанную с праздничной обрядностью. Ею подготовлен второй выпуск серии «Этнографическое наследие» «Свадебные обряды марийцев».

Молотова Т.Л. рассматривала тему о современных тенденциях развития материальной культуры марийцев, изучала эволюцию народного костюма, жилищ, пищи со второй половины XX в. до настоящего времени. В 2019 г. она завершила работу над темой «Этнография детства: традиционная родильная обрядность и социализация ребенка у марийцев (конец XIX – первая половина XX в.)». В рамках темы исследованы родильная обрядность, воспитание и уход за детьми, лечение детей, детская традиционная одежда, игрушки и игры, гендерные аспекты социализации детей у марийцев и др. Т.Л. Молотовой подготовлен альбом «Марийский костюм», посвященный 100-летию Республики Марий Эл [15].

Все сотрудники отдела увлеченно работают над своими плановыми темами. За период с 2010 по 2019 г. ими было опубликовано более 400 статей и сообщений в различных изданиях, как Республики Марий Эл, России, так и в зарубежных (Финляндия, Венгрия и др.). Необходимо подчеркнуть, что этнологи являются активными участниками различных научных форумов – международных, российских, региональных и республиканских конгрессов, конференций, симпозиумов и семинаров. Они принимают участие в проведении научных мероприятий института. Например, одним из активных организаторов «Йыван Кырла лудмаш» стал Н.С. Попов, его инициативы продолжает С.К. Свечников. Т.Л. Молотова является соавтором коллективной монографии «Этноконфессиональные меньшинства народов Урало-Поволжья» (2010). Сотрудники отдела участвовали

в составлении историко-этнографических очерков «Марийцы» (2005, 2013, 2018), серии «История Марийского края в лицах» (2012, 2015, 2017).

Молотова Т.Л. и Попов Н.С. являются соавторами сборника «Традиции и инновации. Современное культурное наследие восточных марийцев. Этнографические очерки» (2017), который написан на основе совместных марийско-финских этнографических экспедиций. В издании рассмотрены демографические и идентификационные показатели, развитие народного костюма, семейная обрядность (свадьба, родильные ритуалы), особенности бытования традиционной религии в современных условиях. Раздел Н.С. Попова посвящен известному танцу восточных марийцев – «кандыра» (веревочка) и фестивалю «Ший кандыра» [15]. Сборник был опубликован на русском (2017) и на марийском (2020) языках на средства Фонда культуры и Общества М.А. Кастрена Финляндии.

Этнологи являются экспертами, осуществляют научно-консультационную помощь работникам культуры, учителям, участвуют в жюри многих фестивалей, семинаров-практикумов и конкурсов различного уровня. Они оказывают также практическое содействие в возрождении народных праздничных традиций, костюмов, национальной кухни, пропагандируют народную культуру среди населения.

В связи с тем, что в современных условиях к этнографии проявляют интерес, стали появляться так называемые «этнографы», не имеющие представления об этнографии как науке, ее задачах и методах, поэтому создаются работы очень низкой квалификации, граничащие с фантазийными сюжетами. У некоторой части населения наблюдается этнографическая безграмотность. Для этнологических исследований нужны хорошая академическая подготовка, знания о традиционной и современной культуре того или иного этноса. В отделе не хватает молодых исследователей. Необходимы экспедиции, поскольку материалы дают динамику для развития культуры марийского населения в глобализирующемся мире. Изменения происходят очень быстро,

одни традиции трансформируются или исчезают, другие наоборот возрождаются.

В современных условиях этнографы часто обращаются за информацией в интернет, где можно найти интересные данные о марийцах, познакомиться с новыми этнологическими публикациями. Однако информация из интернета должна подвергаться проверке, экспертизе, поскольку в ней могут быть неточности, а иногда и откровенные вымыслы.

Социально-политические, экономические изменения постсоветского периода вызывают необходимость изучения проблем этнической идентификации и самоопределения, современных процессов трансформации культуры и адаптации этносов к меняющимся условиям жизни.

В современных условиях у этнографов широкое поле деятельности, перед нами еще много интересных проблем, неизученных тем, которые требуют научных разработок. Во многих этнологических центрах России этнографы занимаются эволюционной антропологией – этологией человека. Это направление связано с поиском универсалий человеческого поведения и анализом эволюционных основ и механизмов агрессии и примирения, полового поведения, пространственного поведения человека. Интересным направлением является изучение конструирования гендерной идентичности, гендерных стереотипов и их проявлений в этнических и конфессиональных средах, в различных социальных группах. Достаточно интересным направлением являются исследования, посвященные проблемам этноархеологии, этнической экологии, этнической демографии и экологии человека.

В меру сил и возможностей этнографы работают над своими исследовательскими темами. В своих работах мы опираемся на то этнографическое наследие, которое оставлено нашими предшественниками: П.И. Лашмановым, В.М. Васильевым, Т.Е. Евсеевым, Т.А. Крюковой, К.И. Козловой, Г.А. Сепеевым. Их экспедиционные материалы, рукописи, статьи, монографии – это бесценное этнографическое богатство для последующих поколений.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Н/ф. МарНИИ. Оп. 1. Д. 21. П.И. Лашманов. К вопросу истории первобытного общества на территории МАССР. – 29 л.

2. Н/ф. МарНИИ. Оп. 1. Д. 284–296. П.И. Лашманов. Дореволюционное прошлое народа мари. – 197 л.

3. Н/ф. МарНИИ. Оп. 1. Д. 379. Лашманов (П. Ланов). Историческая наука о народе мари. – 137 л.

4. *Сепеев Г.А.* Этнография // Развитие финно-угроведения в Марийской АССР. Мар. кн. изд-во. – Йошкар-Ола, 1970. – С. 74–99.

5. *Попов Н.С.* Отдел этнологии // Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. 80 лет. 1930–2010: Иллюстрированное издание. – Йошкар-Ола, 2010. – 176 с.

6. *Крюкова Т.А.* Марийская вышивка. – Л., 1951. – 126 с.

7. *Крюкова Т.А.* Материальная культура марийцев XIX века. – Йошкар-Ола, 1956. – 159 с.

8. *Козлова К.И.* Очерки этнической истории марийского народа. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 343 с.

9. *Сепеев Г.А.* Восточные марийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX в.). – Йошкар-Ола, 1975. – 247 с.

10. Происхождение марийского народа / Материалы научной сессии, проведенной Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23–25 декабря 1965 года). – Йошкар-Ола, 1967. – 307 с.

11. «Ош Юмын ӱдырышт-влак. Марий ӱдырамаш модернизаций корныштo / Valkoisen jumalan tyttäret. Marilainen nainen ja modernisaatio». Ред. Илдико Лехтинен. – Хельсинки, 2009. – 403 с.

12. *Сепеев Г.А.* История расселения марийцев. – Йошкар-Ола, 2006. – 200 с.

13. Марийцы. Историко-этнографические очерки. – Йошкар-Ола, 2005. – 336 с., ил.

14. *Калинина О.А., Мамаева М.Н., Молотова Т.Л., Никитина Т.Б., Попов Н.С.* Марийцы. Коллективная монография. – Йошкар-Ола, 2008. – 213 с.

15. Традиции и инновации. Современное культурное наследие восточных марийцев. Этнографические очерки. – Йошкар-Ола, 2017. – 167 с., ил.

УДК 78.072.2

Н.В. Мушкина,
научный сотрудник
Марийского научно-исследовательского института
языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

N.V. Mushkina,
Researcher,
Mari Research Institute of Language,
Literature and History named after V.M. Vasilyev

ЯКОВ ЭШПАЙ – СОБИРАТЕЛЬ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ МАРИЙСКОЙ НАРОДНОЙ ПЕСНИ

YAKOV ESHPAY AS A COLLECTOR AND RESEARCHER OF THE MARI FOLK SONG

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению фольклористической деятельности Якова Эшпая, марийского композитора, ученого-музыковеда. В период с 1918 по 1950 г. им собрано около 500 народных песен различных жанров, представляющих «золотой фонд» марийской музыкально-песенной культуры. В теоретических статьях рассмотрены проблемы происхождения песенного творчества, представлена характеристика жанровых и музыкальных особенностей народных песен. Пионер в области марийской этноорганологии – изучения музыкальных инструментов и инструментальной музыки.

Ключевые слова: Яков Эшпай, Московская консерватория, народные песни, музыкальные инструменты, жанровая классификация, происхождение песни.

Abstract. The article considers the folklore studies of Yakov Eshpay, a Mari composer and musicologist. In the period between 1918 and 1950, he collected about 500 folk songs in various genres that represent now the ‘golden fund’ of Mari music and song culture. He has become a pioneer in Mari ethnic organology - the study of musical instruments

and instrumental music. In his theoretical works, he studied the issues of songwriting origin, genre characteristics and musical characteristics of folk songs.

Keywords: Yakov Eshpay, Moscow Conservatory, folk songs, musical instruments, genre classification, the origin of the song.

В истории марийской музыкальной культуры имя Якова Андреевича Эшпая (1890–1963) занимает значительное место. Композитор, фольклорист, музыковед, кандидат искусствоведения (1946), общественный деятель, заслуженный деятель искусств МАССР (1941), награжден орденами Красной Звезды (1946) и «Знак Почета» (1951). Внес огромный вклад в дело становления и развития марийской музыкальной культуры. Первый из мари, получивший высшее музыкальное образование, активный пропагандист марийской музыкальной культуры. 30 октября 2020 г. исполнилось 130 лет со дня его рождения.

Яков Эшпай продолжил дело И.С. Ключникова-Палантая, первого марийского композитора, своего двоюродного брата, явился автором первых оркестровых, камерных произведений. Благодаря Я. Эшпаю о марийской музыке узнали не только в нашей стране, но и за рубежом – его произведения исполнялись во Франции, Чехословакии, Америке; в иностранных газетах печатались его статьи.

Музыку Я. Эшпай полюбил с ранних лет. Его родственники со стороны отца все любили музыку, играли на музыкальных инструментах – гуслях, гармони. «Помню, я был совсем малышом, – вспоминает в своей автобиографии композитор, – отец играл на гуслях, положив их на стол, а я сидел у него на коленях, и так я засыпал под мелодичные звуки гуслей. У нас в семье было очень уютно, и всегда звучала музыка» [3, л. 287 об.].

Во время учебы в Михайло-Архангельской второклассной школе (1905–1908) Яков играл на скрипке в школьном оркестре и был помощником хора. Профессиональное музыкальное образование Я. Эшпай получил в Казанском музыкальном училище, которое закончил по классу композиции в 1913 г. (класс

профессора Р.А. Гуммерта). В 1927–1933 гг. учился в Московской консерватории и аспирантуре. В 1946 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Музыкальные инструменты марийского народа».

Яков Эшпай страстно любил народные песни. Он посвятил свою деятельность их сбору, записи и обработке, и созданию на их основе своих композиторских сочинений. Всего им было собрано около 500 народных песен.

Первые записи Эшпай сделал от матери Устинии Михайловны, уроженки д. Аксаево Горномарийского района, знавшей много старинных песен, и от бабушки Прасковьи Петровны, талантливой сказочницы.
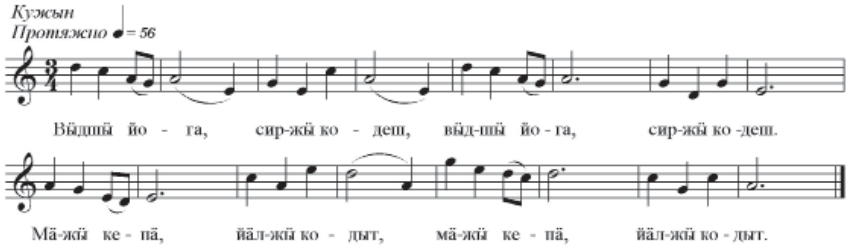
К собиранию песен Эшпая привлек, по-видимому, В.М. Васильев, большой знаток и энтузиаст марийского песенного фольклора. С ним Эшпай познакомился на летних учительских курсах, проводившихся в Козьмодемьянске и Краснококшайске в 1918–1919 гг. Здесь Я. Эшпай преподавал пение в начальных и средних школах и записывал от курсанток песни, которые В.М. Васильев включил в свой первый сборник «Мари муро» («Марийская песня»), изданный в 1920 г. в Казани [4]. Все эти песни (14 номеров) спела учительница из д. Большая Ноля Шумелева Анна Прокопьевна, искусная мастерица-песенница[1], знавшая песни разных жанров медведевских мари.

Васильев В.М., Эшпай Я.А. и Палантай И.С. участвовали в совместных экспедициях. Так, летом 1922 г. состоялась поездка к горным мари. Собранные материалы легли в основу второго сборника Васильева – «Марий муро», вышедшего в 1923 г. в Москве. Якову Эшпаю в этом сборнике принадлежат 10 песен, записанных в деревнях: Чаломкино, Нуженалы, Янгансола, Нижние Шелаболки и др. Среди них – знаменитая рекрутская «Вӹдшӹ йога», исполненная ученицами школы села Еласы, позже обработанная для хора И. Палантаем[2]:

---

[1] Из 311 песен данного сборника около 50 образцов спеты именно ею.

[2] Также она является одной из основных тем Третьей симфонии Андрея Эшпая (1964), посвященной памяти отца.

Вӹдшӹ йога, сиржӹ кодеш.	– 2	Воды текут, берега остаются.
Мӓжӹ кенӓ, йӓлжӹ кодыт.	– 2	Мы уходим, вы остаетесь.
Шачашыжы шачынна	– 2	Родиться-то мы родились,
Ик пӹжӓшӹштӹшӹ кек игӹ ганьок.	– 2	Как птенчики в одном гнезде.
Кушкашыжы кушкынна	– 2	Вырасти-то выросли,
Ик тӹшкӓштӹшӹ охыра лукы ганьок.	– 2	Как в одном пучке перья лука. Расстались мы,
Айырлашыжы айырленнӓ	– 2	Как пух с головки чертополоха.
Писӓн вуйыштышы мамык ганьок.		Мы-то уйдем, имена наши
Мӓжӹ кенӓ, лӹмнӓ кодеш.		останутся.

[7; 8, тетр. 4, л. 58. Еласы. 1920. Исп. ученицы школы].

С 1924 по 1927 г. Я.А. Эшпай жил в г. Козьмодемьянске, где преподавал музыку и пение в Горномарийском педагогическом техникуме, работал в школе II ступени и школе инструкторов по производству струнных музыкальных инструментов. В этот период им было записано около 200 горномарийских песен. Среди исполнителей – Эпина Зоя Ивановна (д. Янькино), Куприянов Сергей Александрович (д. Емешево), Ярускина Марина Семеновна (д. Токари) и др.

Во время учебы в Московской консерватории Я. Эшпай посещал этнографические курсы при Государственном институте музыкальной науки (ГИМН), где занимался у фольклориста, педагога И.С. Тезавровского по методике записи и расшифровке народных песен с фонографа [15, с. 127]. Во время летних каникул выезжал в марийские деревни для сбора песенного фольклора.

В Москве Я. Эшпай выступает со своими первыми научными опытами. Следует отметить, что в истории марийского этномузыкознания его работы были одними из первых, представляющих профессиональный анализ марийской музыки. В 1928 г. в ГИМНе он читает доклад о марийской музыке на тему «Музыка народа мари», тезисы которого были опубликованы в журнале

«Музыкальное образование» – издании Московской консерватории [12]. В 1929 г. в журнале «Пролетарский музыкант»[3] выходит статья «Музыкальная культура племени мари» [13]. В ней представлена краткая историческая справка о народе мари, дается классификация и характеристика песенных жанров, музыкальных инструментов, описаны некоторые музыкальные особенности мелодий – форма, лады и звукоряды, метр и ритм.

В 1930 г. в этом же журнале публикуется статья «Музыкальная литература поволжских угро-финнов», в которой дается библиографический обзор литературы по музыке финно-угорских народов Поволжья – удмуртов, мари, коми, а также чувашей. «Изучение музыкальной культуры этих народностей, – пишет автор, – ведется из рук вон плохо: несерьезно, ненаучно, кустарным способом, а между тем, если исходить из того значения, которое имеет музыка в быту этих племен, исследование ее заслуживало бы гораздо более тщательного отношения» [14, с. 40].

Летом 1930 г. Я. Эшпай, будучи аспирантом ГИМНа, от Академии наук СССР побывал в экспедиции у западных внеобластных мари бывшей Нижегородской (Тоншаевский район) и Вятской губерний (Кильмезский район), где записал около 50 песен и инструментальных наигрышей.

В 1932 г. Эшпай был командирован Нижегородским Крайисполкомом в Марийскую, Чувашскую и Удмуртскую республики, где занимался сбором музыкального фольклора на фонограф совместно с чувашским студентом С.М. Максимовым. Материалы этой экспедиции переданы в КрайОНО и сохранились в научно-исследовательских институтах вышеуказанных республик. Среди исполнителей марийских песен можно назвать следующие имена: В.И. Медведев из д. Большой Китяк Малмыжского района, Еноктаева Анна и Тимофеева Мария из д. Тюм-Тюм Уржумского района, Акеева Таисия из д. Ядыкбеляк Новоторъяльского района и др. На основе этого материала позже был сделан доклад в Институте Востоковедения при Академии наук СССР.

По окончании аспирантуры Я. Эшпая в 1933 г. приглашают в Йошкар-Олу на должность заведующего сектором искусств

[3] «Пролетарский музыкант» – орган Ассоциации пролетарских музыкантов, музыкально-общественной организации, членом которой состоял Я.А. Эшпай.

МарОблОНО, преподавателем Техникума искусств, музыкальным редактором радиокомитета, заведующим музыкальной частью Маргостеатра. Яков Андреевич прекрасно знал музыкальную культуру марийского народа. Об этом могут свидетельствовать слова из воспоминаний первой выпускницы Техникума искусств А.В. Александровой: «Я.А. Эшпай вел в техникуме теоретические дисциплины, но особенно интересными были занятия у него по истории развития марийской песни. Представьте, насколько были эти занятия интересными, потому что Яков Андреевич знал все песни всех районов республики. Пожалуй, не было ни одной такой песни, которой бы он не знал. И часто на занятиях он эти песни или сам пел, или играл нам на скрипке или на *шиялтыше*. И мы, молодежь, завороженно смотрели на него, слушали его» [2, с. 271].
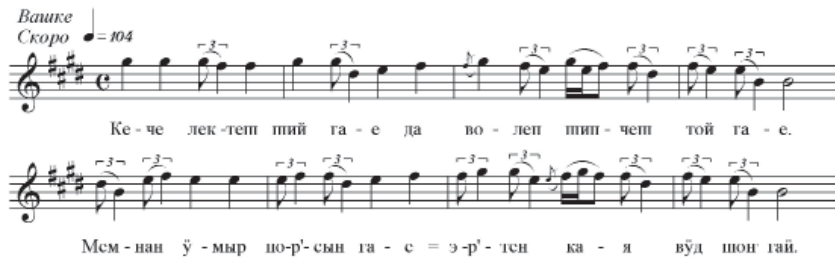
Кроме того, в 1933–1935 гг. Эшпай работал в МарНИИ в качестве младшего научного сотрудника, собирая музыкально-фольклорные материалы и занимаясь исследовательским творчеством. Продолжал публиковать научные работы.

В своих многочисленных экспедициях Я. Эшпай встречался со многими народными певцами и музыкантами, собирая от них материалы, наблюдал за обрядами и праздниками. К 15-летию МАССР подготовил Олимпиаду искусств, в 1935 г. с марийскими самодеятельными музыкантами выезжал в Горький на краевой съезд с концертом, а на самой олимпиаде 21–24 июня 1936 г. руководил массовыми выступлениями. В статье «1-я Марийская областная олимпиада», изданной в журнале «Советская музыка» в 1936 г., Эшпай представил краткий отчет об этой олимпиаде. «Замечательным было шествие колонны участников олимпиады, – пишет автор. – Во главе ее шел целый оркестр волынщиков «шӱвырзӧ» и барабанщиков, за ним – оркестр гуслярок: 25 горномарийских девушек в белых костюмах, разукрашенных пестрыми лентами, звонко пели и играли на гуслях веселую марийскую песню и горномарийский марш Акпарса. Тут же за ними – исполнители на национальных флейтах «шиялтыш» и хоры певцов. Это было незабываемое зрелище!» [16, с. 74].

Яков Эшпай повсеместно пропагандировал марийскую музыкальную культуру. В марте 1936 г. выступал с докладом «Музыкальная культура мари» в Институте национальностей ЦИК СССР. «Марийская правда» об этом писала: «Доклад Эшпая сопровождался показом марийских национальных музыкальных

инструментов и исполнением на них отдельных номеров. Особенно понравились номера, исполненные Тойдемаром на гуслях» [1].

Как музыкант-этнограф и опытный фольклорист Эшпай пользовался большим авторитетом и уважением. Институт антропологии, археологии и этнографии Академии наук СССР в Ленинграде весной 1937 г. командирует его в экспедицию в Удмуртскую и Марийскую республики для записи музыкально-песенного фольклора на фонограф, в которой он участвовал с удмуртским писателем М.П. Петровым. Оригиналы фонозаписей хранятся в фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР в Ленинграде. 30 номеров песен и инструментальных наигрышей из собранной Я. Эшпаем коллекции вошли в книгу «Марийские народные песни», изданную в ЛенМузГизе в 1951 г. под грифом МарНИИ и посвященную 30-летию МАССР (составитель и автор комментариев – ленинградский музыковед Вера Францевна Коукаль, редактор и автор вступительной статьи – К.А. Четкарев). Здесь представлены песни советского времени (о колхозах, стахановском труде, о Сталине, родине, учебе и т.д.), лирические песни прошлого. Исполнители: Н.Н. Сумельтинова (д. Поланур Медведевского р-на), Анастасия Кириллова (Страусова) и Прасковья Смирнова (артистки Маргостеатра), колхозный самодеятельный музыкальный коллектив д. Нужъялы Медведевского р-на (руководитель – Дорогова), флейтист Н.И. Кудрявцев (д. Поланур Медведевского р-на) и др. Пример песни-раздумья, исполненной Е.И. Скворцовой из д. Пӱнчерӹымал Куженерского района:

Кече лектеш ший гае да,	Солнце восходит подобно серебру,
Волен шинчеш той гае.	Опускается подобно меди.
Мемнан ӱмыр порсын гае,	Наша жизнь словно шелк,
Эртен кая вӱдшоҥ гай.	Утекает как водяная пена.

[6, с. 203. Исп. Скворцова Е.И. Куженерский р-н, д. Пӱнчерӹымал. 1937].

В 1943 г. Союз советских композиторов командирует Я. Эшпая для собирания фольклора периода Великой Отечественной войны для готовящегося сборника Института Мировой литературы им. Горького Академии наук СССР. Вскоре в этом институте им был прочитан доклад «Марийские народные песни, созданные во время Великой Отечественной войны» и издана статья, копия которой имеется в личном деле композитора [3, л. 22–27].

С марта 1947 по ноябрь 1953 г. Я.А. Эшпай работает в МарНИИ – старшим научным сотрудником и заведующим сектором искусств. За ним была закреплена плановая тема «Музыкальная культура народа мари». Но написание труда продвигалось медленно, больше радости ему доставляло творчество, создание музыкальных произведений, т.к. они исполнялись в народе и высоко оценивались критикой.

В это же время Я.А. Эшпай работал над составлением сборника марийских народных песен. С целью пополнения материалов в 1949 г. Музыкальный фонд Союза композиторов командирует Эшпая в экспедицию в Звениговский, Горномарийский и Еласовский районы, где были собраны песни различных жанров. Особенно много образцов было записано от Константина Ивановича Беляева, горномарийского писателя, фольклориста, от Ильи Васильева из д. Энгертӱн (Иванково) Суксунского района Молотовской области (ныне Пермского края), от Гавриила Таныгина, будущего марийского дирижера.

Сборник не был издан, его материалы хранятся в научном рукописном фонде института, составляя около 500 образцов песен и инструментальных наигрышей [8; 18]. Они представляют собой уникальные, ценнейшие записи марийского народно-песенного искусства, знакомящего с богатством музыкально-поэтической традиции мари.

Из этой коллекции 80 песен вошли в сборник «Марий калык муро. Марийские народные песни», изданный в 1957 г. в Москве (редактор В.М. Беляев) [5]. Песни сборника разделяются на два раздела – современные (о Ленине, колхозах, родине, труде) и старинные песни (трудовые, бытовые и лирические, гостевые, свадебные, песни печали, рекрутские и солдатские). В предисловии (написано совместно с В.М. Беляевым) представлена

жанровая характеристика, условия бытования, основные черты структуры песен. «Многообразны жанры марийской народной песни, – пишут авторы. – Это прежде всего трудовые песни, бытовые, обрядовые, песни социального протеста. Кроме трудовых песен, имеющих непосредственное отношение к крестьянскому земледельческому труду и к различным видам домашнего труда, особое место занимают песни сплавщиков леса и плотовщиков, бурлаков и грузчиков волжских судов. Среди различных видов бытовых песен можно отметить детские песни, песни-загадки, песни-сказки, лирические песни: молодежные, любовные, семейные, гостевые, застольные, шуточные, песни о природе и др. К обрядовым песням относятся как семейные (свадебные, похоронные, поминальные), так и производственные (посевные, урожайные и др.), имеющие непосредственное отношение к земледельческому труду» [5, с. 3].

В основе структуры народной песни, ее ритмики и формы Эшпай называет 7- и 8-сложную хореическую стихотворную строку, «дающую развитие более сложным видам стихотворений и музыкальной ритмики и образующую в качестве типичной 4-строчную строфу с не всегда присутствующей в ней рифмой… На этой ритмической основе возникает мелодика марийских песен, связанная с мерной декламацией слогов песенного текста, иногда при растягивании последних слогов стихотворной строчки в двухдольном, иногда в шестидольном такте… При развитии основного мелодического ядра песни применяется прием проведения его в нисходящей секвенции по тонам пентатонной гаммы, иногда последовательно проводимой на протяжении всей песни» [5, с. 4–5]. Далее более подробно описывается форма, лад и метр народных песен.

Яков Андреевич был пионером в области марийской этноорганологии – изучения музыкальных инструментов и инструментальной музыки. Этой теме посвящена его кандидатская диссертация «Музыкальные инструменты марийского народа» (научный руководитель – доктор искусствоведения, профессор Московской консерватории В.М. Беляев), которую он защитил в ноябре 1946 г.

Ей предшествовало написание небольшой брошюры «Национальные музыкальные инструменты марийцев» (1940),

явившейся первым вкладом в историю музыкальной культуры марийского народа [19]. Еще в 1937 г., к 20-летию Октябрьской революции, Всесоюзный дом народного творчества организовал I Всесоюзную выставку музыкальных инструментов народов Советского Союза. А. Янаев писал об этом в «Марийской правде»: «Крупнейшие советские музыканты и композиторы составляют специальные брошюры для этой выставки о национальных музыкальных инструментах с нотными примерами и иллюстрациями. В числе других брошюр, сданных в печать, одной из первых сдана брошюра марийским композитором Я.А. Эшпаем. Он тщательно описал марийские музыкальные инструменты с сопровождением большого количества мелодий и фотографий. На Всесоюзную выставку от Марийской АССР представлено 18 инструментов, которые богато представляют музыкальную культуру марийцев. Среди представленных экспонатов имеются несколько экземпляров лесных рогов и труб, например, пуч – коровий рог, *шыже пуч, сӱрем пуч, тӱтырет пуч*, разнообразные духовые инструменты флейтового и кларнетного типа, музыкальные луки, гусли, барабаны и др. Подбор этих экспонатов произведен композитором Я.А. Эшпаем» [22]. В брошюре дано подробное описание бытования инструментов, их строение, манера игры, характеристика звучания, образцы инструментальных наигрышей и их анализ.

Материалы для своей диссертации Я. Эшпай собирал во время экспедиций, где знакомился с многочисленными народными музыкантами. Среди информантов можно выделить имена: гусляры – Ишпайкин Андрей Яковлевич (отец Я. Эшпая), Алдушкин Тихон Степанович (д. Паратмары), Алдушкина Ефросинья Гавриловна; гусляр, волынщик и свирельщик Петр Николаевич Камаев (д. Верхний Кадам Пектубаевского р-на); мастер игры на трубе *сӱремвуч*, древесном листе *лышташ* Василий Свистунов (Морки); *шиялтыш* – Тарасов (д. Малый Карамас Моркинского р-на), П. Иванов (д. Карамас Сотнурского р-на); *шун шӱшпык* – Павел Охотин (д. Поланур Медведевского р-на); *арама шӱшпык* – Росляков (студент МТУ); гармонисты: Никита Алексеевич Смирнов, П. Гаврилов (Серн.), Тимофеев (Малый Карамас Сотнурского р-на); *марла гармонь* – Тихон Ермолаевич Яшмолкин (д. Сосново Горномарийского р-на).

В годы работы в МарНИИ Я. Эшпай много работал над докладами, статьями по марийской музыке. Так, в 1935 г. выходит статья «Марий музык нерген» в журнале «У вий» на марийском языке. Это одна из важных этномузыковедческих работ композитора, касающаяся различных проблем марийской народной музыки. Здесь автор вначале приводит исторические сведения о народе мари, при этом ссылаясь на данные летописей и труды историков, например, Н.М. Покровского. *«Ожно марий калык Россий рӱдыштӧ илен, моло калык дене ушнылын, нунын деч культурымат налын шоген. Славян калыкын виянгмыже семын, а нуно, вес племенам сенген, Христос вераш савыраш тӱнгалыныт да даньым погеныт, XII курым гыч марий калык эрвелыш куснаш тӱнгалын. Юл деке толын шуын, олык могырышто Ветлуго гыч Кама энгер марте верым налыныт, Юл пурла могырыштыжо Сура гыч Свияга энгер марте. Тыште нуно булгар калык дене (кызытсе чуваш) ушнылаш тӱнгалыныт. Нунын деч ял озанлык пашалан, вольык ончаш да моло тӱрлӧ кид пашалан тунемыныт»*. («Марийцы раньше жили в центре России; смешиваясь с другими народами, перенимали их культуру. С развитием славян, которые, покоряя другие племена, обращали их в христианскую веру и собирали дань, с XII века мари стали переселяться на восток. Дойдя до Волги, на луговой стороне заняли территорию от Ветлуги до Камы, на правом берегу Волги – от Суры до Свияги. Здесь мари начали контактировать с булгарами (нынешними чувашами). Научились от них ведению сельского хозяйства, скотоводству и многим другим работам»[4] [10, с. 68–69].

Один из главных вопросов, рассматриваемых в данной статье, касается проблемы происхождения народной песни. Большую роль в становлении генезиса национальной музыки, по мнению Я. Эшпая, играют межэтнические связи и контакты: *«Музык ик калыкын (группын) вес калык ден ваш ушныма гычше лектын шоген. Адак музык – озанлык шотышто могай ступеньыште шогымым ончыкта. Музык шоктымо ӱзгар-влакым налына гын, ик калыкын вес калык дене ушныл илымыже пеш раш коеш. Тӱмырым налына. Марий калыкын могай тӱмыр уло, тугай тӱмырак Африкысе ир калык-влакынат уло. Тӱмыр – эн простой ӱзгар.*

[4] Перевод наш. – *Н.М.*

Тиде ӱзгар – ритм гыч лектын. Ритм гыч музык шочын, музыкышто ритм кугу верым налын шога». («Музыка развивалась в процессе взаимодействия народов друг с другом. Также музыка демонстрирует, на какой ступени находится народное хозяйство. Особенно ясно представлено межкультурное взаимодействие в музыкально-инструментальной культуре. Возьмем барабан *тӱмыр*. Аналогичный марийскому барабан есть и у первобытных племен Африки. Барабан – самый простой инструмент, он произошел от ритма. Из ритма родилась музыка, в музыке ритм играет большую роль») [10, с. 69].

Далее затрагивается вопрос о соотношении вокальной и инструментальной музыки и их роли в происхождении песенной мелодики: *«Марий музыкышто муро, йылме дене, умша дене мурымо муро тӱҥ верым налын шога. Музык ӱзгар денат мурым веле шоктат. Чийже тыште тыгай: калык творчествыште йылме дене мурымо муро ончылно шоген, а варажым тудым музык ӱзгар дене шоктенын… Вес шотшо – музык кеч-момат шокта гын, эре «муро» маналтеш. Чын, музык ӱзгар виянгме мурыжымат ваштальташ полшен… Муро гыч музык лектын. Муро – музыкын негызше. Эн первой музык ӱзгар – айдемын шке йӱкшӧ улмаш».* («В марийской музыке песня, вокальное звучание занимают главное место. И на музыкальных инструментах играют только песенные мелодии. Суть здесь в следующем: в народном творчестве сначала появились песни, исполняемые языком, затем их исполняли на инструментах… С другой стороны – всё, что играет музыкант, называют «песней». Действительно, развитие музыкальных инструментов влияло и на строй песенных мелодий… Из песни возникла музыка. Песня – основа музыки. Самый первый музыкальный инструмент – человеческий голос») [10, с. 71–72].

Среди других работ Я. Эшпая в области изучения марийской народной песни можно назвать статьи «Музыка мари» (журнал «Колхозный театр») [11], «Марий калыкын музыкальный культурыжо» («Родина верч») [9], а также его рукописные работы, черновики, различные наброски, содержащие результаты его аналитических изысканий, хранящиеся в научном рукописном фонде МарНИИЯЛИ [20; 21].

Одной из ключевых тем работ Я. Эшпая является вопрос о генезисе песни. Он придерживался распространенной в его время трудовой теории происхождения музыки. «Песенное творчество является историческим наследием, ибо песня начинается вместе с историей народа. Проследить путь развития музыки – значит проследить историю народа… Народное музыкальное творчество есть творчество трудового народа, возникшее в седой древности в процессе труда, она служила для координации сил в тяжелом труде. Благодаря песне достигалась ритмичность в действии, которая служила объединением индивидуальных сил в коллективную. Одни организованные стройные ритмические удары (стуки) уже объединяли действия в труде, облегчали труд. Например, у марийских женщин при обработке кудели в ступе участвуют 2–3 человека, ритм 2/4 –3/4, а при молотьбе цепами 5 и 6 человек – ритм 5/8 и 6/8, особенно в шесть человек молотьба происходит легче всего. Все эти простые ритмы встречаются в избытке в песнях народа мари – они наиболее распространены, особенно в обрядовой песне. При ритмических ударах в более тяжелом труде появлялись и выкрики, отсюда зародились односложные песни-выкрики, а потом и с членораздельными словами. Эти песни-выкрики из односложных звуков и слов составляли неотъемлемую часть трудового процесса» [17, л. 35].

В своих исследовательских статьях Я. Эшпай затронул многие проблемы этномузыкознания. Подчеркивал важное общественное значение музыки: «Как и все другие виды искусства, музыка является одной из форм общественного сознания, отражением общественно-исторического бытия людей, реального процесса их жизни. Воспевая красоту и величие новых передовых черт жизни, музыка является средством удовлетворения духовных потребностей людей, доставляет эстетическое наслаждение. Воздействуя определенным образом на сознание и эмоции миллионов людей, она способна наряду со всеми другими видами искусства участвовать в перестройке жизни» [20, л. 113].

Таким образом, Яков Эшпай внес большой вклад в развитие марийской музыкальной фольклористики, этномузыкознания. Был первым марийским ученым-музыковедом, затронувшим

важные проблемы, касающиеся национальной музыки, заложившим фундамент для дальнейшего развития марийского этномузыкознания. Собрав более 500 народных песен, он использовал их в своем творчестве для создания национальных музыкальных произведений.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Доклад композитора Я.А. Эшпая о музыкальной культуре мари в Институте Национальностей ЦИК СССР // Марийская правда. – 1936. – 1 апр. – С. 3.

2. *Женжурист Л.Л.* Яков Эшпай и Марийский техникум искусств (Музыкальное училище имени И.С. Палантая) // Марийский архивный ежегодник. – 2015. – С. 271–276.

3. Личное дело зав. сектором искусств, кандидата искусствоведческих наук Эшпая Я.А. // НРФ МарНИИЯЛИ. Д. № 79. Л. 471.

4. Мари муро. Песни народа мари, собранные В.М. Васильевым. – Казань: Изд-во Центр-го отдела мари Наркома национальностей, 1919. – 98 с.

5. Марий калык муро. Марийские народные песни / сост. и запись Я. Эшпая. Общ. ред. В. Беляева. – М.: Гос. муз. изд-во, 1957. – 108 с.

6. Марий калык муро. Марийские народные песни / сост. и коммент. В. Коукаль. – Л.-М.: Гос. муз. изд-во, 1951. – 340 с.

7. Марий муро. Тӱрлӧ марий коклаште мутшо-семже дене шкеат, моло ен полшымо денат 1920 дене 1923 ий коклаште поген Ӱпымарий (В.М. Васильев). – М.: Центр. восточное изд-во при НКН, 1923. – 89 с.

8. *Эшпай Я.* Марий калык муро. Марийские народные песни. В 4-х тетр. // НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 4. Д. 53. 1957.

9. *Эшпай Я.* Марий калыкын музыкальный культурыжо // Родина верч. – 1944. – № 5. – С. 70–81.

10. *Эшпай Я.* Марий музык нерген // У вий. – 1935. – № 6. – С. 68–77.

11. *Эшпай Я.* Музыка мари // Колхозный театр. – 1936. – № 6. – С. 28–33.

12. *Эшпай Я.* Музыка народа мари // Музыкальное образование. – 1929. – № 3–4. – С. 32–39.

13. *Эшпай Я.* Музыкальная культура племени мари // Пролетарский музыкант. – 1929. – № 4. – С. 36–39.

14. *Эшпай Я.* Музыкальная литература поволжских угро-финнов (Библиографический обзор) // Пролетарский музыкант. – 1930. – № 2. – С. 40.

15. *Эшпай Я.* Музыкышто – пел курым // Ончыко. – 1995. – № 10. – С. 122–129.

16. *Эшпай Я.* Первая Марийская областная олимпиада // Советская музыка. – 1936. – № 11. – С. 74–75.

17. Эшпай Я.А. // НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 4. Д. 36.

18. *Эшпай Я.А.* Марий калык муро. Марийские народные песни и инструментальные мелодии. В 2-х тетр. // НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 4. Д. 35. 1955.

19. *Эшпай Я.А.* Национальные музыкальные инструменты марийцев. С нотными примерами и иллюстрациями. – Йошкар-Ола: Мар. Гос. Изд-во, 1940. – 40 с.

20. *Эшпай Я.А.* Различные работы // НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 4. Д. 54. 1953.

21. *Эшпай Я.А.* Статьи о марийской музыке // НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 4. Д. 39.

22. *Янаев А.Я.* Музыкальные инструменты марийцев на выставку народов СССР // Марийская правда. – 1937. – 27 марта. – С. 4.

УДК 398

Т.И. Семенова,
младший научный сотрудник
Чувашского государственного института
гуманитарных наук

T.I. Semenova,
Junior Researcher
the Chuvash State Institute of Humanities

ОСОБЕННОСТИ ЧУВАШСКИХ РЕКРУТСКИХ ПЕСЕН

FEATURES OF CHUVASH RECRUITMENT SONGS

Аннотация. В статье рассматриваются чувашские народные песни, среди которых особо выделяются и анализируются рекрутские песни, исполняемые во время провода юношей на службу в армию. Изучаются поэтические, идейно-тематические, художественные особенности песен.

Ключевые слова: чувашские рекрутские песни, рекрут, проводы в солдаты, образы.

Abstract. The article deals with Chuvash folk songs, among which the recruitment songs, performed for young men who were going to serve in the army, have been distinguished and analyzed. In particular, we study the poetic, ideological-thematic, and artistic features of songs.

Keywords: Chuvash recruitment songs, recruit, farewell recruitment party, images.

Народная песенная культура, обладая свойством традиционности, в то же время динамична, т.е. всегда реагирует на изменения в жизни народа не только новыми песнями, но и – при появлении новых социальных, экономических и исторических процессов и изменении условий жизни – новыми жанрами. Подобным новым песенным жанром в песенной культуре народов России и Поволжья в начале XVII в. стала рекрутская песня.

Среди жанровых разновидностей чувашских традиционных песен, безусловно, наиболее ценную часть составляют песни, связанные с обрядовой жизнью – как календарной, так и семейно-бытовой приуроченности. Рекрутские (солдатские) песни – это песни, исполняемые при проведении обряда проводов призывников на армейскую службу или на войну. В чувашском фольклоре они занимают значительное место. По мнению исследователей, истоки рекрутских песен идут с давних времен. Как отмечает В.Г. Родионов, если при проводах умершего совершаются действия, предотвращающие возврат его в мир живущих, то детали обряда проводов в рекруты призваны обеспечить благополучное возвращение провожаемого [24, с. 55–56]. М.Г. Кондратьев указывает, что рекрутские песни в древней чувашской музыкально-поэтической традиции, во-первых, восходят к архаичным инициационным обрядам посвящения юношей в мужчины; во-вторых, с ними весьма схожи плач (причитания) невесты и поминальные песни. Элементы традиций в рекрутских песнях проявляются благодаря межжанровой диффузии выразительных средств из песен-причитаний невесты и поминальных песен. Это

зримо напоминает ситуацию прощания с юностью, родственниками, товарищами (сверстниками) [5, с. 117–119]. Похожую трактовку можно встретить и в трудах марийских исследователей: «Давно замечана связь старинного рекрутского ритуала со свадебными и похоронно-поминальными ритуалами. Эти обрядовые циклы объединяет сходная жизненная ситуация – происходящая коренная перемена в судьбе и жизни, при которой человек находится на пороге перехода в новую жизнь, в другой мир» [7, с. 5].

Рекрутские песни соблюдают традиции чувашского фольклора. Свое душевное настроение чувашин передает через природу, окружающую среду, предметы домашнего быта, утварь, животных и птиц (домашних и лесных), посредством годового производственного цикла и ежедневных домашних занятий. Поэтому во многих образцах зримо проявляется **параллелизм**, способствующий раскрытию и усилению основного замысла песни. Песня, как правило, начинается именно с этого композиционного приема.

Русский исследователь А.Н. Веселовский писал, что такой параллелизм имеет место у многих народов мира и выражается в разных формах [3, с. 406]. Отмечаемых им психологических параллелей более чем достаточно в чувашских солдатских песнях, мало противопоставительных параллелей.

В рекрутских песнях встречаются равные параллели, состоящие из одной строки, двустрочия, трехстрочия, четырехстрочия и т.д. В некоторых образцах строк, связанных с горестями рекрутского бытия, встречается немного – одна или две, зато строк, изображающих окружающую среду, много:

Ăлăхрăм та çӳллĕ эп ту çине,
Çаврăнтăм та пăхрăм эп ял çине,
Самăй ял варринче шурă чиркӳ,
Шур чиркӳ тăрринче ылтăн хĕрес,
Ылтăн хĕрес çинче ăмăрт кайăк,
Нумаях та лармĕ, ай, час вĕçĕ.
Кĕркунне çырăннă салтак ачисем
Нумаях та тăмĕç, ай, час кайĕç.

Взобрался да я на высокую гору,
Обернулся да посмотрел я на деревню,
В середине самой деревни белая церковь,
На маковке белой церкви золотой крест,
Золотом на кресте орел-птица,
Долго да сидеть не будет, ай, скоро улетит.
Осенью призванные будущие солдаты
Долго да не задержатся, ай, скоро уедут [19, с. 156].

В работе «Чувашский стих» В.Г. Родионов пишет, что часто встречающееся в песнях сочетание *çӳллĕ ту* (высокая гора) является отголоском былого мифологического мышления, ставшим своеобразным символом. Во многих солдатских песнях присутствует одна модель разрушения мира [25, с. 88–89]. В приводимом нами фрагменте песни вырисовывается модель, в которой инициатива разрушения мира идет сверху. Взлетающий с золотого креста белой церкви (священное место) орел означает, что по независящим от него причинам призывнику подошла пора прощаться и покинуть малую родину; начинается разрушение его микромира, впереди – макромир, мир огромных величин.

Рекрутские песни богаты и содержанием, и эстетической выразительностью:

Çăлтăр витĕр çул курăнать,
Эпир каяс çул мар-ши?
Уйăх витĕр уй курăнать,
Эпир каяс уй мар-ши?
Хĕвел витĕр хĕр курăнать,
Эпир илес хĕр мар-ши?..

Сквозь звезды дорога виднеется,
Нам ехать не дорога ли?
Сквозь месяц поле виднеется,
Нам ехать не поле ли?
Сквозь солнце девушка виднеется,
Нам взять [замуж] не девушка ли? [9, с. 156].

Поет будущий солдат и выражает свои мысли о прожитой жизни всей душой и сердцем. Не им намеченный путь, невиданные края кажутся ему вселенной. Звезды, месяц (луна), солнце – все это далеко. Через эти образы рекрут представляет свое

будущее: куда приведет его судьба, что ему предстоит увидеть и испытать? Впереди его ожидают чужие, незнакомые законы, неизвестное будущее. Варианты этой короткой, но наполненной запредельной (космической) экспрессией песни встречаются среди всех этнографических и этнотерриториальных групп чувашей.

Рекрутские песни богаты сравнениями. Ни в одной песне нет хвалебных слов о службе в царской армии. Чтобы избежать неминуемой участи юноша готов стать «сухой веткой», «пухом осота», «камушком», «щенком», «котенком», «скворчонком», «осенним листом», «чемерицей» и т.д.

Кунтан эпĕ, тăвансем, уйăрăлас пулсан
Çурхи шывпа юхса та каяс-мĕн,
Шыв кукрине чарăнса юлас-мĕн,
Аça кикен пулса та шăтас-мĕн,
Хурçă çавапала касăлас-мĕн,
Чĕркуççи çӳлли(ш) паккус ӳкес-мĕн,
Хĕрӳллĕ хĕвелпе типес-мĕн,
Çавра çилпе вĕçсе каяс-мĕн,
Хура пĕлĕт пулса та юхас-мĕн,
Ăшă çăмăр пулса та юхас-мĕн.

Отсюда, родные мои, когда я разлучусь,
С вешней водой мне уплыть да уйти бы,
Рекой на извилине остановившись, остаться бы,
Чемерицей став да взойти бы,
Стальной косой скошенным быть бы,
До колен покосом упасть бы,
На жарком солнце высохнуть бы,
С вихрем поднявшись, улететь бы,
Черным облаком стать да поплыть бы,
Теплым дождем став да пролиться бы [11, с. 36–37].

В рекрутских песнях нет легкомыслия, похвальбы-хвастовства. Будущий солдат переживает из-за того, что ему суждено покинуть родной дом и не стать опорой для родителей. «Ах, аттеçĕм, аннеçĕм, Пире çуратнин мĕн усси?» (*Ах, батюшка, да, ах, матушка, // Нас вырастили – что за польза*?) [21, с. 30] – такой вопрос-стенание встречается во многих текстах.

Подобные мотивы сближают рекрутские песни с причитаниями. «Причитания имеют довольно сложную поэтическую структуру. Их композиционная форма – монолог. Как правило, причитания исполнялись от первого лица единственного числа. Разнообразен поэтический язык причитаний. Его своеобразие обусловлено их обрядово-драматической и лирической сущностью. С одной стороны, в причитаниях изображались природа и быт, с другой – передавался мир чувств, переживаний, мыслей исполнителя» [1, с. 117–124].

Сама жизненная реальность привела к тому, что рекрутские и солдатские песни в подавляющем большинстве глубоко трагичны по содержанию. Вся образная система направлена на то, чтобы передать горе и страдания, настроения тоски, печали, отчаяния. Это роднит их с похоронными плачами, рекрутскими причитаниями. Прощальные песни очень печальные. Вот фрагмент рекрутской песни, возникшей среди низовых чувашей, ныне распространенной повсюду и являющейся по своей сути песней-причитанием:

Сĕтел умне тăтăм, тайăлтăм,
Мĕн пур çăкăр-тăвартан уйăрăлтăм…

Перед столом встал, поклонился я,
Со всей солью да со всем хлебом попрощался я…

И далее – таким же чередом: встав на середину пола, рекрут кланяется и прощается с отцом и матерью; встав к двери – с братом и невесткой, выйдя из двери – с братишкой да сестренкой, встав на середину двора – со всей скотиной, выйдя за ворота – со всем подворьем, встав посреди деревни – со всеми соседями, перед околицей – со всей родней, выйдя за околицу – с односельчанами, встав на меже – со своей родимой сторонкой [14, с. 221–222].

У деревенской околицы имеется свое сакральное значение. Свадебные обряды, выгон скота весной на пастбище, проводы в солдаты, шествие с гробом на кладбище включают обязательную остановку за околицей [27, с. 545–546]. До нее новобранец идет пешком и с пением. За ним следует деревенский люд. Скоро рекрут со всеми прощается:

Сăр вăрман пек ял-йышĕсем
Эпĕ тухса кайнă чух
Хумханса йĕрсе юлайрĕç.

Сурский лес словно однодеревенцы,
Я, выйдя, уезжал когда,
Волнуясь, плача остались [12, л. 125–126].

В прощальной песне будущего солдата явственно проявляется мифологическое восприятие мира. Для него ворота околицы являются некой межой (границей, рубежом), дальше простирается «чужая территория», начинается «злой мир». Поэтому в старину отправление в солдаты воспринималось как отправление к смерти. Пожизненная или длительная служба в армии фактически означала конец его жизни в семье, родном селе и знаменовала переход из «своего» мира в «чужой». Это явление присутствует также в поминальных песнях и плачах (причитаниях) невесты. Такая ассоциация встречается и в русских рекрутских песнях [26, с. 374].

При изучении текстов складывается впечатление, что в многодетных семьях родители могли решать, которого из сыновей отдавать в рекруты. В песне «Шурăмпуç килнĕ вăхăтра» (Заря идет, белея) [2, с. 9] объясняется, почему именно младшего сына отправляют в царскую армию: у самого старшего детей тоже много, у среднего жена тоже мудрая, ее не будет – дом разорится. Поневоле приходится отправлять младшего сына, тем более у него «голова холостая».

Как было отмечено, для каждого действия (этапа) церемониала проводов в рекруты предназначались свои тексты песен. Много песен одинакового содержания с некоторыми различиями. В тематическом отношении в песнях преобладают извечные традиционные явления чувашского бытия: ежедневная обыденная жизнь деревенской молодежи; горестная судьбина; бедное существование; несчастливая юность; прерванная любовь; природные явления; прощание с возлюбленной девушкой или женой, домочадцами, с однодеревенцами, родимой сторонкой.

Встречаются весьма интересные образы, олицетворяющие родственников рекрута. В песне «Уй варринче, ай, ват юман» (Посреди поля, ай, старый дуб) [22, л. 27] будущий солдат преду-

преждает, что нельзя рубить старый дуб, старую липу, молодую липу, молодую черемуху, молодой дуб на хозяйственные нужды, он в них видит образы отца, матери, сестренки, братишки и брата.

В рекрутских песнях нередко встречаются слова «снег», «дождь», которые символизируют горе и слезы:

Шăпăр-шăпăр çумăр çăвать –
Пирĕн вĕри куççуль çав пулĕ.

Шăпăр-шăпăр дождь идет –
Наши горячие слезы это будет [16, с. 101].

Образ кукушки символизирует печаль, грусть. Рекрут чувствует, что она предвещает ему горькую судьбу [23, с. 54–55].

Среди домашних животных лошадь является наиболее часто встречающимся образом и занимает особое место. Она символизирует трудолюбие, верность, мужество, выносливость:

Атте лаши ай ват лаша
Атте лаши – ват лаши
Ним туса та ватăлмарĕ,
Салтак туртсах ай ватăлчĕ.

У отца лошадь, ай, старая кляча (лошадь),
У отца лошадь – старая лошадь,
Что бы ни сделали, не старела,
Новобранцев возила, ай, постарела [15, с. 407].

Нередко в рекрутских песнях лошадь ассоциируется с самим молодым человеком [18, л. 3]. Конь может символизировать уходящие годы или рано ушедшую молодость.

Манăнах çӳçĕмсем сар кăтраччĕ,
Кунчĕ ка(й)рĕ кăçалхи хуйхăпа.

Мои да волосы русыми кудрявыми были,
Выпрямились в этом году от горя [20, с. 621–622].

В данном фрагменте лирический герой передает свои переживания через образ желтых кудрей, которые завяли от горя, от ожидания солдатской доли.

В рекрутских песнях представлены образы небесных объектов, космическими символами выступают: солнце, луна, звезды и т.д.

Еще один поэтический прием, зафиксированный в рекрутской песне – употребление фразеологизмов:

Пуç тăрринче вут çунать,
Эсир ăна курмастăр.

Над головой огонь пылает,
Вы его не видите [10, л. 144–146].

Из рекрутов, служивших длительный период, мало кто возвращался домой. Не сохранились и песни, раскрывающие душу горемычных солдат. Одним из образцов старинных текстов считается песня с красивой мелодией «Уй варринче» (Посреди поля). Демобилизованный из царской армии мужчина спустя много лет возвращается в родную деревню. Старый солдат не застает никого дома. Весь в отчаянии, он выходит в поле и подходит к одиноко стоящему дубу, кланяется ему, подумав, что это его отец. Подумав, что старая липа – его мать, солдат подходит к ней. И дуб, и липа не отзываются ему, молвив: «Проходи, сынок».

Как отмечает М.Г. Кондратьев, особенностью этой песни является эффект взаимоусиления выразительных средств поэзии и музыки. В отличие от большинства традиционных чувашских рекрутских песен, данный образец «выделяется напевом печального характера, как бы настроенным «в резонанс» поэтическим образам, основанным на мерном повторении коротких фраз, напоминающих тяжкие вздохи. Чувство обретает масштабы экзистенциального, абсолютного одиночества человека в мире» [6, с. 301].

Эта чувашская народная песня нынче звучит в обработке известного композитора С.М. Максимова. В изданных в разные годы сборниках состоит из трех куплетов. В нашей книге опубликован полный текст, записанный среди верховых чувашей. Об этой песне и ее варианте в горномарийском фольклоре в своей статье написала журналист Г.А. Матвеева, отметив сходство рекрутской песни соседей с чувашским текстом [8, 2005, январь 15]. У марийцев дуб тоже символизирует мужчину, а липа – женщину. Рекрутская песня горных мари опубликована в книге «Песни горных мари» из свода марийского фольклора на русском языке под названием «У села Чаломкино», по-марийски – «Салымсола вуйыштет». Почти полное совпадение мелодии и содержа-

ния этих (и не только) песен М.Г. Кондратьев объясняет фактом соседства горных мари и верховых чувашей [4, с. 230–259]. Вариант этого образца существует и в свадебной песне луговых мари, где дуб символизирует мужчину, береза – женщину, сосна – старшего брата демобилизованного солдата, клен – его невестку [23, с. 157]. Таким образом, в солдатских песнях отображается прошлая жизнь чувашского народа через переживания рекрута.

Жизнь и судьба ратника прошлых эпох и современного солдата несопоставимы. После вероломного нападения фашистской Германии на советскую землю в чувашских селах и деревнях вновь стали звучать печальные солдатские песни, снова актуальными становятся песни типа «Çăлтăр витĕр çул курăнать» (Сквозь звезды дорога виднеется), «Алăкран тухрăм, тайăлтăм» (Перед столом встал я, поклонился) и др., где пронзительно выражена безысходная печаль будущего солдата. Мобилизованные на фронт мужчины переиначивали некоторые тексты сообразно реалиям лихих годин, учитывая обрушившееся на народ небывалое горе, составляли и новые песни. В песнях этого периода, хотя времена были трагические, чувствуется, что у будущего солдата душа не надломлена:

Яштак пĕвме эпĕ ъстертĕм
Совет çĕрне сыхласа тăмашкăн.

Стройный стан свой я взрастил,
Советскую землю охранять чтобы [17, л. 119].

Песни, звучавшие на солдатских проводах в 1941–1945 гг., тоже печальные, ведь человек уходит не просто на ратную службу, а отправляется на войну.

Песня, в частности рекрутская, занимала и занимает в жизни чувашей большое место. Ее нередко исполняют призывники в деревнях, как когда-то их предки – юноши-рекруты. Рекрутские песни отличаются от других песенных жанров фольклора прежде всего своим содержанием и мелодией. Эти песни поются на длинные (протяжные) мелодии. Общее для них – единый грустный мотив, их поют, растягивая слова, неторопливо, тем самым увеличивается эффект воздействия на слушателей. Рекрутские песни созданы с соблюдением традиций чувашско-

го фольклора. Следует отметить, что рекрутские и солдатские песни очень близки по содержанию и духу. В целом они глубоко трагичны, наполнены тоской и безысходностью. Рекрутские песни разных этнографических и этнотерриториальных групп отличаются образным богатством, обилием средств выразительности и художественных приемов. Основная часть рекрутских песен сохранилась в народе в течение трех столетий и дошла до наших времен. Основное содержание рекрутских песен связано с темой проводов в солдаты. По своей структуре эти песни близки к другим песенным жанрам. В рекрутских песнях можно увидеть аналогии с особенностями плача невесты, поминальной песни и песни сирот. Обычаи проводов в солдаты у чувашей разных мест и регионов различаются, но их общая структура очевидна: к проводу призывника готовятся тщательно, провожают его достойно и с почестями, совершают традиционные ритуалы с целью содействия благополучному возвращению солдата домой. В целом хотелось бы подчеркнуть, что чувашская рекрутская песня, как, впрочем, и чувашская песня в целом, по сей день сохраняет в себе богатство языка, особенный дух народа, глубокий внутренний символизм и, несомненно, является одним из основных духовных богатств, сохраненных чувашским народом для будущих поколений.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. *Аникин В.П., Круглов Ю.Г.* Русское народное поэтическое творчество: пособие для студентов нац. отд-ний пед. ин-тов по спец. № 2116 «Рус. яз. и лит. в нац. школе». – 2-е изд., дораб. – Л.: Просвещение, Ленингр. отд-ние, 1987. – 479 с.

2. *Ашмарин Н.И.* Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и Уфимской. – Казань: Типо-литогр. Импер. ун-та, 1900. – 91 с.

3. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика / вступ. ст. И.К. Горского; сост., коммент. В.В. Мочаловой. – М.: Высш. школа, 1989. – 406 с.

4. *Кондратьев М.Г.* Народные музыкальные традиции // Культура чувашского края. Часть I: Учеб. пособие / В.П. Иванов, Г.Б. Матвеев, Н.И. Егоров и др. / сост. М.И. Скворцов. – Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1994. – С. 230–259.

5. *Кондратьев М.Г.* Чувашская музыка: От мифологических времен до становления современного профессионализма. – М.: ПЭР СЭ, 2007. – 288 с.

6. *Кондратьев М.Г.* Уй варринче // Чувашская энциклопедия. Т. 4. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. – С. 301.

7. *Мамаева М.Н.* Рекрутские песни и традиции проводов в армию у луговых мари. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2019. – 226 с.

8. *Матвеева Г.А.* И судьба одна, и песни общие // Советская Чувашия. 2005. Январь, 15.

9. НА ЧГИГН. I. 8. С. 156.

10. НА ЧГИГН. I. 94. Л. 144–146.

11. НА ЧГИГН. I. 180. С. 36–37.

12. НА ЧГИГН. I. 209. Л. 125–126.

13. НА ЧГИГН. I. 210. С. 54–55.

14. НА ЧГИГН. I. 271. С. 221–222.

15. НА ЧГИГН. I. 285. С. 407.

16. НА ЧГИГН. III. 151. С. 101.

17. НА ЧГИГН. III. 489. (4615). Л. 119.

18. НА ЧГИГН. III. 970. Л. 3.

19. НА ЧГИГН. VI. 8. С. 156.

20. НА ЧГИГН. VI. 17. С. 621–622.

21. НА ЧГИГН. VI. 26. № 196. Л. 30.

22. НА ЧГИГН. VI. 110. Л. 27.

23. Песни луговых мари. Ч. I. Обрядовые песни / Свод марийского фольклора. Сост. Н.В. Мушкина. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. – 592 с.

24. *Родионов В.Г.* О системе чувашских языческих обрядов // Чувашская народная поэзия: сб. ст. – Чебоксары: НИИЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской АССР, 1990. – С. 3–64.

25. *Родионов В.Г.* Чувашский стих: Проблемы становления и развития. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992. – 224 с.

26. Русские народные песни / сост. и вводн. тексты В.В. Варгановой. – М.: Правда, 1988. – 576 с.

27. *Салмин А.К.* Система религии чувашей. – СПб.: Наука, 2007. – 654 с.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
SOCIAL SCIENCES

УДК 316:39

Г.С. Зеленеева,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Марийского научно-исследовательского
института языка, литературы и
истории им. В.М. Васильева

G.S. Zeleneeva,
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,
Mari Research Institute of Language,
Literature and History named after V.M. Vasilyev

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ У НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
(по материалам этносоциологических исследований)

VALUE ORIENTATIONS AND ETHNIC IDENTITY AMONG THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF MARI EL IN THE MODERN CONDITIONS OF GLOBALIZATION
(based on the materials of ethnic and sociological research)

Аннотация: В статье, основанной на результатах этносоциологических исследований, анализируются особенности этнической идентичности населения Республики Марий Эл в современных условиях глобализации.

Ключевые слова: самоидентификация, процессы глобализации, национальные традиции, национальная культура.

Abstract. The article, based on the results of ethnic and sociological research, analyzes the peculiarities of the ethnic identity of the population of the Republic of Mari El in modern conditions of globalization.

Keywords: self-identification, globalization processes, national traditions, national culture.

Человек на протяжении своего жизненного пути использует определенный набор идентичностей, среди них важное место занимает этническая идентичность. Проблема этнической идентичности актуализируется в полиэтничном обществе. Современная Россия является многонациональной страной с вековым опытом межнациональных отношений. Процессы ассимиляции и аккультурации, несомненно, протекали, но в основном народы России смогли сохранить свою национальную культуру, этническую уникальность. «Этнический состав населения страны непрерывно менялся, но численность проживающих на ее территории народов оставалась высокой» [1, с.1]. Народы России взаимодействовали, оказывали некоторое влияние на формирование этнической идентичности друг друга. Материалы различных исследований показывают, что этническое самосознание не является неизменной субстанцией, оно может меняться у индивида с возрастом, с изменением политической, социальной действительности, может в какой-то период усиливаться или, наоборот, ослабевать. Плодотворное развитие данных процессов может говорить о положительной динамике во взаимодействии различных культур в полиэтничном регионе, сохранении национальных традиций, языка и т.д. Исследование уровня этнического самосознания позволяет выявить отношение этнической группы к своей культуре, потенциал для ее сохранения.

Новое столетие внесло значительные перемены, поскольку процессы глобализации, урбанизации и интеграции обусловили изменение прежних традиций, идеалов и ценностей. Может произойти обесценивание национальных особенностей, исчезновение национальных языков, культурного разнообразия. И первостепенная задача современного общества – сохранить этническое богатство, своеобразие культур, языков, традиций народов, проживающих на территории нашей страны.

Республика Марий Эл является полиэтничным регионом, исторически сложилось так, что на данной территории мирно проживали представители различных этносов с различными религиозными взглядами, этническими традициями, национальной культурой и т.д. Наиболее многочисленными этносами, проживающими на данной территории, являются мари, русские и татары [2, с. 6–8] (Таблица 1).

Таблица 1

Национальный состав населения Республики Марий Эл

Национальность/год	1989	2002	2010
Русские	47,5	47,5	45,1
Мари	43,3	42,9	41,8
Татары	5,9	5,9	5,5
Другие	3,3	3,7	7,6

Анализируя материалы переписи, мы наблюдаем, что представители русского этноса в большей степени сосредоточены в городах республики, представители марийского и татарского этносов – это сельские жители (Таблица 2). На наш взгляд, именно это обстоятельство обуславливает то, что у представителей марийского и татарского этносов этнические маркеры проявляются более отчетливо и колоритно. Сельская среда с компактным проживанием представителей одного этноса создает благоприятные условия для полноценного функционирования национального языка, общность образа жизни сельского населения создает комфортные условия для исполнения традиционной обрядовой, религиозной деятельности и т.д. Сельская среда является хранительницей этнической идентичности. В современной городской среде этнические различия стремительно разрушаются, обиходным языком становится в большинстве случаев русский язык, затрудняется передача более старшим поколением младшему этнических традиций, культуры, все этнические характеристики подменяются общими стандартами городского жителя.

Таблица 2

Национальный состав населения республики
в разрезе городское/сельское население

Национальность/год	1989		2002		2010	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село
Русские	63,4	22,7	61,9	22,8	58,1	22,8
Мари	26,1	70,1	27,1	69,9	26,5	67,8
Татары	6,6	4,7	6,6	4,8	6,1	4,5
Другие	3,9	2,5	4,4	2,5	9,3	4,9

Научное направление «Социология» Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева на протяжении многих лет проводит этносоциологические исследования, в которых изучаются вопросы, связанные с развитием и функционированием этносов, проживающих на территории республики. Особое внимание уделяется вопросам этнической идентичности, которые на сегодняшний день актуализируются в научной среде ввиду усиления темпов глобализации.

Несмотря на изменение современного общества и размывание национальных черт, в Республике Марий Эл на протяжении последнего десятилетия национальная принадлежность для жителей является значимым аспектом (от 63,8 % – 58 %) и в полной мере осознается подавляющим большинством жителей республики (Таблица 3). Если рассматривать данный показатель от возраста респондентов, мы наблюдаем значительное увеличение значимости национальной принадлежности в более старших возрастных группах. Например, просматривая результаты исследований за 2015 г., процентный показатель закрытия «очень значима» и «значима» национальная принадлежность в группе 15–19 лет составляет 57,1 %, в группе 20–29 лет – 59,4 %, в группе 30–39 лет соответственно 66,5 %, 40–49 лет – 63,5 %, 50–59 лет – 63,3 % и в группе 60 лет и старше – 70,6 %. Результаты наших исследований свидетельствуют, что национальная принадлежность одинаково важна как для мужчин, так и для женщин. При рассмотрении данного вопроса в национальном разрезе мы отмечаем, что этническая принадлежность является

значимым и очень значимым фактором для более 60% респондентов всех национальностей. У респондентов татарской национальности вариант закрытия «очень значимая национальная принадлежность» зафиксирован большим процентным показателем по сравнению с представителями других этносов. Возможно, это связано с более регламентированными этническими традициями и консервативными религиозными убеждениями татарского народа. Также многочисленные исследования показывают, что этническая идентичность наиболее сильно выражена у тех этносов, которые живут в среде, во многом отличающейся по своей культуре, языку, религии от их собственной. Для этносов, живущих в близком по культуре этническом окружении, осознание собственной идентичности не является жизненно важной проблемой. Возможно, большая значимость этнической идентичности у татар также связана с их малочисленностью по сравнению с мари и русскими.

Рассматривая значимость этнической принадлежности в зависимости от места жительства, вариант большой значимости национальной принадлежности высказали 62,1 % сельских жителей, такой же вариант закрытия «очень значима» дали 10,2 % городских респондентов и 5,6 % респондентов, проживающих в поселках. В целом в совокупности ответы «очень значима», «значима» в процентном соотношении по результатам 2015 г. составляют 57,7 % – у горожан, 67,6 % – у жителей поселков, 77,2 % – у сельчан. Среди городских респондентов высока доля тех, кто отметил безразличие к своей этнической принадлежности (около 28 %), в поселках таких респондентов было около 20 %, а на селе – 7 % [4, 5, 6, 7].

Таблица 3

В какой степени для Вас значима
Ваша национальная принадлежность?

	2011	2015	2018	2019
Очень значима	13,6	8,5	16,3	11,0
Значима	44,4	55,3	46,2	50,6
Мало значима	22,4	21,8	23,6	22,8
Совсем не значима	8,1	9,0	9,3	8,1
Затрудняюсь ответить	10,8	5,4	3,6	6,4
Не ответили	0,7	0,0	1,0	1,1

Около 80 % респондентов, участвовавших в опросах с 2011 по 2018 г., отметили, что они гордятся и довольны тем, что являются представителями своего этноса, т.е. осознают свою этническую принадлежность максимально сильно (Таблица 4). По данным опроса 2019 г., респондентов, которые гордятся и довольны своей этнической принадлежностью, стало меньше (74,6 %). По данным 2001–2019 гг., лишь 0,4 % – 1,0 % опрошенных респондентов не проявляют гордость по поводу своей национальной принадлежности, для 13,3 % – 19 % респондентов вопросы, связанные с их этнической принадлежностью, являются безразличными.

Рассматривая вопрос отношения к своей этнической принадлежности, в зависимости от национальности респондентов, гордятся и довольны своей национальной принадлежностью около 80 % русских и мари, среди респондентов татар данный показатель составил 93 % [4, 5, 6, 7]

Таблица 4

Каково Ваше отношение к тому, что Вы являетесь представителем своей нации?

	2011	2015	2018	2019
Горжусь этим	40,5	35,7	35,5	36,5
Доволен этим	38,3	43,9	43,5	38,1
Безразличен к этому	13,3	15,4	15,2	19,0
Не очень доволен этим	0,7	0,4	0,8	0,4
Не доволен этим	0,3	0,0	0,2	0,3
Затрудняюсь ответить	6,4	4,5	4,1	4,3
Не ответили	0,5	0,1	0,7	1,4

Объективным показателем этнической идентичности является общность культуры, наличие общих ценностей, взаимной коммуникации членов группы. Этнокультурная идентичность воспроизводится через сохранение исторических корней народа, символических форм, преданий, мифов, через религию, язык, фольклор. При проведении этносоциологических опросов на протяжении многих лет для выяснения динамики этноидентификационных процессов мы задаем респондентам вопрос – что связывает их с людьми своей национальности. Доминирующими этноинтегрирующими признаками являются язык, народные

обычаи и историческое прошлое. Интегрирующий признак «религия» в основном характерен для представителей татарского этноса. В целом анализ этноконсолидирующих признаков показывает, что различия в степени актуальности перечисленных категорий, как внутригрупповых интегрирующих характеристик, не велики. Лидирующее место по ответам респондентов всех национальностей принадлежит языку. За последние десятилетия значимость языкового фактора в качестве этноконсолидирующего признака существенно возрос и составил 81,8 %, увеличивается среди республиканского сообщества значимость исторического прошлого, от исследования к исследованию практически не меняется отношение респондентов к интегрирующему фактору «народные обычаи» (Таблица 5) [3, 4, 5, 7].

Таблица 5

Мотивы сближения людей
с представителями своей этничности

	2001 год	2011 год	2015 год	2019 год
Язык	75,4	70,2	85,6	81,8
Народные обычаи	46,5	38,6	45,0	43,5
Историческое прошлое	25,4	28,4	43,7	42,4
Религия	24,0	20,2	21,4	17,4
Черты внешнего облика	9,1	7,4	4,7	6,9
Черты характера, психология	20,3	17,5	17,6	15,7
Одинаковое отношение к другим народам	12,0	9,3	13,0	13,1
Общая участь, одинаковое социально-общественное положение	13,5	12,6	11,9	7,5
Другое	0,6	0,2	0,3	0,5
Ничто не сближает	2,1	2,8	1,3	2,8
Затрудняюсь ответить	3,0	7,1	2,1	2,2

Этнизация личности представляет собой процесс формирования у индивида этнического самосознания, достоинства, чувства привязанности к своему этносу, почитание его традиций, уважение истории и культуры своего народа, знание языка, народных обычаев и многое другое. Первично эти навыки закладываются в семье, и уже позднее в процессах этнизации могут участвовать вторичные агенты этнизации (друзья, СМИ, школа

и т.д.) Ученые утверждают, что именно первичная этнизация оставляет более глубокий след в сознании человека и, как правило, те национальные устои, которые были привиты ребенку, сопровождают его всю последующую жизнь. Возвращаясь к результатам наших исследований, мы наглядно можем проследить, что наибольшим фактором, влияющим на национальное самосознание респондентов, оказываются семья, родители (68,0 %), далее в ранжировании – круг общения (друзья, коллеги) (56,3 %), культурные мероприятия (18,0 %), СМИ (15,2 %) (Таблица 6) [4, 5, 7].

Таблица 6

Что больше всего влияет на Ваше национальное самосознание сегодня? (можно дать несколько ответов)

	2011 год	2015 год	2019 год
Круг общения (друзья, коллеги)	49,3	68,9	56,3
Семья, родители	83,5	71,6	68,0
Общественное мнение	5,4	6,9	8,6
Средства массовой информации	11,3	17,6	15,2
Участие в общественной деятельности	3,2	3,9	4,6
Культурные мероприятия	9,8	11,9	18,0
Другое	3,0	2,7	6,9

В ходе обработки материалов исследования мы проследили некоторые особенности, связанные с факторами, которые влияют на формирование этнического самосознания в зависимости от места жительства. В городской среде неизбежно происходит отчуждение людей от этнических корней, снижается значимость национальной принадлежности, ни для кого не секрет, что сельчане, переселившиеся в город, уже во втором поколении утрачивают знание родного языка, этнических традиций. На селе этнические процессы протекают более полноценно. На селе респонденты отметили большую значимость семьи и родителей в формировании этнического самосознания (66,4 % – город, 71 % – село), это так же говорит о большей традиционности сельской семьи. Для сельских жителей, в отличие от городских, важны средства массовой информации, освещающие вопросы этничности, национальной культуры, истории (12,7 % – город, 19,4 % – село), для сельчан очень важны культурные мероприятия (14,4 % – город, 22,6 % – село) (Таблица 7) [7].

Таблица 7

Мнение респондентов о факторах, влияющих на национальное самосознание сегодня в зависимости от места жительства (в % от числа ответивших в 2019 г.)

	Город	Поселок городского типа	Село
Круг общения (друзья, коллеги)	49,5	66,3	60,5
Семья, родители	66,4	65,8	71,0
Общественное мнение	8,7	6,2	9,4
Средства массовой информации	12,7	13,0	19,4
Участие в общественной деятельности	5,3	2,6	4,6
Культурные мероприятия	14,4	18,1	22,6
Другое	10,4	5,7	3,2

В заключение хотелось бы отметить важность изучения процессов этнической идентичности, поскольку они являются основной составляющей человеческого бытия. Необходимо создать все условия, чтобы и в дальнейшем в нашем полиэтничном регионе плодотворно развивались все этносы, сохраняя свою самобытность и уникальность. При этом в равной степени важно исследовать этническую идентичность в реальной, современной ситуации, а также в ближайшей исторической перспективе.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Население мира: демографический справочник / сост. В.А. Борисов. – М.: Мысль, 1989. – С. 421.

2. Национальный состав населения Республики Марий Эл – статистический сборник, территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Марий Эл. – Йошкар-Ола, 2012. – 137 с.

3. Межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологических исследований 2001 года); науч.-статист. бюллетень / сост., авт. предисл. В.И. Шабыков. – Йошкар-Ола, 2002. – С. 140.

4. Социологические исследования межнациональных и межконфессиональных отношений 2011 г. // Материалы межрегион. науч.-практ. конфер., 7 июня 2012 г. – Йошкар-Ола, 2013. – С. 332.

5. Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2015 года): науч.-статист. бюллетень / МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева / авт. В.И. Шабыков, О.В. Орлова, Г.С. Зеленеева, А.В. Гуляев. – Йошкар-Ола, 2016. – С. 112.

6. Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2018 года): науч.-статист. бюллетень / МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева / авт. В.И. Шабыков, О.В. Орлова. – Йошкар-Ола, 2018. – С. 119.

7. Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2019 года): науч.-статист. бюллетень / МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева / авт. сост. Г.С. Зеленеева, О.В. Орлова, В.И. Шабыков. – Йошкар-Ола, 2018. – С. 121.

УДК 373

Л.Г. Иксанова,
аспирант
Марийского государственного университета

L.G. Iksanova,
post-graduate student of the Mari State University

УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ПРАВ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ШКОЛЕ-ИНТЕРНАТЕ ДЛЯ ОДАРЕННЫХ ДЕТЕЙ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

MEETING THE LINGUISTIC RIGHTS AND ETHNO-CULTURAL NEEDS OF STUDENTS AT THE NATIONAL PRESIDENTIAL BOARDING SCHOOL FOR GIFTED CHILDREN: HISTORICAL CONTEXT

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы преподавания учебных предметов национально-регионального компонента учебного плана Национальной президентской школы-интерната для одаренных детей, а также проведен анализ реализации этнокультурного компонента образовательной деятельности в историческом разрезе. Автор акцентирует внимание на вопросе удовлетворения языковых

прав и этнокультурных потребностей обучающихся на современном этапе развития образования.

Ключевые слова: учебные предметы национально-регионального компонента, учебный план, удовлетворение языковых прав и этнокультурных потребностей.

Abstract. The article deals with the issues of teaching subjects relating to the national and regional components of the curriculum at a boarding school for gifted children, and it also analyzes the implementation of the ethno-cultural component of educational activities in the historical context. The author dwells on the issue of meeting the students' linguistic rights and ethno-cultural needs at the present stage of development.

Keywords: national-regional component, curriculum, linguistic rights, ethno-cultural needs.

На современном этапе развития образования активно идет формирование школ с поликультурным составом, их функционирование и развитие в инновационном режиме требуют постоянного пристального изучения. Особо актуальным является разработка научно-методологического и методического содержания начального и общего образования на этнокультурной основе, опирающегося на общечеловеческие ценности и на национально-культурные и регионально-этнические традиции, т.к. удовлетворение языковых прав и этнокультурных потребностей связано с неукоснительным выполнением закона и является процессом урегулирования и налаживания межнациональных отношений. Основными принципами государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования являются «единство образовательного пространства на территории Российской Федерации, защита и развитие этнокультурных особенностей и традиций народов Российской Федерации в условиях многонационального государства» [1, с. 13].

Современные научно-педагогические исследования по вопросам этнопедагогики (Ш.М.-Х. Арсалиев, Э.Р. Ашхаруа, У.Л. Матназаров, Е.С. Роговер, Э.И. Сокольников, Г.Ф. Хасанова, З.Б. Цаллагова, С.Н. Федорова и др.) указывают на главную роль национальной культуры в системе образования, а в исследованиях О.В. Гукаленко, Л.В. Кузнецовой, Г.В. Нездемковской,

В.А. Николаева Т.Н. Петровой, С.Н. Федоровой, Э.Р. Хакимова отражен этнокультурный контекст образовательного процесса образовательной организации. Ученые отмечают, что «взаимодействие образовательных организаций, ориентированных на удовлетворение языковых прав и этнокультурных потребностей обучающихся и на формирование этнокультурных компетентностей, обладает огромным потенциалом» [2, с. 102].

Вопрос удовлетворения языковых прав и этнокультурных потребностей обучающихся в школе-интернате для одаренных детей за 60 лет ее существования всегда был на первом месте. Анализ архивных документов школы показал следующее: марийский язык в школе начал преподаваться с 1961 г. (школа работает с 1960 г.); в 1961–1962 гг. марийский язык изучали 30 человек (14,28 %); в 1962–1963 гг. – 63 ученика (26,25 %), в 1963–1964 гг. – 90 учеников (37,5 %), с 1965 г. изучали 270 учеников (100 %). С 2014 г. количество изучающих марийский язык начало уменьшаться, соответственно, уменьшился процент изучающих: 2014 г. – 75,9 %, 2015 г. – 74,8 %, 2016 г. – 73,3 %, 2017 г. – 220 чел. (52 чел. – как родной марийский, 232 чел. – как марийский государственный) – 70,8 %, 2018 г. – 65,1 %, 2019 г. – 60,0 %, 2020 г. – 6,5 % (изучают как родной язык), хотя марийский государственный язык изучают – 84,5 %. Диагностика результатов наглядно представлена на рисунке 1.

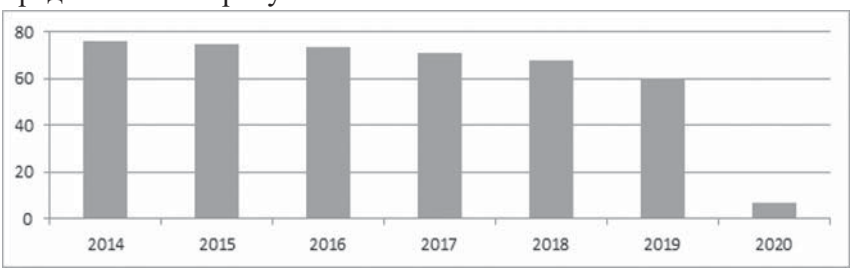

Рис. 1. Динамика изучающих марийский язык
в Национальной президентской школе-интернате с 2014 по 2020 г.

С 1965 г. марийский язык входит в учебный план всех классов: количество отведенных часов по марийскому языку и литературе, русскому языку и литературе, иностранному языку, истории и культуре марийского народа (ИКМН) в учебном плане

общеобразовательной подготовки учащихся музыкально-художественной национальной школы-интерната № 1 (Национальная президентская школа-интернат – правопреемник школы-интерната № 1), утвержденном на коллегии Министерства народного образования МАССР от 19.03.1991 г., разное не только по классам, но и по профилям, представлено в таблице 1.

Таблица 1

Количество отведенных часов по марийскому языку и литературе, русскому языку и литературе, иностранному языку, истории и культуре марийского народа в учебном плане общеобразовательной подготовки учащихся музыкально-художественной национальной школы-интерната № 1

Классы, профили / Предметы	1	2	3	5			6			7			8			9		
	муз	муз	муз	муз	худ	хор	муз	худ	хор	муз	худ	хор	муз	худ	хор	муз	худ	хор
Марийский язык	3	3	3	3	3	3	2	2	2	1	1	1	2	2	2	1	1	1
Литература марийская	3	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
ИКМН		1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Русский язык	6	6	6	6	6	6	6	6	6	5	5	5	3	3	3	3	3	3
Литература	3	3	3	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	3	3	3
Иностранный язык				4	4	4	3	3	3	2	2	2	2	2	2	2	2	2

История и культура марийского народа в 2000 г. начинает изучаться как предмет «ИКМН» (история и культура марийского народа), затем как «ИКН» (история и культура народов Республики Марий Эл).

В разные годы количество выпускников, изучающих марийский язык и литературу и сдавших по этим предметам экзамен, менялся: 1990 г. – 56/56 (количество выпускников/количество сдавших), 1991 г. – 31/31, 1992 г. – 30/30 (2 человека не сдали экзамен из 32 учеников), с 1993 г. – 41, 1994 г. – 40, 1995 г. – 42, 1996 г. – 33, 1997 г. – 33, 1998 г. – 45, 1999 г. – 33, 2000 г. – 42, 2001 г. – 39, 2002 г. – 39, 2003 г. – 40, 2004 г. – 39, 2005 г. – 39,

2006 г. – 43, 2007 г. – 35, 2008 г. – 35, 2009 г. – 39, 2010 г. – 33, 2011 г. – 30, 2012 г. – 40, 2013 г. – 19, 2014 г. – 17 (из 40 учеников), 2015 г. – 17 человек сдали марийский язык как родной, 35 – как государственный, 2016 г. – 34 – как родной, 13 – как государственный, 2017 г. – 11 – как родной, 20 – как государственный.

В целом количество изучающих марийский язык уменьшается с каждым годом, увеличиваются отказы от изучения марийского языка, в том числе и в середине учебного года.

В школе провели мониторинг, включающий диагностику по удовлетворенности педагогов, родителей (законных представителей) и обучающихся качеством образовательной деятельности по удовлетворению языковых прав и этнокультурных потребностей (УЯПиЭП). Результаты опросов представлены в таблицах 2, 3, 4.

Таблица 2

Удовлетворенность педагогов качеством образовательной деятельности по удовлетворению языковых прав и этнокультурных потребностей

Педагоги	Удовлетворены	Частично удовлетворены	Полностью удовлетворены	Не удовлетворены	Затрудняюсь ответить	Всего
2017, сентябрь	10	5	12	6	2	35

В опросе участвовало 35 педагогов, удовлетворены – 10 / 28,5 %, частично удовлетворены – 5 / 14,2 %, полностью удовлетворены –12 / 34,2 %, не удовлетворены – 6 / 17,1 %, затрудняюсь ответить – 2 / 5,7 %.

Таблица 3

Удовлетворенность обучающихся качеством образовательной деятельности по удовлетворению языковых прав и этнокультурных потребностей

Обучающиеся	Удовлетворены	Частично удовлетворены	Полностью удовлетворены	Не удовлетворены	Затрудняюсь ответить	Всего обучающихся
2017, сентябрь	47	56	50	26	89	268

В опросе участвовало 268 обучающихся, из них количество обучающихся, удовлетворенных – 47 / 17,5 %, частично удовлетворенных – 56 / 20,8 %, полностью удовлетворенных – 50 / 18,6 %, не удовлетворенных – 26 / 9,7 %, 89 / 33,2 % не смогли ответить.

Таблица 4

Удовлетворенность родителей качеством образовательной деятельности по удовлетворению языковых прав и этнокультурных потребностей

Родители	Удовлетворены	Частично удовлетворены	Полностью удовлетворены	Не удовлетворены	Затрудняюсь ответить	Всего
2017, сентябрь	24	31	45	36	32	168

В опросе участвовало 168 родителей, количество удовлетворенных – 24 / 14,2 %, частично удовлетворенных – 31 / 18,4 %, полностью удовлетворенных – 45 / 26,7 %, не удовлетворенных – 36 / 21,4 %, 32 / 19,0 % не смогли ответить.

Проводя мониторинг удовлетворенности УЯПиЭП, мы понимали, что должны разделить понятия «удовлетворенность языковыми правами» и «удовлетворенность этнокультурными потребностями». Если первое более всего связано с языками, и прежде всего с родным языком, то второе – с возможностью реализации себя в этнокультурной среде.

Совместная комиссия педагогов, обучающихся и родителей попыталась в рамках нашей школы составить методику для проверки УЯПиЭП. Мы подобрали критерии для этих составляющих, а также попробовали посмотреть расхождения между мнениями обучающихся и их родителей (законных представителей), т.к. из наблюдений и собеседований выяснилось, что их мнения во многом не совпадают. Удовлетворенность обучающихся и родителей оценивалась по 100-балльной системе, где один критерий включает 10 баллов, приравненных к 10 %. Результаты представлены в таблицах 5, 6.

Таблица 5

Удовлетворенность обучающихся по УЯПиЭП

№ п/п	«Удовлетворенность языковыми правами»	2017	«Удовлетворенность этнокультурными потребностями»	2017
1	Свободный и добровольный выбор языка обучения	5	Участие в мероприятиях на родном языке (возможность)	5
2	Свободный и добровольный выбор языка изучения	6	Участие в конкурсах, смотрах, фестивалях на марийском языке (возможность)	9
3	Свободный и добровольный выбор ИКН	3	Исполнение песен на марийском языке (возможность)	6
4	Свободный и добровольный выбор экзамена по выбору	10	Исполнение стихотворений на марийском языке (возможность)	6
5	Свободный и добровольный выбор дополнительных внеурочных занятий	8	Исполнение марийских танцев (возможность)	5
6	Вывески на двух государственных языках	3	Исполнение национальной музыки, слушание (возможность)	7
7	Разговор, общение между собой на двух государственных языках	3	Ношение национальной одежды (возможность)	6
8	Выдача документов на двух государственных языках	2	Возможность читать на родном языке (художественную литературу, периодику)	8
9	Прием граждан на двух государственных языках	5	Возможность выступать в театре, на радио, телевидении на родном языке	5
10	Прием электронных заявлений на двух государственных языках	0	Возможность вышивать, шить, заниматься резьбой на национальные темы	6
	Итого	45 %	Итого	63 %

Проведенный опрос показал, что «удовлетворенность языковыми правами» – 45 %, а «удовлетворенность этнокультурными потребностями» – 63 %.

Таблица 6

Удовлетворенность родителей по УЯПиЭП

№ п/п	«Удовлетворенность языковыми правами»	2017	«Удовлетворенность этнокультурными потребностями»	2017
1	Свободный и добровольный выбор языка обучения	9	Участие в мероприятиях на родном языке (возможность)	3
2	Свободный и добровольный выбор языка изучения	5	Участие в конкурсах, смотрах, фестивалях на марийском языке (возможность)	2
3	Свободный и добровольный выбор ИКН	5	Исполнение песен на марийском языке (возможность)	4
4	Свободный и добровольный выбор экзамена по выбору	9	Исполнение стихотворений на марийском языке (возможность)	3
5	Свободный и добровольный выбор дополнительных внеурочных занятий	5	Исполнение марийских танцев (возможность)	3
6	Вывески на двух государственных языках	8	Исполнение национальной музыки, слушание (возможность)	6
7	Разговор, общение между собой на двух государственных языках	8	Ношение национальной одежды (возможность)	7
8	Выдача документов на двух государственных языках	5	Возможность читать на родном языке (художественную литературу, периодику)	5
9	Прием граждан на двух государственных языках	10	Возможность выступать в театре, на радио, телевидении на родном языке	3
10	Прием электронных заявлений на двух государственных языках	8	Возможность вышивать, шить, заниматься резьбой на национальные темы	6
	Итого	72 %	Итого	42 %

Проведенный опрос показал, что у родителей «удовлетворенность языковыми правами» – 72 %, а «удовлетворенность этнокультурными потребностями» – 42 %.

Для выявления эффективности этнопедагогической деятельности в Национальной президентской школе-интернате мы использовали методику, связанную с анкетированием обучающихся «Мои ожидания по УЯПиЭП в Национальной президентской школе-интернате». В анкетировании приняли участие 308 обучающихся. Цель анкетирования – выявить степень удовлетворенности обучающихся по УЯПиЭП в Национальной президентской школе-интернате.

Дети должны были прочитать утверждения и оценить степень согласия с их содержанием по следующей шкале: 4 – совершенно согласен, 3 – в основном согласен, 2 – трудно сказать, 1 – в основном не согласен, 0 – совершенно не согласен.

Утверждения: 1. «Я не жалею, что поступил в Национальную президентскую школу-интернат». 2. «Я с радостью хожу в школу-интернат». 3. «Я с радостью хожу в школу искусств». 4. «У нас хорошие педагоги». 5. «Мне нравятся педагоги, которые ведут марийские занятия». 6. «Я дружу с детьми другой национальности». 7. «Я с удовольствием хожу на уроки марийского языка». 8. «Я с удовольствием хожу на мероприятия на марийском языке».

Показателем удовлетворенности детей (У) является частное от деления общей суммы баллов на общее количество ответов. У = общая сумма баллов / общее количество ответов. Если У больше 3, то можно констатировать высокую степень удовлетворенности, если же У больше 2, но меньше 3, то это – средняя и низкая степени удовлетворенности обучающихся по УЯПиЭП в Национальной президентской школе-интернате. Результаты удовлетворенности по УЯПиЭП в Национальной президентской школе-интернате показаны в таблице 7.

Анализ результатов показал следующую картину: 29 % респондентов-обучающихся показали высокую степень по УЯПиЭП в Национальной президентской школе-интернате. Они отмечают, что им нравится в школе-интернате, не жалеют, что поступили в Национальную президентскую школу-интернат,

Таблица 7

Результаты удовлетворенности по УЯПиЭП
в Национальной президентской школе-интернате

№	Утверждения	Степень согласия				
		4	3	2	1	0
1	Я не жалею, что поступил в НПШИ	78	100	80	30	20
2	Я с радостью хожу в школу-интернат	82	111	40	30	45
3	Я с радостью хожу в школу искусств	100	102	56	30	20
4	У нас хорошие педагоги	120	109	65	12	2
5	Мне нравятся педагоги, которые ведут марийские занятия	82	73	75	52	26
6	Я дружу с детьми другой национальности	101	41	126	28	12
7	Я с удовольствием хожу на уроки марийского языка	121	121	29	16	21
8	Я с удовольствием хожу на мероприятия на марийском языке	89	57	18	66	78

с радостью занимаются и в школе-интернате, и в школе искусств, им нравятся педагоги, в т.ч. учителя марийского языка, нравятся как учебные, так и внеурочные занятия, и они без проблем общаются со сверстниками других национальностей.

высокая степень удовлетворенности обучающихся деятельностью по уяпиэп в национальной президентской школе-интернате является показателем эффективности этнопедагогической деятельности в национальной президентской школе-интернате.

У 68 % респондентов-обучающихся выявлена средняя степень удовлетворенности по УЯПиЭП в Национальной президентской школе-интернате. Эти обучающиеся, отвечая на вопросы, отметили, что им «нравится в школе-интернате, но им тяжело заниматься по двум образовательным программам, если кому-то больше нравится в школе-интернате и не нравится в школе искусств, то другие отмечают наоборот; хотя многие не жалеют, что поступили в Национальную президентскую школу-интернат, но желают продолжить предпрофильное обучение в соответствующих образовательных организациях; с удовольствием занима-

ются и в школе-интернате, и в школе искусств, но это их «напрягает» в силу подготовки еще и к ВПР, НИКО и ГИА. Детям нравятся педагоги, в т.ч. учителя марийского языка, но им кажется, что они слишком требовательны; они не видят проблем общения со сверстниками других национальностей. В целом их устраивают этнопедагогические условия, созданные в Национальной президентской школе-интернате. Интерес для них представляют современные методы и этнопедагогические технологии. Ответы обучающихся были очень важны для оценки работы Национальной президентской школы-интерната по УЯПиЭП и внесения коррективов в План реализации Программы развития школы. Ответы обучающихся были интересны и разнообразны.

Пять процентов респондентов-обучающихся показали, что у них низкая степень удовлетворенности от деятельности по УЯПиЭП в Национальной президентской школе-интернате. Им не нравятся условия, в которых они обучаются, не интересны проводимые занятия и мероприятия, они не хотят учиться в данной школе, предпочитают перейти в другую школу. Нам важны были причины: эти дети поступили или перешли в нашу школу по причине желания родителей или без учета их интересов были определены родителями, которые уехали на заработки; сироты под опекой бабушек, которые не справляются с ними, а также дети, которых устраивает интернатная жизнь.

Диагностика и мониторинг помогают нам корректировать свою деятельность.

Удовлетворение языковых прав и этнокультурных потребностей обучающихся – наша повседневная работа, а воспитание этнического самосознания, «осознания членами этноса своей принадлежности к нему, общности происхождения через восприятие языка, культуры и быта» [3, с. 17] – требование времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» // Вестник образования. – № 3–4. – Изд-во «ПРО-ПРЕСС», 2013. – С. 159.

2. *Иксанова Л.Г.* Работа Национальной президентской школы-интерната по удовлетворению языковых прав и этнокультурных потреб-

ностей обучающихся // Этническая культура. – Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2020. – № 2 (3). – С. 118.

3. *Чуриков И.А.* Этнопедагогика народа мари: Уч. пособие для вузов. – М.: Академический проект: Трикста, 2005. – 304 с.

УДК 316.4

О.В. Орлова,
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Марийского научно-исследовательского института языка,
литературы и истории им. В.М. Васильева

O.V. Orlova,
Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher,
Mari Research Institute of Language,
Literature and History named after V.M. Vasilyev

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

THE SOCIOLOGICAL DIMENSION OF INTERETHNIC AND INTER-RELIGIOUS RELATIONS

Аннотация. В статье представлены результаты социологического мониторинга «Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл».

Ключевые слова: социологические исследования, этноконфессиональная ситуация.

Abstract. The article presents the results of the sociological monitoring ‘Inter-religious and interethnic relations in the Republic of Mari El’.

Keywords: sociological research, the ethnic and religious situation.

Ситуацию в сфере этноконфессиональных отношений в республике на протяжении последних десятилетий можно характеризовать как спокойную. Это подтверждают результаты социологических исследований МарНИИЯЛИ «Межконфессиональные

и межнациональные отношения в Республике Марий Эл». Для проведения исследований рассчитывается квотная многоступенчатая выборка по полу, возрасту, месту жительства и национальной принадлежности, что позволяет говорить о репрезентативности исследований. Опрос проводится по месту жительства респондентов методом формально-стандартизированного интервью. Исследования преемственно связаны с ранее проведенными социологическими исследованиями.[1]

По результатам проведенных исследований в 2018–2021 гг. можно проследить конфессиональную принадлежность верующих респондентов. Данные исследования подтверждают результаты предыдущих исследований: большинство верующего населения республики является приверженцами традиционных для республики конфессий – православия, марийской традиционной религии и ислама; православными назвали себя 50 % респондентов (2018 – 51 %; 2019 – 50,3 %; 2020 – 54,8 %; 2021 – 50,1 %), соблюдают марийскую традиционную религию – 5 % (2018 – 5,8 %; 2019 – 4,4 %; 2020 – 4,2 %; 2021 – 6,2 %), кроме того, в республике есть двоеверцы, которые исповедуют в равной

[1] Межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2001 года): науч.-статист. бюллетень Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. 152 с.; Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл // Социологические исследования межнациональных и межконфессиональных отношений. Йошкар-Ола, 2013. С. 163–431; Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2015 года): науч.-статист. бюллетень / МарНИИЯЛИ. Йошкар-Ола, 2016. 180 с.; Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2018 года): науч.-статист. бюллетень / МарНИИЯЛИ. Йошкар-Ола, 2018. 191 с.; Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2019 года): науч.-статист. бюллетень / МарНИИЯЛИ. Йошкар-Ола, 2020. 194 с.; Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2020 года): науч.-статист. бюллетень / МарНИИЯЛИ. Йошкар-Ола, 2021. 202 с.

степени православие и марийскую традиционную веру – 13 % (2018 – 14,4 %; 2019 – 13,2 %; 2020 – 7,9 %; 2021 – 8,8 %), приверженцев ислама – около 6 % (2018 – 5,7 %; 2019 – 5,8 %; 2020 – 5,6 %; 2021 – 5,6 %).

Размышляя о месте и роли религии в жизни нашей страны, большинство респондентов считают, что в стране (в особенности, многонациональной) не должно быть государственной религии, за каждым народом и каждым человеком должно быть признано право свободного вероисповедания (2018 – 69,4 %; 2019 – 61,6 %; 2020 – 58,7 %; 2021 – 67,4 %).

Респонденты отметили, что религия способствует воспитанию российского патриотизма, но менее оценивают возможность религии противостоять экстремизму.

Оценивая межконфессиональные отношения в Республике Марий Эл, респонденты в большинство своем считают их спокойными. Большинство респондентов ответили, что в республике невозможны конфликты на религиозной почве (2018 – 69,7 %; 2019 – 68,7 %; 2020 – 74,8 %; 2021 – 73,3 %), но часть респондентов не исключают возможности возникновения таких конфликтов (2018 – 10,8 %; 2019 – 8,2 %; 2020 – 5,2 %; 2021 – 9,6 %), остальные затруднялись ответить. В будущем, считает большинство респондентов, изменений межконфессиональных отношений не будет (2018 – 56,7 %; 2019 – 54,9 %; 2020 – 56,9 %; 2021 – 56,5 %), и даже эти отношения будут становиться спокойнее (2018 – 13 %; 2019 – 11 %; 2020 – 10,6 %; 2021 – 13 %), только часть респондентов видят возможность осложнений (2018 – 4,7 %; 2019 – 4,2 %; 2020 – 2,6 %; 2021 – 6 %).

Говоря об отношениях между людьми разных религиозных взглядов в республике, респонденты в основном считают их хорошими (2018 – 69,9 %; 2019 – 68,9 %; 2020 – 72,2 %; 2021 – 68,1 %), но высказывают мнение: «внешне все спокойно, но напряженность ощущается» (2018 – 13,9 %; 2019 – 10,9 %; 2020 – 10,3 %; 2021 – 13,7 %), «отношения напряженные, случаются конфликты» (2018 – 1,3 %; 2019 – 1,4 %; 2020 – 1,1 %; 2021 – 1,8 %). Остальные респонденты затруднялись ответить.

Но вместе с тем респонденты отметили существование противоречий между религиозными организациями, основные

противоречия, отмеченные респондентами, – «православие – ислам» (2018 – 19,3 %; 2019 – 15,7 %; 2020 – 17,1 %; 2021 – 18,8 %), «между исламскими конфессиями» (2018 – 7,6 %; 2019 – 8 %; 2020 – 3,8 %; 2021 – 12,5 %), но большинство затруднялись с ответом (2018 – 62,5 %; 2019 – 67,1 %; 2020 – 68,4 %; 2021 – 61,3 %).

Обращает на себя внимание невысокое мнение респондентов о роли религии в урегулировании межнациональных отношений. Только пятая часть респондентов считают, что религии улучшают межнациональные отношения (2018 – 23,8 %; 2019 – 20,4 %; 2020 – 20,7 %; 2021 – 28,5 %). А 19 % в 2018 г., 16 % в 2019 г., 17 % в 2020 г. и 21 % в 2021 г. респондентов ответили, что религии осложняют межнациональные отношения. Более половины респондентов затруднялись дать ответ.

На протяжении длительного исторического периода социологические исследования, проведенные в республике, фиксировали достаточно спокойные отношения населения в сфере межнационального общения. Говоря об общении, респонденты отметили, что национальность человека не имеет значения (2018 – 85,3 %; 2019 – 83 %; 2020 – 84,1 %; 2021 – 86,5 %). Большинство респондентов не испытывают затруднения при общении с людьми других национальностей (2018 – 66,5 %; 2019 – 65,8 %; 2020 – 70,4 %; 2021 – 67,4 %), но более трети в разной степени испытывают незначительные трудности. Основные причины затруднения в общении респонденты называют следующие: «мое незнание их языка», «мое незнание их характера, обычаев, традиций», «незнание ими моего языка».

Материалы исследования показывают достаточно высокий уровень национального самосознания у населения республики. На формирование национального самосознания, по мнению респондентов, в большей мере влияют семья и родители, круг общения. Факторы, которые в большей степени сближают людей одной национальности, по мнению респондентов, – язык, народные обычаи, историческое прошлое.

Оценивая отношения между представителями разных национальностей в республике, большинство респондентов отметили их как «хорошие» и «удовлетворительные» (2018 – 88,6 %;

2019 – 86,6 %; 2020 – 87,7 %; 2021 – 90,8 %) и только в пределах 3 % оценили межнациональные отношения как «неудовлетворительные», остальные не ответили или затруднялись дать оценку.

Подавляющее большинство респондентов не сталкивались в республике с оскорблением их национального достоинства. Хотя незначительная часть респондентов отметили, что были случаи оскорбления их национального достоинства в общественных местах, в сфере обслуживания.

В основном респонденты отметили, что они не сталкивались в республике с дискриминацией, ущемлением своих прав, но некоторые отмечали и факты ущемления своих прав по национальной принадлежности, из-за родного языка, по вероисповеданию, по идейно-политическим убеждениям. Но большинство респондентов отметили, что случаев ущемления прав не было (2018 – 68,4 %; 2019 – 68,1 %; 2020 – 81,6 %; 2021 – 78,8 %).

Респонденты ответили, что в Республике Марий Эл невозможно возникновение межнациональных конфликтов (2018 – 62,2 %; 2019 – 61,4 %; 2020 – 58,6 %; 2021 – 65,9 %), но около десятой части респондентов не исключают такой возможности.

Основными причинами возникновения межнациональных конфликтов в России респонденты назвали «Кому-то выгодно искусственное раздувание национального вопроса», «Приезд мигрантов», «Различие в уровнях жизни, образования и т.д.», «Отсутствие должного внимания к национальному вопросу со стороны государственной власти», «Дискриминация коренного населения региона».

Одним из вопросов гармоничных межнациональных отношений в полиэтничном регионе является языковая ситуация. Как отметили подавляющее большинство респондентов, родной язык – один из главных факторов, в большей степени сближающий людей одной национальности. Большинство респондентов назвали родным языком русский (2018 – 47,2 %; 2019 – 48,3 %; 2020 – 48,4 %; 2021 – 48,2 %), марийский (2018 – 29,3 %; 2019 – 30,5 %; 2020 – 32,1 %; 2021 – 30,7 %), татарский (2018 – 5,8 %; 2019 – 5,3 %; 2020 – 5 %; 2021 – 4,9 %) и другой национальный язык, кроме того, респонденты назвали и два родных языка: русский и марийский, русский и татарский, русский и другой язык.

В заключение отметим, что ситуацию в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений исследователи считают достаточно спокойной, что подтверждают и материалы социологического мониторинга МарНИИЯЛИ «Межнациональные и межконфессиональные отношения в Республике Марий Эл». В руководящих органах республики уделяется серьезное внимание выполнению законодательства в сфере межнациональных, межконфессиональных отношений и языковой политики. На заседаниях комиссий и советов рассматриваются актуальные для республики вопросы. Представители всех народов, проживающих в республике, имели возможность успешно реализовывать и осуществлять этнокультурную деятельность в рамках международных, всероссийских, республиканских и муниципальных проектов. Верующие жители республики свободно участвовали в богослужениях своих конфессий и проводимых религиозными организациями мероприятиях.

УДК 398.2

Г.Е. Шкалина,
доктор культурологии, профессор
кафедры культуры и искусств
ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»

G.E. Shkalina,
Doctor of Cultural Studies,
Professor of the Department of Culture and Arts,
Mari State University

ЭТИОЛОГИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ НАРОДОВ УРАЛЬСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ

ETIOLOGIC NARRATIVES OF THE PEOPLES OF THE URALIC LANGUAGE FAMILY

Аннотация. В работе освещается проблема сотворения мира в нарративах финно-угорских народов, их онтологическое и аксиологическое самовыражение. Особенность этиологических

нарративов финно-угорских народов заключается в определенном наборе кодов, вновь и вновь возрождающих истоки времен. Сделан вывод о том, что Полярная звезда с древнейших времен в духовной традиции финно-угорских народов играла роль Перводвигателя, вокруг которого вращается небесная твердь, а Уральский горный хребет понимается как Центр мира, Мировая Гора, Мировое Дерево, как место встречи Неба и Земли.

Ключевые слова: этиологические мифы, нарративы, финно-угорские народы, миф о ныряющей птице, марийский эпос «Югорно», Полярная звезда, Мировая ось.

Abstract: The paper highlights the problem of the creation of the world in the narratives of the Finno-Ugric peoples, their ontological and axiological self-expression. The peculiarity of the ideological narratives of the Finno-Ugric peoples lies in a certain set of codes reviving the origins of times over and over again. It is concluded that the North Star has played the role of a Prime Mover in the spiritual traditions of the Finno-Ugric peoples since ancient times, around which the firmament revolves, and the Ural Mountain Range is understood as the Center of the world, the World Mountain, the World Tree, as the meeting place of the Heaven and the Earth.

Keywords: etiological myths, narratives, Finno-Ugric peoples, the myth of the diving bird, the Mari epic ‘Yugorno’, the North Star, the World Axis.

Этиологические традиции составляют архаичное ядро этнической культуры, среди которых особую ценность имеют древние мифы, героические сказания. Как правило, вокруг них складывается целостный нарратив народа, его онтологическое и аксиологическое самовыражение. Нарратив (лат. narrare – рассказывать, повествовать) как модус бытия этиологического текста представляет собой объективизированное представление о мире, неразрывной частью которого является сам человек. Ценностное ядро этиологического нарратива – это священная история, рассказ о «Первовремени» (Правремени, Времени Изначальности), о некоем «творении», о происхождении Космоса из Хаоса. Мифическое Правремя – «сильное» время, так как в нем присутствует актив-

ное, творческое сверхъестественное существо. Как писал известный мифолог М. Элиаде, «персонажи мифа – существа сверхъестественные, как правило, общеизвестные, так как действуют в легендарные времена «начала всех начал». Миф раскрывает их творческую активность и обнаруживает сакральность (или просто сверхъестественность) деяния таких существ. В целом миф описывает различные, иногда драматические, мощные проявления священного (или сверхъестественного) в этом мире. Именно эти проявления явились реальной основой создания мира и сделали его таким, каков он есть сегодня» [8, с. 19].

Мифы о происхождении мира и его частей постоянно переосмысливаются субъектами культуры, любая новая ситуация обосновывается ими в зависимости от течения времени. От этого космогонический миф становится все более полным и завершенным, ибо в нем всегда есть рассказ о том, каким образом этот мир был изменен – в лучшую или худшую сторону.

В древние времена миф о сотворении не описывал событие в отдалённом прошлом, а рассказывал нечто важное о настоящем. Он утверждал, что творчество всегда требует самопожертвования и героической борьбы. Люди хотели подключиться к мощному источнику энергии, который некогда создал мир. Поэтому они читали рассказы о сотворении, когда нуждались в притоке сакральных сил: во время политического кризиса, массовой болезни или строительства нового дома. Каждой культуре присущи свои рассказы о сотворении мира – каждый со своим уроком. Мифы были не буквальными разъяснениями, а попытками иносказательно выразить впечатление о невыразимой, слишком сложной реальности. Для древних людей земное бытие выглядело слишком коротким, над ним постоянно нависала тень смерти. А подражая деяниям богов, человек в какой-то мере обретал их силу и значительность. Поэтому считалось, что именно боги научили людей строить жилища и храмы, подобные обителям божеств в высшем царстве. Священный мир богов на Небе, изложенный в мифах, – это идеал, к которому следует стремиться людям; это прообраз человеческого существования, изначальный архетип, высший образец, определяющий жизнь на Земле. Все земное представляет собой отражение мира божественного –

такая мысль пронизывала мифологию, обряды и общественный уклад большинства народов древности; она до сих пор господствует во многих традиционных культурах.

Небесный свод во все времена свидетельствовал о бесконечной высоте, вечности, трансцендентности. Все древние цивилизации выразили идеи божественного понятиями *Высший, Сияющий, Небо*. Тем не менее ни в одной из первобытных религий нет Верховного небесного существа, которое играло бы ведущую роль в религии. Верховное небесное Божество впоследствии либо слилось с Богом Солнца, либо – с божеством Луны, либо его место занял политеизм (многобожие). В большинстве мифов Верховный Бог изображается пассивным и беззащитным, неспособным контролировать события. У него нет ни жрецов, ни храмов, ни устойчивой мифологии; люди призывали его лишь в экстренных случаях. Впоследствии его называли Первопричиной, или Перводвигателем, он стал Deus otiosus («бесполезным», «лишним», «отдыхающим» Божеством). Так он оказался оттесненным другими персонажами. «Некоторые коренные народы – пигмеи, австралийцы, огнеземельцы – и сегодня говорят о Верховном Боге, который создал Небо и Землю, однако он умер или исчез – «больше не заботится», он «отдалился от нас» [8, с. 120–121]. Далее в мифах Верховного Бога теснит, а то и низлагает, более молодое и динамичное поколение богов: это боги бури, войны, символизирующие важные и актуальные реальности. Например, в древнегреческом мифе Уран небесный Бог-царь был низвержен своим сыном Кроном. Впоследствии самого Крона сверг его сын Зевс, глава более молодого поколения богов, занявших место на горе Олимп.

У уральских народов представления о едином Верховном Боге также сводятся к небесным божествам – финскому Юмала, Йомаля у коми, Йомали у загадочных биармов, Юбмел у саамов, Юмо у мари. Со временем они также претерпевают изменения – появляется новое поколение божеств: финский и карельский Ильмаринен, удмуртский Инмар, Ен у коми и др. [4, с. 7]. Великая Рождающая Мать заняла также почетное место среди других древних божеств. Например, марийская *Шочын Ава* появляется в мифе в образе Утки. Ее небесным гнездом явилось созвездие

Плеяда (*Лудо пыжаш*). Рождение четырех стихий – Воды, Воздуха, Земли, Огня – привело к тому, что у Утки появились два селезня – *Юм* и *Йын* (впоследствии получивший имя *Керемет*), которые маркируются как единство положительного и отрицательного.

Финно-угорские народы издревле представляли население лесных просторов Северо-Восточной Европы и Западной Сибири наряду с близкородственными самодийскими народами Крайнего Севера. Языки этих народов входят в единую уральскую семью. В мировоззренческой системе финно-угорских народов Уральские горы – это становой хребет Земли, Мировая гора, Мировая ось. Горы, мифические или реальные, расположенные в Центре Мира, упоминаются в многочисленных культурах: Меру в Индии, Харабересаити в Иране, Гора Стран в Месопотамии, Фудзияма в Японии, Куньлунь в Китае, Геризим в Палестине, впоследствии получивший название *Пуп Земли*. Все народы мира связывают символику священной горы с такими фундаментальными понятиями, как божественная чистота, первозданная красота, гармония. В данном контексте мы говорим о значении Уральских гор для финно-угорских и самодийских народов, отдельно подчеркнув историческую роль горы *Чумбылат* в традиционных верованиях мари. Все эти представления выражают одно и то же религиозное чувство: ***наш мир*** – это Святая земля, потому что это место наиболее приближено к Небу (Богу).

Обширная евразийская территория по разные стороны Уральского горного хребта, на которой обитали древние финно-угорские народы, была покрыта таежными лесами. В эпоху палеолита и мезолита в космогонических представлениях древних охотников одно из главных мест занимал лось (олень). Он воплощал Вселенную, был символом Солнца [3, с. 58]. В карело-финском эпосе «Калевала» приводится древнейший миф о великой священной охоте хитрого Лемминкяйнена, пытавшегося на лыжах догнать гигантского небесного лося Хийси. Однако он не может этого сделать, так как мечтает о шкуре неубитого зверя для любовных утех. Неудача Лемминкяйнена связана с запретом, который он нарушил, помышляя о мирском [1, руна 13]. После неудачи охотник превратился в Полярную звезду, его следы на

лыжах – в Млечный Путь, лось – в созвездие Лося (впоследствии – Большая Медведица). Герой марийского эпоса «Югорно» Салий также имел желание охотиться на «божественного Лося», но не успел:

И решил добыть я Лося,
Того Лося, на котором,
На златых рогах качаясь,
Выезжает утром Кече
Осмотреть свои владенья.
Я бежал быстрее ветра,
Чтобы выйти на дорогу,
По которой он проедет,
И Вияш послать навстречу.
Пусть она подскажет богу,
Что желают люди чуда –
Что хотят владеть рогами
От божественного Лося

[Спиридонов, 2002, с. 28].

Показательно то, что в более ранних марийских мифах Бог Солнца (*Кече Юмо*) ежедневно объезжает свои владения, сидя на рогах Лося, а в более поздних нарративах – на конной повозке.

У многих народов есть представление о том, что Полярная звезда удерживает небесный шатер, подобно главному шесту (столбу) жилища человека. Другие же звезды воспринимались как привязанные к Полярной звезде и постоянно вращающиеся вокруг нее. Невидимая нить-ось (подобно пуповине) тянется от основного столба человеческого жилища до центрального Столба небесного шатра – Полярной звезды. Культ небесного лося/оленя повсеместно представляет собой наиболее древнюю стадию жизни людей. Со временем у народов, давно перешедших к земледелию, представления о небесном родоначальнике лосе «выветрились». Однако они сохранились у сибирских племен. Например, «особого внимания заслуживают представления эвенков о космическом лосе Хэглэн (Хэглун), отождествляемом с созвездием Большой Медведицы. Согласно этим представлениям, видимое голубое небо – не что иное, как тайга верхнего мира. В ней живет космический лось Хэглэн. На день лось

уходит в чащу небесной тайги, и потому его не видно с земли людям; к ночи лось выходит на вершины хребтов, и его, наиболее мощного среди остальных небожителей-звезд, люди видят с земли. Судя по тому, что созвездие Малой Медведицы фигурирует в этих представлениях как теленок Хэглэн, можно заключить, что космический образ лося понимается при этом как образ матери-лосихи» [5, с. 12]. По сюжету эвенкийский миф о космическом лосе Хэглэн, похищающем солнце и уносящем его в небесную тайгу, содержит имя богатыря Майна, выступающего в роли духа-охранителя, устанавливающего и охраняющего смену Дня и Ночи. Майн бросается в погоню за лосем на крылатых лыжах, к полуночи настигает его и возвращает людям очередной День. Богатый нарративный материал эвенков демонстрирует наличие трех уровней информации: самый архаичный пласт – предания о небесной лосихе с теленком и о солнечном лосе/олене, затем идут легенды о небесном медведе, что объясняет смену названий созвездий (вместо «Сохатого» или «Лося» – «Большая Медведица»), и наиболее поздней стадией является время появления легенды о человеке-богатыре по имени Майн, становящемся хозяином Верхнего мира [5, с. 15].

Марийская астральная мифология также содержит культ Матери зверей в виде лосихи с лосенком: *Шордышӱдыр* – Лось-звезда в значении Полярной звезды (Большая Медведица) и *Шордо презе* (Малая Медведица); Млечный Путь получил название *Кавасе Кайыккомбо корно* – Небесная Дорога диких гусей. В мифе говорится о том, что с наступлением холодов дикие гуси огромными стаями летели в южные края. Некоторые из них уставали в пути и отставали от стаи. Чтобы они не заблудились, стая оставляла вдоль пути белые перышки. Так образовался Млечный Путь. Существует более ранняя версия о том, что небесные стада Верховного Бога приходили к водопою – великой небесной реке, которую олицетворял Млечный Путь, понимаемый как видимое с земли начертание Мировой оси – космического Столба (*Кава меҥге*), поддерживающего небеса и связывающего их с землей.

Значительное число сверхъестественных персонажей и мифологических эпизодов представляют собой открытия каменного века. На всем протяжении эпохи неолита и до эпохи железа

древние художники высекали изображения на горных скалах. У уральских народов два ареала особенно богаты такими изображениями: Уральские просторы и район Онежского озера с побережьем Белого моря. На Урале преобладают изображения оленей, лосей и водоплавающих птиц: уток, гусей и лебедей, т.е. персонажей космогонических мифов. Есть также изображения светил (солнца, луны и других звезд) и охотничьих орудий (ловушек, бумерангов, каменных шаров-боласов и т.п.). Сюжеты карельских петроглифов сложны по композиции: сцены охоты, лодки с людьми. Главными героями этих наскальных сцен являются человек или полузооморфный персонаж (получеловек-полуживотное). Первобытные художники изображали Землю, как правило, при посредстве символических животных – парнокопытных (они ходят по земле). Пара оленей – это символ Земли. В искусстве уральских народов композиция строилась по закону симметрии, поэтому оленей, позже коней, изображали справа и слева от Мирового древа. Для искусства эпохи неолита характерны также изображения оленей с солярными символами (в некоторых мифах олень несет Солнце по небу). Семантика лося и оленя в декоративно-прикладном творчестве уральских народов говорит о продолжительной стадии их хозяйственного развития в эпоху камня. Образ лося в нарративных источниках часто дублируется образом оленя. Это происходило на тех территориях, на которых олень как промысловое и частично одомашненное животное превосходит лося. Историческая смена охотничьего хозяйства скотоводческо-земледельческим постепенно вытеснила образ лося образом коня. В определенный период в изображениях древних художников появляются смешанные сюжеты, где в одной фигуре соединены два равнозначных образа лося и коня, т.е. изображения полулосей-полуконей. В качестве примера можно привести экспонаты Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева: женские головные уборы сорока с вышитыми полулосями-полуконями, принадлежащие представительницам луговых мари Казанской и Нижегородской губерний во второй половине XIX в. Эти дихотомические существа указывают на этап, когда ещё не произошла полная трансформация образа лося в образ коня как функционально равнозначного.

В связи с этим можно вспомнить тексты «Калевалы», где лошадь называется то лосем, то оленем, то собственно лошадью [1, p. XIII–XIV, с. 107–108, 127–128, 310–313, 327–367]. Марийский эпос сообщает по этому поводу:

Ну а конь – в упряжке Кече
Лося старого заменит,
Что давно уж сбил копыта
На крутом небесном склоне
И, всё ниже оскользаясь,
Далеко от нас уходит
На границы окоёма…

[Спиридонов, 2002, с. 51].

Сосуществование культа лося и культа коня с равнозначной семантикой в традиционном мировоззрении финно-угорских народов указывает не только на появление производящей формы хозяйства, но и на активные взаимодействия этих народов с другими культурными мирами, например, индоиранским, в котором конь играл главенствующую роль.

Наряду с лосем, ставшим впоследствии символом семьи, домашнего очага (соединение женского и мужского начал, продолжение рода), в марийской духовной традиции существуют еще два тотема, указывающие на первопредков: утка (*лудо*) и лесной хозяин медведь (*маска*), олицетворяющие мир женщин и мир мужчин. Артефакты древнего и средневекового периодов изобилуют изображениями этих тотемов, особенно много их в вышивках женских головных уборов, орнаментированных украшениях, декоре ритуальной утвари. В родоплеменную эпоху тотемическая система представляла собой нечто вроде современной паспортной системы или средневековой геральдики. Чтобы знать, какому роду ты принадлежишь, нужно было знать своего первопредка, свой родовой символ – т о т е м. «Характерно общее название тотемических первопредков у обских угров: «Все Крылатые и Ноги имеющие» [4, с. 37]. Среди «крылатых» тотемов уральских народов огромный массив нарратива посвящен водоплавающим птицам. Миф о ныряющей птице (МНП) занимает основополагающее место в мифологии огромного числа народов, и не только евразийского пространства. Птицами чаще всего являются

утки, селезни, гуси, гагары. Водоплавающая птица, или «творец в образе птицы», ныряет на дно первичного океана и приносит крупинку земли, из которой возникает суша. При этом внимание исследователей привлекают три основные темы: а) акт ныряния, б) добывание из-под вод мирового океана не всей земной тверди, а крохотного кусочка, из которого затем вырастает суша, в) водоплавающая птица в роли ныряльщика. Эта тема уже разработана в зарубежной и отечественной литературе, в которой многие авторы аргументируют вывод о генетической общности мифа о ныряющей птице, об их азиатских, урало-алтайских истоках [2]. Примечательно то, что у большинства уральских народов МНП является единственным мифом о возникновении земли, тогда как ни для одного алтайского народа МНП не является единственным мифом о творении. Существует, к примеру, паналтайский миф о поднятии земли рогами быка (или бивнями мамонта). Науке известны также более широкие азиатские и американские параллели: миф об Отце-небе и Матери-земле [9, s. 108–109]. Поэтому есть все основания полагать, что появление мифа о ныряющей птице в Восточной Европе связано с финно-угорскими народами, культурное влияние которых сказалось впоследствии на формировании народно-христианской традиции восточных славян и балтов, в которой также сложились мифы о добывании земли со дна первичного океана ныряющим творцом. Обращает на себя внимание то, что распространение мифа о нырянии водоплавающей птицы за землей в определенных частях Америки корреспондирует с распространением комплекса явлений материальной и духовной культуры, связывающих Старый и Новый Свет [7, с. 53–64].

Таким образом, особенностью этиологических нарративов финно-угорских народов является то, что их ценностные смыслы несут определенный набор кодов, вновь и вновь возрождают истоки времен. Символы в нарративах являются устойчивыми элементами определенного континуума, переносят текст как набор значений из одной культуры в другую, приобретая новые смысловые значения и не утрачивая предыдущие. Полярная звезда с древнейших времен в духовной традиции финно-угорских народов играла роль Перводвигателя, вокруг которого вращается

небесная твердь. В преданиях ее сравнивали с небесным гвоздем, пупком мира, опорой солнца и т.д. Уральский горный хребет понимается как Центр мира, Мировая Гора, Мировое Дерево – точка соприкосновения сакрального пространства и времени, место встречи Неба и Земли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калевала: Финский народный эпос / пер. Л.П. Бельского. – М.; Л.: Academia, 1933.

2. *Напольских В.В.* Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: Данные мифологической реконструкции (приуральский космогонический миф) // Материалы к серии «Народы Советского Союза». Вып. 5: Народы уральской языковой семьи. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, 1991.

3. *Павлова А.Н.* Семиотика костюма волжских финнов I–II тыс. н.э. Монография. – Йошкар-Ола, 2004.

4. *Петрухин В.Я.* Мифы финно-угров. – М., 2005.

5. *Рыбаков Б.А.* Космогоническая символика чудских шаманских бляшек и русских вышивок //Финно-угры и славяне. – Л., 1979. – С. 7–34.

6. *Спиридонов А.Я.* Югорно. Песнь о вещем пути: эпос мари / пер. с рус. А.И. Мокеева. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2002.

7. *Шкалина Г.Е.* Традиционная культура народа мари. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2003.

8. *Элиаде М.* Аспекты мифа. – М.: Академический проект, 2010.

9. *Harva U.* Die religiosen Vorstellungen der altaischen Völker // Folklore Fellow Communications. – Helsinki, 1938.

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
В РЕСПУБЛИКЕ МАРИЙ ЭЛ:
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы Межрегиональной
научно-практической конференции,
посвященной 100-летию Республики Марий Эл
и 90-летию МарНИИЯЛИ
(г. Йошкар-Ола, 30 сентября – 1 октября 2020 г.)

ISBN 978-5-94950-121-4

Редактор *Л.К. Александрова*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Дизайн обложки *Ю.А. Васильева, З.Г. Воронцовой*

12+ Знак информационной продукции
согласно ФЗ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ

Оригинал-макет подготовлен к печати в МарНИИЯЛИ.
424036, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44.
Телефон: (8362) 64-19-28, 45-25-92
Т. факс (8362) 45-14-73
E-mail: marnii@mari-el.ru

Подписано в печать 19.07.2023. Формат 60x90/16.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 22,5. Печать офсетная.
Заказ № 1310. Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО ИПФ «Стринг»
424006, Россия, Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола, ул. Строителей, 95,
корпус 101А, помещение 12-12А